

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 11 (77). № 3

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2025

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
протокол № 7 от 22.09.2025 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф.	Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.
(главный редактор)	Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Ненарокова М. Р. – д. филол. н., проф.
(заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц.	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
(заместитель главного редактора)	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
(заместитель главного редактора)	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Егорова Л. Г. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
(ответственный секретарь)	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., доц.	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включены в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литературы) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки); с 21.02.2023 – по специальностям: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 Литературы народов мира; 5.9.3 Теория литературы; 5.9.6 Языки народов зарубежных стран; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.9.9 Медиакommunikation и журналистика; с 19.12.2023 – по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 22.09.2025 г. Формат 70х100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 15,9. Распространяется бесплатно.

Дата выхода в свет

Адрес учредителя и издателя: 295007, Республика Крым, г. Симферополь,
пр-т Академика Вернадского, д. 4. <http://sn-philol.cfuv.ru>

Отпечатано в Издательском доме

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2025 г.

1. ПО ДОЛГУ И ПРАВУ ПАМЯТИ

УДК 80 (821+81-11)+070

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-3-11

НАУКА И ЖИЗНЬ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

В. В. Орехов, Л. Г. Егорова

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: milage2704@gmail.com*

В статье обосновывается необходимость создания в журнале «Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Филологические науки» новой рубрики – «По долгу и праву памяти». Исходя из предназначения научного журнала, целесообразно размещать в этом разделе материалы, обладающие двумя основными качествами: с одной стороны, высокой мемориальной ценностью, с другой – аналитическим подходом, позволяющим осмыслить биографические, текстовые и затекстовые факты в широкой исторической ретроспективе. Стимулом к созданию нового раздела послужил высокий интерес современной филологии к военной тематике, особенно к исследованию функции, которая принадлежит в информационном и вооруженном противостоянии *Автору* и *Слову*. Однако содержание рубрики должно быть шире военного дискурса; она будет включать в себя исследования, посвященные литераторам, журналистам и ученым, внесшим весомый вклад в развитие отечественной словесности и филологической науки.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СВО, военная литература, военная журналистика, В. Ф. Дегтярев.

К 80-летию Великой Победы

16 января 2025 г. Президент Российской Федерации подписал указ «О проведении в Российской Федерации года Защитника Отечества» в целях, как гласит документ, «сохранения исторической памяти, в ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в благодарность ветеранам и признавая подвиг участников специальной военной операции» [20].

Указ нашел живой отклик, и с начала 2025 г. мы стали свидетелями соответствующих инициатив и мероприятий в разных уголках страны. Крым в этом отношении проявил себя активно, и причины тому очевидны. С одной стороны, Великая Отечественная война оставила в прошлом полуострова целый ряд трагических и героических страниц, которые навсегда останутся в летописях отечественной и мировой истории: Героическая оборона Севастополя, Евпаторийская и Керченско-Феодосийская десантные операции, освобождение Крыма, борьба подпольщиков, партизанское движение, скованное малыми масштабами и ресурсами наших гор, но давшее серьезные военные результаты и образцы мужества. С другой стороны, после развала Советского Союза память о Великой Отечественной войне воспринималась в Крыму как одна из главных нитей, связующих с большой Родиной. Именно поэтому в Крыму находили отторжение так называемые проекты по «переписыванию истории», а крымские ученые, архивисты, сотрудники музеев, журналисты с особым трепетом сохраняли и с особой настойчивостью популяризировали документы, реликвии, факты, отражающие истину той войны.

Эта деятельность уже сама по себе заслуживает исторического обзора и, думается, ждет своего исследователя. Пока же, не имея возможности подробно рассмотреть все аспекты темы, скажем лишь, что филологическая наука Крыма также вносила и продолжает вносить заметный вклад в дело увековечения памяти о Великой Отечественной войне, в изучение военной литературы и журналистики. В последние годы деятельность такого рода заметно активизировалась. В подтверждение тому напомним о двух наиболее ярких событиях нашей филологической научной жизни.

Война и Слово

Прежде всего, следует сказать о самом авторитетном и представительном собрании русистов в Крыму – Международном симпозиуме «Русский язык в поликультурном мире», приводящемся в рамках легендарного фестиваля «Великое русское слово», который проходит в Крыму с 2007 г. До возвращения полуострова в состав России фестиваль играл роль «свободной площадки» «для защиты русского языка и русской культуры в Крыму и других регионах Украины» [19, с. 6]. Это отражалось на специфике симпозиума: здесь закладывался научный и идеологический фундамент, позволяющий противостоять насильственной украинизации, а это закономерно стимулировало обсуждение, в том числе, и вопросов сохранения национальной памяти, исторической истины. В 2014 г. русский язык в Крыму вернул себе свободу, но почти одновременно наступило осознание, что удушение русского языка на региональном уровне являлось лишь одним из «тактических ходов» гораздо более масштабного и опасного процесса – искусственного размывания национальной идентичности, деконструкции национальной картины мира, отражаемой и закрепляемой в сознании посредством русского языка. Нет нужды рассуждать об инициаторах и «интересантах» происходящего; картина и без того достаточно прозрачна. Вопрос к филологии иной: как противостоять подобным угрозам, каков бы ни был их источник?

Поиски ответа привели организаторов симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» к ряду соображений, общая суть которых состоит в том, что нынешние условия требуют сосредоточить научный фокус на мировоззренческих константах, воплощаемых посредством русского языка и закреплённых в русском культурном тексте: в литературе, журналистике, публицистике, науке – во всем, что является продуктом нашего интеллектуального и исторического опыта. Это, в свою очередь, продиктовало необходимость междисциплинарного подхода и привлечения к работе, помимо лингвистов, литературоведов, историков журналистики, культурологов. Симпозиум продемонстрировал основные пункты сближения междисциплинарных интересов, и среди них военная литература и военная журналистика. Это симптоматично: военный текст – оголенный нерв национальной литературы; по этому тексту мы имеем возможность безошибочно определять, какие ценности остаются незыблемы, кому народ доверяет право говорить от своего имени, какую силу воздействия способно приобретать Слово.

Интерес к военной тематике оказался таков, что в 2024 г. в рамках симпозиума открылась специальная секция «Слово о подвиге и слово как подвиг: военная литература и журналистика», приуроченная к 80-летию освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков. Объяснимо, что основная часть материалов касалась Великой Отечественной войны [7; 10; 17 и др.], но характерно, что здесь также были представлены исследования, посвященные специальной военной операции [2; 3; 5 и др.]. Преемственная

связь современной военной журналистики с эпохой Великой Отечественной войны становится все очевиднее и многоаспектно обсуждалась на симпозиуме 2025 г., где «военная» секция продолжила работу и также содержала материалы и о Великой Отечественной войне, и об СВО [1; 6; 12; 18; 21 и др.].

Военная журналистика и традиция

В связи с этим нельзя не сказать еще об одном научном мероприятии, отражающем и общую актуальность военной тематики, и особое отношение к ней крымских ученых. Речь о Международном медиафоруме «Журналистика в период специальной военной операции», который впервые состоялся в Симферополе на площадке КФУ им. В. И. Вернадского 14–15 сентября 2023 г. Сколько можем судить, это было первое в стране научное мероприятие подобного рода. Замысел заключался в возможности собрать вместе ученых-теоретиков и действующих военных корреспондентов, чтобы обсудить основные тенденции нашей военной журналистики, которая с началом СВО, во-первых, заняла совершенно особое место в информационном пространстве, а во-вторых, начала чрезвычайно динамично осваивать новые тактики подачи материалов, переосмысливать роль военного корреспондента.

9 октября 2025 г. на той же площадке состоится третий форум этого цикла, но по итогам двух предыдущих уже можно сделать многие выводы. Так, форум показал, что тема современной военной журналистики объединяет ученых и практиков соответствующей отрасли, что, вообще говоря, зачастую является непростой задачей. Форум инициирован Институтом медиакommunikаций, медиатехнологий и дизайна КФУ им. В. И. Вернадского, но в качестве активных соорганизаторов выступают Крымское региональное отделение Союза журналистов России, АНО «ТРК “Крым”», Медиагруппа «Россия сегодня». Кроме того, оказалось достижимым установить прямые контакты между действующими военными корреспондентами и исследователями военной журналистики, а также студентами, осваивающими журналистское мастерство: в качестве спикеров в форуме участвовали известные военкоры О. Е. Курлаева, Д. А. Стешин, А. И. Коц и др. И наконец, отчетливо прослеживается, что и в творческом сознании военных корреспондентов, и в восприятии аудитории, и по наблюдениям исследователей, наша военная журналистика периода СВО продолжает традиции, заложенные военными корреспондентами Великой Отечественной войны. Военная журналистика сегодня – яркий этап давно длящегося, эволюционирующего творческого процесса, и его объективное осмысление возможно лишь в широком историческом контексте.

Жизнь как научный координатор

Руководствуясь сказанным, редакционная коллегия нашего журнала старается отдавать приоритет публикациям, посвященным Великой Отечественной войне и СВО [4; 8; 9; 11; 13–16 и др.]. В 2025 г. в журнале появилась рубрика «К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне». Мы, разумеется, сознавали важность публикаций на эту тему, но ориентировались исключительно на научное значение подаваемых в редакцию текстов. Между тем, сама жизнь подсказала, что исследование на актуальную тему выходит за пределы чисто научной сферы. Событие, о котором пойдет речь, настолько символично, что мы решили открыть в журнале новую рубрику «По праву и долгу памяти», о содержании которой скажем чуть позже. Пока же – о самом событии.

Во 2-м номере нашего журнала за 2025 г., в рубрике, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, была помещена статья профессора КФУ им. В. И. Вернадского Л. А. Ореховой «Сюжет “сын полка” в реалиях крымской партизанской борьбы: история Володи Дегтярева по материалам Крымского архива» [14]. На материале ранее не известных документов Государственного архива Республики Крым статья восстанавливает биографию ветерана, который в годы Великой Отечественной войны ребенком был принят в крымский партизанский отряд. Мальчик (1931 г. р.), судя по наградным листам, в 1942–1943 гг. «под руководством отца и матери» [14, с. 13] принимал участие в подпольной работе в Симферополе; родители были расстреляны немцами, и мальчик оказался среди партизан. Хотя в 1-ом партизанском отряде 4-ой бригады Володя Дегтярев числился «воспитанником», ему поручались вполне практические задачи. В частности, он был связным в диверсионно-разведывательной группе Ф. Ф. Волончука «Сокол», заброшенной в Крым в 1943 г. Выполнив задание, отряд «Сокол» вернулся на Большую землю, а вместе с ним был эвакуирован Володя Дегтярев. Далее подросток воспитывался в детском доме Краснодарского края.

В статье публикуются хранящиеся в архиве письма мальчика, адресованные в Крымский штаб партизанского движения. Володя рассказывает о жизни в детдоме, просит адреса своих недавних партизанских командиров в надежде, что они помогут ему вернуться на родину в Крым. Письма пронзительны сами по себе – и детской непосредственностью, и надеждой на помощь старших товарищей, и даже характерными грамматическими погрешностями. В научном же отношении они безусловно ценны тем, что воссоздают реальную психологию подростка, который будто послужил прототипом для традиционного сюжета «сын полка», реализованного не только в одноименной повести В. П. Катаева, но и в ряде других литературных и кинематографических произведений. Между тем, все эти произведения не «списывались» с биографии Володи Дегтярева, о которой до сих пор мало что было известно. Но тем и ценна для нас эта биография – она убедительно демонстрирует, что сюжет «сын полка» не результат идеализации, а художественное обобщение, обладающее исторической достоверностью. В нашу эпоху попыток «переоценить» и «переписать» прошлое такой вывод чрезвычайно важен и совершенно убедителен, поскольку основан на реальных документах эпохи.

Таково научное значение статьи. Но оказалось, что есть и иное. Не далее, чем через три месяца после публикации статьи в редколлегию журнала обратились братья Василий и Дмитрий Дегтяревы из пос. Сиверский Ленинградской обл. Их отец Леонид Францевич Дегтярев (род. в Армянске в 1940 г.) был эвакуирован перед самой оккупацией Крыма, воспитывался в детдомах и ничего не знал о своих родителях; десятилетиями не оставлял попыток найти родственников. И только по статье в «Ученых записках КФУ им. В. И. Вернадского» сыновья Л. Ф. Дегтярева смогли выяснить, что у их отца был родной брат – партизанский воспитанник Владимир Дегтярев, о котором и было рассказано в статье.

Драматизм ситуации в том, что братья Владимир и Леонид Дегтяревы потерялись в детстве. Почему братья не смогли найти друг друга после войны? Помимо множества других возможных причин, есть и та, что вполне отражает обстоятельства той войны. Отца Владимира Дегтярева звали *Францем*, но по послевоенным документам бывший партизан значился как Владимир *Федорович*. Почему так произошло? Вот вполне убедительная версия, которой делится с нами Л. А. Орехова:

«В семье Дегтярева В. Ф. хранится важный документ – СПРАВКА Крымского штаба партизанского движения, выданная 8 мая 1944 г. (№ 294) о том, что ДеХтЕрев Владимир ФЕДОРОВИЧ «действительно состоял в партизанском отряде, действовавшем в Крыму со 2 ноября 1942 г. по 18 января 1944 г. в должности разведчика». Заверена справка печатью и подписана: зам. начальника Крымского штаба партизанского движения майор Скребец (тот самый майор С. Скребец, который в декабре 1944 г. отвечал на Володино письмо в Крымский штаб партизанского движения от 6 декабря 1944 г.)

Отметим, что справка выдана 8 мая 1944 г., когда Крым еще не был полностью освобожден от немцев, продолжались жестокие бои в Севастополе. Выдана, видимо, по

запросу из детского дома в станице Елизаветинской Краснодарского края, где жил Володя Дегтярев, поскольку других документов у подростка не было. Возможно, поэтому фамилия записана неточно: ДеХтЕрев вместо Дегтярев. Неверно записано и отчество мальчика: Федорович вместо Францевич. Между тем в партизанских военных документах, сохранившихся в Государственном архиве

Республики Крым, в частности, в трех наградных листах мальчика-партизана записано: Владимир Францевич. Там же названы имена его родителей, расстрелянных немцами: Дегтярев Франц Маркович и Сотникова Мария Васильевна. Эти же имена вписаны в графе «Родители» в сохранившемся свидетельстве о рождении младшего из братьев – Леонида Францевича Дегтярева, родившегося в 1940 г. Прямое доказательство родственности.

А неточности в выданной Владимиру справке из Штаба партизанского движения Крыма 8 мая 1944 г. объясняются крайне тяжелым положением в Крыму, продолжением военных действий и потому нечеткой работой, в том числе работой канцелярии Штаба партизанского движения, когда документы еще не были должным образом систематизированы и архивированы. Допускаем даже, что уточнялись сведения «на слух» (отсюда ошибка в написании фамилии). Возможно, сработал и другой фактор: Володю в партизанском быту, скорее всего, товарищи по отряду «величали» Федоровичем – как он им, видимо, представился, а не Францевичем – чтобы избежать ассоциации с немецким именем Франц... Чувства мальчика вполне объяснимы. А справка оказалась ЕДИНСТВЕННЫМ документом из Крыма. Да и отчество Федорович должно было восприниматься лояльно в условиях детского дома, где жили сироты войны. На основании ЭТОГО ЕДИНСТВЕННОГО документа велась вся дальнейшая документация Владимира Дегтярева, а отчество осталось на всю жизнь».

К глубокому сожалению, братьям Владимиру и Леониду Дегтяревым – не суждено было встретиться. Бывший партизан Владимир Дегтярев, освоив профессию слесаря-инструментальщика, в 1949 г. отправился на строительство г. Видное Московской области; проработал 55 лет на Московском коксогазовом заводе. Умер в г. Видное 13 февраля 2018 г., на 88-м году жизни; здесь ему установлена памятная доска. Леонид Францевич Дегтярев умер в 2014 г. в пос. Советский Ленинградской обл.

У Владимира Дегтярева остались дочь Юлия и сын Виталий; у Леонида – сыновья Василий и Дмитрий. Они ничего не могли знать друг о друге. Теперь, мы надеемся, встретятся.

Журнал обязательно будем следить за этой историей. Помимо понятных общечеловеческих мотивов, есть к этому и научный интерес. По существу, речь идет еще об одном традиционном сюжете: о том, как искали после войны пропавших без вести; как подолгу не могли найти друг друга разлученные родители и дети, братья и сестры. У нас появляется возможность сопоставить художественные сюжеты с «сюжетом» реальным. История семьи Дегтяревых – это эхо войны, к отзвукам которого наш журнал присоединил свой голос.

Но вернемся к рубрике «По праву и долгу памяти». Необходимость ее появления в журнале назрела давно. Если охарактеризовать специфику раздела предельно кратко, то здесь должны помещаться материалы, публикация которых обусловлена не только научной целесообразностью, но и моральным долгом. Причем речь идет именно о научных текстах, о профессиональном анализе судебных и творчества тех, кому мы объективно многим обязаны, кто созидал и сохранял нашу страну и нашу науку, кто создавал нашу литературу и журналистику, о наших ушедших коллегах, учителях, и, к глубокому прискорбию, порою о наших учениках.

Главный редактор журнала
«Ученые записки
КФУ имени В. И. Вернадского.
Филологические науки»
В. В. Орехов

Ответственный секретарь журнала
«Ученые записки
КФУ имени В. И. Вернадского.
Филологические науки»
Л. Г. Егорова

Список литературы

1. Бояркина Н. В. Потерей памяти заболеют не только преступники, но и жертвы»: две мировые войны в творческой биографии Ильи Эренбурга // Русский язык в поликультурном мире. IX Международный симпозиум (08–12 июня 2025 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2025. – С. 183–188.
2. Бурляй А. С. Специфика языка медиа российских военкоров в условиях информационной войны // Русский язык в поликультурном мире. VIII Международный симпозиум (09–13 июня 2024 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2024. – С. 98–101.
3. Еришов Ю. М. Экспертный статус военкоровских телеграм каналов // Русский язык в поликультурном мире. VIII Международный симпозиум (09–13 июня 2024 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2024. – С. 106–113.
4. Зайцева И. П. Синтез словесно-художественных жанров и искусств в творчестве Михаила Матусовского // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 120–137.

5. *Капустина С. В.* Старейшая районная газета Крыма в контексте СВО // Русский язык в поликультурном мире. VIII Международный симпозиум (09–13 июня 2024 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2024. – С. 113–117.
6. *Ковалев В. И.* Полидискурс СВО: проблемы исследования, лексикографирования, дидактического применения // Русский язык в поликультурном мире. IX Международный симпозиум (08–12 июня 2025 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2025. – С. 199–209.
7. *Маркелов К. В.* Тема снайперской войны в советской прессе периода Великой Отечественной // Русский язык в поликультурном мире. VIII Международный симпозиум (09–13 июня 2024 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2024. – С. 118–122.
8. *Мащенко А. П.* Крым в жизни и творчестве Константина Симонова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 3. – С. 88–103.
9. *Мащенко А. П.* Специальная военная операция в публицистике Александра Проханова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11 (77). – № 2. – С. 31–42.
10. *Мащенко А. П.* Он сражался за Родину до последнего снаряда и до последнего слова (к 100-летию со дня рождения Юрия Бондарева) // Русский язык в поликультурном мире. VIII Международный симпозиум (09–13 июня 2024 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2024. – С. 123–129.
11. *Мащенко А. П.* Специальная военная операция на Украине как вызов для русской литературы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10 (76). – № 3. – С. 49–61.
12. *Недопекина Е. М.* Фронтовое письмо как особый эпистолярный жанр сегодня и в годы Великой Отечественной войны // Русский язык в поликультурном мире. IX Международный симпозиум (08–12 июня 2025 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2025. – С. 237–241.
13. *Орехов В. В.* Военная журналистика в эпоху СВО: от фиксации фактов к обобщениям // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10 (76). – № 3. – С. 49–61.
14. *Орехова Л. А.* Сюжет «сын полка» в реалиях крымской партизанской борьбы: история Володи Дегтярева по материалам Крымского архива // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11. – № 2. – С. 3–18.
15. *Первых Д. К.* Александр Коц: военный корреспондент и писатель // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10 (76). – № 4. – С. 33–45.
16. *Первых Д. К.* Крымский радиоэфир в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 142–153.
17. *Первых Д. К.* Крымское радио в годы Великой Отечественной войны // Русский язык в поликультурном мире. VIII Международный симпозиум (09–13 июня 2024 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2024. – С. 135–141.
18. *Первых Д. К.* «500 дней поражений и побед»: журналистская этика и литературная традиция // Русский язык в поликультурном мире. IX Международный симпозиум (08–12 июня 2025 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2025. – С. 241–247.
19. Русский язык в Крыму и «Русский язык в поликультурном мире»: коллективная монография / Т. В. Аржанцева, И. П. Зайцева, Н. И. Иванюк и др. – Симферополь: ИД КФУ, 2024. – 264 с.
20. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества». – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501160039>. – (Дата обращения: 15.09.2025).
21. *Федорова Е. А.* Военная публицистика А. А. Суркова и современных авторов в контексте духовной традиции России // Русский язык в поликультурном мире. IX Международный симпозиум (08–12 июня 2025 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. – Симферополь: ИД КФУ, 2025. – С. 258–262.

References

1. Bojarkina N. V. *Poterej pamjati zaboletjut ne tol'ko prestupniki, no i zhertvy»: dve mirovye vojny v tvorcheskoj biografii Il'i Jerenburga* [“Not only criminals but also victims will suffer from memory loss”: two world wars in the creative biography of Ilya Ehrenburg]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauch. statej IX Mezhdunarodnogo simpoziuma, Jalta, 08–12 ijunja 2025 g. T. 2.* Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2025, pp. 183–188.
2. Burlaj A. S. *Specifika jazyka media rossijskih voenkorov v uslovijah informacionnoj vojny* [Specifics of the language of the media of Russian war correspondents in the conditions of the information war]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauchnyh statej VIII Mezhdunarodnogo simpoziuma. V 2-h t., Jalta, 09–13 ijunja 2024 g. T. 2.* Simferopol: KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2024, pp. 98–101.
3. Ershov Ju. M. *Jekspertnyj status voenkorovskih telegram kanalov* [Expert status of military correspondents' telegram channels]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauch. statej VIII Mezhdunar. simpoziuma. V 2-h t., Jalta, 09–13 ijunja 2024 g. T. 2.* Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2024, pp. 106–113.
4. Zajceva I. P. *Sintez slovesno-hudozhestvennyh zhanrov i iskusstv v tvorčestve Mihaila Matusovskogo* [Synthesis of verbal-artistic genres and arts in the works by Mikhail Matusovsky]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologičeskie nauki*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 120–137.
5. Kapustina S. V. *Starejšaja rajonnaja gazeta Kryma v kontekste SVO* [The oldest regional newspaper of Crimea in the context of a special military operation]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauchnyh statej VIII Mezhdunarodnogo simpoziuma. V 2-h t., Jalta, 09–13 ijunja 2024 g. T. 2.* Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2024, pp. 113–117.
6. Kovalev V. I. *Polidiskurs SVO: problemy issledovanija, leksikografirovanija, didaktičeskogo primenenija* [Polydiscourse of a special military operation: problems of research, lexicography, and didactic application]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauch. statej IX Mezhdunar. simpoziuma, 08–12 ijunja 2025 g. T. 2.* – Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2025, pp. 199–209.
7. Markelov K. V. *Tema snajperskoj vojny v sovetskoj presse perioda Velikoj Otechestvennoj* [The theme of sniper warfare in the Soviet press during the Great Patriotic War]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauch. statej VIII Mezhdunarodnogo simpoziuma. V 2-h t., Jalta, 09–13 ijunja 2024 g. T. 2.* Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2024, pp. 106–113.
8. Mashhenko A. P. *Krym v zhizni i tvorčestve Konstantina Simonova* [Crimea in the life and work of Konstantin Simonov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologičeskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 3, pp. 88–103.
9. Mashhenko A. P. *Special'naja voennaja operacija v publicistike Aleksandra Prohanova* [Special military operation in the journalism by Alexander Prokhanov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologičeskie nauki*, 2025, vol. 11 (77), no. 2, pp. 31–42.
10. Mashhenko A. P. *On srazhalsja za Rodinu do poslednego snarjada i do poslednego slova (k 100-letiju so dnja rozhdenija Jurija Bondareva)* [He fought for the Motherland until the last shell and until the last word (on the 100th anniversary of the birth of Yuri Bondarev)]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauchnyh statej VIII Mezhdunarodnogo simpoziuma. V 2-h t., Jalta, 09–13 ijunja 2024 g. T. 2.* Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2024, pp. 123–129.
11. Mashhenko A. P. *Special'naja voennaja operacija na Ukraine kak vyzov dlja russkoj literatury* [Special military operation in Ukraine as a challenge for Russian literature]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologičeskie nauki*, 2024, vol. 10 (76), no. 3, pp. 49–61.
12. Nedopekina E. M. *Frontovoe pis'mo kak osobyj jepistoljarnyj zhanr segodnja i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Frontline letter as a special epistolary genre today and during the Great Patriotic War]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauchnyh statej IX Mezhdunarodnogo simpoziuma, Jalta, 08–12 ijunja 2025 g. T. 2.* Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2025, pp. 237–241.
13. Orehov V. V. *Voennaja zhurnalistika v jepohu SVO: ot fiksacii faktov k obobshhenijam* [Military journalism in the era of the Central Military District: from recording facts to generalizations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologičeskie nauki*, 2024, vol. 10 (76), no. 3, pp. 49–61.
14. Orehova L. A. *Sjuzhet «syn polka» v realijah krymskoj partizanskoj bor'by: istorija Volodi Degtjareva po materialam Krymskogo arhiva* [The plot of "son of the regiment" in the realities of the Crimean partisan

- struggle: the story of Volodya Degtyarev based on the materials of the Crimean archive]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 3–18.
15. Pervyh D. K. *Aleksandr Koc: voennyj korrespondent i pisatel'* [Alexander Kots: war correspondent and writer]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, vol. 10 (76), no. 4, pp. 33–45.
 16. Pervyh D. K. *Krymskij radiojefir v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i pervye poslevoennye gody* [Crimean radio broadcast during the Great Patriotic War and the first post-war years]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 142–153.
 17. Pervyh D. K. *Krymskoe radio v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Crimean Radio during the Great Patriotic War]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauch. statej VIII Mezhdunar. simpoziuma. V 2-h t., Jalta, 09–13 ijunja 2024 g. T. 2.* Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2024, pp. 135–141.
 18. Pervyh D. K. «500 dnej porazhenij i pobed»: zhurnalistskaja jetika i literaturnaja tradicija [“500 days of defeats and victories”: journalistic ethics and literary tradition]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauchnyh statej IX Mezhdunarodnogo simpoziuma, Jalta, 08–12 ijunja 2025 g. T. 2.* Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2025, pp. 241–247.
 19. *Russkij jazyk v Krymu i «Russkij jazyk v polikul'turnom mire»: kollektivnaja monografija.* Simferopol, Izdatel'skij dom KFU Publ., 2024. 264 p.
 20. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 16.01.2025 № 28 «O provedenii v Rossijskoj Federacii Goda zashhitnika Otechestva»* [Decree of the President of the Russian Federation of 16.01.2025 No. 28 "On holding the Year of Defender of the Fatherland in the Russian Federation"]. Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501160039> (accessed 15.09.2025).
 21. Fedorova E. A. *Voennaja publicistika A. A. Surkova i sovremennyh avtorov v kontekste duhovnoj tradicii Rossii* [Military journalism of A. A. Surkov and contemporary authors in the context of the spiritual tradition of Russia]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauch. statej IX Mezhdunar. simpoziuma, 08–12 ijunja 2025 g. T. 2.* Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2025, pp. 258–262.

SCIENCE AND LIFE (IN LIEU OF A PREFACE)

Orekhov V. V., Egorova L. G.

This article substantiates the need to create a new section in the journal "Scientific Notes of the Vernadsky Kazan Federal University: Philological Sciences" – "By Duty and Right of Memory". Based on the purpose of a scientific journal, it is appropriate to include in this section materials possessing two key qualities: high memorial value, and an analytical approach that allows for understanding biographical, textual, and extratextual facts within a broad historical perspective. The impetus for the creation of this new section was the intense interest in military topics in modern philology, particularly in the study of the function of the Author and the Word in information and armed conflict. However, the content of the section should extend beyond military discourse; it will include studies devoted to writers, journalists, and scholars who have made significant contributions to the development of Russian literature and philological scholarship.

Keywords: Great Patriotic War, Central Military District, military literature, military journalism, V. F. Degtyarev.

УДК 070

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-12-26

ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ АЛЕКСАНДР ФЕДОРЧАК: ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Первых Д. К.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dianavasileva@yandex.ru*

Систематизация фактов из профессиональной жизни А. Федорчака, а также сплошной анализ его работ позволяют выявить специфику личностных, творческих и профессиональных установок журналиста. Творческий потенциал А. Федорчака основывался не только на целеустремленности, способности к ремеслу, патриотизме, но и на индивидуальных способах подачи материала: использовании в каждом репортаже метода включенного наблюдения, доверительного разговора со зрителем, всевозможных контактоустанавливающих средств, манеры испытывать все на себе, прочувствовать и передать свои впечатления аудитории. Это позволяло зрителю не только получать информацию и видеть происходящее, но и «проживать» события вместе с автором, фиксировать, помимо имен и фактов, эмоционально-нравственное содержание событий. Влюбленный в футбол и выросший на спортивной журналистке, А. Федорчак с началом специальной военной операции твердо решил быть там, где нужен Родине и профессии. Специальная военная операция сыграла трагическую роль в судьбе репортера, но навсегда вписала его имя в историю российской военной журналистики

Ключевые слова: Александр Федорчак, военный корреспондент, история российской военной журналистики, журналистика СВО.

Александр Сергеевич Федорчак
29 июля 1996 г. – 24 марта 2025 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

В научной литературе нечасто встретишь работы, посвященные творческим биографиям современных отечественных военкоров. Тому, разумеется, есть вполне объективные причины; скажем, недостаток биографических сведений о журналистах, действующих в военных условиях. В нынешней обстановке обнародование личной информации может быть попросту опасным и для самого военкора, и для его близких.

Но наряду с этим заметна и некоторая инертность наших научных интересов. Мы зачастую «не видим» даже те факты, которые находятся в открытом доступе и могут многое объяснить в специфике сегодняшнего журналистского труда «за ленточкой». Ситуация такова, что наши ведущие военкоры уже стали людьми со всероссийской и мировой известностью, между тем научный анализ их творчества делает только первые шаги.

Заметно, что СВО значительно актуализировала звучание соответствующих вопросов в научном дискурсе. Внимание исследователей сосредоточивается на изучении истории российской военной журналистики [2; 6; 9; 15; 32], профессиональных и этических стандартов военной журналистики [24; 33], методов манипулятивного воздействия на аудиторию [29; 30], способов ведения информационной войны [4; 21; 22] и т. д. И все же научные публикации, посвященные индивидуальному творчеству современных военных журналистов и публицистов, являются редкостью. И на этом фоне, думается, симптоматично, что большое внимание журналистике СВО уделяют крымские ученые (А. П. Машенко [16; 17], В. В. Орехов [19; 20], Д. К. Первых [25; 26]). Это, по всей видимости, связано с тем, что крымчане в силу сложных исторических обстоятельств острее чувствуют закономерность проведения специальной военной операции, с особым напряжением следят за ее ходом, а стало быть, высоко ценят и фронтовую информацию, и работу тех, кто эту информацию доносит.

Стремительность и накал свершающихся событий, глобальные исторические подвижки, быстрая смена военной стратегии и тактики, взрывное развитие информационных возможностей рожают новые творческие принципы и новых, самобытных авторов. К сожалению, риски профессии военного журналиста настолько высоки, что многие современные корреспонденты так и не смогли полностью реализовать свой творческий потенциал. Имена этих военных журналистов теперь принадлежат истории: Андрей Стенин, Ростислав Журавлев, Борис Максудов, Семён Ерёмин, Владлен Татарский, Анна Прокофьева, Никита Гольдин и многие другие. Думается, долг науки – сосредоточиться в первую очередь на творческом наследии этих авторов, с одной стороны, отдавая таким образом, дань памяти, а с другой – поставив достижения этих людей на службу военной журналистике.

Открытая непрекращающаяся охота украинских националистов на российских военных журналистов является лишь подтверждением высокой значимости их работы. В созданной Союзом журналистов России Галерее памяти и славы журналистов, погибших при исполнении профессионального долга в результате военных конфликтов, только с 2014 г. по настоящее время числятся 38 человек, шестеро из которых ушли из жизни в первое полугодие 2025 г. [5]. И если раньше надпись «Пресса» на каске или бронежилете защищала журналистов, помогала работать в зоне боевых действий, то сегодня она, напротив, является мишенью для врага. «Ещё в 2000-х годах на любом конфликте мы не позволяли себе выйти без бронежилета с буквами ТВ. А теперь это означает для наших врагов стопроцентную мишень. Идёт охота на журналистов гораздо пристальнее, чем охота даже на офицеров. Никогда ещё журналистский труд не был так опасен на войне», – констатировал генеральный директор ТАСС Андрей Кондрашов в ходе прощания с военным корреспондентом портала News.ru Никитой Цицаги 22 июня 2024 года [28].

Цель настоящей статьи – реконструировать творческую биографию военного корреспондента Александра Федорчака, крымчанина, выпускника кафедры журналистики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, погибшего 24 марта 2025 г. на территории Луганской Народной Республики в результате артиллерийского удара по машине, в которой военкор «Известий» Федорчак с журналистами телеканала «Звезда» ехал на очередную съемку.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

По праву и долгу памяти

Ценность работы Александра Федорчака в зоне СВО стала очевидна для нас давно. Еще при жизни военкора нами был задуман цикл видеолекций «История российской военной журналистики», где одним из самостоятельных сюжетов должен был стать рассказ о работе Александра Федорчака [10], и об этом мы еще будем говорить подробно. Но объяснимо, что гибель журналиста сделала для нас особенно дорогим всякий факт его личной и профессиональной биографии. Смерть Александра Федорчака глубоко поразила его коллег и недавних учителей. Если раньше Александр воспринимался как перспективный журналист, успехи которого побуждали к оптимистичным прогнозам, то теперь мы оказались перед лицом скорбной, но необходимой задачи – подвести итоги его недолгого, но насыщенного творческого пути. Так было решено собирать материалы об Александре Федорчаке незамедлительно, по горячим следам, пока остаются те, кто его хорошо знает и помнит: родители, школьные и университетские преподаватели, коллеги и друзья. В научный оборот основная часть материалов вводится впервые. Некоторые авторские наработки вошли в книгу воспоминаний «Александр Федорчак: сын, друг, военкор» [26], презентованную 29 июля 2025 г. ко дню рождения журналиста-героя. Материалом для настоящей статьи, помимо открытых источников (репортажей Александра Федорчака, репортажей об Александре Федорчаке, публикаций на его странице, а также в аккаунтах его коллег в социальной сети «ВКонтакте»), послужили личная переписка журналиста с автором настоящей статьи Д. К. Первых, а также интервью, которое он дал студентке КФУ им. В. И. Вернадского М. И. Гизатулиной 3 октября 2024 г. во время проведения II Медиафорума «Журналистика в период специальной военной операции». Итак, по порядку.

Первые шаги в профессию

Александр Сергеевич Федорчак родился 29 июля 1996 г. в крымском посёлке Нижнегорский, там же окончил школу-лицей № 1, которая с 19 июня 2025 г. носит его имя. О журналистике мечтал с детства, правда, не о военной, а о спортивной. Уже в пятом классе стал заниматься в школьном пресс-центре и писать заметки в учебную газету, а в 11 классе опубликовал свою первую «настоящую» статью. В районной газете «Нижнегорье» в рубрике «Подводя итоги года» вышел его материал «Футбол и нижнегорцы»:

«В каждом уголке мира эта игра вызывает восторг у множества людей. Кто-то не понимает смысла игры или просто на дух не переносит, а для кого-то футбол – смысл жизни, без которого невозможно представить ничего больше. Не обошла стороной игра и наш поселок. Впервые за долгие годы наш футбол был представлен в чемпионате Крыма, вернее сказать, на первенстве КРО ФСО “Колос”. Причем не одним, а сразу двумя участниками» [36].

Для 11-классника статья видится как вполне достойная, логично выстроенная, с подробностями, фамилиями, написана с заметной увлеченностью и футболом, и журналистикой. Школьные учителя вспоминают, что Александр Федорчак был душой коллектива, заражал всех своей добротой и оптимизмом. Окончив школу, 17-летний Александр Федорчак поступил на факультет славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (который вскоре был переименован в Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского). Первые

шаги в профессии начал делать, ещё обучаясь в университете, стажировался в газете «Московский комсомолец в Крыму». Первое время, безусловно, писал порою несколько неуклюже, по-ученически, но смекалка и настойчивость позволяли быстро осваивать мастерство. Получил свое первое журналистское удостоверение – и радости его не было предела.

«Кажется, год 2016-й. Первое его удостоверение, – узнав о гибели Федорчака, вспоминает на своей странице в ВК главный редактор газеты «Московский комсомолец в Крыму» М. В. Львовски. – Позже, когда в армии отслужил, вернулся, написал мне – путевка в жизнь. Момент для ребят важный: это ещё до диплома они определяют себя быть журналистами. Тут надо поддержать, придать уверенности и ускорения – а там и звезды близко. Сейчас просмотрел, мы с ним сотни две заметок подготовили – оттачивали, так сказать, начиная с того, что в подписи – сначала имя, потом фамилия... Я его часто вспоминаю и вспоминать буду – история весёлая, из которой ясно, что за паренёк – с фантазией, с характером». Далее главред «МК в Крыму» рассказывает случившуюся с Федорчаком курьезную историю из спортивной журналистики, в которую, по чести сказать, мог бы попасть почти любой начинающий журналист: «Как-то матч чемпионата Премьер-лиги Крымского футбольного союза был прерван на 5-й минуте – «Кызылташ» в неполном составе вышел и вдобавок их игрока “срубили” в самом начале игры, на поле осталось шесть футболистов. По регламенту матч нельзя было продолжать, всех увели с поля, в протоколе и на сайте КФС остался счёт – 0:0. Ну и Саша расписал остальные 85 минут: «Команды обменивались острыми выпадами, но хорошо сыграла защита, и вратари не подвели <...>». Естественно, репортаж не остался без внимания всех причастных – от команд до руководства лиги. И тут важно автора, а тогда же и студента, поддержать, ободрить – нормально, Саня – пиши дальше. Много еще было, но репортёр-то из него хороший в итоге вышел... Дальнейшую его биографию вы теперь хорошо знаете» [14]. Позиция редактора вполне понятна: всякий профессионал знает, что именно подобные курьезные промахи становятся лучшим учебником ремесла. Главное, чтобы человек был готов воспринимать уроки, а корреспондент Федорчак умел учиться.

После «Московского комсомольца» Александр Федорчак пробовал себя в Крымском информационном агентстве. Там его запомнили как большого поклонника спортивной журналистики и добродушного парня: *«Эх, Сашка. Пришёл к нам в Крымское информационное агентство совсем зеленым студентом, – в день гибели Федорчака писала в ВК Ольга Леонова (сегодня – шеф-редактор специальных проектов РИА Новости Крым, а тогда, в 2017 г., журналист КИА). – Хотел писать только о спорте. От нас же ушёл в армию, в морпехи. Был всегда юным, свежим каким-то, как мишка Тедди; легким, поест любил, Крым любил, профессию любил. Звоню тем, кто его знал. Все плачут. По Сашке сложно не плакать: он ни с кем не ругался, никому не желал зла. Пинай свой любимый футбольный мяч на вечнозелёных лугах, Сашка» [13].*

В армию Александра Федорчака провожали всем миром: и коллеги, и одноклассники, и преподаватели. Год отслужил в Севастополе, в морской пехоте, вернулся осенью 2018 г. – и тут же устроился на телеканал «Крым 24». Там прошёл путь от корреспондента, ведущего аналитической передачи «Главное», редактора, документалиста – до руководителя феодосийского филиала канала. В декабре 2021 г. был удостоен чести отправиться от крымского телевидения корреспондентом на ежегодную итоговую пресс-конференцию президента В. В. Путина. И даже в серьёзном, почти протокольном сюжете Александр использовал свою неизменную доверительную манеру повествования, что, конечно, нравилось и подкупало зрителя. *«Мы изначально хотели*

прикрепить вот эту табличку с надписью “Вопрос из Крыма” к воздушному шару, чтобы нас было видно из любого конца зала. Но в зоне досмотра воздушный шар забрали. И теперь буду пытаться вытянуть ее как можно выше. А может, даже придется и подпрыгнуть», – говорит и одновременно прыгает в кадре корреспондент Александр Федорчак [10]. Тогда Саше улыбнулась удача: табличку заметили, и ему удалось задать президенту вопросы о том, когда на полуострове улучшится качество мобильной связи и когда федеральные операторы начнут работать в регионе.

На «Крыме 24» в 2021 г. Александр Федорчак снял свой первый документальный фильм «Политика футбола» о том, как крымский футбол живет в новой реальности после 2015 г., в изоляции от большого футбола [31]. Пытался ответить на вопросы: как быть тем, кто посвятил этой игре всю свою жизнь; есть ли шанс, что крымские клубы будут играть на Чемпионате России и на международной арене?

Там же, на ТРК «Крым», вел аналитическую передачу «Главное» – новое для Саши амплуа: не корреспондент, а ведущий в студии. Снял цикл документальных передач «Межсезонье» о том, как живут маленькие курортные поселки, когда туристы уезжают. В каждой работе прослеживается манера Саши: попробовать на себе, потрогать своими руками, прожить вместе со своими героями. Например, ведет Александр Федорчак прямой репортаж прямо из разбитой старой лодки: *«На пляже в Поповке людей сейчас нет, зато есть вот такая лодка. Судя по ее состоянию, она стоит здесь уже несколько лет и ее не убирают даже в курортный сезон»*. И далее: *«В селе Береговое есть свой уникальный “золотой пляж”, но с недавних пор здесь появился вот такой импровизированный бассейн. Я здесь первый раз, пошел прямо по луже, а для местных жителей оборудовали вот такие пандусы»*, – рассказывает журналист, уверенно шагая в декабре босиком прямо по грязной жиже [7]. Метод включённого наблюдения прослеживается абсолютно во всех репортажах Федорчака.

В зоне СВО

Работая на телеканале «Крым 24», Александр Федорчак стал делать первые выезды на освобожденные территории, в Донецк, Мелитополь, Херсон, но не военным журналистом, а обычным корреспондентом (региональных журналистов военкорами аккредитуют редко, это прерогатива «федералов»), сопровождая гуманитарные грузы, освещая жизнь мирных жителей. *«Когда Саша сказал, что поедет на новые территории с гуманитарным грузом, я возражал. А через несколько дней он прислал своё фото в каске, сделанное на площади Херсона. Мы с женой, конечно, очень переживали, но понимали, что сын не мог поступить иначе»,* – вспоминает отец корреспондента С. И. Федорчак на вечере памяти, приуроченном ко дню рождения Александра Федорчака 29 июля 2025 г.

Александр Федорчак делал репортажи о том, как добровольцы-строители помогают налаживать в шахтёрской столице мирную жизнь, как готовят школы и детские сады к осенне-зимнему сезону и др. Привлекают внимание переданные с душевной теплотой истории Федорчака о местных жителях. Тогда же, на «Крыме 24», Александр Федорчак впервые надевает каску и бронежилет, все плотнее приближаясь к линии боевого соприкосновения, снимая репортажи о добровольцах казачьего штурмового батальона «Таврида», батальона «Крым» [11]. Становится понятно, что журналист все больше и больше погружается в специфику военной журналистики, начинает разбираться в калибрах снарядов, орудиях, на слух понимает, чем стреляют, кто стреляет и насколько все опасно.

В октябре 2022 г. Александр Федорчак переходит на федеральный телеканал «Звезда». Это, безусловно, большой успех. Там он растет как журналист, работая не только в телевизионном формате, но и в текстовом, создавая мультимедийные материалы, сопровождающиеся небольшими эксклюзивными видео. Редакционные задания разные – Федорчак освещает и привычные бытовые темы, и выезжает на освобожденные территории.

Один из первых, очень ответственных, сложных и опасных выездов – на «Мариупольский металлургический комбинат имени Ильича», где несколько недель шли тяжелые бои с украинскими националистами.

«Сейчас на месте, где когда-то стояли цеха, можно увидеть много разрушенной украинской техники, – пишет Александр Федорчак. – Националисты укрывались в этих цехах, но, когда поняли, что шансов победить нет, начали покидать территорию комбината. Последствия этого бегства разгребают до сих пор. Прокатные цеха сейчас больше напоминают свалку, где каждый метр несет смертельную опасность. Находясь на территории, надо смотреть под ноги – всюду лежат неразорвавшиеся снаряды и другие взрывоопасные предметы. Территорию ежедневно обследуют бойцы сводного отряда учебного центра инженерных войск. Внутри комбината много металла, поэтому работают саперы без миноискателей» [37].

Дальше – «Азовсталь». Ощущения от увиденного довольно точно передает короткая запись Саши в ВК 23 апреля 2023 г.: «Азовсталь! Даже спустя год – страшно! Хотя мы улыбаемся» [34]. Потом – Угледар. Федорчак рассказывает, как украинские боевики попытались наступать под Угледаром, но попали под удар артиллерии. Съёмочная группа «Звезды» во главе с корреспондентом Александром Федорчаком пешком пробиралась больше километра вдоль лесополосы. Шквалистый ветер и шквальный огонь. Оказалось, что в этот момент противник попытался пойти в наступление со стороны Угледара. Штурмовые группы боевиков атаковали в районе с. Павловка. Вместе с пехотой, танками и БМП в бою побывал и Александр Федорчак [38].

Военкоровский опыт набирался стремительно, нарабатывались не только военная терминология, исторический фактаж, но и знания о жизни. 20 апреля 2023 г. выходит репортаж военкора Федорчака с «Азовстали», завода, напоминающего декорации фильма об апокалипсисе. Демонстрирует Федорчак зрителям «Звезды» и шокирующие кадры орудий пыток укронацистов: электрический стул и заглушенный противогаз, дышать в котором невозможно [35].

С весны 2023 г. командировки на новые территории стали для Александра Федорчака регулярными и привычными. Каждая съемка опасная, и неизвестно, чем она завершится. Для бойцов военкор Федорчак становится «своим», они его хорошо знают, с удовольствием принимают и очень уважают. А уважение бойцов, как известно, нужно заслужить. Военные командировки становятся все дольше, продолжительнее, по месяцу и два, а военная журналистика Александра Федорчака – все серьезнее. Увлекает, затягивает. Это и объяснимо: во-первых, всё по-мужски, по-настоящему, а во-вторых, кто, если не он? «Кто, если не я?», – это девиз Саши. Он не был тем, кто избегал трудностей, он не был тем, кто прикрывался другими. Честный, искренний, большой патриот России, преданный своей семье, своему делу, футболу.

Из воспоминаний Александра Машенко, директора Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна КФУ им. В. И. Вернадского:

«Было сразу видно честного, искреннего парня. Важнейшее качество для журналистики. И честность, и искренность, и то, что парень, тоже. Не посылать же писать и рассказывать о войне девчонок, в конце концов. Он страшно любил футбол, а я, очень большой, с детства, любитель футбола, над ним подшучивал, говорил: “Саша, в жизни есть ещё что-то, кроме мячика...”. Он пару лет, кажется, не понимал, а потом понял. <...> Помню его прошлой осенью, улыбающегося, у него была очень обаятельная улыбка, на форуме “Журналистика в период специальной военной операции”, на мастер-классе для наших студентов. Очень рад, что наши нынешние студенты его видели, слушали, задавали ему вопросы. Надеюсь, запомнят на всю жизнь. Это круче любых лекций самых крутых преподавателей» [1].

В форумах «Журналистика в период специальной военной операции», которые ежегодно проводятся в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского, Александр Федорчак участвовал дважды. Первый раз – корреспондентом телеканала «Звезда», второй – «Известий». На первом форуме, в сентябре 2023 г., очно присутствовать не смог, прислал участникам форума видеообращение, в котором рассказал о своем опыте военкорства, вспоминал и благодарил родную кафедру и ее преподавателей. Надо сказать, благодарность, равнодушие, участливость и скромность – черты Федорчака, которые отмечают все, кто его знал. Скажете, что часто так бывает: человек погиб – и его начинают идеализировать? Нет. В случае с Федорчаком идеализировать не приходится.

В октябре 2024 г. Александр Федорчак, уже военный корреспондент «Известий», специально приехал в Крым для участия во втором форуме «Журналистика в период специальной военной операции». Выступал очень скромно, стесняясь, не чувствуя, насколько он заслуженный. Провел со студентами творческую встречу. Настоящему военному корреспонденту, да еще и выпускнику КФУ, слушатели задавали множество вопросов, отпускать не хотели.

В тот же день он записал интервью для студентки Крымского федерального университета М. И. Гизатулиной, которая темой дипломной работы выбрала «Жизнь и творчество военного корреспондента Александра Федорчака». Снимали долго, Саша терпеливо перезаписывал неудачные дубли, всячески подбадривая интервьюера. Терпеливость и понимание выдавали и его профессионализм, и его человеческие качества: *«Все нормально, не переживай. Надо – запишем. Представь, что меня здесь нет. Я твой друг, с которым ты просто хочешь поговорить»* [9], – дает советы начинающей журналистке Александр Федорчак.

Не оставлял Федорчак и хобби – футбол. Иногда в Москве ему выдавалась возможность комментировать футбольные матчи, и от любимого занятия Саша никогда не отказывался. Придя однажды в военную журналистику, уйти сложно, затягивает, увлекает. Федорчак, несмотря на свою страсть к спортивной журналистике, с военной завершать не планировал. В то же время он отдавал себе отчет в рискованности профессии и очень серьезно относился к собственной безопасности и безопасности товарищей, утверждая, что *«ни один красивый кадр не стоит человеческой жизни»* [8]. В каждой поездке, на каждой съемке Александр Федорчак старался найти и показать что-

то полезное, сделать жизнь людей лучше. Он вникал в проблемы других, сопереживал тем, кто попадал в трудную ситуацию. Саша признавался, что пропускает через себя каждую историю, не может работать хладнокровно, хотя иногда это и требуется; он сознавал, что, *«не прочувствовав материал, не напишешь хороший репортаж»* [8].

Наряду с выполнением своих профессиональных задач журналист занимался волонтерством и вместе с Общероссийским движением «Народный фронт» собирал и передавал гуманитарную помощь не только бойцам СВО, но и жителям освобождённых территорий.

Его последний репортаж, об обстановке на Купянском направлении в Харьковской области, вышел в эфир 23 марта 2025 г. 24 марта 2025 г. Александр Федорчак отправился, как оказалось, на свою последнюю съемку, перед выездом записал веселый «кружок» и отправил друзьям-журналистам. Своего оператора Аркадия Амбурова решил не брать, был уверен, что справится сам – этим решением спас коллеге жизнь. Вооруженные силы Украины нанесли прицельный удар ракетами HIMARS по гражданской машине журналистов. Вместе с Александром Федорчаком погибли оператор «Звезды» Андрей Панов, водитель съёмочной группы Александр Сиркели; был тяжело ранен корреспондент «Звезды» Никита Гольдин, и почти месяц врачи боролись за его жизнь, но спасти не смогли.

Александра Федорчака хоронили в его родном Нижнегорском районе как героя, со всеми почестями. Сотни людей, горы цветов! Сила журналистского слова, успешная борьба за правду не дает покоя укронацистам. Через день после похорон могила Александра Федорчака вместе с могилами участников СВО была осквернена: их облили горючей смесью и подожгли. Безусловно, могилы были восстановлены, а борьба за правду, которой добивался Федорчак, и наша ненависть к врагу стали еще более ожесточенными.

25 марта 2025 г. глава Республики Крым Сергей Аксёнов подписал указ о награждении Александра Федорчака государственной наградой Республики Крым, орденом «За верность долгу» (посмертно) – за безупречное исполнение служебных обязанностей, самоотверженность, проявленную при исполнении служебного долга, мужество и героизм, проявленные в экстремальных ситуациях, связанных с риском для жизни.

17 апреля 2025 г. указом Президента Российской Федерации Владимира Путина за мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные при выполнении профессионального долга, Александр Федорчак награждён орденом Мужества (посмертно).

25 апреля 2025 г. Союзом журналистов России Александр Федорчак был удостоен медали «За храбрость» (посмертно), а 13 июня 2025 г. – медали Следственного комитета «Доблесть и отвага» (посмертно).

Увековечение памяти

Памяти военкора Федорчака посвящено множество телевизионных сюжетов и специальных репортажей. Участниками творческого коллектива «ZOV» МБОУ Ливадийской школы им. П. А. Рассадкина создана театральная постановка, одним из героев которой является Александр Федорчак. Постановку представили на фестивале «Мы наследники Победы!» к 80-й годовщине победы в Великой Отечественной войне.

29 апреля 2025 г. на кубковом матче «Спартак» – «Динамо» в память о Федорчаке был развернут баннер. Военного корреспондента, а по призванию – спортивного комментатора приветствовали трибуны болельщиков.

Александр Федорчак навсегда вошел в Зал славы крымской журналистики, который располагается в здании Крымского федерального университета в Симферополе на проспекте Академика Вернадского, д. 2, в том самом здании, где Саша учился журналистике. Его портрет размещен рядом с портретом военного корреспондента, героя Советского Союза Сергея Борзенко [12].

О военном корреспонденте Александре Федорчаке снята видеолекция (автор – Д. К. Первых) в цикле «История российской военной журналистики», по которой будут учиться профессии студенты-журналисты и медийщики [10]. Напомню, что видеолекция о Федорчаке задумывалась еще до его гибели. О съемках цикла видеолекций Александр узнал из соцсетей, увидев свое имя в списке военкоров, о которых пойдет речь. Незамедлительно он написал письмо автору настоящей статьи со скромной просьбой:

«Увидел, вы тут проект запустили и будете лекции о военкорах читать, я глубоко тронут, что попал в этот список. Неожиданно, правда! Но, как я понял, вы будете расширяться и делать рассказы о других наших коллегах? У меня просьба: расскажите, пожалуйста, о Сёме Ерёмине (погиб 19 апреля 2024 г., попав в районе Угледара под миномётный обстрел ВСУ. – Д. П.)! Он выдающийся не то что журналист, человек! Там история потянет на фильм, правда! Он для нас, молодого поколения, столько всего сделал. Для бойцов. Даже для жителей Донбасса! Я думаю, ребятам будет очень интересно о нём послушать!».

О Федорчаке видеолекция уже снята (хронометраж – 47 минут, жанр – документальный фильм), съемка видеолекции о Ерёмине – впереди.

Ко дню рождения журналиста-героя подготовлена и выпущена книга воспоминаний «Александр Федорчак: сын, друг, военкор» [2]. В книге представлены биографические сведения, очерчен профессиональный путь корреспондента, собраны фрагменты воспоминаний знавших его людей.

В память о военном корреспонденте в его родном поселке Нижнегорский на фасаде жилого дома появился мурал с изображением военкора в бронежилете и с государственными наградами. Мурал дополняет фраза Федорчака: «Если что-то происходит, я должен быть там». А 26 июня 2025 г. Александру Федорчаку присвоено звание почетного гражданина Нижнегорского района.

Открыты мемориальные доски: на фасаде Нижнегорской школы-лицея № 1, где учился Александр Федорчак, на территории Телерадиокомпании «Крым», где журналист проработал дольше всего, и на фасаде корпуса Крымского федерального университета, где он осваивал азы профессии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Недолгий, восьмилетний журналистский путь Александра Федорчака (2017–2025 гг.) можно назвать путем становления, профессионального созревания и роста. Творчество военного корреспондента не успело приобрести такой же широкий масштаб, как творчество Евгения Поддубного, Александра Проханова [16], Захара Прилепина [17], Александра Коца [25], Дмитрия Стешина [19] и др. Слишком молодым Александр Федорчак покинул профессию, слишком мало времени оказалось отпущено ему на приобретение военкоровского опыта (специальная военная операция – первый и единственный военный конфликт в его профессиональной биографии). Однако анализ

подготовленных им материалов доказывает, что у Александра Федорчака успел сформироваться собственный набор выношенных профессиональных принципов, которые обещали журналисту большое будущее, искреннее внимание аудитории. Не менее важен и другой вывод, который, думается, должен быть экстраполирован на всю отечественную военную журналистику: путь Александра Федорчака к профессии военкора был обусловлен не просто владением техническими журналистскими навыками, а главным образом моральными качествами, жизненной позицией. Миссия военкора воспринималась им не только в качестве ремесла, но и нравственного долга. Именно поэтому его деятельность имела важное идеологическое значение: доносила соотечественникам фронтовую правду, развенчивала фейки и «вбросы», изображала противника во всей его циничной жестокости.

Журналистика Александра Федорчака – «молодая» журналистика, ищущая, искренняя, азартная, стремящаяся к самостоятельности и экспериментам. Учтем, что телевизионные тексты Федорчака базируются не столько на количестве и скорости подаваемой информации, сколько на ее качестве и эксклюзивности, на авторском знании материалов о войне, на автобиографических и биографических ассоциациях. Внимание корреспондента все чаще и чаще привлекали личные истории защитников, из которых, как из мозаики, складывается большая история войны.

Стремительный профессиональный и карьерный рост парня из крымской глубинки: от региональных СМИ («Московский комсомолец в Крыму», «Крымское информационное агентство, ТРК «Крым») – к крупным федеральным медиахолдингам (медиагруппа «Звезда», МИЦ «Известия») говорит о его крепкой журналистской хватке, желании учиться и совершенствовать свои навыки. Сплошной просмотр видеосюжетов Александра Федорчака позволяет заключить, что он постепенно выработал индивидуальный творческий стиль, характерными чертами которого стали использование в репортажах метода включенного наблюдения, умение вести доверительный разговор со зрителем, применять контактоустанавливающие средства; наконец, это манера пробовать всё на себе, стремление прочувствовать ситуацию и передать свои впечатления аудитории, что позволяло зрителю «проживать» [23, с. 3] события вместе с автором, фиксировать, помимо имен и фактов, эмоционально-нравственное содержание событий.

Завершим публикацию словами Александра Федорчака, прозвучавшими в одном из интервью для телеканала «Крым 24», о том, каким должен быть военный журналист: *«Быть самим собой, делать свое дело, быть в теме, быть в повестке, никогда не терять чувства самосохранения, стараться помогать. Быть настоящим, в первую очередь, потому что в таких местах человек раскрывается максимально. Плохие люди становятся ещё хуже, хорошие становятся ещё лучше. Главное – любить то, чем ты занимаешься»* [10]. Хотя эти слова сказаны молодым человеком, они очень точно определяют и образ героя нашей статьи, и, думается, сущность нашей военной журналистики в целом.

Список литературы

1. Александр Федорчак // Зал славы крымской журналистики. – Режим доступа: <https://journalisticcrimea.tilda.ws/fedorchak>. – (Дата обращения: 01.08. 2025).
2. Александр Федорчак: сын, друг, военкор / сост. В. Л. Кондратская, Н. А. Сегал, А. С. Федорчак, С. И. Федорчак / под. ред. Н. А. Сегал. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2025. – 160 с.

3. *Бояркина Н. В.* Публицистика Ильи Эренбурга периода первой мировой войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2025. – Т. 11 (77). – № 2. – С. 19–30.
4. *Ваулин К. Д.* Информационная война. Информационная гигиена в условиях СВО // Военная журналистика в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Луганск, 12 апреля 2023 года) / под ред. Ж. В. Марфиной, А. В. Дроздовой [и др.]. – СПб.: Медиа папир, 2023. – С. 150–153.
5. Галерея памяти и славы журналистов // Режим доступа: <https://галереяпамяти.сжр.рф>. – (Дата обращения: 01.08.2025).
6. *Губанова Г. И., Донской Д. Б.* Становление российской военной журналистики в период Первой мировой войны // Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию Великой войны 1914–1918 гг. – 2018. – С. 56–59.
7. Документальный фильм «Межсезонье» // ВКонтakte. – Режим доступа: https://vk.com/id136672419?z=video-116028735_456261253%2F98ec2952046d4800da%2Fpl_wall_136672419. – (Дата обращения: 01.08.2025).
8. Интервью с военным корреспондентом Александром Федорчаком // ВКонтakte. – Режим доступа: https://vk.com/wall-148505134_10017. – (Дата обращения: 29.07. 2025).
9. История российской военной журналистики: курс лекций // Официальный сайт Института медиакommunikаций, медиатехнологий и дизайна. – Режим доступа: <https://immid.cfuv.ru>. – (Дата обращения: 29.07. 2025).
10. Ключевое событие, подводящее итоги года // ВКонтakte. – Режим доступа: https://vk.com/wall136672419_3333. – (Дата обращения: 01.08.2025).
11. Крымские добровольцы сражаются на освобождённых территориях // ВКонтakte. – Режим доступа: https://vk.com/wall136672419_3358. – (Дата обращения: 01.08.2025).
12. *Крятов Алексей.* В одном строю со Львом Толстым и Михаилом Шолоховым // Парламентская газета. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/v-odnom-stroyu-so-lvom-tolstym-i-mikhailom-sholokhovym.html>. – (Дата обращения: 29.07.2025).
13. *Леонова Ольга* // ВКонтakte. – Режим доступа: https://vk.com/wall294997285_9412. – (Дата обращения: 25.03.2025).
14. *Львовски Майкл* // ВКонтakte. – Режим доступа: https://vk.com/wall16321308_1380. – (Дата обращения: 25.03.2025).
15. *Мащенко А. П.* Крым в жизни и творчестве Константина Симонова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2023. – Том 9 (75). – № 3. – С. 88–103.
16. *Мащенко А. П.* Специальная военная операция в публицистике Александра Проханова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2025. – Том 11 (77). – № 2. – С. 31–42.
17. *Мащенко А. П.* Специальная военная операция на Украине как вызов для русской литературы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2024. – Т. 10 (76). – № 3. – С. 49–61.
18. *Мельников В. А.* Военная журналистика – инструмент реализации государственной информационной политики // Идеи и новации. – 2014. – № 2. – С. 92–96.
19. *Орехов В. В.* Военная журналистика в эпоху СВО: от фиксации фактов к обобщениям // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2024. – Т. 10 (76). – № 3. – С. 49–61.
20. *Орехов В. В.* Военный очерк периода СВО и традиция литературной циклизации // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: Мат-лы IX Междунар. междисциплинарной науч. конференции, Симферополь, 28–29 ноября 2024 г. – Симферополь: Ариал, 2025. – С. 18–25.
21. *Орехов В. В.* «Партизанская тактика» информационной войны. Часть I: С. Н. Глинка, Д. В. Давыдов // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 174–188.

22. Орехов В. В. «Партизанская тактика» информационной войны. Часть II: Информационная безопасность в эпоху Николая I // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 131–167.
23. Орехова Л. А. Современный лирический очерк // Вопросы русской литературы. – Львов: Вища школа, 1986. – № 2 (48). – С. 3–9.
24. Осадчих А. С., Кочергина И. В. Этика военной журналистики в эпоху информационных войн // Современные тенденции исследований в языкознании, литературоведении и журналистике. Сборник II Всероссийской научной конференции. – Курск, 2025. – С. 198–205.
25. Первые Д. К. Александр Коц: военный корреспондент и писатель // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10 (76). – № 4. – С. 33–45.
26. Первые Д. К. Быть самим собой, делать свое дело // Александр Федорчак: сын, друг, военкор / сост. В. Л. Кондратская, Н. А. Сегал, А. С. Федорчак, С. И. Федорчак / под. ред. Н. А. Сегал. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2025. – С. 6–14.
27. Первые Д. К. От корреспондентской конкретики СВО – к художественно-публицистическому обобщению // Журналистика XXI века: социальный заказ: Материалы международной научно-практической конференции, 22–23 ноября 2024 г. – СПб. : Медиапир, 2024. – С. 169–175.
28. Российские журналисты, погибшие в зоне СВО // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/specialprojects/voenkory/pogibshiejurnalisti>. – (Дата обращения: 01.08.2025).
29. Рузикулов Д. Ш. Военная журналистика в условиях конвергенции // Журналистика в цифровую эпоху: технологии и методология творчества. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию факультета журналистики Белорусского государственного университета. – Минск, 2024. – С. 403–407.
30. Рузикулов Д. Ш. Факторы, обеспечивающие эффективность военной журналистики в интегративном информационном пространстве // Журналистика и география. Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Воронеж, 2024. – С. 90–96.
31. Семь лет в полной изоляции! // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/crimea24tv>. – (Дата обращения: 01.08.2025).
32. Симатова Ю. Л., Мироненко И. В. Зарождение военной журналистики в России // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Г. М. Соловьева. – Краснодар, 2025. – С. 154–158.
33. Таилов А. А., Абдуллаева С. Н. Специфика работы российских журналистов в зоне вооруженного конфликта // Казанская наука. – Казань: ООО «Рашин Сайнс», 2024. – № 3. – С. 516–518.
34. Федорчак Александр // ВКонтакте. – Режим доступа: https://vk.com/wall136672419_3406. – (Дата обращения: 01.08.2025).
35. Федорчак Александр. В «Азовстали» националисты пытали людей на электрическом стуле // Звезда. – Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/news/2023420959-6iNCi.html>. – (Дата обращения: 01.08.2025).
36. Федорчак Александр. Футбол и нижегородцы // «Нижегородье». – 2012. – № 11. – С. 4.
37. Федорчак Александр. Сожженная техника и неразорвавшиеся боеприпасы: какие «сюрпризы» хранит завод Ильича // Звезда. – Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/news/202212201037-DOTFp.html>. – (Дата обращения: 01.08.2025).
38. Федорчак Александр. Украинские боевики попытались наступать под Угледаром, но попали под удар артиллерии // Звезда. – Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/news/2023419139-56a2K.html>. – (Дата обращения: 01.08.2025).

References

1. Alexander Fedorchak [Aleksandr Fedorchak]. *Zal slavy krymskoj zhurnalistiki*. Available from: <https://journalisticcrimea.tilda.ws/fedorchak> (accessed 1 August 2025).
2. Aleksandr Fedorchak: *syn, drug, voenkor* [Alexander Fedorchak: Son, Friend, War Correspondent]. Compiled by V. L. Kondratskaya, N. A. Segal, A. S. Fedorchak, S. I. Fedorchak. Ed. by N. A. Segal. Simferopol, IT Ariel Publ., 2025. 160 p.
3. Boyarkina N. V. *Publicistika Il'i Erenburga perioda Pervoj mirovoj vojny* [Ilya Ehrenburg's Journalism during the First World War]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal*, 2025, vol. 11 (77), no. 2, pp. 19–30.

4. Vaulin K. D. *Informacionnaya vojna. Informacionnaya gigiena v usloviyah SVO* [Information Warfare. Information hygiene in the conditions of SMO] *Voennaya zhurnalistika v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Lugansk, 12 aprelya 2023 goda)*. Ed. by Zh. V. Marfina, A. V. Drozdova. St. Petersburg, Media Papir Publ., 2023, pp. 150–153.
5. *Galereya pamyati i slavy zhurnalistov* [Gallery of Memory and Glory of Journalists]. Available from: <https://galleryofmemory.szhr.ru> (accessed 1 August 2025).
6. Gubanova G. I., Donskoy D. B. *Stanovlenie rossijskoj voennoj zhurnalistiki v period Pervoj mirovoj vojny* [The Formation of Russian Military Journalism during the First World War]. *Pervaya mirovaya vojna i stanovlenie Versal'sko-Vashingtonskoj sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii k 100-letiyu Velikoj vojny 1914–1918 gg.*, 2018, pp. 56–59.
7. *Dokumental'nyj fil'm «Mezhsezon'e»* [Documentary film «In-Season»]. VKontakte. Available from: https://vk.com/id136672419?z=video-116028735_456261253%2F98ec2952046d4800da%2Fpl_wall_136672419 (accessed 01.08.2025).
8. *Interv'y u voennym korrespondentom Aleksandom Fedorchakom* [Interview with military correspondent Aleksandr Fedorchak]. VKontakte. Available from: https://vk.com/wall-148505134_10017 (accessed 29 July 2025).
9. *Istoriya rossijskoj voennoj zhurnalistiki: kurs lekcij* [History of Russian Military Journalism: A Course of Lectures]. *Oficial'nyj sayt Instituta mediakommunikacij, mediatekhnologij i dizajna*. Available from: <https://immid.cfuv.ru> (accessed 29.07.2025).
10. *Klyuchevoe sobytie, podvodyashchee itogi goda* [Key Event Summarizing the Year]. VKontakte. Available from: https://vk.com/wall136672419_3333 (accessed 1 August 2025).
11. *Krymskie dobrovol'cy srazhayutsya na osvobodzhennyh territoriyah* [Crimean volunteers are fighting in the liberated territories]. VKontakte. Available from: https://vk.com/wall136672419_3358 (accessed 1.08.2025).
12. Kryatov Aleksej. *V odnom stroyu so L'vom Tolstym i Mihailom Sholohovym* [In the same line with Leo Tolstoy and Mikhail Sholokhov]. *Parlamentskaya gazeta*. Available from: <https://www.pnp.ru/social/v-odnom-stroyu-so-lvom-tolstym-i-mikhailom-sholokhovym.html> (accessed 29 July 2025).
13. *Leonova Ol'ga* [Leonova Olga]. VKontakte. Available from: https://vk.com/wall294997285_9412 (accessed 25 March 2025).
14. *L'vovskij Majkl* [Michael Lvovsky]. VKontakte. Available from: https://vk.com/wall16321308_1380 (accessed 25 March 2025).
15. Mashchenko A. P. *Krym v zhizni i tvorchestve Konstantina Simonova* [Crimea in the Life and Work of Konstantin Simonov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal*, 2023, vol. 9 (75), no. 3, pp. 88–103.
16. Mashchenko A. P. *Special'naya voennaya operaciya v publicistike Aleksandra Prohanova* [Special military operation in the journalism of Alexander Prokhanov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal*, 2025, vol. 11 (77), no. 2, pp. 31–42.
17. Mashchenko, A. P. *Special'naya voennaya operaciya na Ukraine kak vyzov dlya russkoj literatury* [Special Military Operation in Ukraine as a Challenge for Russian Literature] *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal*, 2024, vol. 10 (76), no. 3, pp. 49–61.
18. Mel'nikov V. A. *Voennaya zhurnalistika – instrument realizacii gosudarstvennoj informacionnoj politiki* [Military Journalism as a Tool for Implementing State Information Policy]. *Idey i novacii*, 2014, no. 2, pp. 92–96.
19. Orekhov V. V. *Voennaya zhurnalistika v epohu SVO: ot fiksacii faktov k obobshcheniyam* [Military Journalism in the Era of the Special Military Operation: From Fact-Finding to Generalizations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal*, 2024, vol. 10 (76), no. 3, pp. 49–61.
20. Orekhov V. V. *Voennyj ocherk perioda SVO i tradicija literaturnoj ciklizacii* [Military essay of the period of the Special military operation and the tradition of literary cyclization]. *Konvergentnye tehnologii XXI: variativnost', kombinatorika, kommunikacija: Mat-ly IX Mezhdunar. mezhdisciplinarnoj nauch. konferencii, Simferopol'*, 28–29 nojabrja 2024 g. Simferopol, Arial Publ., 2025, pp. 18–25.

21. Orekhov V. V. «Partizanskaja taktika» informacionnoj vojny. Chast' I: S. N. Glinka, D. V. Davydov [Guerrilla tactics of information warfare. Part I: S. N. Glinka, D. V. Davydov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 174–188.
22. Orekhov V. V. «Partizanskaja taktika» informacionnoj vojny. Chast' II: Informacionnaja bezopasnost' v jepohu Nikolaja I [“Guerrilla Tactics” of the Information War. Part II: Information Security in the Era of Nicholas I]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 131–167.
23. Orehova L. A. Sovremennyy liricheskij ocherk [Modern lyrical essay]. *Voprosy russkoj literatury*, L'vov, Vishha shkola, 1986, no. 2 (48), pp. 3–9.
24. Osadchikh A. S., Kochergina I. V. Etika voennoj zhurnalistiki v epohu informacionnyh vojn [Ethics of Military Journalism in the Era of Information Wars]. *Sovremennye tendencii issledovanij v yazykoznanii, literaturovedenii i zhurnalistike. Sbornik II Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Kursk, 2025, pp. 198–205.
25. Pervyh D. K. Aleksandr Koc: voennyj korrespondent i pisatel' [Alexander Kotz: War Correspondent and Writer]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal*, 2024, vol. 10 (76), no. 4, pp. 33–45.
26. Pervyh D. K. Byt' samim soboj, delat' svoe delo [To Be Yourself, to Do Your Own Thing]. *Aleksandr Fedorchak: syn, drug, voenkor*. Compiled by V. L. Kondratskaya, N. A. Segal, A. S. Fedorchak, S. I. Fedorchak. Ed. by N. A. Segal. Simferopol, IT Ariel Publ., 2025, pp. 6–14.
27. Pervyh D. K. Ot korrespondentskoj konkretiki SVO – k hudozhestvenno-publicisticheskomu obobshcheniyu [From the Correspondent's Details of the Special Military Operation to the Artistic and Journalistic Generalization]. *Zhurnalistika XXI veka: social'nyj zakaz: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 22–23 noyabrya 2024 g.* Ed. by S. G. Korkonosenko. St. Petersburg, Mediapapir, 2024, pp. 169–175.
28. Rossijskie zhurnalisty, pogibshie v zone SVO [Russian Journalists Killed in the SMO Zone]. TASS. Available from: <https://tass.ru/specialprojects/voenkory/pogibshiejurnalisti> (accessed 1 August 2025).
29. Ruzikulov D. Sh. Voennaya zhurnalistika v usloviyah konvergencii [Military Journalism in the Context of Convergence]. *Zhurnalistika v cifrovuyu epohu: tekhnologii i metodologiya tvorchestva. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu fakul'teta zhurnalistiki Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*. Minsk, 2024, pp. 403–407.
30. Ruzikulov D. Sh. Faktory, obespechivayushchie effektivnost' voennoj zhurnalistiki v integrativnom informacionnom prostranstve [Factors Ensuring the Effectiveness of Military Journalism in an Integrative Information Space]. *Zhurnalistika i geografiya. Sbornik materialov III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Voronezh, 2024, pp. 90–96.
31. Sem' let v polnoj izolyacii! [Seven years in complete isolation!]. VKontakte. Available from: <https://vk.com/crimea24tv> (accessed 1 August 2025).
32. Simatova Yu. L., Mironenko I. V. Zarozhdenie voennoj zhurnalistiki v Rossii [The Emergence of Military Journalism in Russia]. *Zhurnalistika, mul'timedia: informacionnyj i sociokul'turnyj potencial. Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati G. M. Solov'eva*. Krasnodar, 2025, pp. 154–158.
33. Tailov A. A., Abdullaeva S. N. Specifika raboty rossijskih zhurnalistov v zone vooruzhennogo konflikta [Specifics of the work of Russian journalists in the zone of armed conflict]. *Kazanskaya nauka*. Kazan', 2024, no. 3, pp. 516–518.
34. Fedorchak Aleksandr [Fedorchak Alexander]. VKontakte. Available from: https://vk.com/wall136672419_3406 (accessed 1 August 2025).
35. Fedorchak Aleksandr V «Azovstali» nacionalisty pytali lyudej na elektricheskom stule [Nationalists Tortured People on an Electric Chair in Azovstal]. *Zvezda*. Available from: <https://tvzvezda.ru/news/2023420959-6iNCi.html> (accessed 1 August 2025).
36. Fedorchak Aleksandr Futbol i nizhnegorcy [Football and the Nizhnyegorye Residents]. *Nizhnyegorye*, 2012, no. 11, p. 4.
37. Fedorchak Aleksandr Sozhzhennaya tekhnika i nerazorvavshiesya boepripasy: kakie «syurprizy» hranit zavod Il'icha [Burned Equipment and Unexploded Ammunition: What Surprises the Ilyich Factory Ha]. *Zvezda*. Available from: <https://tvzvezda.ru/news/202212201037-DOTFp.html> (accessed 1 August 2025).
38. Fedorchak Aleksandr Ukrainskie boeviki popytalis' nastupat' pod Ugledarom, no popali pod udar artillerii [Ukrainian militants tried to advance near Ugledar, but were hit by artillery]. *Zvezda*. Available from: <https://tvzvezda.ru/news/2023419139-56a2K.html> (accessed 1 August 2025).

**MILITARY CORRESPONDENT ALEXANDER FEDORCHAK:
UNDERSTANDING HIS CREATIVE BIOGRAPHY**

Pervykh D. K.

The article attempts to comprehend the creative biography of Alexander Fedorchak, a war correspondent for Izvestia. By systematizing facts from Fedorchak's professional life and conducting a comprehensive analysis of his works, the article reveals the specific personal, creative, and professional attitudes of the journalist. A. Fedorchak's creative potential was based not only on his determination, skill in the craft, and patriotism, but also on his individual approach to presenting material: using the method of participant observation in each report, engaging in a confidential conversation with the audience, and employing various means of communication to establish contact, as well as experiencing and conveying his impressions to the audience. This approach allowed the audience not only to receive information and witness the events, but also to "live through" them alongside the author, capturing not only the names and facts, but also the emotional and moral content of the events. Alexander Fedorchak, who grew up as a sports journalist and is passionate about football, has made a firm decision to be where his homeland and profession need him. The special military operation has played a fateful role in the reporter's life, but it has also forever etched his name in the history of Russian military journalism, placing him alongside the war correspondents of the Great Patriotic War and other heroes of the Hall of Fame of Crimean Journalism at the Institute of Media Communications, Medical Technologies, and Design at the Vernadsky Crimean Federal University.

Keywords: Alexander Fedorchak, war correspondent, history of Russian military journalism, journalism of the special military operation.

УДК 821-14

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-27-34

**ПАМЯТИ УЧЕНОГО:
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ФИЛОЛОГА-КЛАССИКА
ЛЕОНИДА ВАСИЛЬЕВИЧА ПАВЛЕНКО**

Полховская Е. В., Мазина Е. Н.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: polkhovskayay@bk.ru*

Объектом исследования статьи является научное и учебно-методическое наследие крымского филолога-классика Леонида Васильевича Павленко. Изучение данной проблемы позволяет оценить значимость вклада ученого в развитие отечественной эллинистики и изучение греческого языка (древнего и нового) в Крыму. Научные работы Л.В. Павленко охватывают вопросы древнегреческой комедии (в частности, изучение новонайденных текстов Менандра), византийской христианской литературы и ее влияния на литературу славянскую. Деятельность ученого по разработке учебников древнегреческого и латинского языков, учебников и учебных пособий по византийской литературе можно назвать высокопродуктивной и подвижнической.

Ключевые слова: Л. В. Павленко, классическая филология, древнегреческий язык, византистика.

Леонид Васильевич Павленко
24 июля 1938 г. – 8 июля 2015 г.

ВВЕДЕНИЕ

В народе таких называют самородками.

Не перестаешь удивляться, как Предназначение ведет человека к реализации его таланта. Леонид Васильевич Павленко родился 24 июля 1938 года в г. Купянске, на Харьковщине, в семье скромных служащих. Ему не исполнилось и семи лет, как ушла из жизни его мать. Военное детство не было безоблачным и закончилось рано – уже после девятого класса он поступил работать электриком на механический завод. Учебу пришлось продолжать в школе рабочей молодежи, после трудовой смены. По комсомольской путевке Леонид Павленко направлен на строительство шахт Донбасса. Только в 21 год он стал студентом отделения классической филологии Ленинградского университета, по окончании которого получил распределение в Крымский медицинский институт на должность

преподавателя латинского языка. Позже много лет работал в Симферопольском государственном пединституте (ныне – КФУ им. В. И. Вернадского), читая курсы античной литературы.

Цель данного исследования – оценить научный и методический вклад Л. В. Павленко в развитие классической филологии в Крыму, отметить сделанные им открытия и его подвижничество в деле популяризации науки и развития образования по специальности «Новогреческий язык». Методика исследования включает общеполитические методы анализа и синтеза, описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, проблемно-хронологический метод.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Защита диссертации кандидата филологических наук на тему «К вопросу о традициях и новаторстве творчества Менандра (на материале комедии «Щит»)» в 1979 г. стала ключевым этапом его деятельности. По сути, было совершено открытие, значимое как для отечественной, так и для мировой науки. Менандр – создатель новоаттической комедии древней Греции, чьи сюжеты заимствовали римские драматурги; его влияние прослеживается и в европейской драме. Афоризмы античного классика прочно вошли в русскую речь, став неотъемлемой частью литературного языка: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» – широко используемая менандровская сентенция, более известная в латинском переводе (*Homo est et nihil humani*). Само же творчество великого комедиографа могло бы кануть в Лету, если бы не старания текстологов и литературоведов-классиков. Почти утерянные в Средние века тексты (свыше ста пьес), обнаруживались лишь в отдельных отрывках в последующие исторические периоды, вызывая восхищение поэтов, писателей, драматургов (к которым принадлежит и И. В. Гете). Некоторые тексты стали известны только в XX в. Так, среди папирических находок 1959 г. были новые отрывки «Щита». Переводы их еще не были осуществлены, и в Краткой литературной энциклопедии 1969 г. это произведение даже не упоминается.

Диссертация, выполненная под руководством профессора Н. А. Чистяковой, получила одобрение знаменитого ученого В. Н. Ярхо, который был оппонентом на защите. Выводы, к которым приходит диссертант, являются довольно смелыми, поскольку ставят под сомнения некоторые закрепившиеся в текстологии утверждения относительно новаторства драматурга, весьма переоцененное, как демонстрирует Л. В. Павленко. «Принимая выводы капитального труда В.-Х. Фридриха, автор рассматривает процесс формирования новой комедии от Аристофана к Менандру как длительный и непрерывный, подразумевающий несомненное для Менандра подражание Еврипиду и достаточно активное воздействие комедии средней (особенно в отношении выработки наиболее ходовых мотивов и трафаретных комических типов)» [13, с. 2]. Однако новаторские элементы ученым не отрицаются. Находка «Щита» открыла новую грань творчества драматурга: комедия была нетипичной и вводила новые для Менандра художественные средства и приемы: мотив мнимой смерти в развитии интриги, более глубокие мотивировки поведения героев, преобразование комической маски в психологический образ. Менандр «как художник оказался впереди своего времени и в этом причины известного непризнания его афинской театральной публикой, а также объяснение пришедшей к нему посмертно величайшей славы» [13, с. 18].

Особо значимым было то, что Л. В. Павленко ставил задачей диссертационного исследования не только изучение мотивной структуры, топики, образной системы, но и реконструкцию вероятного развития сюжета так и не найденных последних актов (первые акты были обнаружены на последних страницах кодекса М. Бодмера – Papyrus Bodmer XXVI).

Диссертации предшествовал ряд статей. В публикации «Менандр – открытие XX в.» демонстрируется, что «Менандр перестал быть поэтом только по имени. Его творчество открыло нам, по существу, совершенно новый жанр «серьезной комедии» – психологической драмы, широко трактующей проблемы семейной этики: взаимоотношений супругов, отцов и детей, старшего и молодого поколений» [17, с. 89]. В статье «Менандр: новые находки и проблематика изучения творчества» [16] автор подвергает критике традиционную методику изучения древнегреческой комедии, основанную не только на оригиналах, но и на привлечении текстов римской комедии в качестве базы для суждения, и видит выход в комплексном подходе с учетом того, что древнегреческие тексты подвергались переработке римскими драматургами и необходимо опираться на знание художественного метода конкретного драматурга. Интересна статья «Менандр как источник по истории раннего эллинизма» [15], демонстрирующая, как в произведениях Менандра отражается жизнь разных слоев населения Афин, реалии права и педагогики.

По новонайденным комедиям Менандра Леонид Васильевич Павленко составляет библиографический указатель. Сегодня, в эпоху тотальной компьютеризации, трудно оценить, насколько значимой для науки была деятельность по составлению такого рода библиографий, насколько они облегчали поиск последующим исследователям. Следует отметить, что и его методические разработки для студентов к лекционным курсам сопровождались наиболее полным обзором научной литературы. Вплоть до появления компьютеров, библиографические указатели доцента Л. В. Павленко были наиболее полными в этой области и во многом не утратили своей ценности по нынешний день.

Последующее десятилетие (1980-е гг. – начало 1990-х) Л. В. Павленко работает в области древнегреческой литературы, изучая становление комических типов в драме, возникновение жанра утопического романа на примере творчества Ямбула (образа Геракла), анализируя новонайденные папирусные тексты, в частности Оксиринхские папирусы. В фокусе его внимания – эллинистическая художественная проза, а также развитие античного романного сюжета в средневековой и ренессансной европейской литературе, а также в современной отечественной.

В этот же период Л. В. Павленко активно включился в научную и методическую работу уже на всесоюзном уровне: был членом Методической комиссии по филологическим дисциплинам университетов СССР. В дальнейшем представлял университет в научно-методическом объединении Министерства образования Украины.

В 1990-е и 2000-е гг. в сферу интересов ученого попадает малоизученная византийская литература. И здесь намечаются два направления исследований: анализ произведений отдельных писателей и поэтов (Симеона Метафраста, Григория Богослова, Афинаиды и др.) и выявление религиозных и литературных влияний на литературу славянских народов. Изучены памятники византийского происхождения о крещении Киевской Руси, а также византийские начала христианской филологии и педагогики. Л. В. Павленко отмечает необходимость «составить цельное представление о культуре и литературе духовных наставников наших народов на этапе приобщения их к христианству и формирования государственности Древней Руси» [11, с. 651].

Подвижническая натура Л. В. Павленко не давала ему почивать на лаврах. В 1990-е он ведет интенсивную организаторскую и методическую работу по созданию первой в Украине кафедры новогреческой филологии. Ежегодно сдаются в печать учебники, хрестоматии и учебные пособия (учебник древнегреческого языка (1992), хрестоматии по древнегреческой литературе (1994, 1995), учебник латинского языка для юристов (1994)

и др.). Его деятельность находит признание образовательных учреждений, общественных и культурных фондов Греции. Директор Института филологии КФУ им. В. И. Вернадского профессор А. Д. Петренко особо значимым считал то, что Леонид Васильевич «всегда в курсе новейших достижений в области классической и новогреческой филологии и строит свои лекции на материале собственных исследований».

Одновременно ведется научная работа, а также осуществляется научное руководство соискателями ученой степени кандидата наук. В 1996 г. защищает диссертацию Александра Ольга Николаевна («Античные темы в драматургии французского экзистенциализма (Альбер Камю и Жан-Поль Сартр)» [3]). Она вспоминает: «Леонид Васильевич немало времени уделил обучению меня тому, как нужно работать над научным текстом, как тщательно отбирать из массы сведений те немногие, но наиболее яркие факты, которые правильно проиллюстрируют положения моей научной работы. Впоследствии эти навыки очень помогали мне при работе со студентами». В 2011 г. защищает диссертацию Банах Лилия Сергеевна («Психодрама как сюжетообразующий композиционный принцип в романах Маро Дука» [4]).

Л. В. Павленко не отрывается от российской научной мысли даже в эпоху «самостийности» украинского государства. В рамках гранта он подготовил два учебных пособия по древнегреческому языку и литературе для гимназий Российской Федерации. В 2003 г. выходит учебник в двух томах по византийской литературе. Автор понимает, что «едва ли можно признать нормальным положение, когда интересующаяся историей и культурой Греции молодежь не представляет себе литературного фона, на котором протекала борьба греков за освобождение от турецкого владычества и создавалось независимое греческое государство» [7, с. 6]. Еще более печально обстояли дела с изучением новогреческой литературы, начиная со средневековья и до наших дней.

Литература Византии обогатила духовный мир славянства, что связано, прежде всего, с принятием православия и изучением латыни и греческого в духовных заведениях России. Традиция изучения истории и литературы Византии была прервана на много десятилетий и возрождалась силами отечественных ученых, среди которых можно назвать имена С. С. Аверинцева, Я. Н. Любарского, С. В. Поляковой, Т. В. Поповой, Л. А. Фрейберг, М. Л. Гаспарова. Об этом говорится в предисловии к учебнику: «Духовная и научная элита Российской империи в продолжение всего XIX столетия многое сделала для приближения произведений византийцев к русскоязычному читателю: начал осуществляться проект перевода сохранившихся произведений церковных и светских литераторов, появились первые монографии, посвященные политической и литературной истории Византии. После 1917 года процесс освоения византийского литературного наследия прерывается почти на полвека, чтобы возобновиться в эпоху идеологических “оттепелей” и стать ощутимым и плодотворным лишь во второй половине 80-х годов» [7, с. 9]. Леонид Васильевич берет на себя миссию популяризации научных наработок, ведь до появления двухтомника «Византийская литература» сведения о литературе Византии и культурных истоках русского православия содержались только в научных статьях и монографиях, предисловиях к редким изданиям. Весь имеющийся материал был систематизирован в лекционный курс, на основе которого был создан учебник, написанный ясным и доступным языком (при том, что была включена основная терминология) и содержащий отрывки из текстов византийских авторов в качественных переводах (некоторые переводы выполнены самим Л. В. Павленко).

В изложении литературного и исторического материала ученый выступает сторонником теории многовекового единства греческой культуры на трех этапах ее развития (античном, средневековом и нововременном), демонстрируя что «греческие литераторы разных эпох основывали свое творчество на творениях прошлого и как бы продолжали (пусть даже и с перерывами, и понятными изменениями) существование литературы своего народа» [7, с. 6]. Л. В. Павленко удалось проследить модификацию античных традиций и адаптацию их к церковной литературе Византии. Также он впервые прокомментировал религиозную лирику Романа Сладкопевца (Мелода), причисленного церковью к лику святых. Именно Л. В. Павленко намечает путь исследования церковного музыкального искусства и литературы.

В учебнике по литературе Византии прослеживается развитие доминирующих жанров – поэзии, историографической и житийной литературы. Значимо, что автор демонстрирует, как византийская литература, уходящая корнями в античность, но развивающаяся под влиянием христианства, подготовила почву для новогреческой литературы, а также какой вклад она внесла в древнерусскую литературу, имеющую с ней вероисповедальную и культурную общность (переложения богослужебных книг, естественнонаучного сборника «Физиолог», хроник, героического эпоса «Девгениево деяние», сказок и басен) [8]. Обобщения, предложенные Л. В. Павленко, идут в русле литературоведческого направления, изучающего взаимосвязи литератур в контексте единого мирового литературного процесса, и особенно близки к выводам С. С. Аверинцева, занимавшегося связями Византии и других народов в разные эпохи [1; 2]. В учебнике предложено сопоставление западных и восточных литератур в аспекте их жанровых разновидностей.

Двухтомник по византийской литературе позже был существенно доработан, расширен и издан в Киеве в 2012 г. [9]. В него включаются хрестоматийные вкладыши – отрывки из произведений византийских авторов в оригинале с переводом Л. В. Павленко. Новое издание представляло значительный интерес для богословских семинарий, и не случайно его рецензировал протоиерей, преподаватель Киевской духовной академии УПЦ. В книге глубоко изучена эпоха Константина Великого, прослеживаются истоки церковной историографии (Евсевий, Памфил, Сократ Схоластик, Феодорит Киррский и др.); отдельно рассмотрена патристика IV века (Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст); включены также отрывки жизнеописательной литературы, ранневизантийского эпоса и произведений эпохи Юстиниана.

В хрестоматии «Поэзия Новой Эллады» [19] представлены новогреческие лироэпические произведения XIX–XX вв.; и если имена Константиноса Кавафиса, Костаса Ваналиса, Йоргоса Сефериса и Яниса Рацоса достаточно известны читающей аудитории, то Л. В. Павленко включает в сборник стихотворения менее известных, но, безусловно, талантливых мастеров: Андреаса Кальвуса, Дионисиоса Соломоса, Александроса Суцоса, Александроса Рангависа, Андреаса Ласкаратоса, Аристотелиса Валаоритиса, Георгиоса Визииноса, Аргириса Эфтаниотиса, Костаса Кристаллиса, Ангелоса Сикельяноса, Костаса Кариотакиса, Одиссеаса Элитиса. Произведения даны в оригинале и с качественным переводом, а также сведениями об авторах и пояснениями. Наиболее значимы разъяснения относительно использования кафаревусы как попытки возрождения классической древности и проникновения демиотики в поэзию XIX в. Дана картина политической жизни греков, ожесточенно борющихся за свою свободу.

В изданной в 2004 г. «Истории греческого языка» [12] изложены исторические факты, отраженные в письменных источниках, описаны этапы развития греческого языка в его диалектных формах, обозначена специфика письменных памятников. Учебное пособие проиллюстрировано текстами различных периодов: отрывками из Гомера, Эсхила, Еврипида, Аристофана, Платона, Диодора Сицилийского, Анны Комнины и др. Языковые явления получили системное освещение в широком культурно-историческом контексте, а главное, представлена обширная библиография для самостоятельного углубленного изучения вопроса. Пособие содержит много авторских наблюдений и умозаключений касаясь гомеровского диалекта и диалекта «койнэ», а также диалекта Нового Завета. В 2010 г. было создано методическое пособие по вышеуказанному курсу, предлагающее для чтения и перевода на новогреческий отрывки из «Алексиады» Анны Комнины (1083–1155) на средневековом греческом литературном языке [6]. Оригинальный текст снабжен комментариями с указаниями отсылок к персоналиям древнего мира, Библии, древнегреческой литературе. Организация материала позволяет приоткрыть для студентов мир христианской Византии, дает представление о писательском творчестве дочери византийского императора и супруги полководца Никифора Вриенния и о событиях тех времен. Все учебники введены в практику преподавания на новогреческом отделении Института филологии.

Уход из жизни Леонида Васильевича Павленко стал большой утратой для отечественной науки и образования. Но его наследие и сегодня служит фундаментом для работы молодых ученых и педагогов.

ВЫВОДЫ

Значимость вклада Л. В. Павленко в развитие науки и образования в Крыму неоспоримо. Список его трудов насчитывает более ста наименований, среди которых ряд научных открытий, авторских методик исследования древнегреческих текстов, преподавания античной и византийской литературы, древнегреческого и латинского языков. Ученики Леонида Васильевича вспоминают его с благодарностью и восхищением. Авторы этой статьи благодарят Эльзу Николаевну Павленко и Петра Леонидовича Павленко за предоставленную информацию.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Западно-восточный генезис литературных канонов византийского средневековья // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. – М.: Наука, 1974. – С. 152–191.
2. *Аверинцев С. С.* На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского Средневековья // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Наука, 1985. – С. 5–20.
3. *Александрова О. Н.* Античные темы в драматургии французских экзистенциалистов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.04. – К., 1996. – 20 с.
4. *Банах Л. С.* Психодрама как сюжетобразующий композиционный принцип в романах Маро Дука: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.04. – К., 2011. – 20 с.
5. *Борухович В. А.* Менандр // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия». – Т. 4. – 1967. – С. 762–763.
6. Методическое пособие для аналитического чтения по курсу «История греческого языка». Анна Комнина «Алексиада» / сост. Л. В. Павленко. – Симферополь: ТНУ им. В. И. Вернадского, 2010. – 17 с.
7. *Павленко Л. В.* Византийская литература. Часть 1. От Византии к Новой Элладу. – Симферополь: ТНУ им. В. И. Вернадского, 2003. – 211 с.

8. Павленко Л. В. Византийская литература. Часть 2. От Византии к Новой Элладе. – Симферополь: ТНУ им. В. И. Вернадского, 2003. – 146 с.
9. Павленко Л. В. Візантійська література: Нариси і тексти. Ч.1 Становлення. Навчальний посібник. – К.: Вадим Карпенко, 2012. – 692 с.
10. Павленко Л. В. Древнегреческий язык. – Минск, 1993. – 307 с.
11. Павленко Л. В. Жанровые формы античной научно-педагогической литературы у византийских христианских писателей (от Плутарха к Василию Великому и Михаилу Пселлу // Христианство и мир. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Христианство – 2000». – Самара, 2001. – С. 650–651.
12. Павленко Л. В. История греческого языка. Учебное пособие к теоретическому курсу для специальности «Неоэллинистика». – Симферополь, 2004. – 102 с.
13. Павленко Л. В. К вопросу о традиции и новаторстве творчества Менандра (на материале комедии «Щит»); автореферат дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.14 – М., 1979. – 18 с.
14. Павленко Л. В. Комедия Менандра «Щит» // Вестник древней истории. – 1975. – № 4. – С. 80–92.
15. Павленко Л. В. Менандр как источник по истории раннего эллинизма // Вестник древней истории. – 1982. – № 4. – С. 103–112.
16. Павленко Л. В. Менандр: новые находки и проблематика изучения творчества // Вестник древней истории. – 1977. – № 2. – С. 155.
17. Павленко Л. В. Менандр – открытие XX века // В мире книг. – 1976. – № 4. – С. 87–90.
18. Павленко Л. В. Новые жанры в греко-римской литературе эпохи Империи // Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней. – Симферополь, 1999.
19. Поэзия Новой Эллады: Учебная хрестоматия для высшей и средней школы / Составление, статьи и комментарии Л. В. Павленко. – Симферополь: Научно-методический центр «Библиотека Таврика», 2004. – 139 с.

References

1. Averintsev S. S. *Zapadno-vostochnij genesis literaturnih canonov vizantijskogo srednevekovja* [The West-Eastern genesis of the literary canon of the Byzantine Middle Ages]. *Typologija i vzaimosvjazi srednevekovih literatur Vostoka i Zapada*. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 152–191.
2. Averintsev S. S. *Na granitse tsevilizatsij i epokh: vklad vostochnikh okrain rimsko-vizantijskogo mira v podgotovku dukhovnoj kultury evropejskogo Srednevekovja* [On the Border of Civilizations and Epochs: The Contribution of the Eastern Outskirts of the Roman-Byzantine World to the Formation of the Spiritual Culture of the European Middle Ages]. *Vostok-Zapad. Issledovanija. Perevody. Publikatsii*. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 5–20.
3. Alexandrova O. N. *Antichnije temy v dramaturgii frantsuzskih existentsialistov: avtoreferat dissertatsii ... cand. philol. nauk: 10.01.04* [Antique themes in the French existentialists' drama. Abstract of Thesis]. Kiev, 1996. 20 p.
4. Banakh L. S. *Psychodrama kak suzhetoobrazujusnij kompozitsionnij printsip v romanah Maro Duka: avtoreferat dissertatsii ... cand. philol. nauk: 10.01.04* [Psychodrama as a plot-forming compositional principle in the novels by Maro Duka. Abstract of thesis]. Kiev, 2011. 20 p.
5. Borukhovich V. A. *Menandr* [Menander]. *Kratkaja literaturnaja entsiklopedija* / ed. A.A. Surkov. Vol. 4. Moscow: Sovetskaja entsiklopedija Publ., 1967, pp. 762–763.
6. *Metodicheskoje posobie dlja analiticheskogo chtenija po kursu «Istorija grecheskogo jazyka»*. Anna Komnina «Aleksiada» [Methodological manual for analytical reading on the course "The History of the Greek Language". Anna Komnene's "The Alexiad"] / comp. L.V. Pavlenko. Simferopol: TNU imeni V. I. Vernadskogo Publ., 2010. 17 p.
7. Pavlenko L. V. *Vizantijskaja literatura. Chast' 1. Ot Vizantiji k Novoj Ellade* [Byzantine Literature. Part 1. From Byzantium to New Ellada]. Simferopol: TNU imeni V. I. Vernadskogo Publ., 2003. 211 p.
8. Pavlenko L. V. *Vizantijskaja literatura. Chast' 2. Ot Vizantiji k Novoj Ellade* [Byzantine Literature. Part 2. From Byzantium to New Ellada]. Simferopol: TNU imeni V. I. Vernadskogo Publ., 2003. 146 p.
9. Pavlenko L. V. *Vizantijs'ka literatura: Narisy i texty. Ch.1 Stanovlennja* [Byzantine Literature: Essays and Texts. Part 1. Formation]. – Kyiv, Vadym Karpenko Publ., 2012. 692 p.
10. Pavlenko L. V. *Drevnegrecheskij jazyk* [Ancient Greek language]. Minsk, 1993. 307 s.

11. Pavlenko L. V. *Zhanrovije formy antichnoj nauchno-pedagogicheskoy literatury u vizantijskih khristianskih pisatalej (ot Plutarkha k Vasiliju Velikomu i Mikhailu Psellu)* [Genre forms of ancient scientific and pedagogical literature of Byzantine Christian writers (from Plutarch to Basil the Great and Michael Psellus)]. *Khristianstvo i mir: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Khristianstvo – 2000»*. Samara, 2001, pp. 650–651.
12. Pavlenko L. V. *Istoriya grecheskogo yazyka* [The History of the Greek Language]. Simferopol, 2004. 102 p.
13. Pavlenko L. V. *K voprosu o traditsii i novatorstve tvorchestva Menandra (na materiale comedii «Shchit»): avtoreferat dissertatsii ... cand. philol. nauk: 10.02.14.* [On the issue of tradition and innovation in Menander's work (based on the comedy "The Shield"). Abstract of Thesis]. Moscow, 1979. 18 p.
14. Pavlenko L. V. *Comedija Menandra «Shchit»* [Menander's comedy "The Shield"]. *Vestnik drevnej istorii*, 1975, no 4, pp. 80–92.
15. Pavlenko L. V. *Menandr kak istochnik po istorii rannego ellinizma* [Menander as a source for the history of early Hellenism]. *Vestnik drevnej istorii*, 1982, no 4, pp. 103–112.
16. Pavlenko L. V. *Menandr: novije nakhodki i problmatika izuchenija tvorchestva* [Menander: new findings and problems of research]. *Vestnik drevnej istorii*, 1977, no 2, p. 155.
17. Pavlenko L. V. *Menandr – otkrytie XX veka* [Menander – a discovery of the 20th century]. *V mire knig*, 1976, no 4, pp. 87–90.
18. Pavlenko L. V. *Novije zhanry v greko-rimskoj literature epokhi Imperii* [New Genres in Greek and Roman Literature of the Imperial Period]. *Cultura narodov Prichernomor'ja s drevnejshih vremen do nashih dnei*. Simferopol, 1999.
19. *Poezija Novoj Ellady* [Poetry of New Hellas] / Comp. L.V. Pavlenko. Simferopol: Nauchno-metodicheskij tsentr «Biblioteka "Tavrika"» Publ., 2004. 139 p.

IN MEMORY OF THE SCHOLAR: SCIENTIFIC HERITAGE OF CLASSICAL PHILOLOGIST PAVLENKO LEONID VASILYEVICH

Polkhovskaya Y. V., Mazina Y. N.,

The object of research in the article is scientific and methodological heritage of Crimean classical philologist Pavlenko Leonid Vasilyevich. The research presented allows to estimate the scholar's important input into the development of national Hellenistic studies and studies of the Greek language (Ancient and Modern Greek) in Crimea. L.V. Pavlenko's philological researches comprise the issues of Ancient Greek comedy (newly-found text by Menander in particular), Byzantine Christian literature and its influence on Slavic literature. The activity of the scholar in writing the textbooks in the Ancient Greek and Latin languages, textbooks and methodological materials in Byzantium literature can be called titanic and selfless.

Keywords: L.V. Pavlenko, classical philology, Ancient Greek language, Byzantium studies.

2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.131.1.0

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-35-50

КОНЦЕПТ «РОДОВОЙ КОСТЕР» В ПОЭЗИИ НАРОДОВ СЕВЕРА

Жулева А. С.

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ РАН),
Москва, Российская Федерация
E-mail: albina.zhulewa@yandex.ru*

В статье обсуждается процесс становления и развития литературы народов Севера, в частности, рассмотрены формирование, роль и значимость художественного концепта в историко-культурном контексте. В качестве объекта избран познавательный и художественный концепт «родовой костер». Отмечено, что порыв человеческого духа к запредельному, обретение нравственных ценностей, сохранение традиций, обрядов и ритуалов нашли отражение благодаря присутствию этого концепта изначально в устном народном творчестве. Позднее, трансформируясь, он стал сверттекстовой структурой и в литературе. В ходе исследования выделен круг произведений, в которых присутствует художественный концепт «родовой костер» и как самостоятельный, и как модель концептуализации огня и родовой памяти.

Ключевые слова: народы Севера, поэзия, родовой костер, огонь, концепт, предки, мировидение.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс зарождения и становления литературы народов Севера в XX в. – удивительный феномен эволюционного развития, возникший в условиях смены эпох. Литература родилась почти одновременно с разработкой алфавитов и появлением письменности на родных языках, внедрением образования на родном и русском языках, транскulturации.

Основная **цель** нашей работы – проследить, как познавательный концепт «родовой костер», трансформируясь и сохраняя мифопоэтические основы устного творчества, обретает художественную концептуальность в новописьменной литературе народов Севера.

Заметно внимание историков, этнографов, фольклористов, в том числе из числа представителей народов Севера, к родовому костру как субъекту бытования и культуры народов Севера. Известны работы историков и этнологов И. С. Вдовина, В. Г. Богораз-Тана, ненецких авторов Е. Пушкаревой, А. Сязи и др. В работах литературоведов мифологема «родовой костер» рассматривалась локально, в основном с уточнением ее связи с устным народным творчеством северных этносов. Возвращением себе истории, сохранением аутентичного устного творчества называет северовед Ю. Г. Хазанкович в монографии «Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера» обращение писателей к фольклору [22]. Исследуя доминантные особенности функционирования фольклорно-эпической традиции, она учитывала отражения «первичной» формы мировоззрения, специфического художественного мышления писателей-северян, анализировала трансформацию и адаптацию фольклорно-жанровых структур в художественном произведении и определяла в текстах «функции фольклорно-эпической «цитации». Хазанкович, подчеркнув важность учета стадийного развития общественного сознания малочисленных народов Севера, отмеченного ранее А. В. Пошатаевой в книге «Литературы народов Севера», отметила, что присутствующие «ранние формы осмысления реальности, как фольклор и мифология, в литературах

малочисленных народов Севера служат своего рода культурным кодом, с которым до сих пор не утрачена связь. Устно-поэтическое наследие не является у северян архаикой. Оно сохранило, видоизменившись, свое функциональное содержание» [22, с. 3].

Лингвокультурологи и лингвисты, рассматривая концепт «огонь», отмечают, что костер и огонь создают равнозначно особую психосоциальную среду, означают костер моделью концептуализации огня (Трофимова А. В., Котова Ю. А. и др.). Характеризуя художественность и этноспецифику концепта «родовой костер», нами было учтено мнение А. Аскольдова и Д. Лихачева о том, что художественный концепт как «сгусток смыслов» (Аскольдов) и основной ингредиент концептосферы произведения (Лихачев) тесно связан с познавательным концептом и художественным образом. Нами учитывалось также сделанное позднее уточнение лингвокультуролога Ю. С. Степанова, что понятие «определяется», концепт «переживается». По мысли Ю. С. Степанова, концепт включает в себя не только логические признаки, но и яркие, характерно отличные детали, компоненты научных, психологических, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций [17, с. 19–20, 64].

Однако остаются без ответа многие вопросы трансформации познавательного концепта в художественный. Изучение репрезентации и рецепции художественного концепта является важным и необходимым как для осознания идейного смысла художественного текста, так и для понимания менталитета литературной личности, ее творческой манеры.

Для изучения концепта «родовой костер» нами был привлечен широкий круг произведений поэзии разных народов Севера, что позволило проявить актуальность этого концепта для менталитета северян. Отмечено наличие значительного количества поэтических произведений с говорящим названием: «Родовой костер» и «Сон у костра» ненецкого поэта Леонида Лапцуя, «Костры» и «Дым костра» хантыйского поэта Романа Ругина, «Костерок» чукотской поэтессы Клавдии Геутваль, «Юкагирские костры» Улуро Адо, «Дымок» эвенкийского поэта Григория Чинкова и мн. др. Определение концепта автором в названии произведения Д. С. Лихачев считал значимым как для раскрытия содержания, так и для формирования концептосферы в комплексе с другими концептами. В ходе исследования раскрыто, как, наполняясь художественными концептами, концептосфера становится единицей индивидуально-авторского творческого процесса, отражением авторского самосознания.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

«Костер» и «огонь» как факторы выживания и бытования человека, как способ победы над хаосом уже в мифах обрели черты художественности. Позднее в фольклоре и эпосе они продолжили развитие, образно представляя космологические размышления, стремление познать окружающий мир. Письменная литература активизировала богатство метафоризации родового костра и огня, родовой памяти, раскрывая их смысловую значимость.

И хотя в настоящее время концепт «родовой костер» несколько потерял активность своего развития в литературе, его роль не снижается для постижения его и сопряженного с ним принципа культуры – огня для расширения знаний и раскрытия символики. Не менее существенной для изучения на литературном материале эволюции, истоков развития человека, этномировидения остается и константа «род», «родовые отношения», «родовая память». Согласно новому энциклопедическому словарю (М., 2008), родовые отношения – это отношения, складывающиеся между представителями рода (внутриродовые) и представителями разных родов (межродовые).

Родовой костер, сопряженный с родовым огнем и родовой памятью, оставался «живым» для народов Севера, поскольку активно бытовал в верованиях и традициях, обрядах и ритуалах до периода социальных перемен, на бессознательном уровне присутствует, проявляясь в культуре, литературе и в наши дни. В первой половине XX в. существовали у этих народов, в своеобразном сочетании общественные отношения разного уровня: семья, род, племя, фратрия и народ. Об этом писал ряд исследователей-североведов (Вдовин И. С., Меновщиков Г. А., Головнев А. В. и др.).

Сохранение и развитие первообразов в литературе – значимое явление для культуры всего человечества «Любое отношение к архетипу, переживаемое или просто именуемое, “задевает” нас; оно действительно потому, что пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный. Говорящий прообразами говорит как бы тысячью голосов <...>, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путем высвобождает в нас все те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых опасностей и превозмогать даже самую долгую ночь» [26, с. 230].

Концепт-конструкт «родовой костер» обладает магией, наполненной тайнами и огромной силой благодаря огню, о чем свидетельствует как устное творчество народов Севера, так и письменная литература. Известно, что огонь как природный первоэлемент почитается во всем мире, нередко воспринимается как божественное проявление. Многочисленны и этнически разнообразны образцы поклонения как родовому костру, так и родовому огню у народов Севера. В зарождавшейся литературе они постепенно обретали различные формы отражения, обусловленные ее постепенно закреплявшимися функциями. Обращение к целому ряду литературных текстов, написанных поэтами и прозаиками на родных языках (и частью существующих в автопереводах), а также на русском языке, позволило проявить роль концепта «родовой костер» в реализации названных функций.

Вступая на новый, необычный для своего этноса путь – создание письменной поэзии, авторы-издатели литературы народов Севера обращались за поддержкой и вдохновением нередко к родовой памяти, традиционно активизирующему ее родовому костру. Так, хантыйский поэт Миккуль Шульгин в стихотворении «Костер в тайге» воспевает достоинства костра как наполненной жизненной энергии сущности, которая способна не только реально спасти человека в тайге, согреть его и помочь приготовить пищу, обращается к нему за творческой поддержкой. Он уверен, что родовой костер, обладая метафизическим языком, может поддержать беседу, спеть с ним песню. Представлен костер в облике волшебного, имеющего крылья летающего существа: «Затяну-ка я песню / Подпевай, костер! / Ты не зря над лесом / крылья распростер» [14, с. 104].

Мотив «внутренней инженерии», тонкой связи вдохновения поэта с природой развивается и в стихотворении «Костры» (пер. Л. Сорокина) другого хантыйского поэта – Романа Ругина. Одновременно в тексте стихотворения «Костры» осуществляется связь с реципиентом-читателем. Высоко оценивая тепло костров для охотников как радость для их души, поэт, обращаясь к реципиенту-читателю, советует бережно обращаться с костром, позиционируя традиции, заложенные в детстве. По его мнению, равнодушие и недоброе отношение по отношению к незатухающему пламени, прячущемуся в золе, способны задушить игру огня. Антропологизируя мироздание, наделяя костер и огонь тонкой натурой, владеющий ею, автор ассоциирует их с поэтами, несущими миру гармонию, добро и свет: «Сердца поэтов – как костры: / Видней тропа в их добром свете, / От их тревожащей жары / Теплей становится на свете. / Они ведут свой разговор /

С седой Полярною звездою, / И с белизною дальних гор / И с многотуманною тайгою». Пробуждающий воображение родовой костер становится символом света, обретает духовную значимость: «Когда костры заснут в золе, / И тьма сгустится над лесами, / Сердца поэтов на земле / Горят высокими кострами» [18, с. 81–82].

Родовая память являет собой информацию предков об истоках, об их ценностях и традициях. Как бы «просыпаясь» у родового костра, она может подтолкнуть к той или иной деятельности. Но, хотя родовой костер генетически и является скоплением всех родов, всех поколений, всех колен, которые жили когда-то, у каждого человека постепенно формируется свой внутренний родовой костер. Родовой костер с его родовым огнем влияли на сохранение родовой памяти, разжигали внутренний творческий костер, активизируя зарождение поэтических идей, образов. Этот процесс требует своего изучения с привлечением других наук, в частности психологии и лингвистики. Как огонь приводит к состоянию транса, настраивая на общение с предками? Актуальным для нас становится изменение фокусирования внимания под воздействием огня. Как оно концентрируется на внутренних психических процессах-мыслях, образах, воспоминаниях, представлениях? Исследователи транса В. Ю. Завьялов, В. Д. Бехтерева, А. О. Прохоров относят его к измененному состоянию сознания – ИСС. Предположительно во время транса либо происходит расфокусирование внимания, либо оно становится селективным, выборочным. При проводимых испытаниях ощущается быстрый, вибрационный гул движущейся вокруг энергии, раскачивание или вращение, потеря чувства направления и тяжести, ощущение у человека, что он поднимается из своего тела. Наполнение души и духа новыми ощущениями, возможно, и способствует возникновению сакральной связи с родовой памятью [8].

«Сородичи, братья по родовому огню», – обращается эвенкийский поэт Алитет Немтушкин к предкам за советом и поддержкой своих мыслей в стихотворении «Сородичам» (пер. А. Федоровой). Размышляя о призрачном счастье, он ведет диалог с предками, приглашая одновременно к нему и современников: «У жарких костров не о счастье ли деды мечтали, / Когда по тайге дни и ночи они кочевали / И метили в зверя, а в счастье пытались попасть». Предлагает поэт быть более внимательным к духовному наследию предков, к их опыту и извечным мечтам. Эвенкийский поэт и прозаик Алитет Немтушкин, рожденный в семье охотника древнего рода Хэйкогир, в своих произведениях нередко подчеркивал значимость родового костра и огня для таежных жителей. Немтушкин называл себя, что означено и в стихах, тем самым «диким тунгусом», о котором писал А. Пушкин в «Памятнике». Пророчество великого русского поэта сбылось и стало даже развитием литературы эвенков (тунгусов). Немтушкин ассоциирует родовой костер с творческим процессом, приглашая к созданному из слов и размышлений своему творческому костру. Слова героя-автора в стихотворении «Мой аркан забыл олени рога...» звучат своеобразным покаянием за оставленное традиционное занятие таежного охотника и жизнь в городе в связи с победившим желанием «разводить костры на бумажном льду». Как бы в ответ на возможный упрек, принесенный ветром от покинутой им тайги, поэт обращается к народу, предкам и современникам «приходить» к его творческому костру. Убеждает их, что свои песни он сочиняет о них и для них, чтобы они «пронзали тьму» и «грели в стужу». Без их участия, их доброты, по его мнению, возможно угасание творческого костра: «А без вас мой костер потускнеет, умрет, / Темный пепел его заметут снега» [14, с. 130].

В стихах Немтушкина костер и огонь, как и в поэзии других северных авторов нередко становятся гештальтом целого спектра чувств. О связи огня с внутренним миром человека лингвист А. В. Трофимова писала, выделяя гештальт радости, например в романе В. Иванова «Голубые пески» [21].

Обращаясь к актуальной теме создания портрета своего народа, привлечения внимания к его проблемам, вписания в мировой процесс, в том числе литературный, использовал прием создания концептосферы с участием концепта «родовой костер» и юкагирский поэт, ученый, общественный деятель Улуро Адо – Гавриил Николаевич Курилов. Поэт, разрабатывавший юкагирский алфавит, приглашал в стихотворении «Вадун лачил» (Юкагирский костёр), вошедшем в сборник «Юкагирские костры» и не раз издаваемом в периодической печати, читателей – жителей всей Земли познакомиться с его малочисленным и малоизвестным народом, создающим письменную литературу и поддержать огонек костра, «пожар сердец» (пер. Н. Слепаковой). Родовой костер с его многозначностью для юкагиров стал героем ряда стихотворений Улуро Адо, среди них «Юкагирские огни», «Дым юкагира». Поэтизация костра и огня у поэта содержит ярко выраженную мифологическую основу. Поэт собирал и изучал фольклор своего народа, создал поэму «Идилвей» об юкагирском народном герое, о его редком таланте, мастерстве. Признание героя настоящим охотником было осуществлено во время совершения обряда инициации около родового костра. Идэлвэй – герой давних времен, охотник за дикими оленями. Овладение мастерством настоящего ловца требовало как знания повадок оленей, так и умения быть манщиком, приманивать диких животных, обладать зоркостью в поиске оленя, скоростью бега и силой, чтобы догнать зверя и привести к другим охотникам. Все эти качества проверялись опытными охотниками во время инициации – самостоятельной добычи оленя. Автор подробно описывает, как Идилвей ловко справился с двухгодовалым оленем. И как добытчик, напившись свежей кровью, по обычаю принес жертвоприношение, брызгая кровью по сторонам света, начиная с востока – стороны восхода солнца Бабушке Земле с песней, содержащей не только благодарность, но и просьбу впредь оказывать помощь. Под восхищенные взгляды опытных охотников, молчаливо наблюдавших, ловко разделав тушу, испытываемый развел костер. «Быстро расцвел костер под рукою / Неутомимого Идилвея. / Сам же он песню завел. Бросая / Мясо в огонь, как велит обычай». «Кормление» огня героем сопровождалось в первую очередь обращением к Духу Огня, которого у юкагиров считают хозяином, в отличие от некоторых других народов, у которых главенствует хозяйка Огня: «Дедушка Огонь, вкушай досыта / Мяса свежего! Прими / Все, что мною для тебя добыто, / и добычей поделись с людьми / Бабушка Земля, поешь досыта / Свежанины, чем богаты мы».

Обращается герой, бросая куски добычи, с просьбой принять жертву от живых и к ушедшим в иной мир предкам, отмечая, что они внесли свой вклад, помогая ему на охоте. «Я живу, покуда вы живете, / Охраняя путь по тундре мой!» [14, с. 334–336].

Улуро Адо, как многие другие авторы литератур народов Севера, поэтизирует костер и огонь, используя направляющую роль древних мифов, создает собственные своеобразные мифы и образы, опираясь на устное творчество, закрепляя в сознании современников и потомков знания о миропонимании своего народа. Юкагирский древний «Миф об огне» раскрывает представления этноса о происхождении огня, появлении первого костра. В нем решаются задачи не только расширения знаний о мире, но и приобщения к образцу проявления высокой нравственности. Героизация Небесного человека, который не только спас его народ, но и способствовал переменам в их

физическом и духовном развитии. В мифе маленькие люди, помещавшиеся в беличьи шкурки, погибали на земле от невыносимого холода до тех пор, пока не спустился к ним медленно с неба под шум ветра огромный человек в нарядной кожаной одежде. Небесный человек дал им палку, объяснив, как добыть огонь из нее, который спасет их от холодов. Небесный человек незаметно для всех, пока они разводили огонь, исчез. «Улетел на небо, к Богу», – решили они. Маленькие люди постепенно превратились в больших, одетых в красивую юкагирскую одежду. Огонь и костер стали не только спасителями, но и пособниками прогрессивной эволюции этноса. Небесный человек юкагирского мифа ассоциируется по своему действию с Прометеем, который не только принес людям огонь, но и приобщил их к знаниям и умениям, способствовавшим эволюции.

Мифы о происхождении этносов Севера, не имевших письменно закрепленной истории, стали истоком для научных исследований об их эволюции. Этнолог С. А. Токарев в статье «Символика огня в истории культуры», размышляя о зарождении древнейших мифологических представлений об огне, поддерживал точку зрения о связи их с облаками, утверждал, что добывание огня и освоение его повлияло на проведение «границы между человеком и остальным животным миром» [20]. Историк И. С. Вдовин писал о переходящих по наследству священных деревянных приборах по добыванию огня, о тщательной охране семейного огня от соединения с чужим огнем, о том, что во время экспедиции ему не разрешали ставить чайник на семейный очаг, поскольку тот соприкасался с чужим огнем [4]. Рассматривая традиции, связанные с огнем в культуре народов Севера, ненецкий фольклорист С. А. Сязи отмечала, что у многих народов Сибири огонь предсказывал важные события в их жизни и были «особые специалисты», которые могли с ним общаться [19].

В мифах, фольклоре, эпосе народов Севера представлены разнообразные формы взаимодействия человека с родовым костром и огнем как реальной живой сущностью. Персонализированный костер выступал в качестве моста между человеком и природой, давал возможность почувствовать единение с ней и целым миром.

Представляется, что проявленные поэтами на основе мифологических представлений их народов и творческой интуиции знания могут быть рассмотрены исследователями ряда других наук, дополняя видение эволюции уникальных народов.

Мотив борьбы добра и зла воплощен мансийским поэтом Юваном Шесталовым в стихотворении «Сорни-Най – огня богиня» (пер. Б. Кежуна). В форме традиционного заклания, обращенного к мансийской богине Сорни-Най. Представляя священную богиню красавицей, поэт выражает сначала свою любовь к ней, надеясь на ее поддержку и ответный огонь любви. «Пусть со мною и тобою вечно будут золотые искры счастья и удачи!». Он просит Сорни-Най, которая солнце на своем челе, поднять «золотую чашу мира» над колыбелями детей и быть благосклонной к добрым и душевным людям, «что несут тепло и свет», но не к тем, «что сеет зло». Поэт шлет заклятье «злой ведьме с хищным взором: «пусть несчастье не накличет острой злой ее язык!» [24, с. 114–115].

Развивая мотив осуждения человеческой вражды и злобы, Шесталов в стихотворении «Огонь на огонь» (пер. Н. Грудиной) сравнивает их с негативными проявлениями стихии огня в тайге, предлагая читателю представить кедра-красавца, которого «изгрыз и обуглил огонь». Поэт высказывает свою позицию обращения с клеветниками: не молчать, а отстаивать правду. Он считает, что «надо «острой молнией стать, а потом словно гром прогреметь и обрушить огонь на огонь, чтоб недоброе пламя погасло!» [24, с. 110].

Двойственное отношение к огню Шесталова отражает воздействие фольклора, в том числе и нового, возникшего и трансформировавшегося в иных исторических условиях. В современном варианте мансийской сказки «Ёганское Огнище» включено и новое историческое время как продолжение деяний прошлого. Мифический, достойный доброй памяти, по мнению сказителя, герой Ёган, умевший «разговаривать» с окружающими его обитателями-зверями, водой, рыбами, заботился о них, но мог и усмирить строгим звучным голосом, который, повторяя, передавали деревья и звери. Однажды прибежал к нему с опаленной бурой шерстью медведь и рассказал об обидевшем его Огнище. Ёган отправился на поиски обидчика и исчез, к огорчению напрасно искавших его зверей, на многие годы. Причина его исчезновения была в том, что, отыскав на дне озера подземный ход, он встретился с Огнищем. Восхитившись красотой огненного света, герой увидел и жесткие игры его, способность уничтожать все окружающее. Огнище обратилось к Ёгану с просьбой выпустить его на землю, но он не согласился и предпочел уснуть долгим сном. Заканчивается сказка картиной нового времени, когда приехавшие к Ёганской речке люди, которым подсказал ревом медведь, где искать Огнище, выпустили его, построив железные вышки. Когда взметнулось к небу огненное зарево, залил светом всю округу, прибежали на берег звери, стремясь отыскать среди окружающего своего Ёгана. «И не зря, говорят люди, они его ждали. Тут он был! Раз людям свое огнище отдал, – значит, и сам в родной край вернулся. След его и соболю видел, и лиса на поляне учуяла».

Возвеличенным в поэзии народов Севера стал подземный огонь, добытый мужественными газодобытчиками, которых именует Прометеями в своих стихах Юван Шесталов. «Огонь был всегда и прекрасен, и вечен», – заключает он третий стих цикла под названием «Семь заповедей огнедобытчика» [23, с. 36].

Целый ряд стихотворений и поэм геологам и добытчикам «голубого огня», их выдержке и мужеству посвятил ненецкий поэт Леонид Лапцуй («Трасса», «Пути-дороги», «Надымский меридиан», «Новая легенда», «Сполохи Севера»). «Дыханием подземных духов считали наши предки газ», – писал он в поэме «Сполохи Севера», материалом для которой стали реальные факты из жизни Ямала.

Создавая мифопоэтический образ родового костра, ненецкий поэт Леонид Лапцуй не только широко раскрыл значимость его для своего этноса, но и представил вариант глубинного синкретизма человека и природы. В стихах и поэмах поэта просматривается отмеченное и у некоторых других северных литераторов авторское сопоставление родового костра с мировым древом, связывающим три мира. Ярko выделена и воспева роль родового костра в выживании этноса в суровых условиях в стихотворении Лапцуя «Родовой костер» (пер. Я. Козловского), где звучат мотивы стойкости, мужества быть настоящим человеком – ненцем (самоназвание народа). Поэт рисует картины темного зимнего периода жизни в тундре, когда «косматым шаманом танцует пурга», «ветер, у черного духа в чести, / Готов, подхватив нас, во мрак унести». Олицетворенные уже в мифах и фольклоре пурга и ветер представлены врагами, ищущими свою живую добычу. Сражаются они не только с человеком, но и с его жилищем: «И старому чуму, который кряхтит, / Он в бешенстве ребра сломать норовит». Эмоционально устрашающая картина борьбы и противостояния дана для возвеличивания значимости как воли человека, так и спасительного родового костра. Воздействуя на появление у читателя осознания сложности бытования в суровых условиях Севера, закрепление его эмоциями способно воздействовать на укрепление долговременной памяти и формирование поступков. Лирический герой-рассказчик для снятия напряжения представляет далее в

стихотворении строки, раскрывающие веру в силу родового костра и связь его с небесным миром. Герою даже в пределах «невьюжной зимы» и вдали от дома снится родовый костер и то, как «красные искры летят в дымоход, / Как будто бы звезды в ночной небосвод». А сидящие вокруг костра старцы, глядя на улетающие искры, мыслями устремляются в белый простор, ведут неторопливый разговор о важности соблюдения обычаев предков, необходимости чтить их на охоте, чтобы была совесть перед тундрой чиста. В эпилоге Лапцуй, обращаясь к детству и своим годам и дням, проведенным в тундре, знакомит читателя с собственным жизненным кредо: «И меж стариками почтенье храня, / Люблю я на шкуре сидеть у огня. / Не раз, леденя на диком ветру / Я путь находил к родовому костру. / Останусь и впредь, в чем поклясться могу, / Пред этим костром в неоплатном долгу» [10, с. 24–25].

Следует отметить, что, будучи жителем Ямала, не оставляя его, Лапцуй до конца дней своих и в поэзии, и в общественных деяниях был верен означенному обещанию хранить память о предках, о традициях, об их фольклоре и языке.

В представлениях ненцев таинственной силой огня обладают солнце и звезды, приносят, согласно фольклору, и добро, и зло. Поэт из рода Паханзеда Большеземельской тундры (Архангельская область) Василий Ледков в стихотворении «Звезда Голубого Огня» раскрывает двойственное восприятие Полярной звезды, художественно представляя сверхтонкое ощущение ее воздействия, вызывающего то любовь, то страх. Сакральная звезда нередко восхищает: «Точно рыбка в темной волне, / точно детский смех в тишине, / или в стужу – тепло окна; / точно брызнула в синий лед / золотой пешни острие». Но присутствуют моменты, когда свет ее пугает и угрожает, становясь в воображении сердитым взглядом божества Нума, и тогда, уточняет автор, «прадед мой забивался в чум», бледнели испуганные женщины. Усиливает силу воздействия и человеческая недоброжелательность по отношению к звезде: «Затаив бессильное зло, / говорит соседу сосед: / Голубая звезда тепло / по ночам из чума сосет» [12, с. 29].

О способности родового костра знать жизнь подземного мира свидетельствуют «рассказы» его о рождающихся там стихиях – ветре и морозе, запечатленные в стихотворении В. Ледкова «Костру-буяну...».

Возвращение к памяти предков и участие в этих воспоминаниях родового костра присуще целому ряду поэтов Севера. Ительменская поэтесса Н. Д. Суздальова, жительница Камчатки, посвятила историческому прошлому, традициям не только своего рода, но и всего немногочисленного народа ряд стихотворений, рассказов-зарисовок, собранных и сочиненных сказок (сборники «Те собачьи упряжки умчались...», «Огненная шаманка», «Последнее пришествие»). В стихотворении о таежном буром медведе «Страшный хозяин» поэтесса возвращается к памяти своих предков. Из иллюминатора самолета, летящего над местом ее рождения в Тигильском районе, она видит древнюю юрту и костровище. Это восстанавливает картины детства. Перед глазами родовый костер, «на костре обгоревший таган». В сознании встают былые картины общения с предками у родового огня, и она, мысленно обращаясь к предкам, задает сокровенный вопрос: «Где вы, куда от меня вы ушли?».

В основу многих произведений поэтов и прозаиков положены автобиографические материалы, и в них нередко присутствует родовый костер. В стихотворении мансийского поэта Андрея Тарханова «Костер памяти» герой-рассказчик вспоминает детские годы, периодически посещая традиционное у северян для встречи с предками чумовище – место, где в прошлом горел костер и ставили чум или ярангу – переносные жилища во

время кочевья. Здесь в пламени огня, а порой и просто в оставшейся золе ощущали вернувшиеся даже давно заброшенное место, видели очертания и «общались с ушедшими в иной мир». Обращается, как к живым, к родителям, явившимся на встречу с ним к месту костра, где «есть пепел костра, что давно отпылал» [14, с. 158].

В памяти чукотской поэтессы Клавдии Геутваль (стихотворение «Костерок») воспоминания о детстве, об ушедших в иной мир родителях пробуждают запахи родового костра. Видения отца, поднимающего дочь на руки, и матери, заботящейся о детях, появляются перед героиней у горящего костра, порождая целые картины и настраивая на размышления о вечности. С собственным запахом в свете костра предстает и трубачий в белую ночь олень, и «запах тех песен, что слышит дитя в шуме зим». Возникает и вглубь ведущее поэтическое размышление автора: «Костерок – / Друг, со мною печаль коротающий, – / Это запах веков, / Исчезающий вместе с ним» [14, с. 158].

Благодаря присутствию в текстах концепта «родовой костер» и созданной им концептосферы в поэзии нередко предстает мир наслаждения и радостей, пробуждающий эти эмоции и у читателя. При рассмотрении гедонистической функции литературы, которая связана у поэтов народов Севера с их романтическим стремлением создать образы с жизнеутверждающей, духоподъемной силой, были отмечены мотивы гордости за умение преодолевать трудности выживания и радости побед, наслаждения разнообразными редкими моментами покоя, тепла и света. Речь идет о ренессансном гедонизме с его поиском основ счастья, выдвигающем идею естественного права человека на удовольствие и наслаждение жизнью в гармонии с окружающим миром. Так, в стихотворении «Сон у костра» Леонида Лапсуя предстает основанное на жизненном опыте гедонистическое восприятие родового костра и огня. Воспоминания о древних предках, когда переходил костер из рода в род и хранили его бережно в дымных чумах старики, к которому устремлялись мысленно и наяву и охотник, и оленевод – «завьюженный каюр» (проводник упряжки), приводят автора в восхищение, и рождаются строки о радости вернувшегося к спасительному костру: он протягивает к нему руки, «словно было божество языкатое пред ним. И усталость, точно лед, таяла перед костром, и блаженно теплота разливалась по лицу» (пер. Я. Козловского). Поэт родовой костер сравнивает с незакатным солнцем, называет негасимым и «дедовским», уточняя в стихах, что именно старики не только заботились о костре и «кормили» его, но и – главное – рассказывали много чудесного из прошлой жизни, а во время празднеств огненными танцами демонстрировали содержание легенд и сказок. Передает поэт читателю и радость своих предков по поводу появления в семье детей, особенно радовались рождению сыновей, потому что будет кому «золотой кормить огонь». Лирический герой во второй части стихотворения «Сон у костра», возвращаясь в свое детство, видит себя сидящим у родового костра и постепенно погружающимся в отсветах огня в глубокий «тюлений» сон, пребывает в благодном состоянии. Будто он рядом с искрами костра летит по темным небесам. Появившееся красное солнце, обликом своим уподобившись костру, плывет рядом. Себя же герой воображает мчащимся на оленях, ловко владеющим хореом, охотником за дымящимися хвостами песцов. Представления о родовом костре в поэзии Лапсуя нередко тесно связаны с онейрией, особым видением мира, обретаемым человеком во сне или в дремотном состоянии, полузабытьи. Подобные действия во сне, такие как подъем и полет, Мирче Элиаде в книге «Мифы. Сновидения. Мистерии» [25] рассматривал как символ перехода из одного состояния бытия в другое, что часто

связывается с онтологическими изменениями при обряде перехода. В стихотворении «Сон у костра» сновидение подростка стало своеобразным воплощением его мечты об обряде инициации. Эта мысль просматривается и в заключении стихотворения: «И не знал в ту пору я, / Что, летящие во сне, / Быстро мальчики растут, / Чтобы юношами стать» [10, с. 28]. Мысленно родовой костер присутствует у героя в образе солнца даже во сне.

Ощущение благодати огня, тепла родового костра, как и эйфории полета, воздействовали на появление у авторов радости, счастья, способствовали рождению пафоса в поэзии и созданию мифообразов. Поэтические образы сродни мифопоэтическим, однако, отмечая сходство поэзии и мифа, философ Лосев предлагал обратить внимание как на сходство, так и их специфику поэтических и мифологических образов, увидеть в мифологических образах «чудесного как реального факта», а не его «модификации» [11, с. 377].

Красоту костра эскимосская поэтесса Татьяна Ачиргина сравнивает с летней золотою зарею. Оказавшись на берегу моря летней порой, героиня стихотворения «Белоночье» развела чудо-костерок, который способен не только уют сотворить и теплом одарить, но и поговорить с ней, «одинокость скрасить девичье». «Язык» родового костра северные народы хорошо знали, судя и по литературе, и по этнографическим материалам [14, с. 344–345].

Верой в бессмертие родового костра наполнены строки саамской поэтессы Октябрины Вороновой: «Хочу остаться на земле / Хотя бы искоркой в золе». Стихотворение без названия написано на саамском и переведено ею на русский. Самоперевод был творческим процессом у целого ряда поэтов и писателей народов Севера.

Как основу сохранения жизни в суровых условиях Севера воспевают костер ненецкий поэт Прокопий Явтысый в стихотворении «Закон выживания в тундре суров...». Поэт надеется на возможное исполнение последнего желания, отправляясь душою в последний земной путь к созвездьям, «сквозь вечность хоть раз разглядеть – костер среди снега, костер среди льдов» [27, с. 87].

Опираясь на образцы устного творчества манси, Юван Шесталов выстраивает в форме диалога, вопросов-загадок свои представления о мироздании и размышления о месте человека в нем в цикле девяти стихотворений под названием «Небо и земля» (авторизованный перевод). Сполохи северного сияния поэт именует большим добрым огнем, золотым костром, у которого мечтает посидеть и принести его на землю, «чтобы было тепло, светло, высоко». Игровой диалог с загадками дедушки и внука соединяет северное сияние и солнце с земным костром, пламя которого рождает мечты постижения мира.

Заинтересованно и пафосно звучат направленные на самоутверждение внука слова представителя старшего поколения (и автора): «Да будет тебе известна суть пламени, / Ты – манси, ты – человек. / Ты можешь согреть землю, / Объятую вечной мерзлотой», «Тебе, манси, дан дар – познать суть высокого пламени / И согреть остывающую землю словом, делом, умом. / Тебе, манси, дан дар постижения бесконечного мира. / Тебе, манси, дан дар быть человеком» [23, с. 5–11].

По отношению к огню, наряду с проявлением любви и добра, присутствует в стихах и негативное восприятие его. Развивая мотив осуждения человеческой вражды и злобы, Шесталов в стихотворении «Огонь на огонь» (пер. Н. Грудининой) сравнивает их с

негативными проявлениями стихии огня в тайге, предлагая читателю представить кедр-красавца, которого «изгрыз и обуглил огонь». Метафорично поэт выражает свою позицию обращения с клеветниками: не молчать, а отстаивать правду. Он считает, что «надо «острой молнией стать, / А потом словно гром прогреметь, / И обрушить огонь на огонь, / Чтоб недоброе пламя погасло!» [24, с. 110]. В стихотворении «Не хочу» (пер. В. Крутецкого) поэт Шесталов проявляет свое негативное восприятие огня войны – напалма, осуждает ядерное оружие и использование его в Хиросиме, противопоставляет его разрушение благостному гедонистическому огню любви: «О, любви огонь, ворвись мне в душу, / Лишь тебя я жду / И воспеваю» [24, с. 61].

Эвенский поэт Андрей Кривошапкин в главе «Об огне» этнографической поэмы «Мир эвена» называет Духа Огня как хозяина огня, пришедшего из эвенских мифов и легенд, великим другом своего народа, поскольку это могущественное божество является охранителем жизни и благополучия эвенов. Поэт объясняет читателю первопричину особого внимания эвенков к Духу Огня древним поверьем в то, что, поклонившись этому сакральному невидимому существу перед уходом на охоту, тот поможет и вывести на путь зверя-добычи, и развести на стоянке спасительный костер. В мифологическом представлении и героя-охотника, и самого автора Дух Огня – антропоморфная сущность, «как человек живой: он собеседник и товарищ всем, / кто с ним во тьме умеет говорить / с открытым сердцем, где местечко есть / надеждам и сомнениям живым» [14, с. 159]. Называя огонь колдуном, источником чудес, поэт представляет реальные и воображаемые картины, раскрывающие смыслы «бесед» с огнем. Так, если домашний очаг, будучи спокойным и ярким, вдруг начинает пританцовывать, жужжать и бормотать, то это знак от Духа Огня о том, что скоро будет гость издалека. И тогда хозяева начинают готовить к встрече лучшую еду и шкуры для гостевых сидений. Но если в уснувшем очаге неожиданно огонь с треском оживет и, «словно выстрел, прозвучит «син-кэн!» («син-кэн» – звукоподражание треску дров в костре), то это предупреждение о возможном бедствии, к которому надо подготовиться. Среди перечисленных угроз и снежная лавина в горах, и шатун-медведь.

Описывая в главе «Об Огне» суровые условия и непосильное напряжение охотника во время многодневной погони за диким оленем, Кривошапкин, создавая образ охотника, сопрягает его с образом костра. В самых сложных условиях, там, где застанет ночь во время погони, проявлял охотник волю и умение развести костер и согреться около него на долго сохраняющих тепло углях. Костер не только согреет, но и очистит душу молодым дымком, чтобы с проблесками утренней зари продолжилась погоня.

Известна очистительная сила дыма – изгнание отрицательной энергии темных духов. Для оленеводов и оленей в летнее время – спасительное средство. Как компонент костра дым, вбирающий в себя энергию огня и воздуха, может быть разнообразным по силе движения – то стремительным, то широко стелющимся, а также по запаху, зависящему от местного топлива (ветки деревьев, трава, хворост и др.). Через него, по мнению северных народов, осуществляется «кормление» духов огня и духов местности, а также жертвоприношение божествам. Присутствовала у них твердая уверенность в очистительной силе дыма, в том, что он уносит с собой болезни и силу заговоров. Об особенностях восприятия дыма костра даже на больших расстояниях, использования его в качестве ориентира поделился с читателями Лапцуй в стихотворении «Возвращение с охоты» (пер. Я. Козловского). У героя стихотворения, молодого охотника, заметившего,

что олени в упряжке ускорили свой бег, появилось предположение, что они раньше его почуяли чутким своим нюхом дым костра и близость стойбища. Для убедительности поэт уточняет: «И оленям доверять / Может более стрелок, / Чем светящейся во мгле / Стрелке компаса в пути». Раскрывая тему, поэт использует рецепцию – обращение не только к читателю из числа северян, но и к незнакомому с миром Севера, с традициями коренных народов.

Эвенкийский поэт из числа переселившихся из внутренних районов Сибири и получивших название сахалинских Григорий Чинков (1918–1960), знаток и собиратель фольклора, в поэтической сказке «Сулакичан» («Храбрый лис») и в стихах стремился раскрыть народные и собственные представления о таинственном родовом костре. В стихотворении «Дымок» он, размышляя о пути «белесого сквозного» дыма (дымка), поднимающегося от костра на берегу таежного озера, ассоциирует его с судьбой человека. Доверившийся ветру дымок шатается с ним по свету. Звучат явно навеянные «Парусом» Лермонтова вопросы: «Куда же держит он свой путь? / И сам он этого не знает. / Чего он ищет наверху? / Куда полет свой направляет?». Герой видит в небе красоту движений дыма, замечает, как «И искры пламенный узор / В вечернем небе вышивают» [14, с. 147].

В стихотворении хантыйского поэта Романа Ругина «Дым костра» (пер. И. Фонякова) горьковатый, терпкий, трепетный запах дыма родового костра становится символом родного края, навеивает воспоминания о значимых жизненных моментах. «Был я вскормлен костровым дымком / Как бальзамом живительным, как / Материнским святым молоком». Поэт обещает не забывать и воспевать костер и дает рекомендации, следуя традициям, беречь его: «Но учти: он не любит игры, / Мстит бездумному – и потому / Разводить ради шутки костры / Не советую я никому» [14].

Поэты нередко, используя родовой костер как символ передачи опыта, традиций, открыто или закодированно формировали своего имплицитного читателя разных возрастов. О значимости рецепции для развития литературы М. Бахтин писал: «Вопрос о концепции адресата речи (как представляет и ощущает его себе говорящий или пишущий) имеет громадное значение в истории литературы. Для каждой эпохи, для каждого литературного направления и литературного художественного стиля, для каждого жанра в пределах эпохи и направления характерны свои особые концепции адресата литературного произведения и понимание своего читателя, слушателя, публики, народа» [2, с. 296].

Поэтизирование костра и огня в литературе народов Севера нередко сопряжено с дидактикой и просветительством, с традиционной инициацией. Тема становления подрастающего поколения, инициации в переходные моменты на иную ступень взросления плавно перешла из мифов и фольклора в развивающуюся письменную литературу народов Севера. Среди ритуалов во время общественного признания достигнутых успехов в подготовке пребывания на новом жизненном этапе являлось карнавальное празднество у родового костра. В стихотворении «Возвращение с охоты» (пер. Я. Козловского) ненецкий поэт Леонид Лапцуй пишет: «Юноша, впервые добывший несколько песцов, представляет себе радостное продолжение дня. И сегодня у костра, / По обычаю отцов, / Он охотником при всех / Должен быть провозглашен». Поэт уточняет читателю суть традиции и внутреннее напряженно-светлое самоощущение юноши, пребывающего в ожидании перехода из возраста отрочества в зрелость [10, с. 17–19].

Обращаясь к юному читателю, Шесталов предлагает беречь таинственный душевный огонь, полученный в семье от родственников, дающий силы и помогающий остаться в сердцах людей: «Материнский огонь не гаси, / И отцовский огонь не гаси, и братишкин огонь берегай... / Свой огонь молодой зажигай – / Пусть сильнее он и ярче горит, / Пусть он имя твоё озарит!» [23, с. 54].

Рецепция в стихотворении «Слушай меня, дочурка...» чукотской поэтессы и прозаика Валентины Векет, рожденной в семье зверобоев Уэлена, определена стремлением автора передать подрастающему поколению знания и умения, обретаемые в процессе инициации, в числе которых и традиция обращения с огнем. Предстают картины для подготовки инициации будущих хозяек. Обращаясь к истории, поэтесса упоминает прежде всего древний жирник, который в яранге служил и продолжает порой в экстремальных ситуациях быть и обогревателем, и источником света. Его яркие всполохи поддерживает девушка, подкладывая сухой мох. Наставления в овладении мастерством Вэкэт завершает появлением иных чувствований, ассоциирующихся с огнем: «Вырастешь – испытаешь / Томленье огня в крови. / Учись красоте у жизни, / А у людей любви» [14, с. 265].

Огонь, костер для северных народов постепенно становится символом единения и поддержки не только рода. В стихотворении «Мое зимовье» нивхский поэт и прозаик Владимир Санги знакомит читателей с традицией народа: для поддержки путников в лесотундре и тайге северяне в избушках оставляют дрова и средства для получения огня и сушеное мясо или рыбу-юколу. Автор представляет выбившегося из сил и измученного метелью человека, который слышит голоса, зовущие его – следствие морока: «И чудится путнику, / Будто сквозь снег / Кто-то его, окликая, зовет. / Ни следа вокруг, ни жилья, ни огня, / Он силы теряет...». Неожиданно обнаруженное строение спасает охотника.

Рецепция в эпилоге наполнена доброжелательным советом не только северному читателю: «И если признательным быть мне готов, / То Севера древний исполни завет: / Зимовье с запасом юколы и дров / Оставь для того, кто шагает вослед» [14, с. 223].

В написанном в духе народных сказаний, стихами в сочетании с прозой, произведении «Земля предков» (пер. А. Гажи) чукотского поэта и прозаика Ивана Омрувье представлены философские размышления героя-автора о Вселенной, о скрытых сакральных знаках на небе. На вечернем горизонте герой увидел цепь мерцающих огней и представил медленно и грузно шагающих мамонтов и своих древних предков вокруг костров. Он обратился к ним с приветствием, но в ответ услышал лишь «краткий вздох Вселенной» и, возвратившись к реальности, обратился к горам с вопросом о том, где затерялись следы предков, но они хранили молчание: «Только медленно ворочаются во Вселенной сгустки звезд – отражения далеких костров, огонь которых до сих пор тщательно поддерживают мои предки. Они дали мне начало пути, и они научили меня быть человеком!» [15, с. 124–125].

ВЫВОДЫ

Художественный концепт «родовой костер» содержит сакральность, заложенную мифами. Несмотря на социальные изменения и процесс ремифологизации, создавая письменную литературу, поэты народов Севера бессознательно и осознанно опирались на мифологизм, его своеобычное представление о мире, сохранившееся в их сознании и поддерживаемое как «неофициальной» этнокультурой бытования, так и устным народным творчеством. Очевидна связь родового костра с идеей семейного и родового

древа, которое символизирует связь между предками, нынешними поколениями и потомками. Каждый участник рода приносил свою энергию и индивидуальность в магический костер, каждый из участников рода создавал своеобразное коллективное поле силы. Его поддерживали и усиливали традиции, обряды, ритуалы, заклинания.

Поэтические произведения литературы народов Севера, содержащие концепт «родовой костер», позволяют сделать вывод о направленности авторов в большей степени к эпическому, чем лирическому творчеству. Они устремлены к изображению картины мира своего этноса, внешней действительности, к объективности. Развитию эпического способствовали и бытовавшие в культуре мифы, мифы-сказки, эпос. От эпического поэта, по мнению Гумбольдта, требуется с двойным основанием выполнение закона наивысшей чувственности, поскольку он обязан приводить душу читателя в особое настроение, внушая необходимость «выйти из своих пределов и возвыситься до фантазии с ее высоким и широким полетом, пробуждать мысли, которые позволили бы нам глубоко проникать своим взглядом в значительные отношения человечества и мира, выражать иные чувства, которые гармонически связывали бы нас с природой, и оживлять свой материал богатством и чувственностью изложения, слога, ритма» [6, с. 262].

Концепт «родовой костер» обладает невербализованной частью сознания. Поэты создавали эстетически воздействующий образ «родового костра», наполненный самобытной реальной жизнью северян, их мировидением. «Запах», «молчаливое общение», «звуки и знаки природы» соучаствуют в создании художественности самобытных произведений.

Литература и фольклор народов Севера, ее тексты и контексты, синонимика культурных кодов – богатый и недостаточно изученный с опорой на когнитивный подход источник знаний о формировании национального этоса и социокультурного взаимодействия в условиях транскulturации, о творческом процессе и о художественном сознании.

Список литературы

1. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. – Л.: ACADEMIA, 1928. – С. 28–44.
2. *Бахтин М. М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. – 336 с.
3. *Бескова И. А.* Эволюция и сознание: когнитивно-символический анализ. – М.: Институт философии РАН, 2001. – 268 с.
4. *Вдовин И. С.* Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера. – Ленинград: Наука, 1977. – С. 117–171.
5. *Головнев А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. – Екатеринбург: УрОРАН, 2004. – 344 с.
6. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
7. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Ленинград: 1979. – 492 с.
8. *Завьялов Ю. В.* Необъявленная психотерапия. – М.: Деловая книга, 1999. – 250 с.
9. Из века в век. Поэзия хантов, манси и ненцев. – М.: Пранат, 2016. – 272 с.
10. *Латуй Л. В.* Пути-дороги. Стихи и поэма. Пер. с нен. – М.: Мол. гвардия, 1983. – 63 с.
11. *Лосев А. Ф.* Самое само. Сочинения. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.
12. *Ледков В. Н.* Голубая страна. – Архангельск, Северо-западное книж. изд-во, 1975. – 128 с.
13. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб: СПбГУП, 2015. – 540 с.
14. Поэзия народов Севера и Дальнего Востока России. – М.: Северные просторы, 2002. – 384 с.
15. Пою тебя, Чукотка! Стихи поэтов народностей Крайнего Северо-Востока. – Магадан: Магад. книж. изд-во, 1983. – 176 с.

16. Пушкарёва Е. Т. Ненецкий миф-сказка – образец ранних поэтических форм // Фольклор и этнография народов Севера. Межвузовский сборник научных трудов. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1992. – С. 44–72.
17. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
18. Стихи поэтов Севера. Сост. В. М. Санги. – М.: Дет. лит., 1977. – 112 с.
19. Сязи А. М. Огонь в традиционной культуре и фольклоре народов Севера // Научный вестник ЯНАО. – 2014. – Вып. 1 (82). – С. 51–58.
20. Токарев С. А. Символика огня в истории культуры // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 5. – С. 36–41.
21. Трофимова А. В. Огонь как гештальт внутреннего мира человека // Вопросы гуманитарных наук. – 2004. – №6. – С. 119–134.
22. Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. Монография. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 131 с.
23. Шесталов Ю. Н. Полярный круг. Пер. с манс. – М.: Мол. гвардия, 1983. – 111 с.
24. Шесталов Ю. Н. Огонь и снег: Стихи и поэмы / Пер. с манси. – М.: Сов. Россия, 1979. – 304 с.
25. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2023. – 235 с.
26. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе. – М.: Издательство МГУ, 1987. – С. 214–231.
27. Явтысый П. А. Взойдет росток души: стихотворения / Авт. пер. с ненецкого В. Гордеева. – Нарьян-Мар: НО ИУУ, 1996. – 89 с.

References

1. Askol'dov S. A. *Koncept i slovo* [Concept and word]. *Russkaja rech'. Novaja serija*. Vyp. 2. Leningrad, ACADEMIA Publ., 1928, pp.28–44.
2. Bahtin M. M. *Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk* [Author and hero. To the philosophical foundations of the humanities]. Saint-Petersburgh., Azbuka Publ., 2000. 336 p.
3. Beskova I. A. *Jevoljucija i soznanie: kognitivno-simvolicheskiy analiz* [Evolution and consciousness: cognitive-symbolic analysis]. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., 2001. 268 p.
4. Vdovin I. S. *Religioznye kul'ty chukchej* [Religious cults of the Chukchi]. *Pamjatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa*. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 117–171.
5. Golovnev A. V. *Kochevniki tundry: nency i ih fol'klor* [Tundra nomads: Nenets and their folklore]. Ekaterinburg, UrORAN Publ., 2004. 344 p.
6. Gumbol'dt V. *Jazyk i filosofija kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Moscow, Progress Publ., 1985. 452 p.
7. Zhirmunskij V. M. *Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad* [Comparative literary criticism. East and West]. Leningrad, 1979. 492 p.
8. Zav'jalov Ju. V. *Neobjavlennaja psihoterapija* [Undeclared psychotherapy]. Moscow, Akadem. Proekt Publ., 1999. 250 p.
9. *Iz veka v vek. Pojezija hantov, mansi i nencev* [From century to century. Poetry of the Khanty, Mansi and Nenets]. Moscow, Pranat Publ. 2016, 272 p.
10. Lapcuj L. V. *Puti-dorogi. Stihi i pojema*. [Ways-roads. Poems and poem]. Moscow, Molodaja gvardija, 1983. 63 p.
11. Losev A. F. *Samoe samo. Sochinenija* [Itself. Writings]. Moscow, JEKSMO–Press Publ., 1999. 1024 p.
12. Ledkov V. N. *Golubaja strana* [Blue Country]. Arhangel'sk, Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 128 p.
13. Lihachev D. S. *Konceptosfera russkogo jazyka* [The concept sphere of the Russian language]. *Lihachev D. S. Izbrannye trudy po russkoj i mirovoj kul'ture*. Saint-Petersburgh, SPbGUP Publ., 2015. 540 p.
14. *Pojezija narodov Severa i Dal'nego Vostoka Rossii* [Poetry of the peoples of the North and the Far East of Russia]. Moscow, Severnye prostory Publ., 2002. 384 p.
15. *Poju tebjja, Chukotka! Stihi pojetov narodnostej Krajnego Severo-Vostoka* [I sing you, Chukotka! Poems of poets of the peoples of the Far Northeast]. Magadan, Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983. 176 p.

16. Pushkareva E. T. *Neneckij mif-skazka – obrazec rannih pojeticheskikh form* [Nenets myth–fairy tale – an example of early poetic forms]. *Fol'klor i jetnografija narodov Severa. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Saint-Petersburgh, RGPU im. A. I. Gercena Publ., 1992, pp. 44–72.
17. Stepanov Ju. S. *Koncepty. Tonkaja plenka civilizacii* [Concepts. Thin film of civilization]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2007. 248 p.
18. *Stihi pojetov Severa* [Poems by poets of the North]. Comp. V. M. Sangi. Moscow, Detskaja literatura Publ., 1977. 112 p.
19. Sjazi A. M. *Ogon' v tradicionnoj kul'ture i fol'klore narodov Severa* [Fire in the traditional culture and folklore of the peoples of the North]. *Nauchnyj vestnik JaNAO*, 2014, Iss. 1 (82), pp. 51–58.
20. Tokarev S. A. *Simvolika ognja v istorii kul'tury* [Symbolism of fire in the history of culture]. *Jetnograficheskoe obozrenie*, 1999, no 5, pp. 36–41.
21. Trofimova A. V. *Ogon' kak geshtal't vnutrennego mira cheloveka* [Fire as a gestalt of the inner world of man]. *Voprosy gumanitarnykh nauk*, 2004, no 6, pp. 119–134.
22. Khazankovich Ju. G. *Fol'klorno–jepicheskie tradicii v proze malochislennykh narodov Severa. Monografija* [Folklore and epic traditions in prose of the small peoples of the North]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2000. 131 pp.
23. Shestalov Ju. N. *Poljarnyj krug* [Arctic Circle]. Moscow, Moldaja gvardija Publ., 1983. 111pp.
24. Shestalov Ju. N. *Ogon' i sneg: Stihi i pojemy* [Fire and Snow: Poems and Poems]. Moscow, Sovetskaja Rossija, 1979. 304 pp.
25. Jeliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of the myth]. M., Akademicheskij proekt Publ., 2023. 235 pp.
26. Jung K. G. *Ob otnoshenii analiticheskoi psihologii k pojetiko–hudozhestvennomu tvorčestvu* [On the relationship of analytical psychology to poetic and artistic creativity]. *Zarubezhnaja jestetika i teorija literatury 19–20 vv. Traktaty, stat'i, jesse*. Moscow, MGU Publ., 1987, pp. 214–231.
27. Javtysyj P. A. *Vzoidet rostok dushi. Stihotvorenija* [A sprout of the soul will sprout: poems]. Nar'yan. Mar, NO IUU Publ., 1996. 89 p.

THE CONCEPT OF "GENETIC BONFIRE" IN THE POETRY OF THE NORTHC PEOPLE

Juleva A. S.

The article discusses the process of formation and development of the literature of the peoples of the North, in particular, the formation, role, and significance of the artistic concept in the historical and cultural context. The cognitive and artistic concept of "ancestor's fire" is chosen as the object of study. It is noted that the human spirit's desire for the transcendent, the acquisition of moral values, and the preservation of traditions, rituals, and ceremonies are reflected in the presence of this concept in oral folk art. Later, it transformed into a supertextual structure in literature. In works created by authors who have retained a mythological consciousness to varying degrees, they not only convey information across time, preserving it, but also give strength to the spirit and body, activating the hidden potential of the individual. The study identified a range of works that feature the artistic concept of "ancestor's fire" both as an independent concept and as a model for conceptualizing fire and ancestral memory.

Keywords: Northern peoples, poetry, ancestral fire, fire, concept, ancestors, worldview.

УДК 821.161.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-51-65

КОМЕДИЯ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ХИЩНИКИ» В КОНТЕКСТЕ ПЬЕС О ЧИНОВНИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Казарян Н. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,

Симферополь, Российская Федерация

E-mail: kazaryan.nadya@yandex.ru

Статья посвящена решению вопроса о степени корреляции комедии А. Ф. Писемского «Хищники» с магистральными особенностями поэтики русских классических пьес второй половины XIX в. о чиновниках («Доходное место» А. Н. Островского, «Тени» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Дело» и «Смерть Тарелкина» А. В. Сухова-Кобылина). Рассматриваемые пьесы объединяют острота общественной проблематики, сходные принципы изображения петербургской высшей бюрократии, карьеризма и взяточничества чиновников, зыбкость жанровой идентификации, прием зоологизации образов. Выявлено идейно-тематическое сходство пьес «Хищники» и «Тени». В отличие от рассматриваемых пьес Островского, Салтыкова-Щедрина и «Дела» Сухова-Кобылина, комедия Писемского лишена персонажей, вызывающих сочувствие, что роднит ее со «Смертью Тарелкина», однако «Хищники» не содержат проявлений гротескной деформации и фарсовых черт. В финалах рассматриваемых пьес (за исключением «Доходного места») отсутствует торжество добродетели, что подчеркивает мысль о невозможности устранить порочность чиновничьего общественного уклада. Комедия А. Ф. Писемского «Хищники» опирается на художественные находки драматургов-современников, авторов пьес о чиновниках, и творчески развивает их, что обнажает, с одной стороны, общность идейно-художественных исканий русских драматургов этого периода, а с другой – самобытный характер комедиографии Писемского.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, комедия, общественная проблематика, система персонажей, мотив, авторская позиция.

ВВЕДЕНИЕ

Драматургия (в частности, комедиография) А. Ф. Писемского представляет собой наименее изученный аспект художественного наследия автора. Вместе с тем следует обратить внимание на определяющий актуальность настоящей работы интерес исследователей к изучению комедий писателя в контексте национальной жанровой традиции [38; 39; 16; 1; 15].

Тема чиновничества в творчестве Писемского занимает значительное место [7, с. 44]. Среди работ, посвященных анализу его произведений в контексте драматургии о чиновничестве, следует выделить статью К. Ю. Зубкова [13], в которой рассмотрен роман Писемского «Тысяча душ» в сопоставлении с близкими по времени создания комедиями о чиновниках В. А. Соллогуба, А. А. Потехина и Н. М. Львова. Н. Л. Ермолаева обнаруживает переклички между «Мишурой» Потехина, «Доходным местом» Островского и произведениями Писемского «Тысяча душ» и «Ваал» [7, с. 44]. Следует обратить внимание на отсутствие работ, посвященных рассмотрению комедии А. Ф. Писемского «Хищники» (1873) в контексте пьес второй половины XIX века о чиновниках. В настоящей статье выбор четырех пьес о чиновниках в качестве материала для сопоставления обусловлен их принадлежностью к русской драматургической классике [10, с. 150]: комедия А. Н. Островского «Доходное место» (1856) наметила пути развития социально-политической комедии, представленной пьесами М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» (1862), А. В. Сухова-Кобылина «Дело» (1861) и «Смерть Тарелкина» (1869) [3, с. 364].

Д. П. Святополк-Мирский, ограничиваясь общими замечаниями, выделяет Писемского и Сухова-Кобылина как «двух драматургов, приближавшихся к Островскому если не по количеству, то по качеству своих произведений» [23, с. 382] с оговоркой, что пьесы первого «длинные и технически несовершенные...» [23, с. 386]. А. И. Журавлева включает комедию «Хищники», по цензурным соображениям именованную «Подкопами», в один ряд с «Тенями» Салтыкова-Щедрина и пьесами Сухова-Кобылина как сатирическими комедиями, обличающими чиновничьи злоупотребления [10, с. 151]. Также исследователь отмечает «общий мрачный колорит» [10, с. 159], присущий драме Сухова-Кобылина «Дело» и поздним комедиям Писемского, к которым относятся «Хищники».

Цель статьи заключается в решении вопроса о степени корреляции комедии А. Ф. Писемского «Хищники» с магистральными особенностями поэтики русских классических пьес второй половины XIX века о чиновниках («Доходное место» А. Н. Островского, «Тени» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Дело» и «Смерть Тарелкина» А. В. Сухова-Кобылина). В задачи исследования входит сопоставление с ними комедии Писемского «Хищники» и ее анализ в аспекте таких составляющих, как проблематика, идейно-тематический и мотивный план, система персонажей, жанровая принадлежность, средства воплощения комедийного мира, поэтика финала.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Сопоставление пьес названных драматургов необходимо предварить рассмотрением взаимоотношений и творческих связей между ними.

А. Н. Островский и А. Ф. Писемский были дружны. Литературный дебют Писемского связан с именем Островского: последний положительно оценил повесть «Тюфяк» и содействовал появлению ее в печати («Москвитянин», 1850) [3, с. 321]. Известна помощь Островского и в организации постановок комедий Писемского «Ипохондрик» [29, с. 88] и «Финансовый гений» [29, с. 739]. Писемский был знаком с пьесами Островского, в том числе с «Доходным местом», о чем свидетельствует его письмо драматургу от 30 марта 1857 года [29, с. 109]. Уже критика 1850-х гг. использует выражение «драматурги школы Островского» [32, с. 12], куда включает и Писемского. Творческие пути Писемского и Островского тесно переплетены, о чем свидетельствует сходство поэтики комедии Островского «Бедная невеста» и романа Писемского «Богатый жених». В литературоведении обращалось внимание на связь драматургии Писемского и Островского, обусловленную сходным пониманием задач драматического искусства, стремлением к правдивости на сцене. При этом следует отметить отсутствие «какого бы то ни было взаимного влияния» [12, с. 141]. Творческие взаимоотношения Писемского и Островского «вернее всего определить как диалог» [3, с. 322]. В создании сатирической комедии каждый из драматургов «идёт своим путём» [там же].

Знакомство Писемского с Салтыковым-Щедриным состоялось, вероятно, в 1856 г. [36, с. 496]. Статья последнего, посвященная драме Писемского «Горькая судьбина», была написана после первой ее постановки (18 октября 1863 года). Она не имела успеха, что, возможно, оказало влияние на негативную оценку Салтыковым-Щедриным поэтики Писемского в целом [26, с. 93]. Салтыков-Щедрин указывает на то, что в таланте Писемского «поражает необыкновенная ограниченность взгляда <...> и замечательная неразвитость» [35, с. 184]. Автор статьи обвиняет Писемского в отсутствии идеала, повлекшем за собой страдания читателя. Рассуждая о судьбе главного героя, Салтыков-Щедрин отказывает Писемскому в драматизме [35, с. 190]. В адрес Писемского со

стороны сатирика было высказано много критических замечаний, но все же Салтыков-Щедрин был далек «от огульного осуждения» [26, с. 98] творчества Писемского. Так, несмотря на разгромную статью, Салтыков-Щедрин, заинтересовавшись пьесами Писемского «Ваал» и «Просвещенное время» [31, с. 180], в 1875 году планировал привлечь того к сотрудничеству в «Отечественных записках». Вряд ли Писемский был знаком с пьесой Салтыкова-Щедрина «Тени»: сатирик «никогда не пытался ее напечатать» [33, с. 209], она не ставилась на сцене и была извлечена из черновиков автора и опубликована лишь в 1914 году.

А. В. Сухово-Кобылин «стоял особняком в литературе по своим политическим убеждениям и образу жизни» [20, с. 450]. Несмотря на то, что его и Островского объединяла единая литературно-театральная среда, драматурги не общались между собой. Сухово-Кобылин видел в Островском скучного автора [3, с. 427]. С большой долей вероятности можно предположить и отсутствие общения Сухово-Кобылина с другом Островского – Писемским, поскольку в письмах последнего [29] нет ни единого упоминания автора «Смерти Тарелкина» и его произведений. Трилогия Сухово-Кобылина в искаженном цензурой виде была опубликована в 1869 году под названием «Картины прошедшего» и не могла не привлечь внимания Писемского-драматурга, однако не сохранилось свидетельств того, что Писемский был с нею знаком.

Комедии Островского, Салтыкова-Щедрина, Сухово-Кобылина сосредоточены на общественной проблематике. Взятничество и бюрократия в понимании Островского – это порождение общественного уклада; «Доходное место» продолжает традицию «Ябеды» как общественной комедии [41, с. 248]. Пьеса «Тени» обличает не только бюрократическую верхушку, но и государственную систему в целом [40, с. 18]. Художественная идея «Дела» и «Смерти Тарелкина» заключается в обличении бюрократии [33, с. 24]. Комедия Писемского «Хищники» занимает свое место в этом ряду, поскольку ей присуще, как справедливо отмечает Л. В. Манькова, «глубокое общественное и социально-политическое содержание» [22, с. 12].

В роли двигателей сюжета в пьесах Островского, Салтыкова-Щедрина, Сухово-Кобылина выступают карьеризм и взяточничество [4, с. 24]. Не является исключением и комедия Писемского «Хищники», в которой чиновники-карьеристы затевают «подкопы» – «интриги с целью получения мест» [26, с. 169]. Общим в пьесах является место действия: в «Тенях», «Деле» и «Смерти Тарелкина» действие происходит в Петербурге; предполагается, что Петербург является местом действия и в «Доходном месте». В «Хищниках» события также разворачиваются в Петербурге. Именно этот город в русской литературе является главным местом «обитания бюрократии» [17, с. 263–264]. Также объединяет пьесы обличение высшей бюрократической власти. В списке действующих лиц «Доходного места» не указаны чины и звания персонажей, хотя их служебное положение важно для разворачивания действия комедии [19, с. 211]. По цензурным соображениям точно не определено положение Вышневого как сановника. В «Тенях» также представлена высшая бюрократия, служащая под начальством Клаверова, который в тридцать лет «уже в чинах и занимает значительное место» [34, с. 334]. В «Деле» к сановникам (они выделены автором в особую группу персонажей – «Начальства») принадлежат «весьма важное лицо» и «важное лицо» [37, с. 125], которых нет в заключительной пьесе трилогии. В «Хищниках» выстраивается иерархия бюрократического мира, объектом внимания также становятся его высшие круги: в подчинение «главного начальника ведомства» [30, с. 425] входят товарищ, директор, камергер. Вполне вероятно, что под должностью графа Зырова подразумевается должность министра [24, с. 169].

В анализируемых пьесах изображено сходное отношение чиновников к своему начальству, заискивание перед ним. В «Доходном месте» Юсов восхищается Вышневым: «Аристарх Владимыч гений... гений, Наполеон. Ума необъятного, быстрота, смелость в делах» [27, с. 55], Белогубов признается Юсову: «Другой отец того не сделает для сына, что вы для меня сделали» [27, с. 76]. В «Тенях» Свистиков в присутствии своего начальника «ходит в виде наклоненной линии и приподнимаясь на носки» [34, с. 334]. В «Деле» при появлении князя «вся масса чиновников <...> волнообразно преклоняется. Максим Кузьмич <...> изображает повиновение, а быстротою ног – преданность» [37, с. 156–157]. В «Смерти Тарелкина» чиновники «тащат друг у друга бумажники» [37, с. 233], плачут и обнимаются по приказанию начальника. В «Хищниках» Мямлин и Янтарный поют дифирамбы своему начальнику: «...он умен!.. Просвещен!.. Деятелен!.. Знающ! <...> И, наконец, души ангельской!» [30, с. 431], «Бумаги, им написанные, усыпаны брильянтами, алмазами красноречия...» [30, с. 471]. Варнуха в присутствии директора «мгновенно и очень низко поклонился ему и затем опять сейчас же вытянулся в струнку» [30, с. 429], дважды перебивает директора почтительной фразой «Слушаю, ваше превосходительство!» [30, с. 430]. Андашевский, явившись к графу, «как будто бы даже ниже ростом показывает» [30, с. 461].

Также можно отметить сходство в средствах создания образов чиновников в «Деле» и «Хищниках». Экзекутор Живец получил «несколько порций палкою» [37, с. 125], вследствие чего «достиг обер-офицерского звания» [там же]; генерал-майор Варнуха в «Хищниках», напротив, собственноручно бил ссыльных Огюнского завода, за что был также выдвинут – получил «чин генерал-майора» [30, с. 430]. У чиновника Варравина – «кувшинное рыло» [37, с. 125], у Андашевского – «типическая чиновничья физиономия» [30, с. 446]. Шило «иногда и вовсе заикается» [37, с. 126], что соотносится с камергером Мямлиным из «Хищников», имеющим «подергиванье в лице» [30, с. 429]. Описание Касьяна Шилов «Клокат. Одет небрежно» [37, с. 126] соотносится с характеристикой Мямлина, появляющегося в IV действии в «невычищенном вицмундире, с непричесанными клочковатыми волосами, с грязными ногтями» [30, с. 468]. Чибисов имеет «приличную, презентабельную наружность» [37, с. 126], «одет по моде; говорит мягко, внушительно и вообще так, как говорят люди, которые в Петербурге называются теплыми» [там же]; в «Хищниках» князь Янтарный «одет <...> в белый галстук и в новенький, с иголочки, вицмундирный фрак <...>. Речь его должна быть несколько похожа на журчанье ручья» [30, с. 468–469].

Наиболее частотны переключки между пьесами «Тени» и «Хищники». Можно обнаружить сходство на уровне сюжетных ходов и системы персонажей. Чиновников Клаверова и Андашевского роднит относительно молодой возраст и успешная карьера. Клаверов – «молодой человек лет 30, но уже в чинах и занимает значительное место» [34, с. 334]. Андашевский «в сорок лет каких-нибудь сделан товарищем!» [30, с. 441]. Тридцатилетний генерал Клаверов сделал головокружительную карьеру «по милости женщин вольного обращения!» [34, с. 355], одна из которых – Клара Федоровна. После того как Клаверов ее бросил, она становится содержанкой начальника Клаверова, и его решения относительно ведомства зависят от прихотей временщицы. Для того чтобы вернуть себе влияние, Клаверов решает отомстить всемогущей Кларе, «святая» старому князю жене Бобырева. В «Тенях» также изображена ситуация, когда «муж делает служебную карьеру через жену» [14, с. 15]: Бобырев уверен в том, что он определен к месту благодаря собственным способностям, но не подозревает, что это – уловка Клаверова. В «Хищниках» чиновник Андашевский поднимается по карьерной лестнице

не только потому, что «льстил и подличал перед графом» [30, с. 427], но и, как Клаверов, благодаря женщине – дочери начальника. Ходят слухи, что граф Зыров «выбрал себе в товарищи Андашевского, чтобы пристроить за него дочку, и что Андашевский женился для той же цели на этой старой кокетке!» [30, с. 472]. Андашевский бросил любовницу и женился на дочери начальника не без корыстных намерений: «приискал в невесты какую-нибудь другую дуру с огромным состоянием или с большими связями» [30, с. 436]. После женитьбы Андашевский настраивает супругу против отца с тем, чтобы «по-родственному» занять служебное место своего благодетеля. Сам Зыров уличает дочь в ее недостойном желании: «Тебе хочется спихнуть меня с моего места и посадить на него твоего мужа...» [30, с. 492].

Набойкин – «двойник» Клаверова, наблюдавший унижение того князем, – возможно, больше всех заинтересован в «падении шефа» [40, с. 24]. Несмотря на благополучный для Клаверова исход конфликта с Бобыревым, его авторитет поколебался и положение оказывается непрочным: жена Бобырева может ему отомстить, Набойкин удостоверился в уязвимости Клаверова. Сам он убедился в том, что окружен презиравшим его обществом. Положение Андашевского напоминает ситуацию, в которой оказался Клаверов: герой Писемского поторопился объявить подчиненным о своем переходе на место Зырова, которое, как выяснится позднее, он так и не займет. Поспешил Андашевский и с объявлением о назначении подчиненных на новые места. Несмотря на отсутствие указания на реакцию чиновников на фиаско Андашевского, с большой долей уверенности можно предположить, что его авторитет пошатнулся в глазах его подчиненных.

Тараканов и Клара – внесценические образы, играющие важную роль в действии пьесы, они – «тени», по воле которых отдаются распоряжения, от них зависит положение остальных чиновников. Салтыков-Щедрин предпринимает оригинальный ход: придает внесценическим персонажам значимость главных действующих лиц [33, с. 212]. В «Хищниках» влиятельный князь Михайло Семеныч также является внесценическим персонажем, определяющим чиновников к местам: он устраивает жестокого Варнуху на службу к Андашевскому, покровительствует камергеру Мямлину – своему племяннику, назначает Каргу-Короваева на место графа Зырова. Можно предположить, что косвенное влияние на политику определения чиновников к местам имеет и внесценическая madame Бобринина, на вечерах которой обсуждаются сплетни относительно кадровых перестановок. В «Хищниках», помимо внесценических персонажей, активную роль в интриге играет женщина, Ольга Петровна Басаева, и это подтверждает наблюдение А. И. Журавлевой о том, что в драматургии Писемского женщина «оказывается втянута в дело» [10, с. 136]. Подобно тому, как Клара в «Тенях» стремится определить в кабинет Клаверова Нарукавникова, поскольку его отец «заплатил деньги и большой приятель Клары» [34, с. 351], Ольга Петровна, будучи дочерью влиятельного графа Зырова, а также супругой Андашевского, оказывает на них влияние при распределении чиновничьих мест. Именно она повлияла на решение отца назначить Мямлина на освободившееся место Андашевского («И ты, папа, определи его непременно!» [30, с. 456]), выбрать Янтарного на место Вуланда. Наконец, непомерные аппетиты Ольги Петровны простираются и на место отца, в чем она открыто признается ему: «Папа, я очень желаю, чтобы ты вышел в отставку и чтобы на твое место поступил муж» [30, с. 492].

«Тенями» в пьесе Салтыкова-Щедрина являются не только внесценические персонажи: Клаверов осознает, что Нарукавников как очередной претендент на чиновничье место – «такая же тень человеческая, как и все эти Набойкины, Бобыревы...»

[34, с. 355]. В отличие от «сил» в «Деле» Сухово-Кобылина, обладающих настоящим влиянием, в «Тенях» чиновники являются «калифами на час» [14, с. 259]. Сам Клаверов это понимает: «Умрет ли старое, народится ли новое, где будет сила?» [34, с. 352]. Призрачно не только положение Клаверова, призрачно его окружение, призрачен карьеризм в Петербурге, призрачен и вообще государственный аппарат [14, с. 259]. В «Хищниках» бесконечная кадровая ротация также напоминает идею «теней»: положение чиновников зыбко, неопределенно. Судьба Андашевского туманна, из разговора с влиятельным князем так и остается неизвестным, будет ли назначен Андашевский на место графа. Призрачно служебное положение и остальных чиновников, поскольку пришедший на место Зырова Карга-Короваев, по словам Андашевского, «примется нами созданное учреждение ломать и перестраивать по-своему...» [30, с. 480]. Непрочность положения подчеркивается автоматизмом жизненного пути: Бобырев повторяет путь Клаверова, жена Бобырева – путь Клары, Клаверов – путь старого князя [33, с. 214]. В «Хищниках» Андашевский повторяет путь Янсона, Мямлин – путь Андашевского, Янтарный – путь Вуланда.

Бобырев и Клаверов в «Тенях» наделены способностью к рефлексии [40, с. 20–21]. Наедине с собой каждый из персонажей произносит саморазоблачительные монологи, ретардирующие действие пьесы [6, с. 194]. *Бобырев*: «Кажется, и чиновники-то все указывают на тебя пальцами, как проходишь сквозь эти нравственные мытарства, кажется, нет того существа в мире, чье лицо так и не говорило бы тебе в глаза: срамец! срамец! срамец!» [34, с. 375]. *Клаверов*: «Ведь я дрянь, я сам выскочил в люди по милости женщин вольного обращения! Ведь это ни для кого не тайна! <...> ведь не могу же я скрыть от себя, что я лакей, что я держусь именно потому, что я лакей!» [34, с. 355]. В отличие от персонажей «Теней», действующие лица «Дела» не рефлексиируют [17, с. 269]. Писемский-драматург редко прибегает к монологической структуре высказывания героев [22, с. 15]: эта тенденция наблюдается и в «Хищниках», где отсутствуют монологи-саморазоблачения.

Подобно тому, как все персонажи «Смерти Тарелкина» равны «своей бесчеловечностью» [18, с. 546], в «Хищниках» все чиновники также уравниваются – желанием во что бы то ни стало подняться по карьерной лестнице. В отличие от «Дела», где развернут конфликт между бюрократией и ее жертвами, в «Смерти Тарелкина» осуществляется «обличение зла устами представителя этого зла» [19, с. 240]. Подобная стратегия проявляется и в «Хищниках»: подлых чиновников обличает не менее бесчестный директор Вуланд, согласно характеристике Зырова, – «очень умный, опытный, но грубый, упрямый и, по временам, пьяный немец» [30, с. 454]. Тарелкин, персонаж двух пьес Сухово-Кобылина, подло изворотлив в «деле» Лидочки, но все же за все свои усилия в финале «Дела» он «получает лишь обглоданную кость» [5, с. 28]. Вуланд, подобно Тарелкину, также оказывается обойден: ему предпочитают Андашевского, хотя Вуланд старше соперника и «раньше его получил тайного советника» [30, с. 426]. Оскорбленный Вуланд злится не только на Андашевского, но и на остальных чиновников – Варнуху и Мямлина: «... в службе только еще и осталось одно это наслаждение, что подобным скотам можешь ногу подставить!» [30, с. 432]. Тарелкин и Вуланд собирают компрометирующие чиновников (Варравина и Андашевского) документы: Тарелкин держит у себя «всю варравинскую интимнейшую переписку» [37, с. 229], Вуланд подает графу «письмо Сониной и записку Андашевского» [30, с. 467], избличающие новоиспеченного товарища во взяточничестве. Оба персонажа не в силах

обратить ход событий в свою пользу: в «Смерти Тарелкина» измученный жаждой Тарелкин возвращает Варравину документы в обмен на стакан воды, в «Хищниках» граф Зыров «рвет письмо и записку» [там же].

В комедии Островского персонажи добиваются «доходного места»: Белогубов просит Юсова сделать его «столоначальником-с» [27, с. 44], Жадов предлагает дяде свою кандидатуру на место «ваканции» [27, с. 53], Кукушкина выступает «просительницей» [27, с. 62] перед Юсовым за место столоначальника для Белогубова, Полина заставляет Жадова просить «такое же место, как у Белогубова» [27, с. 97]. В «Тенях» Клаверов отмечает «неистовую погоню за местами» [34, с. 364], составляющую «главный, если не единственный, жизненный интерес нашей администрации» [там же]. В «Хищниках» жена Вуланда советует мужу: «...проси у графа какой-нибудь высшей себе должности!..» [30, с. 426], князь Янтарный «сам просился» [30, с. 453] на место Андашевского. Дочь графа Зырова просит отца определить Мямлина «на освободившееся место Андашевского» [30, с. 455], она же принимает участие в определении Янтарного «на место господина Вуланда» [30, с. 470]. В анализируемых пьесах Островского, Салтыкова-Щедрина и Писемского резкой критике подвергается протекционизм. Так, Юсов («Доходное место») занят подбором претендентов на замещение должностей, ориентируясь на собственный интерес. В «Тенях» Бобырев осознает, что в Петербурге «все именно вертится на личных отношениях. <...> одно искание места чего стоило!» [34, с. 375]. В «Хищниках» в уста Вуланда вложена фраза: «...в России в службе все делается по протекции» [30, с. 428]. Однако в «Тенях» и «Хищниках» получение чиновниками определенного места не является конечной целью их устремлений: для Клаверова пребывание на значительном месте – «не больше как станция, на которой он желает пробыть как можно менее времени» [34, с. 338], Янтарный говорит о своем назначении так: «...это место для меня пока, но что со временем я могу занять и *большее*» [30, с. 470] (курсив А. Ф. Писемского. – Н. К.).

Отличительной чертой эпохи, отразившейся в русской комедии середины XIX в., явилось «всесилие власти денег, хищничество, приобретательство» [4, с. 21]. При реализации этого мотива Островский прибегает в пьесах к характерному гротескному приему, заключающемуся в «зоологизации» образа. Так, в «Доходном месте» Вышневицкий и Юсов с помощью подтекста гротескно уподобляются «хищникам» [3, с. 130]. «Возьми так, чтобы и проситель был не обижен, и чтобы ты был доволен. <...> живи так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы» [27, с. 77], – убеждает собеседника Юсов, и этот его принцип разделяют представители бюрократической верхушки. Юсов воплощает «цинично-хищническую философию матерого царского чиновничества» [33, с. 94]. В «Деле» бюрократическая машина является носителем «хищничества и обмана» [18, с. 541]. Так, важное лицо «на службе зверь» [37, с. 125], Иван Сидоров называет чиновников «волками-сыромахами» [37, с. 141], Крека – «капитальнейшей бестией» [37, с. 142], чиновников – «племенем обильным и хищным» [37, с. 143]. В «Смерти Тарелкина» изображена «борьба хищников между собой» [10, с. 153]. Тарелкин называет начальников «рыкающими зверями» [37, с. 228], Варравина – «крокодилом» [37, с. 239]; Варравин, в свою очередь, аттестует Тарелкина «самой бездельной и беспокойной тварью» [37, с. 235], «самой ядовитой и злоносной гадиной» [там же]. Е. Л. Зайцева, обращаясь к романам Писемского, замечает, что при создании образов персонажей для него характерно употребление зооморфных сравнений [11, с. 11]. Это свойство ярко воплотилось и в комедии «Хищники»: уже ее название обеспечивает

зооморфные коннотации в характеристике чиновников. Эпиграф к комедии («Лошадь волки съели, да санями подавились» [30, с. 425]) предуведомляет об итогах неудавшихся «подкопов» Андашевского и его сторонников против Зырова. В ремарках высокую частотность получает указание на проявление «хищничества» в поведении чиновничьей братии: «каким-то тигром рассвирепелым» [30, с. 432], «бешеным голосом» [30, с. 449], «с едва сдерживаемым бешенством» [30, с. 465], «в ужасе и бешенстве» [30, с. 493]. Андашевский называет князя «старым волком» [30, с. 479], а о себе говорит: «...Прозевай хоть одну минуту, из-под носу утащат лакомый кусок» [30, с. 482]. Сходную мысль выражает граф Зыров: «Только пасть свою удовлетворить вы желали, хищники ненасытные!...<...> ты (дочь Зырова. – Н. К.) всегда была волчицей честолюбивой» [30, с. 497].

Вследствие ощутимого влияния гоголевской традиции в русской комедии второй половины XIX века формируется такое качество, как «безгеройность» [8, с. 28]: положительных персонажей либо нет вовсе, либо они не отличаются жизненной и художественной убедительностью [4, с. 68]. В «Доходном месте» Вышневному, Юсову и Белогубову противопоставлены Жадов, Досужев и Мыкин. В отличие от Жадова, двое последних сопротивляются бюрократии пассивно [33, с. 94–95]. Образ Жадова не является исключительно позитивным и допускает различные интерпретации: Жадов – честный добродетельный чиновник; Жадов – сатирически изображенный чиновник, в образе которого обличаются «фразерство и прекраснодушие» [19, с. 198–199]. Существует и его нейтральное истолкование: Островский задумывал Жадова как положительного персонажа, но для того, чтобы не идти вразрез с жизненной правдой, вынужден был изобразить его падение. В «Тенях» позитивный потенциал содержится в образе Бобырева, но после его «бунта на коленях» положительными воспринимаются лишь контурно обрисованные внесценические лица (Секирин и Шалимов) [33, с. 214]. В системе персонажей «Дела» противопоставлены бездушные чиновники и их жертвы, причем не все представители чиновничьей среды воплощают отрицательное начало. Так, Шило напоминает Жадова попыткой противостояния «темному варравинскому царству» [5, с. 29], но в то же время он малоубедителен в роли положительного героя; Омега в силу своего добродушия и честности не занимает высокой должности. «Смерть Тарелкина» вовсе лишена положительных персонажей [5, с. 39]. Попытка усмотреть в «Хищниках» в образах Зырова, Сониной [24, с. 169], внесценического Карги-Короваева [24, с. 170] позитивное начало вряд ли состоятельна: в комедии Писемского, как и в «Смерти Тарелкина», оно не персонифицировано ни в сценических, ни во внесценических лицах и реализовано в авторской позиции.

В отличие от гоголевских персонажей, некоторым героям пьес Островского присуща способность вызывать сочувствие [19, с. 29]. Жадов, как бы ни были иллюзорны его представления о жизни, все же пробуждает сочувствие автора и читателей [10, с. 149]. В «Тенях» Салтыкова-Щедрина образ Софьи Александровны далек от идеала, но в то же время она возвышается над прогнившей средой [14, с. 265]. Ее положение в финале исполнено драматизма, поскольку она по-настоящему любила Клаверова. В «Деле» Сухова-Кобылина глубокое сострадание вызывает трагедия Муромских, однако в «Смерти Тарелкина» уже нет героев, способных возбудить в читателях/зрителях сочувствие. Даже отношение к жертвам чиновников (дворник Пахомов, купец Попугайчиков, прачка Брандахлыстова, помещик Чванкин) окрашено авторским гневом [19, с. 241]. Несмотря на то, что в «Хищниках» умирает Вуланд и судьба Сониной

складывается драматично, эти обстоятельства не рожают сочувствия к персонажам. Связано это с тем, что директор Вуланд олицетворяет хищный и зловещий чиновничий мир, а глуповатая Сониная предает своего любовника еще до того, как узнает, что тот бросает ее: под напором жены Вуланда она признает правдивость газетной статьи, обличающей Андашевского во взяточничестве.

При сопоставлении пьес немаловажно обратиться к поэтике их финалов. Несмотря на то, что в развязке «Доходного места» становится известно о судебном преследовании Вышневого, все же эта мера не способна исправить порочную бюрократическую сферу [3, с. 151]. Нечего опасаться разбирательств только честному человеку, поэтому для Жадова обстоятельства складываются благополучно. В комедиях Островского зачастую встречаются драматические ситуации, разрешающиеся неожиданным ходом событий, что подтверждает идею жизнеутверждающего начала в поэтике драматурга [21, с. 72]. Писемский же отрицал возможность оптимистического исхода, о чем свидетельствует его протест против пятого действия «Доходного места»: Жадов, по мнению Писемского, «не должен был бы выйти победителем, а должен был бы пасть. Смысл комедии был бы, по-моему, многозначительнее и глубже...» [29, с. 109]. В финале «Теней» нет победы добродетели, хотя Клаверов унижен и «морально раздавлен» [40, с. 26]. «Дело» завершается «торжеством зла» [20, с. 480]. В «Смерти Тарелкина» отсутствует изображение жизни как «изменяющейся к лучшему» [17, с. 274]. В финале «Хищников» также нет победы благих начал, хотя формально персонажи наказаны: Андашевский и его сторонники не получают повышения по службе. Несмотря на то, что Карга-Короваев, по мнению карьериста Андашевского, «упрям, как вол; <...> умен, каналья» [30, с. 480], вряд ли ему удастся что-то исправить, устранить «подкопы», истребить лицемерие и низкопоклонство. Неверие автора в благотворное влияние новых порядков Карги-Короваева подчеркивается кольцевой композицией комедии: в начале и в финале «Хищников» появляется новость о назначении на должность, что акцентирует внимание на бессмысленной карьерной ротации и неистребимости «подкопов» в чиновничьем мире. Торжества добродетели в «Хищниках» нет вследствие отсутствия положительного героя и «светлых» мотивов, примиряющих с реальностью [22, с. 24].

Русским пьесам второй половины XIX века присущ синтез разнообразных жанровых черт, поскольку именно он адекватно отражает «драматизм жизни русского общества» [14, с. 16]. Так, присутствие в большинстве комедий Островского, в отличие от пьес Гоголя, положительных персонажей, было чертой, сближающей его комедии с драмой [42, с. 393]. В «Тенях» также объединены элементы комедии и драмы: в финале остро переживаемое разочарование Софьи Александровны обеспечивает трансформацию жанра пьесы из политической комедии в драматическую сатиру [40, с. 27]. Стоит отметить, что в «Тенях» и сами персонажи упоминают разнообразные жанровые определения: «мерзкая комедия» [34, с. 406], «какой-то проклятый водевиль, к которому странным образом примешалась отвратительная трагедия» [34, с. 401]. Трилогия Сухово-Кобылина, несмотря на то что жанры пьес, ее составляющих, обозначены самим автором (комедия, драма, комедия-шутка), демонстрирует «отсутствие границ между жанрами» [28, с. 115]. Гибель Муромского в «Деле» побуждает драматурга определить жанр пьесы как драму, между тем ее идея, заключающаяся в обличении бесчеловечной бюрократической машины, релевантна сатирической комедии [10, с. 153]. «Смерть Тарелкина» относится к синтетическому жанру: исследователи и критики обнаруживают в пьесе «гротескную комедию», «драматическую сатиру», «памфлет-шутку», «сатирический водевиль» [2, с. 253–254]. Зыбкость жанровой идентификации присуща и

поздней комедиографии Писемского. Симптоматично, что, выявляя жанровый статус пьес Писемского 1870-х гг. (среди которых две комедии – «Хищники» и «Финансовый гений»), А. И. Журавлева, несмотря на столь разнообразные жанровые определения, данные ею же самой («невеселые, страшноватые комедии, ироническая драма, жалкая трагедия» [9, с. 595]), в итоге называет их драмами [10, с. 134].

Отдельного внимания заслуживает реализация в рассматриваемых пьесах основных приемов комического преувеличения – гиперболы и гротеска. Гротеск в драматургии Островского не выходит на первый план [3, с. 130]. В «Доходном месте» в образе Белогубова Островским гиперболизируются чиновничество, подхалимство [4, с. 54–55]. Белогубов не находит низостью желание поцеловать руку начальника: он бросается к Юсову, но тот, согласно ремарке, «прячет руки» [27, с. 75]. Несмотря на широкое использование Салтыковым-Щедриным гротеска в прозе, в драматургии писатель его избегает и тяготеет к правдоподобию [20, с. 475]. Драматургия Сухова-Кобылина, напротив, уникальна в силу объединения гротескных образов и фарсового комизма [20, с. 480]. Так, в «Деле» представлен ряд гротескных сцен, отражающих нелепость бюрократии: забрасывание чиновниками Варравина бумагами на подпись в конце III действия, спор Варравина с Живцом в V действии, разговоры Варравина и Тарелкина во II и V действиях и т. д. «Смерть Тарелкина» содержит множество гротескных эпизодов, обличающих безумную сущность канцелярий и зверство уподобляющихся «упырям» чиновников. Творческая система Писемского допускает карикатурность, гиперболизацию, но ей совершенно чужды как фантастика, так и «гротесковая деформация» [25, с. 629]. Если гротеск в драматургии Островского не занимает ведущих позиций, то в комедиях Писемского он и вовсе отсутствует. Так, в «Хищниках» гиперболизирован образ камергера Мямлина: «плешивый господин, с женской почти физиономией и с необыкновенно толстым задом» [30, с. 428], которого «корчит и кобенит» [30, с. 456] болезнь. Подобно Белогубову у Островского, Мямлин «кидается к графу и хватает его руку, чтобы поцеловать ее» [30, с. 458], но граф, как и начальник Белогубова, не дает ему руки. Чуждость гротеска для творческой системы Писемского связана с центральным понятием в эстетике автора – категорией правды.

ВЫВОДЫ

Комедия А. Ф. Писемского «Хищники» была создана позже классических пьес его современников о чиновниках – «Доходного места» А. Н. Островского, «Теней» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Дела» и «Смерти Тарелкина» А. В. Сухова-Кобылина. Между тем, «Хищников» с этими пьесами объединяют острота общественной проблематики, сходные принципы изображения петербургской высшей бюрократии, карьеризма и взяточничества чиновников, зыбкость жанровой идентификации. Во всех пьесах, за исключением «Теней», продуктивен прием зоологизации образов чиновников. В комедии Писемского, как и в «Доходном месте», «Деле» и «Смерти Тарелкина», обнаруживаются переклички на уровне персонажной системы и способов создания образов чиновников. Большое сходство мотивов и сюжетных ходов наблюдается при сопоставлении «Хищников» с «Тенями»: в действии обеих пьес значимы успешная карьера молодых чиновников, покровительство женщин, утрата авторитета начальников в глазах подчиненных, непрочность положения героев на карьерной лестнице, наличие внесценических влиятельных персонажей («теней»). Однако, в отличие от «Теней», в «Хищниках» отсутствует способность чиновников к рефлексии, что проявляется в отказе Писемского от «уединенных» монологов.

Несмотря на то, что русской комедией второй половины XIX в. была востребована гоголевская концепция «безгеройности», все же в «Доходном месте», «Тенях» и «Деле» есть сценические или внесценические персонажи, вызывающие сочувствие. Комедия «Хищники», подобно «Смерти Тарелкина», лишена положительных действующих лиц (в том числе внесценических), а также вызывающих сострадание героев. В отличие от «Смерти Тарелкина», художественный мир «Хищников» лишен гротескной деформации. Финалы рассматриваемых пьес, за исключением «Доходного места», исключают торжество добродетели. Если в финалах двух последних пьес трилогии Сухово-Кобылина порочные персонажи не наказаны, то в «Доходном месте», «Тенях» и «Хищниках» их наказание формально, тем самым транслируется мысль о неистребимости порочного общественного уклада.

Таким образом, в поэтике комедии А. Ф. Писемского «Хищники» наблюдается не только творческое развитие магистральных особенностей пьес второй половины XIX в. о чиновниках, но и их оригинальное преломление, что обнажает, с одной стороны, общность идейно-художественных исканий русских драматургов этого периода, наличие типологических связей между их произведениями, а с другой – самобытный характер комедиографии Писемского.

Перспективы исследования связаны с изучением комедий А. Ф. Писемского в контексте русской комедиографии второй половины XIX в.

Список литературы

1. Александрова И. В., Казарян Н. С. Поздние комедии А. Ф. Писемского в диалоге с русской комедийной традицией XVIII века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. – Вып. 5. – С. 1451–1457.
2. Анализ драматического произведения: Межвуз. сб. ЛГУ им. А. А. Жданова / под ред. В. М. Марковича. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 366 с.
3. А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – 660 с.
4. Бродис Л. В. Конфликты и характеры в русской комедии середины XIX века. – Калинин: КГУ, 1979. – 84 с.
5. Гликман И. Д. А. В. Сухово-Кобылин и его трилогия // А. В. Сухово-Кобылин. Трилогия: Свадьба Кречинского. Дело. Смерть Тарелкина. – М.; Л.: ГИХЛ, 1959. – С. 3–42.
6. Горячкина М. С., Лаврецкий А. Салтыков-Щедрин // История русской литературы: в 10 т. – Т. 9. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 159–274.
7. Ермолаева Н. Л. А. Н. Островский, А. Ф. Писемский и А. А. Потехин. Творческие переключки // Социокультурное пространство Ивановского края: прошлое, настоящее, будущее: Сб. статей, материалов, эссе. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2018. – С. 42–53.
8. Журавлева А. И. А. Н. Островский-комедиограф. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 216 с.
9. Журавлева А. И. Комментарии // Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 5-ти т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 2. – С. 582–605.
10. Журавлева А. И. Русская драма и литературный процесс XIX века. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 198 с.
11. Зайцева Е. Л. Поэтика психологизма в романах А. Ф. Писемского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2008. – 18 с.
12. Зубков К. Ю. «Молодая редакция» журнала «Москвитянин»: Эстетика. Поэтика. Полемика. – М.: Биосфера, 2012. – 212 с.
13. Зубков К. Ю. Роман А. Ф. Писемского «Тысяча душ» и пьесы о чиновниках второй половины 1850-х годов // Русская литература. – 2009. – № 4. – С. 95–106.
14. История русской драматургии. Вторая половина XIX – начало XX века (до 1917 г.). – Л.: Наука, 1987. – 658 с.
15. Казарян Н. С. Комедии А. Ф. Писемского в диалоге с национальной жанровой традицией XVIII века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10 (76). – № 4. – С. 107–123.

16. Казарян Н. С. Ранние комедии А. Ф. Писемского в контексте комедийной традиции Н. В. Гоголя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 3. – С. 14–29.
17. Калмановский Е. С. Драматические произведения А. В. Сухова-Кобылина и русская литература 1850–1860-х годов // А. В. Сухово-Кобылин. Картины прошедшего. – Л.: Наука, 1989. – С. 243–283.
18. Лотман Л. М. А. В. Сухово-Кобылин // История русской литературы: в 4 т. – Т. 3. Расцвет реализма. – Л.: Наука, 1982. – С. 528–548.
19. Лотман Л. М. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 360 с.
20. Лотман Л. М. Драматургия 60–70-х годов // История русской литературы: в 4 т. – Т. 3. Расцвет реализма. – Л.: Наука, 1982. – С. 446–494.
21. Лотман Л. М. Островский и драматургия второй половины XIX в. // История всемирной литературы: В 9 т. – Т. 7. – М.: Наука, 1991. – С. 62–75.
22. Манькова Л. В. А. Ф. Писемский-драматург: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 1986. – 26 с.
23. Мирский Д. С. Сухово-Кобылин, Писемский и малые драматурги // История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – С. 382–386.
24. Могиланский А. П. Цензурная история пьесы Писемского «Хищники» // Русская литература. – 1965. – № 2. – С. 167–172.
25. Мысляков В. А. А. Ф. Писемский // Русские писатели 11–20 вв. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Фанит, 1999. – С. 622–630.
26. Мысляков В. А. Салтыков-Щедрин о Писемском // Русская литература. – 1971. – № 4. – С. 90–98.
27. Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. – М.: Искусство, 1974. – Т. 2. Пьесы (1856–1866). – 806 с.
28. Пенская Е. Н. Синтез жанров в драматической трилогии А. В. Сухова-Кобылина «Картины прошедшего» // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 6 (44). – С. 112–127.
29. Писемский А. Ф. Письма. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. – 925 с.
30. Писемский А. Ф. Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 2. – 604 с.
31. Рошаль А. А. Из наблюдений над творческой историей романа А. Ф. Писемского «Масоны» // Русская литература. – 1963. – № 1. – С. 180–184.
32. Русская драма эпохи А. Н. Островского / под ред. А. И. Журавлевой. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 464 с.
33. Русские драматурги XVIII–XIX вв.: монографические очерки в 3 т. – Л.; М.: Искусство, 1962. – Т. 3. – 463 с.
34. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 4. – 610 с.
35. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 5. – 711 с.
36. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. – М.: Художественная литература, 1977. – Т. 20. – 622 с.
37. Сухово-Кобылин А. В. Трилогия: Свадьба Кречинского. Дело. Смерть Тарелкина. – М.; Л.: ГИХЛ, 1959. – 307 с.
38. Тимашова О. В. Комедия «Раздел» (1853) в драматургической системе раннего А. Ф. Писемского и в контексте журнала «Современник» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. – 2014. – № 4 (32). – С. 140–149.
39. Тимашова О. В. П. А. Катенин и А. Ф. Писемский. Преемственные связи и полемика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2018. – Вып. 1. – С. 56–59.
40. Туниманов В. А. Драматургия М. Е. Салтыкова-Щедрина // Салтыков-Щедрин М. Е. Комедии и драматическая сатира. – Л.: Искусство, 1991. – С. 3–36.
41. Штейн А. Л. Критический реализм и русская драма XIX века. – М.: Гослитиздат, 1962. – 398 с.
42. Штейн А. Л. Мастер русской драмы: Этюды о творчестве Островского. – М.: Советский писатель, 1973. – 432 с.

References

1. Aleksandrova I. V., Kazaryan N. S. *Pozdnie komedii A. F. Pisemskogo v dialoge s russkoi komediinoi traditsiei XVIII veka* [A. F. Pisemsky's late comedies in the dialogue with the Russian comedy tradition of the 18th century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2024, Vol. 17, issue 5, pp. 1451–1457.
2. *Analiz dramaticheskogo proizvedeniya: Mezhvuz. sb. LGU im. A. A. Zhdanova* [Analysis of a dramatic work: Interuniversity collection of Leningrad State University named after A. A. Zhdanov]. Ed. by V. M. Markovich. Leningrad, LGU Publ., 1988. 366 p.
3. A. N. Ostrovskii. *Entsiklopediya* [A. N. Ostrovsky. Encyclopedia]. Chief editor and comp. I. A. Ovchinnina. Kostroma, Kostromaizdat Publ., Shuya, FGBOU VPO ShGPU Publ., 2012. 657 p.
4. Bradis L. V. *Konflikty i kharaktery v russkoi komedii serediny XIX veka* [Conflicts and characters in Russian comedy of the mid-19th century]. Kalinin, KGU Publ., 1979. 84 p.
5. Glikman I. D. A. V. Sukhovo-Kobylin i ego trilogiya [A. V. Sukhovo-Kobylin and his trilogy]. A. V. Sukhovo-Kobylin. *Trilogiya: Svadba Krechinskogo. Delo. Smert Tarelkina.* Moscow, Leningrad, GIKHL Publ., 1959, pp. 3–42.
6. Goryachkina M. S., Lavretskii A. *Saltykov-Shchedrin. Istoriya russkoi literatury: v 10 t., T. 9* [Saltykov-Shchedrin. The History of Russian literature in 10 volumes, vol. 9]. Moscow, Leningrad, Akademii nauk SSSR Publ., 1956, pp. 159–274.
7. Ermolaeva N. L. A. N. Ostrovskii, A. F. Pisemskii i A. A. Potekhin. *Tvorcheskie pereklichki* [A. N. Ostrovsky, A. F. Pisemsky and A. A. Potekhin. Creative roll calls]. *Sotsiokulturnoe prostranstvo Ivanovskogo kraya: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sb. statei, materialov, esse*. Ivanovo, Ivanovskii gos. un-t Publ., 2018, pp. 42–53.
8. Zhuravleva A. I. A. N. Ostrovskii-komediograf [A. N. Ostrovsky-comedian]. Moscow, MSU Publ., 1981. 216 p.
9. Zhuravleva A. I. *Kommentarii* [Comments]. *Pisemskii A. F. Sobranie sochinenii: v 5 t. Vol. 2*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, pp. 582–605.
10. Zhuravleva A. I. *Russkaya drama i literaturnyi protsess XIX veka* [Russian drama and the literary process of the 19th century]. Moscow, MSU Publ., 1988. 198 p.
11. Zaitseva E. L. *Poyetika psikhologizma v romanakh A. F. Pisemskogo: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The poetics of psychologism in the novels of A. F. Pisemsky. Abstract of thesis]. Moscow, 2008. 18 p.
12. Zubkov K. Yu. «*Molodaya redaktsiya*» zhurnala «*Moskvityanin*»: *Estetika. Poetika. Polemika* [The «Young editorial board» of the «Moskvityanin» magazine: Aesthetics. Poetics. Controversy]. Moscow, Biosfera Publ., 2012. 212 p.
13. Zubkov K. Yu. *Roman A. F. Pisemskogo «Tysyacha dush» i p'esy o chinovnikakh vtoroi poloviny 1850-kh godov* [A. F. Pisemsky's novel «A Thousand Souls» and plays about officials of the second half of the 1850s]. *Russkaya literatura*, 2009, no. 4, pp. 95–106.
14. *Istoriya russkoi dramaturgii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka (do 1917 g.)*. [The history of Russian drama. The second half of the 19th – the beginning of the 20th century (until 1917)]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 658 p.
15. Kazaryan N. S. *Komedii A. F. Pisemskogo v dialoge s natsional'noi zhanrovoy traditsiei XVIII veka* [The comedies of A. F. Pisemsky in dialogue with the national genre tradition of the XVIII century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, Vol. 10 (76), no. 4, pp. 107–123.
16. Kazaryan N. S. *Rannie komedii A. F. Pisemskogo v kontekste komediinoi traditsii N. V. Gogolya* [The early comedies of A. F. Pisemsky in the context of the N. V. Gogol's comedy tradition]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, Vol. 9 (75), no. 3, pp. 14–29.
17. Kalmanovskii E. S. *Dramaticheskiye proizvedeniia A. V. Sukhovo-Kobylyina i russkaya literatura 1850–1860-kh godov* [Dramatic works by A. V. Sukhovo-Kobylin and Russian literature of the 1850s and 1860s]. A. V. Sukhovo-Kobylin. *Kartiny proshedshego*. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 243–283.
18. Lotman L. M. A. V. Sukhovo-Kobylin [A. V. Sukhovo-Kobylin]. *Istoriya russkoi literatury. Rastsvet realizma*. In 4 volumes. Vol. 3, Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 528–548.
19. Lotman L. M. A. N. Ostrovskii i russkaya dramaturgiya ego vremeni [A. N. Ostrovsky and the Russian drama of his time]. Moscow, Leningrad, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1961. 360 p.

20. Lotman L. M. *Dramaturgiya 60–70-kh godov* [Drama of the 60s and 70s]. *Istoriya russkoi literatury. Rastsvet realizma*. In 4 volumes. Vol. 3, Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 446–494.
21. Lotman L. M. *Ostrovskii i dramaturgiya vtoroi poloviny XIX v.* [Ostrovsky and the drama of the second half of the 19th century]. *Istoriya vsemirnoi literatury*. In 9 volumes. Vol. 7, Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 62–75.
22. Man'kova L. V. A. F. *Pisemskii-dramaturg: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [A. F. Pisemsky-playwright. Abstract of thesis]. Moscow, 1986. 26 p.
23. Mirskii D. S. *Sukhovo-Kobylin, Pisemskii i malye dramaturgi* [Sukhovo-Kobylin, Pisemsky and the small playwrights]. *Istoriya russkoi literatury s drevnejshikh vremen po 1925 god*. London, Overseas Publications Interchange Ltd Publ., 1992, pp. 382–386.
24. Mogilyanskii A. P. *Tsenzurnaya istoriya p'esy Pisemskogo «Khishchniki»* [The censorship history of Pisemsky's play «Predators»]. *Russkaya literatura*, 1965, no. 2, pp. 167–172.
25. Myslyakov V. A. A. F. *Pisemskii* [A. F. Pisemsky]. *Russkie pisateli 11–20 vv. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*, Moscow, Fianit Publ., 1999, pp. 622–630.
26. Myslyakov V. A. *Saltykov-Shchedrin o Pisemskom* [Saltykov-Shchedrin about Pisemsky]. *Russkaya literatura*, 1971, no. 4, pp. 90–98.
27. Ostrovskii A. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t., T. 2. P'esy (1856–1866)* [Complete works in 12 volumes, vol. 2. Plays (1856–1866)]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974. 806 p.
28. Penskaya E. N. *Sintez zhanrov v dramaticheskoi trilogii A. V. Sukhovo-Kobylin «Kartiny proshedshego»* [Synthesis of genres in A. V. Sukhovo-Kobylin's dramatic trilogy «Pictures of the Past»]. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2016, no. 6, pp. 112–127.
29. Pisemskii A. F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, Leningrad, Akademii nauk SSSR Publ., 1936. 925 p.
30. Pisemskii A. F. *Sobranie sochinenii: v 5 t. T. 2* [Collected works in 5 volumes. Vol. 2]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. 604 p.
31. Roshal' A. A. *Iz nablyudenii nad tvorcheskoi istoriei romana A. F. Pisemskogo «Masony»* [From observations on the creative history of A. F. Pisemsky's novel «The Masons»]. *Russkaya literatura*, 1963, no. 1, pp. 180–184.
32. *Russkaya drama epokhi A. N. Ostrovskogo* [Russian drama of the era of A. N. Ostrovsky]. Ed. by A. I. Zhuravleva. Moscow, MSU Publ., 1984. 464 p.
33. *Russkie dramaturgi XVIII–XIX vv.: monograficheskie ocherki v 3 t., T. 3* [Russian playwrights of the 18th–19th centuries: monographic essays in 3 vol. Vol. 3]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1962. 463 p.
34. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 t. T. 4* [Collected works in 20 volumes. Vol. 4]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966. 610 p.
35. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 t. T. 5* [Collected works in 20 volumes. Vol. 5]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966. 711 p.
36. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 t. T. 20* [Collected works in 20 volumes. Vol. 20]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 622 p.
37. Sukhovo-Kobylin A. V. *Trilogiya: Svad'ba Krechinskogo. Delo. Smert' Tarelkina* [Trilogy: Krechinsky's Wedding. A business. Death of Tarelkin]. Moscow, Leningrad, GIKHL Publ., 1959. 307 p.
38. Timashova O. V. *Komediya «Razdel» (1853) v dramaturgicheskoi sisteme rannego A. F. Pisemskogo i v kontekste zhurnala «Sovremennik»* [The comedy «Section» (1853) in the dramaturgical system of the early A. F. Pisemsky and in the context of the journal «Sovremennik»]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. Filologiya*, 2014, no. 4 (32), pp. 140–149.
39. Timashova O. V. *P. A. Katenin i A. F. Pisemskii. Preemstvennye svyazi i polemika* [P. A. Katenin and A. F. Pisemsky. Succession ties and controversy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2018, issue 1, pp. 56–59.
40. Tunimanov V. A. *Dramaturgiya M. E. Saltykova-Shchedrina* [Dramaturgy by M. E. Saltykov-Shchedrin]. *M. E. Saltykov-Shchedrin. Komedii i dramaticheskaya satira*, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1991, pp. 3–36.
41. Shtein A. L. *Kriticheskii realizm i russkaya drama XIX veka* [Critical Realism and Russian drama of the 19th century]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1962. 398 p.
42. Shtein A. L. *Master russkoi dramy: Etyudy o tvorchestve Ostrovskogo* [The Master of Russian Drama: Studies on Ostrovsky's work]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1973. 432 p.

**A. F. PISEMSKY'S COMEDY «PREDATORS» IN THE CONTEXT
OF THE SECOND HALF 19th CENTURY PLAYS ABOUT OFFICIALS**

Kazaryan N. S.

The article is devoted to solving the question of the correlation degree of A. F. Pisemsky's comedy «Predators» with the poetics of Russian classical plays about officials in the second half of the 19th century main features («A Profitable Place» by A. N. Ostrovsky, «Shadows» by M. E. Saltykov-Shchedrin, «The Case» and «Death of Tarelkin» by A. V. Sukhovo-Kobylin). The plays under consideration are united by the acuteness of social issues, similar principles of portraying the St. Petersburg higher bureaucracy, careerism and bribery of officials, the uncertainty of genre identification, and the method of zoologizing images. The ideological and thematic similarity of the plays «Predators» and «Shadows» has been revealed. Unlike the plays of Ostrovsky, Saltykov-Shchedrin, and Sukhovo-Kobylin's «The Case», Pisemsky's comedy is devoid of sympathetic characters, which makes it similar to «Death of Tarelkin», but «Predators» does not contain grotesque deformations and farcical features. In the finales of the plays under consideration (with the exception of the «A Profitable Place») there is no triumph of virtue, which underlines the idea that it is impossible to eliminate the depravity of the bureaucratic social order. Comedy of A. F. Pisemsky «Predators» draws on the artistic discoveries of contemporary playwrights, authors of plays about officials, and creatively develops them, which reveals, on the one hand, the common ideological and artistic aspirations of Russian playwrights of this period, and, on the other, the distinctive character of Pisemsky's comedian.

Keywords: A. F. Pisemsky, comedy, social issues, character system, motive, author's position.

УДК 82.09

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-66-77

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ ПОЭТИКИ В. ХЛЕБНИКОВА

Каменский К. В.

*Курский государственный университет,
Курск, Российская Федерация
E-mail: kirill.kamenskiy@mail.ru*

В статье исследуются особенности осмысления категорий «пространство» и «время» в творчестве Велимира Хлебникова. Приводятся и комментируются рассуждения автора относительно единства «пространства» и «времени». С опорой на биографию и творческое наследие В. Хлебникова описываются особенности философско-художественной концепции законов времени. На материале художественных произведений (поэма «Хаджи-Тархан», стихотворения «Очи Оки», «Нижний», «Времянн я», драма «Мирсконца»), а также иных сочинений (заметки, письма, статьи, фрагменты из «Досок Судьбы») рассматриваются особенности представления категорий «пространство» и «время» в качестве художественных элементов поэтики В. Хлебникова. Определяются функциональные роли образов «пространства» и «времени», раскрываются индивидуально-авторские способы их представления в художественных и нехудожественных текстах В. Хлебникова. Устанавливаются особенности воплощения образов «пространства» и «времени» в поэтике автора, а также возможность их интерпретации друг через друга.

Ключевые слова: В. Хлебников, пространство, время, пространство-время, хронотоп, футуризм.

ВВЕДЕНИЕ

В классических художественных текстах категории «пространство» и «время» составляют непереносимое условие восприятия художественного мира, т. е. являются априорными: читатель всегда понимает, что описываемые события происходят в определенном месте и в определенное «время», даже если об этом не говорится прямо. Однако в литературе конца XIX – начала XX вв. составные элементы хронотопа и методы письма начинают трансформироваться и переосмысливаться, что отчасти вызвано кризисом традиций в искусстве (ощущением исчерпанности реализма как художественного метода), приведшим сначала к декадансу с его упадническим мировосприятием, а затем к модернизму с его творческим энтузиазмом. С другой стороны, в это же время происходит разработка новых естественно-научных концепций (так, физика Ньютона уступает место физике Эйнштейна, а обособленные друг от друга «пространство» и «время» объединяются в единый континуум). В эту эпоху наука и искусство стремительно развиваются и иногда пересекаются.

В русской литературе указанного периода одним из художников мысли, активно внедряющих элементы новых научных понятий в свои произведения, становится поэт-футурист Велимир Хлебников. В его творчестве объединяются различные области знания, среди которых, например, лингвистика (Хлебников активно создает новые слова на основе архаичных морфем: *словесо*, *Бозничий*, *негный*, *славязь* и др.) и математика (образы чисел, особенно мнимой единицы, становятся постоянными художественными элементами поэтики автора [9, с. 143–151; 22, с. 451; 24, с. 336]). Особо стоит отметить интерес Хлебникова к физике и истории, который проявлялся в стремлениях найти «основной закон времени» [20, с. 277] и обозначить себя как одного из тех, «кто связал время с пространством» [27, с. 7]. Образы «пространства» и «времени» в творчестве Хлебникова на современном этапе продолжают оставаться объектом пристального научного внимания [6; 7; 11; 16; 18; 21]. Однако ученые в основном анализируют

теоретические взгляды Будетлянина на указанные категории, практическое же воплощение «пространства-времени» в конкретных художественных текстах редко выступает как самостоятельная область анализа (к примеру, Р. В. Дуганов говорит о «пространстве» и «времени» в связи с анализом поэмы «Ладомир» [10, с. 67-68], а К. А. Кедров – в связи с повестью «Ка» [14, с. 191–193]). Кроме того, недостаточно изучены особенности хлебниковского осмысления категории «время» в связи с таким философским направлением, как «этернализм». О «вневременности» (и «внепространственности») поэта и его творчества отдельно писал Г. О. Винокур [5], но в его работе данный аспект представлен в качестве тезиса, без предметного описания на материале конкретных произведений. Перечисленные обстоятельства обуславливают актуальность данного исследования.

Цель исследования – анализ образов «пространства» и «времени» в творчестве Хлебникова как философских категорий и элементов авторской поэтики.

Новизна предпринятого исследования обеспечивается многоаспектным анализом представленных в сочинениях Хлебникова категорий «пространство» и «время», то есть рассматриваются: 1) выраженные непосредственно поэтом теоретические взгляды на «пространство» и «время»; 2) способы их художественного воплощения на материале как известных в исследовательской среде, так и малоизученных в данном аспекте произведений с учётом биографического контекста; 3) работы велимироведов, в которых описываются особенности представления избранных категорий в поэтике Будетлянина; 4) связь теоретических авторских взглядов на «пространство», «время», «пространство-время» с естественно-научным («пространство-время» Г. Минковского) и философским (этернализм) контекстами.

Материалом исследования послужили вошедшие в шеститомное собрание сочинений поэта под редакцией Р. В. Дуганова и Е. Р. Арэнзона [22–27] художественные и нехудожественные тексты В. Хлебникова: литературные произведения (поэма «Хаджи-Тархан», стихотворения «Очи Оки», «Нижний», «Времяннй я», драма «Мирскóнца»), заметки, письма, статьи, а также фрагменты из работы «Доски Судьбы» [1].

Для исследования категорий «пространство» и «время» в творчестве В. Хлебникова использовались такие методы, как биографический, герменевтический, сравнительно-сопоставительный, интертекстуальный, метод описательной поэтики.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Пространство-время

Категории «пространство» и «время» в различных (антитетических и синтетических) отношениях пронизывают все наследие Хлебникова, являются важнейшими в его творчестве. Г. О. Винокур, размышляя над общей формулой, которая могла бы выразить роль Хлебникова и его творчества в литературном процессе, писал, что «такой формулой может послужить банальное выражение “вне времени и пространства”, <...> взятое в своем точном и *буквальном* значении» [5, с. 207–208]. Исследователь отмечал, что мотив своеобразного преодоления «времени» и «пространства» был основной поэтической мыслью Будетлянина [5, с. 207].

По мнению Н. В. Перцова, для некоторых произведений Хлебникова характерен синтез «пространства» и «времени» [16, с. 174]. На примере стихотворения «Ночь, полная созвездий» исследователь указывает на то, что образы «пространства» и «времени» в поэтике Хлебникова могут интерпретироваться друг через друга [16, с. 174, 177]. Чем обусловлена важность данных категорий для поэта?

Будучи по своей натуре путешественником, Хлебников постоянно испытывал «голод пространства» [9, с. 530–531; 20, с. 88, 176, 238, 266], он жаждал новых географических впечатлений, и его тяга к странствиям, несмотря на постоянные финансовые трудности, была неистребима [20, с. 191]. Поэт не имел постоянного жилья, был своего рода вагабундом, в разные периоды времени жил в Астрахани, Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Харькове, Баку, Персии и других местах [15, с. 445]. Он стремился к постижению мира, данного в различных «пространствах». При этом в творчестве Хлебникова в первую очередь представлена категория «время».

Отправной точкой для поэтического и научного освоения данного понятия в биографии автора служит поражение России в Русско-японской войне (1904–1905 гг.). Сам поэт свидетельствует, что дал клятву искать законы «времени» для оправдания смертей на следующий день после Цусимского сражения [9, с. 530, 533; 20, с. 31; 27, с. 315], однако В. П. Григорьев, указывая на ошибку памяти Хлебникова, пишет о том, что явным катализатором данного обещания стало известие о потоплении броненосца «Петропавловск», которое произошло 31 марта 1904 г. [9, с. 533]. С этого периода Хлебников стремится «поймать войну в мышеловку» [20, с. 143], то есть свести ее на нет, научившись предсказывать грядущие события. Иносказательно поэт пишет об этом в заметке, созданной в период между 1904 и 1907 гг.: «Знание будущего в том отношении расширяет права свободы воли, что знающий когда наступит на земле прилив, сумеет отойти от него» [27, с. 377]. Поэтически же данная мысль ярко иллюстрируется начальными строками стихотворения, написанного 28 января 1922 г.: «Если я обращаю человечество в часы / И покажу, как стрелка столетия движется, / Неужели из нашей времен полосы / Не вылетит война, как ненужная ижица?» [23, с. 363]. Именно с этой целью Хлебников нарекает себя «Будетлянином» (тем, кто *будет*, кто сможет предсказать характер грядущих событий). Поэт устремляется в будущее, которое позже в статье «Свояси» назовет родиной творчества [22, с. 8].

Категории «пространство» и «время» у Хлебникова включены в контекст нового естествознания. Поэт неоднократно говорил об их связи, осознавал себя пионером в области концептуального совмещения «пространства» и «времени» в единый континуум. В этом аспекте наиболее известна автоэпитафия «Пусть на могильной плите прочтут...», в которой Хлебников пишет: «...Он связал время с пространством...» [27, с. 7]. В собрании сочинений под редакцией Р. В. Дуганова и Е. Р. Арензона данный текст условно датируется 1904 г., т. е. за год до того, как А. Пуанкаре математически обосновал единство «пространства» и «времени», и за четыре года до того, как вышла программная работа «Raum und Zeit» Г. Минковского (русскоязычный перевод вовсе был опубликован только в 1910 г.) [27, с. 523]. Если опираться на обозначенную дату, то можно сделать вывод о том, что Хлебников предвосхитил ввод понятия «пространство-время» в научный дискурс.

Сам Будетлянин в одной из заметок, написанной между 1911 и 1914 гг. [27, с. 379–382; 28], указывал и на более раннее время возникновения у него идеи единства данных категорий: «Минковский и некоторые другие (я, начиная с 1903 года) думали объединить время <с пространством>, понимая его как четвертое измерение...» [27, с. 382]. Приведенные даты могут вызывать сомнения (и этому посвящена отдельная статья А. Щетникова [28]), но для нашего исследования важна не фактологическая точность (действительно ли Хлебников «объединил» «пространство» и «время» раньше всех или нет), а художественные особенности включенности естественно-научных взглядов и философских размышлений в контекст авторской поэтики.

Относительно концепции «пространство-время» примечательна антропологическая позиция Хлебникова: «...Он считал, что пространство и время соединяются в человеке» [14, с. 168], в человеке, которого он характеризовал как местовременную точку [27, с. 385]. В статье «О времени» (<1907–1908>) поэт назвал «пространство» и «время» двумя братьями-близнецами [27, с. 16], тем самым образно обозначив «кровные» узы, связывающие данные категории. Кроме того, Хлебников выразил мысль о том, что эти «братья» служат своеобразными стражниками, которые охраняют «вход к Бытию» [27, с. 16], т. е. непременно стоят на пути к осознанию самого себя в окружающем мире.

Обосновывая интерес к темпоральной субстанции, Хлебников неоднократно писал о том, что «пространство» является более когнитивно освоенным понятием, нежели «время» [27, с. 248, 528]. Ярким подтверждением данного тезиса, в котором также указывается личная значимость, служат строки: «Лишь я, лишь я заметил то, что время <—> / Доныне крепостной пространства» (цит. по: [9, с. 534]).

Своей цели, постижения законов «времени», Хлебников достигает в Баку в 1920 г. [9, с. 534]. 14 марта 1922 г. в письме к П. В. Митуричу поэт описывает свое открытие так: «...Во времени происходит отрицательный сдвиг через 3ⁿ дней и положительный через 2ⁿ дней; события, дух времени становится обратным через 3ⁿ дней и усиливает свои числа через 2ⁿ» [27, с. 489].

Хотя для Хлебникова категория топоса была менее интересной в силу её научной «освоенности» («Если не каждый самый мощный поезд сдвинет с места все написанное человечеством о пространстве, то все написанное о времени легко подымет каждый голубь в письме, спрятанном под крылом» [27, с. 248]), многие образы «времени» в его творчестве являются по своей сути пространственными [11, с. 367]. М. Бемиг выделила в поэтике «будетлянина» два вида «времени»: «1) Время как волна, колебание или циклическое повторение событий <...> 2) Время как своего рода новое, неведомое пространство» [4]. Вероятно, можно говорить и о третьей, синтетической разновидности, на которую указывает, например, цитата: «...Время <—> логарифм пространства» (цит. по [9, с. 534]). Первый из приведенных типов в основном связан с математическими расчетами и историософскими построениями Хлебникова, а второй нередко выступает в качестве художественного образа. Известна авторская интерпретация времени как своего рода «пространства», поля впереди и поля сзади [27, с. 491], шествуя по которому можно достичь и прошлого, и будущего. Характеризуя данный аспект, Д. Н. Замятин пишет: «...Само время подвергается у него [Хлебникова. — К. К.] интенсивному опространствлению» [11, с. 366]. Таким образом, в общетеоретическом плане подтверждается тезис Г. О. Винокура: «Для Хл<ебникова>, в сущности, вообще нет времени, вообще нет пространства. Все вечно, всегда, в своей глубокой сущности, неизменное и постоянное *одно*» [5, с. 207]. Данный взгляд отчасти соотносится с таким философским направлением, как «этернализм» (см. ниже).

Пространство

Степень важности и специфичность категории «пространство» в поэтике исследуемого автора, несмотря на её «вторичность» относительно «времени», можно условно определить, опираясь на один любопытный биографический эпизод. Однажды Н. Коган, художница и поклонница творчества будетлянина, задала ему вопрос о том, «каждый ли поэт может написать по-настоящему хорошие стихи» [20, с. 191]. Хлебников ответил следующим образом: «Стихи <...> — это все равно, что путешествие, нужно быть там, где до сих пор еще никто не был» [20, с. 191]. Данное высказывание звучит достаточно по-футуристски, но вместе с тем выходит за рамки данной эстетики,

поскольку самобытность поэтического языка – требование, которое бессознательно предъявляется читателем к каждому автору стихов.

Топос в текстах Хлебникова необычайно широк. Для создания художественного мира поэт нередко «обращался к древнеславянским, древневост [отчным. – К. К.] и среднеазиатским мифам» [15, с. 443], эклектически сочетал различные культуры («Индии, монголов, финнов, казаков...» [3, с. 125]). Он был сторонником ввода в литературу самых разнообразных этнографических реалий [3, с. 122–126].

В поэме «Хаджи-Тархан» (1913) Хлебников имплицитно помещает в стихотворные строки известную паремию, гласящую, что если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе: «Ах, вечный спор горы и Магомета, / Кто свят, кто чище и кто лучше» [24, с. 104]. В. П. Григорьев приводит список собственных имен и названий географических объектов, свидетельствующий о насыщенности произведения образами «пространства»: «Вот несколько имен из поэмы: гора Богдо, Магомет, Рим, Африка, Асирия, Египет, Прометей, игла Сумбеки, Ра (Волга у античных авторов), Ломоносов, море Ледовитое, море Хвалынское (т.е. Каспийское <...>), Волынский <...>, веший Олег, Индия, Озирис...» [9, с. 532]. М. В. Ганин, исследуя геогностический мотив «пение гор» в творчестве поэта, отмечает, что в этом тексте задается «вектор на постижение горной стихии и упоминается конкретный природный объект [гора Богдо. – К. К.], являющийся источником “молчания”» [6, с. 217], то есть потенциального звука, «звнящей тишины». Хлебников, воплощая идею некоей безмятежности, пишет: «Гора молчит, лаская тишь» [24, с. 104]. «Ласкающее» отсутствие звуков создает особую атмосферу покоя, отгороженную от шумной и суетной среды: «Там только голубь сонный несея. / Отсель урок: ты сам слетишь, / Желая сдвинуть сон утеса. / Но звук печально-горловой, / Рождая ужас и покой, / Несется с каждою зарей / Как знак: здесь отдых, путник, стой!» [24, с. 104].

Географические образы в поэтике Хлебникова зачастую персонифицированы и нередко оригинально вписаны в текст как элементы композиции. Показательна четырехсловная поэтическая миниатюра, написанная предположительно в 1912 г.: «Очи Оки / Блещут вдали» [22, с. 271]. Художественно осмысленный тоpos действительности здесь органично помещен в «пространство» текста. В сущности, стихотворение направлено на передачу взгляда лирического героя на реку. В данном контексте слово «взгляд» стоит понимать одновременно в двух значениях: как зрительный акт и как ментальную установку. Эта идея аккумулируется в миниатюре и прямо (первое слово – «очи», орган зрения), и на уровне «заумного» каламбура (форма «Оки» с опорой на теорию Хлебникова о внутреннем склонении слов [27, с. 33] вызывает ассоциативную связь со словом «око»). Следует также обратить внимание на то, что процесс зрительного восприятия децентрирован, т.е. акцент с него намеренно смещен. На переднем плане – образ блестящих «глаз» реки, т.е. игры воды и света. Герой присутствует в тексте имплицитно, выступает в качестве безликой призмы, через которую передается описанный пейзаж и относительно которой *очи блещут* на определенной дистанции (*вдали*). Вместе с тем, изображая «очи Оки», автор олицетворяет образ реки, наделяет водную стихию душой, зеркалом которой глаза как раз и являются.

«Пространство» текста оформлено предельно гармонично и со стороны метрики архитектурно выверено – это четкий двустопный дактиль с мужскими клаузулами. К тому же двустишие зарифмовано, хотя созвучие и достаточно слабое, ассонансное (*Оки́ – вдали́*). Возможно, стихотворение представляет собой результат творческого осмысления жанра хайку. Известно, что Хлебникова занимал минимализм японской поэтики; например, в сентябре 1912 г. он писал А. Е. Крученых о желании, чтобы на русскую землю пролились «японские законы прекрасной речи» [27, с. 432]. Любопытно, что общее

количество букв в миниатюре (17) также отсылает к упомянутой поэтической форме: классическое хайку состоит из 17 слогов. Вряд ли автор намеренно подсчитывал символы, но в любом случае реминисценция восточной культуры, сообщаемая самой формой и содержанием произведения, имеет место, и, таким образом, геопоэтический охват миниатюры расширяется.

В 1918 г. Хлебников проездом посещает Нижний Новгород и с любовью к этому городу пишет следующие строки: «Нежный Нижний! – / Волгам нужный, / Каме и Оке, / Нежный Нижний / Виден вдалеке / Волгам и волку» [23, с. 35]. В данном фрагменте также наблюдается трансформация географических объектов в поэтические, однако на этот раз внутреннее склонение слов выведено эксплицитно. Название города окружено двумя диссонансными рифмами: *нежный* – *Нижний* – *нужный*. Благодаря подобной концентрации созвучных эпитетов автор поэтизирует название города, приписывая ему такие качества, как нежность и нужность. В данном контексте субъектами указанной «нужды» выступают персонифицированные образы рек. Причем река Волга, как художественный образ, поэтически умножается, что находит выражение в форме множественного числа. Здесь Хлебников использует прием гиперонимизации, т.е. распространяет название реки на ее притоки – Каму и Оку.

Появление «Камы» в тексте может показаться аномальным. Если Волга и Ока, действительно, омывают Нижний Новгород, то Кама находится в значительном удалении. Сославшись на выявленный выше прием гиперонимизации, можно оправдать использование Хлебниковым образа Камы тем, что вместе с Окой и Волгой она составляет единое целое, а потому Кама через упомянутые реки также достигает города как часть этого целого. Также вероятно, что это является оригинальной реализацией метонимии. Кама протекает далеко от Нижнего Новгорода, но близко к Казани, хотя и не омывает этот город. Известно, что Хлебников после Нижнего Новгорода как раз поехал в Казань, где не был с 1908 г. [20, с. 190–191]. Так как в поэтике и философии «будетлянина» первые звуки слова (в частности, согласные) служат носителями смысла [14, с. 180; 27, с. 154], то возможно предположить, что *Ка-мой* в стихотворении Хлебникова маркируется *Ка-зань*, которая в свою очередь посредством метонимического переноса отсылает к самому поэту. Впрочем, указание на авторское «Я» выводится и более просто: Волга протекает близ села Малые Дербеты (во времена поэта – Малодербетовский улус), места, где родился Хлебников. Таким образом, эксплицированный смысл анализируемых строк выглядит так: «Нижний Новгород, нужный мне, т.е. лирическому герою/Хлебникову». Как и в предыдущем тексте, наблюдение происходит на определенной дистанции. Возможно, подобным отстранением Хлебников пытался придать личному поэтическому восприятию города характер объективности. Созерцателями Нижнего Новгорода выступают Волги и волк. Образ «Волг» уже рассмотрен выше – это сам поэт и, вероятно, художественное обозначение его пути по направлению к Казани. «Волк» же появляется как следствие фиксации поэтического родства похожих слов.

Время

Н. Н. Пунин обратил внимание на то, что Хлебников стал первым поэтом, который ввел в стихотворные формы категорию «время» как элемент «поэтического опыта» [19, с. 161]. «Время» – это центральная тема творческих, философских и научных сочинений Хлебникова. Будучи провозглашенным Королем Времени Велимиром Первым [20, с. 155–156], поэт предпринимает множество когнитивных попыток «освоения» данной субстанции.

В. П. Григорьев отметил, что «время и множество его коррелятов – важнейшие основы смысла в словотворчестве Хлебникова» [9, с. 539]. Действительно, категория «время» различным образом метафоризируется и осмысливается в творчестве поэта. Ярким примером пристального художественного внимания к указанной ключевой единице становится уже литературный дебют Хлебникова – стихотворение в прозе «Искушение грешника» (1908). В нем встречаются самые разнообразные воплощения обозначенной категории: «...Врематая избушка, и лицо старушонки в кичке вечности, и злой пес на цепи дней, с языком мысли, и тропа, по которой бегают сутки и на которой отпечатлелись следы дня, вечера и утра...» [26, с. 34], «И шествовала времякловая цапля...» [26, с. 34], «...И сквозь топливый тростник плыл прошлоекрылый селезень к будущехохольной утке» [26, с. 34].

На примере этой небольшой выборки заметна склонность Хлебникова к наделению орнитологических образов семантикой «времени». В стихотворении того же 1908 г. «Там, где жили, свиристели» Хлебников создает запоминающийся образ стаи «легких времий» [22, с. 109]. Традиционно «время» трактуется как соединение слов «время» и «снегирь» [7, с. 29], но также возможно интерпретировать данное слово в качестве «времени мира» или «мира времени». Разумеется, это расширительная версия прочтения, а не замена основного, так как явная связь с птицами в контексте стихотворения представлена эксплицитно. Тем не менее интерпретация органично вписывается в хлебниковскую концепцию «Время – мера мира» [27, с. 94].

Хлебников стремится преодолеть «время», покорить его, используя различные творческие методы. Помимо прочего, данное устремление реализуется на уровне архитектоники различных текстов. Приблизительно в 1912 г. создается «Перевертень» – стихотворение-палиндром, строки которого можно читать как с начала, так и с конца: «Кони, топот, иннок. / Но не речь, а черен он» [22, с. 258]. Посредством формальной организации данного произведения, его фактуры – специального подбора слов таким образом, чтобы строки могли быть прочитаны и слева направо, и справа налево – Хлебников воплощает идею обратимости «времени», его возможности течь не только вперед, но и назад. Данный мотив получает развитие в драме «Мирсконца» (1913), сюжет которой построен на том, что действующие лица в рамках пяти действий проходят путь от смерти и старости через зрелость и взрослость к молодости и детству. Однако в хроносе произведения, помимо указанной, представлена и другая особенность, выраженная В. П. Изотовым следующим образом: «Уже в первой части главный герой, убегая из собственного гроба, одновременно начинает движение по жизни (хронологически) назад, в то же время (линейно) совершает движение вперед – ведь бегства из гроба в той, прежней жизни не было» [12, с. 121]. Иначе говоря, в пьесе две временные линии будто бы накладываются друг на друга. Подобная композиция в художественной форме иллюстрирует зафиксированное в заметках поэта допущение о том, что одно «время» может быть помещено внутри другого [27, с. 377]. Стоит отметить, что мотив подобного преодоления темпоральной линейности после Хлебникова получит свое развитие в произведениях литературной фантастики: например, у Ф. С. Фицджеральда («Загадочная история Бенджамина Баттона, 1922) и братьев А. Н. и Б. Н. Стругацких («Понедельник начинается в субботу», 1964).

Из приведенного выше анализа следует, что в поэтике Хлебникова эстетически воплощается идея такого философского направления, как «этернализм». Его сущность состоит в представлении всех событий действительности как уже совершенных

(существующих всегда и «одновременно»), но при этом воспринимаемых сознанием ввиду его ограниченности только в качестве последовательных эпизодов. Мнимость (или взаимозаменяемость) понятий «прошлое», «настоящее» и «будущее» в контексте личности Хлебникова и его творчества не раз отмечалась различными учеными [1, с. 138; 2; 3, с. 31–33; 9, с. 537–540; 10, с. 67; 13, с. 317; 16, с. 173–174; 18, с. 114–120; 21]. В заметках поэта его устремленность к «вневременности» описана в призыве «отказаться от понятий “прошлое”, “настоящее”, “будущее” как вредных для ясности мысли и считать настоящее время исходной точкой счета, прошлое – отрицательным рядом, будущее – рядом положительных чисел» [27, с. 390]. Хлебников не раз изображает персонажей, для которых «нет застав во времени» [26, с. 113]. Это, к примеру, Ка из одноименной повести («...Ка ходит из снов в сны, пересекает время и достигает бронзы (бронзы времен). В столетиях располагается удобно, как в качалке» [26, с. 113]) и абстрактное существо А из «Досок Судьбы» («Назовем существом А то, которое к прошлым и будущим векам человечества относится как к пространству, и шагает по нашим столетиям как по мостовой» [1, с. 42]).

Известен поэтический фрагмент «Досок Судьбы», в котором присутствует неатрибутированная аллюзия к «Апокалипсису» Иоанна Богослова (имеются в виду стихи: «И Ангел <...> клялся <...>, что времени уже не будет». Откр., 10:5-6): «Мой разум точный до одной энной, / Как уголь сердца, я вложил в мертвого пророка вселенной, / Дыханием груди вселенной, / И понял вдруг: нет времени. / На крыльях поднят как орел, я видел сразу, что было и что будет, / <...> / И стало ясно мне / Что будет позже» [1, с. 169].

Мнимость «времени», идея его преодоления реализуется уже в ранних текстах поэта. Показательно небольшое стихотворение 1907 года: «Времянн я, / Времянку настиг / И с ней поцелуйный / Создал я миг. / И вот я очнулся / И дальше лечу. / И в яр окунулся / И в глуби тону. / И крыльями слылий / Черпаю денину. / Из кладезя голубя / Черпаю водину» [22, с. 31]. Адресатом стихотворения является В. И. Дамперова [8], которой Хлебников был увлечен [20, с. 27-28]. Этим фактом объясняется то, что в первой редакции любовная тема была центральной [22, с. 388; 7], в то время как в представленной версии она отошла на второй план.

В произведении прослеживается четкая интертекстуальная связь с приведенным выше фрагментом из «Досок Судьбы», на что указывает единообразное представление субъектов поэтической речи – крылатые лирические герои путешествуют сквозь эпохи. В стихотворении «Времянн я» категория «время» приобретает сюжетно значимый характер: поэтическое «Я» буквально летит сквозь «время», чтобы встретиться с возлюбленной. Так как они оба являются *времянами*, то результатом их союза является не пространственный образ касания губ, а темпоральный фрагмент *поцелуйного мига*. Взаимное чувство запечатлевается в вечности, становится ее маленькой (*миг*), но значимой частью. После встречи с возлюбленной лирический герой отправляется в дальнейший путь и окунается в яр, в глубинах которого тонет. С опорой на биографический контекст возможно интерпретировать «яр» не только как яму в обычном смысле слова, но и как «яростную стихию войны», в осмысление которой Хлебников погружается с головой (стремление найти оправдание смертям [8]). Лирический герой (сам поэт) становится *времянином* не для поиска *времянки* (это происходит попутно), а для исполнения своей миссии, именно поэтому после поцелуйного мига говорится: «И вот я очнулся, / И дальше лечу» [22, с. 31]

Небольшой по объему текст насыщен авторскими словами, большинство из которых расшифровывается интуитивно: *временн́й* и *временка* – дворянин и дворянка «времени» соответственно [17, с. 126], *денина́* – день [17, с. 146], *води́на* – вода [17, с. 117]. Определенную трудность представляет словоформа «слылий», образованная от глагола «слыть». Тем не менее в контексте стихотворения и биографии поэта «крылья слылий» можно истолковать в качестве своеобразных крыльев «времени». Человек может слыть кем-то постольку, поскольку за ним (в определенном сообществе) закрепился определенный образ на основе его поведения в минувшем. Лирический герой «зачерпывает» день *крыльями своих прошлых состояний, крыльями того, что уже было* (встреча с Временкой, поцелуйный миг, иные события, осмысленные в опыте). Субстанция «времени» (*денина*) становится своеобразным «пространством», водой, на что указывает ассоциативная связь с ней, выраженная и единством формы (соотносимым составом слов: *ден-ин-а, вод-ин-а*), и синтаксическим параллелизмом («Черпаю денину. <...> Черпаю водину» [22, с. 31], и рифмой (*денину́ – водину́*). В свою очередь образ голубя связывается с «глубью» (ср. названия «Голубиная книга» и «Глубинная книга»), через него поэт передает направленность на глубокое постижение мира и его законов.

В результате анализа приведенных текстов подтверждается тезис Н. Н. Пунина о том, что в творчестве Хлебникова воплощается собственно чувство «времени», что оно входит в область поэтического опыта. Исследуемая категория продуктивно обрабатывается в сочинениях Будетлянина как на уровне формы (словообразования, особенности композиции), так и на уровне содержания (тема преодоления «времени»).

ВЫВОДЫ

Рассмотренные на материале указанных в исследовании сочинений особенности воплощения категорий «пространство» и «время» как элементов поэтики Хлебникова резюмируются следующим образом: 1) «пространство» и «время» осмысливаются автором не только в художественных текстах, но и в сочинениях иных типов (статьях, заметках, письмах и др.); 2) теоретическое (философское и научное) изучение представленных понятий у поэта неотрывно связано с их воплощением в литературных произведениях; 3) категория «пространство» широко представлено в творчестве Хлебникова в виде различных географических объектов (как правило, персонифицированных), которые реализуются в текстах в качестве концептуальных геопозитических образов; 4) категория «время» имеет первостепенное значение для Хлебникова, мыслится им как особое «пространство», воплощается в орнитологических образах, подвергается перманентному процессу метафоризации, может протекать нелинейно, служит как необходимая для «оправдания смертей» область научного исследования и поэтического восприятия; 5) «пространство» и «время» в поэтике Хлебникова представляют особый континуум, могут интерпретироваться друг через друга («время» – это «пространство» особого рода, «пространство» – это способ запечатления «времени» в конкретном объекте действительности: например, в образе «врематой избушки»), концептуально представлены поэтом как братья-близнецы, составляющие основу человеческого существования.

Перспективным направлением дальнейших исследований по данной теме может стать рассмотрение избранных категорий посредством обращения к методологии сравнительно-исторического литературоведения (сопоставление поэтики Хлебникова с творчеством других авторов), а также анализ образов «пространства» и «времени» в сочинениях Хлебникова с помощью их включения в более широкий культурологический контекст.

Список литературы

1. Бабков В. В. Контексты Досок Судьбы. – М.: Рубеж столетий. 2000. – 286 с.
2. Бабков В. В. Законы времени Велимира Хлебникова. К выходу в свет Досок Судьбы // Человек. 2000 – № 6. – Режим доступа: chronos.msu.ru/old/RREPORTS/babkov_zakony_vremeny.htm. – (Дата обращения: 03.11.2024).
3. Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века: Сборник. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Универс», 1993. – 368 с.
4. Бемиг М. Время в пространстве: Хлебников и «философия гиперпространства» // Вестник Общества Велимира Хлебникова I. – 1996. – С. 179–194. – Режим доступа: https://www.ka2.ru/nauka/bemig_1.html. – (Дата обращения: 03.11.2024).
5. Винокур Г. О. Хлебников <Вне времени и пространства> // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 206–210.
6. Ганин М. В. «Пение гор» в поэтике «позднего» В. Хлебникова: геогностический код в автокоммуникативной модели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2020. – Т. 25. – № 2. – С. 214–225.
7. Ганин М. В. Два «Поэтических микрокосма» раннего В. Хлебникова: парадоксы трансформации модели «Пространство-время» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – № 4. – 2010. – С. 23–32.
8. Гиниятуллин А. М. Биографический код в стихотворении Велимира Хлебникова «Времени я...» // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. – 2024. – № 2(58). – Режим доступа: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-58/literaturovedenie-i-yazykoznanie/biograficheskij-kod-v-stikhotvorenii-velimira-khlebnikova-vremyanin-ya.html>. – (Дата обращения: 06.11.2024).
9. Григорьев В. П. Будетлянин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 816 с.
10. Дуганов Р. В. Велимир Хлебников: Природа творчества. – М.: Советский писатель, 1990. – 352 с.
11. Замятин Д. Н. Метагеография Велимира Хлебникова: пространство, образ, миф // География искусства: расширение горизонтов. – 2019. – С. 365–375.
12. Изотов В. П. Ретроскрипция как принцип построения текста: «Мирсконца» В. Хлебникова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 5. – С. 120–122.
13. Кедров К. А. На дружеской ноге... – М.: Экологическая палата России, Библио ТВ, 2023. – 328 с.
14. Кедров К. А. Поэтический космос / Предисл. Вл. Гусева, Полемич. заметки Г. Куницына. – М.: Советский писатель, 1989. – 480 с.
15. Лексикон русской литературы XX века / Вольфганг Казак. – М.: РИК «Культура», 1996. – XVIII, 491 с.
16. Перцов Н. В. «Ночь, полная созвездий...»: синтез пространства-времени у Хлебникова // Philologica. – 2002. – Т. 7, № 17–18. – С. 173–182.
17. Перцова Н. Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. – М.: Vien: Hansen-Liove, 1995. – 557 с.
18. Подорога Ю. В. Преодоление времени у Хлебникова и Филонова. К анализу «авангардного сознания» // Vox. Философский журнал. – 2021. – № 35. – С. 111–130.
19. Пунин Н. Н. <Хлебников и государство времени> // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). – 2000. – С. 159–174.
20. Старкина С. В. Велимир Хлебников. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 339 [13] с.: ил.
21. Харуйллин К. Пространство, время, бессмертие в творчестве Велимира Хлебникова // Дети Ра. – 2019. – № 9. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/ra/2019/9/prostranstvo-vremya-bessmertie-v-tvorchestve-velimira-hlebnikova.html?ysclid=m8hpmfpsnc993237233>. – (Дата обращения: 03.11.2024).
22. Хлебников В. В. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. Литературная автобиография. Стихотворения 1904–1916. – М.: Академический проект, 2020. – 527 с.
23. Хлебников В. В. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. Стихотворения 1917–1922. – М.: Академический проект, 2020. – 591 с.
24. Хлебников В. В. Собр. соч. В 6 т. Т. 3. Поэмы 1905–1922. – М.: Академический проект, 2020. – 459 с.
25. Хлебников В. В. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. Драматические поэмы. Драмы. Сцены. 1904–1922. – М.: Академический проект, 2020. – 367 с.

26. Хлебников В. В. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. Стихотворения в прозе. Рассказы, повести, очерки. Сверхповести. 1904–1922. – М.: Академический проект, 2020. – 413 с.
27. Хлебников В. В. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. Статьи (наброски). Ученые труды. Воззвания. Выступления. 1904–1922. Доски Судьбы. Мысли и заметки. Письма и автобиографические материалы. 1897–1922. – М.: Академический проект; Трикста, 2020. – 719 с.
28. Щетников А. К вопросу о датировке некоторых ранних прозаических сочинений Велимира Хлебникова // НЛЮ. – 2003. – № 6. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/6/k-voprosu-o-datirovke-nekotoryh-rannih-prozaicheskikh-sochinenij-velimira-hlebnikova.html>. – (Дата обращения: 03.11.2024).

References

1. Babkov V. V. *Konteksty Dosok Sud'by* [Destiny Board Contexts]. Moscow, Rubezh stoletij, 2000. 286 p.
2. Babkov V. V. *Zakony vremeni Velimira Khlebnikova. K vyhodu v svet Dosok Sud'by* [Velimir Khlebnikov's Laws of Time. To the Publication of the Boards of Destiny]. *Chelovek*, 2000, no 6. Available from: chronos.msu.ru/old/RREPORTS/babkov_zakony_vremeny.htm (accessed 3 November 2024).
3. Baran H. *Poetika russkoj literatury nachala XX veka* [Poetics of Russian literature of the early XX century]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa Progress, Univers Publ., 1993. 368 p.
4. Byomig M. *Vremya v prostranstve: Khlebnikov i «filosofiya giperprostranstva»* [Time in Space: Khlebnikov and the «Philosophy of Hyperspace»]. *Vestnik Obshchestva Velimira Khlebnikova I*, 1996, pp. 179–194. Available from: https://www.ka2.ru/nauka/bemig_1.html (accessed 3 November 2024).
5. Vinokur G. O. *Khlebnikov <Vne vremeni i prostranstva>* [Khlebnikov <Beyond Time and Space >]. *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniya* (1911–1998), 2000, pp. 206–210.
6. Ganin M. V. «*Penie gor*» v poetike «*pozdnego*» V. Khlebnikova: *geognosticheskij kod v avtokommunikativnoj modeli* [«Singing of the Mountains» in the Poetics of «Late» V. Khlebnikov: Geognostic Code in the Auto-Communicative Model]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2020, Vol. 25, no 2. pp. 214–225.
7. Ganin M. V. *Dva «Poeticheskikh mikrokosma» rannego V. Khlebnikova: paradoksy transformacii modeli «Prostranstvo-vremya»* [Two «Poetic Microcosms» of Early V. Khlebnikov: Paradoxes of the Transformation of the Space-Time Model]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*, no 4, 2010, pp. 23–32.
8. Giniyatullin A. M. *Biograficheskij kod v stihotvorenii Velimira Khlebnikova «Vremyanin ya...»* [Biographical code in Velimir Khlebnikov's poem «Vremeni I...»]. *Nauka v megapolise Science in a Megapolis*, 2024, no 2 (58). Available from: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-58/literaturovedenie-i-yazykoznanie/biograficheskij-kod-v-stihotvorenii-velimira-khlebnikova-vremyanin-ya.html> (accessed 6 November 2024).
9. Grigor'ev V. P. *Budetlyanin* [Budetlanin]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 816 p.
10. Duganov R. V. *Velimir Khlebnikov: Priroda tvorchestva* [Velimir Khlebnikov: The Nature of Creativity]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 352 p.
11. Zamyatin D. N. *Metageografiya Velimira Khlebnikova: prostranstvo, obraz, mif* [Velimir Khlebnikov's Metageography: Space, Image, Myth]. *Geografiya iskusstva: rasshirenie gorizontov*, 2019, pp. 365–375.
12. Izotov V. P. *Retroskripciya kak princip postroeniya teksta: «Mirskonca» V. Khlebnikova* [Retroscription as a principle of text construction: «Mirskonets» by V. Khlebnikov]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, no 5, 2015, pp. 120–122.
13. Kedrov K. A. *Na družeskoj noge...* [On a Friendly Note...] Moscow, Ekologicheskaya palata Rossii, Biblio TV Publ., 2023. 328 p.
14. Kedrov K. A. *Poeticheskij kosmos* [Poetic Cosmos]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1989. 480 p.
15. *Leksikon russkoj literatury 19th veka* [Lexicon of Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, Kul'tura Publ., 1996. XVIII, 491 [1] p.
16. Percov N. V. «*Noch', polnaya sozvezdij...*»: *sintez prostranstva-vremeni u Khlebnikova* [«A Night Full of Constellations...»: Khlebnikov's Synthesis of Space-Time]. *Philologica*, 2002, vol. 7, no 17–18, pp. 173–182.
17. Percova N. N. *Slovar' neologizmov Velimira Khlebnikova* [Velimir Khlebnikov's Dictionary of Neologisms]. Moscow, Vien, Hansen-Liove Publ., 1995. 557 p.

18. Podoroga Yu. V. *Preodolenie vremeni u Khlebnikova i Filonova. K analizu «avangardnogo soznaniya»* [Overcoming Time in Khlebnikov and Filonov. Towards the Analysis of «Avant-garde Consciousness»]. *Vox. Filosofskij zhurnal*, no 35, 2021, pp. 111–130.
19. Punin N. N. <Khlebnikov i gosudarstvo vremeni> [Khlebnikov and the State of Time]. *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniya* (1911–1998), 2000, pp. 159–174.
20. Starkina S. V. *Velimir Khlebnikov* [Velimir Khlebnikov]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2007. 339 p.
21. Harujlin K. *Prostranstvo, vremya, bessmertie v tvorchestve Velimira Khlebnikova* [Space, Time, Immortality in the Works of Velimir Khlebnikov]. *Deti Ra*, no 9, 2019. Available from: <https://magazines.gorky.media/ra/2019/9/prostranstvo-vremya-bessmertie-v-tvorchestve-velimira-khlebnikova.html?ysclid=m8hpmfpcnc993237233> (accessed 3 November 2024).
22. Khlebnikov V. V. *Sobranie sochinenij: In 6 vol. Vol. 1. Literaturnaya avtobiografiya. Stihotvoreniya 1904–1916* [Collected Works: In 6 vol. Vol. 1. Literary Autobiography. Poems 1904–1916]. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2020. 527 p.
23. Khlebnikov V. V. *Sobranie sochinenij: In 6 t. Vol. 2. Stihotvoreniya 1917–1922* [Collected Works: In 6 vol. Vol. 2. Poems 1917–1922]. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2020. 591 p.
24. Khlebnikov V. V. *Sobranie sochinenij: In 6 t. Vol. 3. Poemy 1905–1922* [Collected Works: In 6 vol. Vol. 3. Poems 1905–1922]. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2020. 459 p.
25. Khlebnikov V. V. *Sobranie sochinenij: In 6 t. Vol. 4. Dramaticheskie poemy. Dramy. Sceny. 1904–1922* [Collected Works: In 6 vol. Vol. 4. Dramatic poems. Dramas. Scenes. 1904–1922]. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2020. 367 p.
26. Khlebnikov V. V. *Sobranie sochinenij: In 6 t. Vol. 5. Stihotvoreniya v proze. Rasskazy, povesti, ocherki. Sverhpovesti. 1904–1922* [Collected Works: In 6 vol. Vol. 5. Poems in prose. Stories, novels, essays. Superstories. 1904–1922]. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2020. 413 p.
27. Khlebnikov V. V. *Sobranie sochinenij: In 6 vol. Vol. 6. Stat'i (nabroski). Uchenye trudy. Vozzvaniya. Vystupleniya. 1904–1922. Doski Sud'by. Mysli i zametki. Pis'ma i avtobiograficheskie materialy. 1897–1922* [Collected Works: In 6 vol. Vol. 6. Articles (sketches). Scholarly works. Proclamations. Speeches. 1904–1922. Boards of Destiny. Thoughts and notes. Letters and autobiographical materials. 1897–1922]. Moscow: Akademicheskij projekt; Triksa Publ., 2020. 719 p.
28. Shchetnikov A. *K voprosu o datirovke nekotoryh rannih prozaicheskikh sochinenij Velimira Khlebnikova* [On the Question of Dating Some Early Prose Works by Velimir Khlebnikov]. *NLO*, no 6, 2003. Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/6/k-voprosu-o-datirovke-nekotoryh-rannih-prozaicheskikh-sochinenij-velimira-khlebnikova.html> (accessed 3 November 2024).

THE SPACE-TIME CONTINUUM OF V. KHLBNIKOV'S POETICS

K. V. Kamensky

The article studies the peculiarities of comprehension of the categories of space and time in the work of Velimir Khlebnikov. Artistic and philosophical views on these concepts are analyzed. The author's reasoning concerning the unity of space and time is given and commented. On the basis of the biography and creative heritage of V. Khlebnikov the features of the philosophical and artistic concept of the laws of time are described. On the material of artistic works the poem «Khadzhi-Tarkhan», poems «Ochi Oki», «Nizhny», «Vremenin I», drama «Mirskontsa»), as well as other works (notes, letters, articles, fragments from «Boards of Destiny») the peculiarities of representation of the categories «space» and «time» as artistic elements of V. Khlebnikov's poetics are considered. The functional roles of the images of space and time are defined, the individual-authorial ways of their representation in Khlebnikov's fiction and non-fiction texts are revealed. The conclusions about the inseparability of the author's theoretical constructions and his creative practice are drawn. The peculiarities of the embodiment of images of space and time in the author's poetics are established, as well as the possibility of their interpretation through each other.

Keywords: V. Khlebnikov, space, time, space-time, chronotope, futurism.

УДК 82(091)

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-78-87

КРЫМСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К «ЦВЕЙГОВСКОЙ ВЕРСИИ» ИСЧЕЗНОВЕНИЯ РУКОПИСИ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ»

Капустина С. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kapustina_s_v@mail.ru*

*Светлой памяти выдающегося исследователя
биографии и творчества Ф. М. Достоевского,
непревзойденного знатока родословия писателя,
настоящего ученого-энциклопедиста
Тихомирова Бориса Николаевича
(1952–2025)*

С Крымом, где завершила свой земной путь А. Г. Достоевская, традиционно связываются тайны пропавших манускриптов Ф. М. Достоевского. Однако в так называемой «цвейговской версии» исчезновения рукописи «Братьев Карамазовых» полуостров рассматривается не как фактическое место пропажи, а как информационное пространство, в котором, по эпистолярному свидетельству А. П. Фальц-Фейн, было печатно зафиксировано сообщение о продаже белой версии романа Ф. М. Достоевского австрийскому писателю и журналисту. Письмо А. П. Фальц-Фейн к В. С. Нечаевой от 16–29 октября 1957, в котором приводится отсылка к неизвестному газетному следу «цвейговской версии», было введено в научный оборот Н. Н. Богдановым и Б. Н. Тихомировым. Это послание (наряду с письмом А. Ф. Достоевского к Л. П. Гроссману от 26 сентября 1958 г.) сделало некогда маргинальную «цвейговскую версию» Б. И. Бурсова более убедительной, но неатрибутированность самого газетного сообщения о покупке Стефаном Цвейгом рукописи «Братьев Карамазовых» обнаруживало необходимость поиска «крымского дополнения» к предложенной гипотезе. Обоснованно опровергнув противоречивые датировки искомого сообщения, представленные в перечисленных письмах, Б. Н. Тихомиров пришел к выводу, что указание на продажу литературного наследия Ф. М. Достоевского за рубеж могло возникнуть в крымской коллаборационистской прессе (например, в газете «Голос Крыма»). Предположение исследователя верифицируется в настоящей статье. Содержание подшивок «Голоса Крыма», хранящихся в фондах Госархива Республики, демонстрирует сосредоточенность редакции на творчестве и пост-/ биографии Ф. М. Достоевского, а также на «крымской ветви» его родословия. Тем не менее сообщение, подтверждающее «цвейговскую версию», не обнаруживается, что открывает перспективу его дальнейшего поиска как в отсутствующих в архивных фондах РК номерах «Голоса Крыма», так и в иных периодических источниках, доступных симферопольцам в период немецкой оккупации.

Ключевые слова: «Братья Карамазовы», «Голос Крыма», Крым, Симферополь, рукопись, Стефан Цвейг, родословие, Анна Григорьевна Достоевская, Екатерина Петровна Достоевская, Анна Петровна Фальц-Фейн, Андрей Федорович Достоевский.

ВВЕДЕНИЕ

Ф. М. Достоевский никогда не был в Крыму¹, однако связанные с полуостровом мотивы были введены им в художественные и публицистические тексты (см.: [4; 5; 14]); с Симферополем и Южнобережьем в середине XIX века переплелись судьбы вдовы и сына писателя (см.: [1; 2; 6]). После смерти Анны Григорьевны Достоевской (09.06.1918 г. – ст. ст.) в оккупированной немецко-румынскими войсками Ялте «крымская линия» закономерно обозначилась в теориях об исчезновении ценнейших манускриптов классика. В частности, Б. Н. Тихомиров, скрупулезно проанализировав факты и гипотезы

¹ Подробнее о тесной сопряженности литературоведения и крымоведения см.: [13].

об исчезнувших рукописях «Братьев Карамазовых», при содействии Н. Н. Богданова значительно дополнил изначально предложенную Б. И. Бурсовым «цвейговскую версию», согласно которой, тетрадь Ф. М. Достоевского с рукописным текстом кульминационного романа «в межвоенные годы "купил за баснословную цену" австрийский писатель Стефан Цвейг» [15, с. 782].

Вероятную правомерность этого заключения Б. Н. Тихомиров аргументировал содержанием двух писем: А. Ф. Достоевского к Л. П. Гроссману от 26 сентября 1958 г. и А. П. Фальц-Фейн к В. С. Нецаевой от 16–29 октября 1957 г. В первом послании есть утверждение внука писателя с указанием на неатрибутированный печатный источник «цвейговской версии»: «Слыхали ли Вы, что будто бы Стефан Цвейг, проживающий последнее время в Аргентине, незадолго до самоубийства, приобрел (в конце 30-х годов) экземпляр рукописи "Братя Карамазовы"? – Мне об этом писала Нина Петровна, ссылаясь на газетные сообщения» (цит. по: [15, с. 782]). Во втором же письме сама Нина (Анна) Петровна Фальц-Фейн свидетельствовала: «В Симферополе еще в 20-х годах я прочла в газете, какой не помню, будто власти продали Стефану Цвейгу рукопись "Бр(атьев) Кар(амазовых)" за 150 тыс(яч) рублей. Как Вам, вероятно, известно, Ст. Цвейг не перенес отъезда с его Родины и покончил с собой, вместе с женой, в Буэнос-Айресе» (цит. по: [15, с. 783]). Оба эпистолярных источника отсылают к «крымскому следу» возникновения / распространения «цвейговской версии» – некому доступному для симферопольцев газетному сообщению, период публикации которого, как явствует из приведенных цитат, представлен весьма противоречиво.

Б. Н. Тихомиров, приведя исчерпывающую аргументацию из биографий поименованных адресантов, выдвигает гипотезу о вероятной ошибочности в указанных ими датировках газетного сообщения. Исследователь предполагает: «Анна Петровна, находясь в Симферополе, могла прочесть о том, что "власти продали Стефану Цвейгу рукопись "Бр(атьев) Кар(амазовых)" за 150 тыс(яч) рублей", лишь в 1941–1943 гг., в период немецкой оккупации Крыма, в какой-либо коллаборационистской газете, например симферопольской газете "Голос Крыма", возможно – в связи с известием о самоубийстве Цвейга в Бразилии. Только в такой газете, по условиям времени, и могло быть напечатано сообщение, что белой автограф "Братьев Карамазовых" продан за рубеж сталинским руководством» [15, с. 784–785].

Задающий вектор дальнейшего поиска императив Б. Н. Тихомирова «необходимо искать симферопольскую газету 1941–1943 гг., на которую ссылается А. П. Фальц-Фейн» [15, с. 786], был воспринят автором настоящей статьи как руководство к действию. Сообразно уточненным временным вводным, объектом изучения были избраны сохранившиеся в Государственном архиве Республики Крым подшивки газеты «Голос Крыма» с 12 декабря 1941 года (дата выхода первого номера) по сентябрь 1943 года включительно (именно в этом месяце сестры А. П. Фальц-Фейн и Е. П. Достоевская навсегда покинули Симферополь).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Не вызывает сомнения, что пребывающие в оккупированном Крыму потомки рода Достоевского были знакомы с содержанием крупнейшей на полуострове коллаборационистской газеты. Во-первых, в «Голосе Крыма» (органе Симферопольского городского управления с изначально предполагаемым названием «Симферопольский вестник») публиковались актуальные материалы (постановления

городского управления, объявления коменданта Симферополя и т. п.), касающиеся уклада жизни местного населения¹.

Во-вторых, особое внимание уделялось запросам культурно просвещенного читателя². Выпустив 6 двустраничных номеров в 1941 г., редакция взяла курс на дальнейшее расширение тематики статей. В первом номере от 01.01.1942 сообщалось, что с нового года издания в «Голосе Крыма» «будет отведено должное место и литературе»³. В укрупненных – четырехстраничных – номерах 1942–1944 гг., как и планировалось, появились литобзоры, материалы, приуроченные к памятным датам известных мировых писателей и поэтов. Печатались и статьи о значении Ф. М. Достоевского в русской культуре; приводились цитаты из его романов и «Дневника Писателя»; обозначались отдельные события, связанные с сохранением памяти классика.

В-третьих, в номере от 16 августа 1942 г. была размещена заметка Ф. Павловского «Наш долг», в которой наряду с другими «ущелевшими в Крыму за время господства большевиков <...> потомками и родственниками великих русских людей» упоминалась Е. П. Достоевская⁴.

Примечательна стилистическая неоднородность текста с этим упоминанием. Если при указании на внучатую племянницу Ф. И. Тютчева (О. К. Волчан) или на вдову М. С. Волошина (М. А. Волошину) автор фиксирует их инициалы; при аттестации сестры А. П. Чехова расшифровывает ее имя и отчество (Марья Павловна)⁵; при представлении внука Л. Н. Толстого пишет «Николай Толстой», а мать последнего обозначает «Анной Александровной Толстой»; то при включении в этот ряд Екатерины Петровны вовсе избегает ее как полного, так и сокращенного имени: «В Симферополе проживают: <...> госпожа Достоевская, вдова сына Ф. М. Достоевского <...>»⁶. Возможно, отсутствие инициалов было связано с тем, что информационным источником для заметки Ф. Павловского стала охранная

¹ В письме к А. Чезана от 27 декабря 1952 г. А. П. Фальц-Фейн, рассказывая о мечте «жить столетие назад», выразительно охарактеризовала свою острую потребность в чтении периодики: «<столетие назад> Не было газет, которые отравляют жизнь, но без этого наркотика уже нельзя больше жить» [10, с. 94–95].

² Кроме того, тематика некоторых статей газеты была связана с профессиональной сферой деятельности А. П. Фальц-Фейн, которая писала в письме А. Чезана, что «закончила курсы и получила свидетельство научного библиографа и библиотекаря», а «когда пришли немцы» работала в библиотеке Института защиты растений [10, с. 42] (имеются в виду статьи, вроде «К открытию Центральной библиотеки» (ГК от 22 февраля 1942 г.); «Лучшая библиотека Крыма» (ГК от 27 сентября 1942 г.) и мн. др.).

³ Государственный архив республики Крым (далее – ГАРК), ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 01 января 1942 г.

⁴ ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 16 августа 1942 г.

⁵ В «Голосе Крыма» нередко появлялись короткие сообщения о судьбе перечисленных персоналий. Например, в номер от 18 октября 1942 г. была помещена заметка о болезни М. П. Чеховой; в номере от 28 октября 1942 г. было опубликовано письмо М. С. Волошиной, в котором она выражала редакции «глубокую благодарность <...> за внимание к памяти <...> покойного мужа <...> и за оказанную <...> помощь». Подобных материалов о Е. П. Достоевской обнаружено не было.

⁶ ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 16 августа 1942 г.

табличка на немецком языке («Здесь живет невестка писателя Достоевского...» [10, с. 251]), установленная на двери симферопольской квартиры Екатерины Петровны¹. Иным возможным объяснением может быть и то, что «в 1942 г. в Крыму появилась бывшая жена Милия Федоровича Достоевского – внука старшего брата писателя, М. М. Достоевского. Она сумела получить оккупационный вид на жительство под фамилией "Достоевская", хотя была женой Милия Федоровича всего лишь три месяца и давно уже носила девичью фамилию. Фамилию "Достоевская" она использовала для предательских выступлений по радио и в печати» [10, с. 252].

Набирающая обороты медийная активность лже-Достоевской (Е. А. Щукиной) была сопряжена со знакомствами в крымской коллаборационистской среде. В частности, вслед за Н. Н. Богдановым, в круге ее контактов стоит отметить Дмитрия Кленовского (Крачковского)² – «известного деятеля русского зарубежья (бывшего секретаря редакции <...> газеты "Голос Крыма", выходившей в оккупированном фашистами Симферополе» [1, с. 150]. Клеветничество авантюристки, безусловно, внесло сумятицу в представления общественности о потомках Ф. М. Достоевского в Крыму. Именно поэтому отсутствие инициалов в газетной заметке Ф. Павловского можно интерпретировать и как намеренное избавление от конкретики, породившей сомнения автора.

Среди сотрудников «Голоса Крыма», однако, были и те, кто целенаправленно интересовался крымскими представителями родословия Ф. М. Достоевского и/или имел с ними близкие контакты. Так, в феврале-марте 1943 г. «после отступления немецких частей с Северного Кавказа состав редакции "Голос Крыма" меняется: в Симферополь из городов Кавказа прибыли немецкие пропагандисты» [7, с. 160–161], среди которых – Л. Н. Польский и Е. Б. Польская (Меркулова). Последняя была подругой юности А. Ф. Достоевского и автором воспоминаний «Внук писателя и его мать: Достоевские в Симферополе в 1928–1932 гг.» [11]. В журнальном предисловии к указанному тексту Е. Б. Польской отмечается, что он до 1983 г. «нигде не публиковался и хранился у правнука писателя Дмитрия Андреевича Достоевского, который и предоставил его для публикации» [11, с. 128]. В этих дружеских воспоминаниях зафиксированы штрихи психологических портретов А. Ф. Достоевского, Е. П. Достоевской и А. П. Фальц-Фейн, некоторые подробности крымской жизни потомков писателя. Вполне вероятно, что тематически сопряженные материалы могли быть предоставлены Е. Б. Польской и для «Голоса Крыма», однако ее сотрудничество с этой газетой длилось около полугода и,

¹ Так как выяснить точную дату появления этой таблички на двери квартиры Е. П. Достоевской не удалось, то допустим и обратный вариант развития событий (допустим, но хронологически менее рационален, ведь процесс расквартировки преимущественно проходил в начале оккупации Симферополя, т. е. в ноябре-декабре 1941 г.). Маловероятно, но охранный свидетельством могло стать следствием публикации Ф. Павловского, ратующего за то, чтобы «напомнить обществу и Городским управлениям о том, что этим людям <"потомкам и родственникам великих русских, памяти которых должна быть признательна грядущая новая Россия"> надо прийти на помощь» [ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 16 августа 1942 г.].

² По сведениям А. А. Кохана, Д. И. Кленовский (Крачковский) «контролировал работу всех отделов редакционной коллегии, вычитывая статьи, которые готовились к печати» [8, с. 119].

думается, предполагало сосредоточенность, прежде всего, на политических событиях¹.

По свидетельству А. А. Кохана, «17 июля 1942 г. заведующим отделом "Местная жизнь" был назначен <...> С. П. Наумов», который «накануне войны работал редактором Крымского отделения ТАСС, кроме того, по заданию журнала "Литературное наследство" готовил статью "Достоевский в Крыму"» [8, с. 119]. Информация о подготовке научной работы была взята А. А. Коханом из хранящегося в Архиве УФСБ по РК и г. Севастополя Протокола допроса С. П. Наумова от 04 июня 1944 года. В сводном именном указателе «Литературного наследства» такой автор не значится (см.: [9]), следовательно, планируемая статья не была опубликована и установить, кому именно из родственников Ф. М. Достоевского – брату, сыну или внуку – она посвящалась, сегодня не представляется возможным.

Воспоминания С. П. Наумова о становлении крупнейшего в Крыму печатного органа немецкой пропаганды (см.: [8, с. 120]) дает основание полагать, что он стоял у истоков «Голоса Крыма». Возможно, его сосредоточенность на крымских вехах биографии родственников великого писателя и стала одной из причин появления в номере крымской газеты от 26 апреля 1942 г. сообщения о том, что «германские власти отметили мемориальной доской дом в Старой Руссе, в котором жил Ф. М. Достоевский»². Безусловно, эта новость, «короткой строкой» размещенная в рубрике «Разные сообщения», не столько регионально, сколько концептуально соответствовала общему механизму немецкой пропаганды. Любопытно и то, что сохранению памяти Ф. М. Достоевского и его художественным пророчествам оккупанты уделяли особенное внимание.

Цитаты из «Дневника Писателя» традиционно вводились в антисемитские статьи «Голоса Крыма»³. Например, в перепечатанной из газеты «Новое слово» статье И. Горского «Евреи и русская литература» выдержка из моножурнала Ф. М. Достоевского выполняла функцию эпиграфа, а венчало этот материал воспоминание журналиста о разговоре «в конце сентября 1941 года с одним крупным русским прозаиком, честным человеком: его книги переведены на все европейские языки. Горестно качая головой, писатель заметил: "Страшное время мы переживаем. Знаете, я боюсь перечитывать Достоевского. Он так пророчески написал о нашем времени, как будто был нашим современником. Кругом шигалевщина, во главе шигалевщины евреи, а русскому человеку дышать нельзя. Воздуху нет"»⁴.

¹ Как отмечает А. А. Кохан, «В октябре 1943 г. началась массовая эвакуация сотрудников "Голоса Крыма" сначала в Николаев, затем в Одессу, а оттуда в Румынию или Германию. Некоторые из журналистов продолжили свою работу в изданиях РОА. Так, в 1944 г. Польский переехал в Берлин, где под руководством военной пропаганды начал выпускать "Казачий клич"» [8, с. 126].

² ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 26 апреля 1942 г.

³ Подробнее об этом см.: Тяглый М. М. Антисемитская доктрина и её место в пропагандистской модели, реализованной нацистами в оккупированном Крыму // Историческое наследие Крыма. 2004. №5. С. 180–204.

⁴ ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 14 июня 1942 г.

Корреспонденты «Голоса Крыма» регулярно упрекали советскую власть в том, что она отправила Ф. М. Достоевского, по слову А. П. Фальц-Фейн, «на карантин», тем самым нарочито подчеркивая «культурную прогрессивность» Германии. Так, в статье «Хорошее начало», опубликованной в номере от 15 августа 1942 г., некто В. Федоров, восторженно сообщал о включении в сетку регионального радиовещания целевой литературной передачи: «Это тем более необходимо, что большевики в течение 2-х десятилетий всячески старались исказить подлинные образы таких корифеев нашей литературы, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, или создавали вокруг них "заговор молчания" подобно тому, как это было сделано ими в отношении Достоевского»¹.

Художественные пророчества классика закономерно «подверстывались» под коллаборационистскую повестку «Голоса Крыма». Например, Георгий Инсаров (наст. имя – Георгий Барятинский), интерпретируя идеи «Бесов» в номере от 14 июля 1942 г., заключал: «...гениальный прозорливец, Достоевский, в этом романе с исключительной художественной силой вскрыл неизбежную трагическую судьбу русского народа и России»².

Публиковались, тем не менее, и лишь отчасти заидеологизированные суждения о текстах Ф. М. Достоевского. В приложении к «Голосу Крыма» «Молодость» от 15 сентября 1943 г. печатное слово о создателе «Идиота» и «Братьев Карамазовых» предоставлялось скрывающемуся под псевдонимом Лир «юноше, только что окончившему среднюю школу» (статья «Достоевский в наши дни»)³. Представитель молодого поколения утверждал: «На старце Зосиме, князе Мышкине нам нужно учиться любви к людям, на Алексее Карамазове мы можем понять и полюбить жизнь настоящего христианина; на "Подростке" нам следовало бы узнать, как совершается переход от атеизма к вере. Нам нужно усвоить слова старца Зосимы "Буди, буди", касающиеся светлого будущего людей и веры их в него»⁴. Однако мысль юноши о духовной составляющей благодатного «завтра», согласно требованиям фашистской пропаганды, дополнялась политическими обертонами: «Мы сами должны сказать, что счастье в нас самих, в Новой России и будущем ее, и что оно "буди, буди"»⁵.

Имя Достоевского в нарицательном значении «вершина литературного мастерства» использовалось в работах главного редактора «Голоса Крыма», занимавшего эту должность с марта 1942 по октябрь 1943 гг. Для выпускника филологического факультета Санкт-Петербургского университета, Александра Ивановича Булдеева, было свойственно писать о выдающихся литераторах в сравнении с Ф. М. Достоевским⁶. Например, в статье «Высшая радость (религиозные образы у Чехова)» он утверждал: «Если Достоевский прямо не оказал влияния на Чехова, то он воздействовал на него через Мусоргского, которого по справедливости

¹ ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 15 августа 1942 г.

² ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 14 июля 1942 г.

³ ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 15 сентября 1943 г.

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Будучи участником кружка пропагандистов творчества И. Ф. Анненского, А. И. Булдеев написал статью «И. Ф. Анненский как поэт», которую начал со сравнения Анненского с Достоевским: «Трудно отыскать другого писателя, сходного с ним; ближе всего он, по-видимому, стоял к Достоевскому» [3, с. 444].

можно назвать Достоевским в музыке...»¹. В предисловии к статье «Шиллер», напечатанной в номере от 9 мая 1943 г., А. И. Булдеев вновь обращался к излюбленному приему и начинал текст с апелляции к «одному изумительному месту» «Братьев Карамазовых» – главе «Исповедь горячего сердца». Он был убежден, что «...никакому критику и исследователю литературы не удастся так, как это удалось Достоевскому, передать потрясающую силу безмятежно спокойной по внешности поэзии великого германского поэта, память о котором мы чтим в 138-ю годовщину со дня его смерти»².

На знаковые даты выдающихся деятелей литературы и искусства «Голос Крыма» традиционно отзывался заметками либо статьями. Именно поэтому гипотеза Б. Н. Тихомирова о том, что сообщение о продаже белого варианта «Братьев Карамазовых» могло возникнуть «в связи с известием о самоубийстве Цвейга в Бразилии» вполне соответствовало концепции и «достоевскоустремленности» издания, а потому воспринималось нами весьма многообещающе. Февральские выпуски «Голоса Крыма» за 1942 и 1943 гг. просматривались автором настоящей статьи с особой тщательностью. Однако поиск не дал позитивного результата: ни о смерти Цвейга, ни о дне его памяти в указанных номерах «Голоса Крыма», которыми располагает Крымский государственный архив, нет сведений. К сожалению, сообщение, прочитанное А. П. Фальц-Фейн, не было обнаружено и в других подшивках коллаборационистской газеты с 12 декабря 1941 года по сентябрь 1943 года включительно.

Это, безусловно, не обозначает, что в «Голосе Крыма» искомый материал отсутствует вовсе. В качестве положительной погрешности нужно принимать то, что некоторых номеров газеты нет в архивных фондах. Их отсутствие может быть связано с непростой историей издания, ведь, как отмечает С. А. Филимонов, «в послевоенном Крыму практически все подшивки этой газеты были уничтожены. Единичные уцелевшие подшивки в течение полувека содержались в режиме так называемого "специального хранения" и только в начале 1990-х годов были рассекречены. С тех пор внимание исследователей к этому историческому источнику неуклонно растет. Но, в силу указанных выше причин, немало содержащихся в газете ценных для истории науки и культуры публикаций до сих пор остаются запретно-забытыми и неизвестными даже специалистам» [16].

ВЫВОДЫ

Несмотря на то, что в оккупированном Крыму издавалась и иная профашистская периодика,³ которая гипотетически могла быть доступна библиотекарю А. П. Фальц-Фейн, «газета "Голос Крыма" значительно отличалась от других оккупационных газет достаточно высоким художественным уровнем оформления многих

¹ ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 25 апреля 1943 г.

² ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 9 мая 1943 г.

³ О. В. Романько отмечает по этому поводу: «За период немецкой оккупации на территории Крыма выходили следующие периодические издания: это газеты "Голос Крыма", "Феодосийский вестник", "Евпаторийские известия", "Сакские известия", "Земледелец Тавриды", "Крымская немецкая газета" (на немецком языке), "Свободный Крым" (на татарском языке) и журнал "Современник"» [12, с. 382].

материалов» (цит. по: [12, с. 384]), сосредоточенностью на судьбе исторических и культурных ценностей¹, частыми апелляциями к творчеству и биографии Ф. М. Достоевского. Именно поэтому верификация гипотезы Б. Н. Тихомирова о связи «Голоса Крыма» с «цвейговской версией» исчезновения рукописи «Братьев Карамазовых» должна быть продолжена, во-первых, с учетом отсутствующих в Государственном архиве Республики Крым номеров газеты; во-вторых, с привлечением иных периодических изданий, доступных симферопольцам в период немецкой оккупации.

Список литературы

1. Богданов Н. Н. «...Лица необщим выражением...». Родственное окружение Ф. М. Достоевского. – М.: Старая Басманная, 2011. – 352 с.
2. Богданов Н. Н. «Не вольны мы в судьбе своей...». Достоевские и Крым // Знание-сила. – 2017 (июль). – С. 75–83.
3. Булдеев А. И. И. Ф. Анненский как поэт // Иннокентий Анненский глазами современников. К 300-летию Царского Села: Сборник. – СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2011. – С. 444–464.
4. Зябрева Г. А. Концепт «Крым» в творческом сознании Ф. М. Достоевского // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 3. – С. 3–13.
5. Капустина С. В. Крымские мотивы в творчестве Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. – 2025. – Т. 23. – № 1. – С. 139–164.
6. Капустина С. В. Венчание в Симферополе (Ф. Ф. Достоевский и Е. П. Цугаловская) // Неизвестный Достоевский. – 2025. – Т. 12. – № 1. – С. 195–209.
7. Кохан А. А. «Моя идеология была чужда идеологии советского человека»: к вопросу о составе и деятельности редакционных коллегий газеты «Голос Крыма» в 1941–1944 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2016. – № 10 (19). – С. 154–164.
8. Кохан А. А. Структура и функционирование органов германской пропаганды в Крыму: 1941–1944 гг.: дисс. канд. истор. наук: 07.00.02 – Отечественная история. – СПб., 2019. – 395 с.
9. «Литературное наследство» за 80 лет. Указатели к томам 1–103 за 1931–2011 годы. Книга четвертая. Сводный именной указатель: М–Я, А–Z / Отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. – 927 с.
10. Письма из Maison Russe. Сестры Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская в эмиграции / примеч. Б. Н. Тихомирова. – СПб.: Акрополь, 1999. – 350 с.
11. Польская Е. Б. Внук писателя и его мать: Достоевские в Симферополе в 1928–1932 гг. // Мера. – 1995. – № 1. – С. 129–138.
12. Романько О. В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944). – М.: Вече, 2011. – 432 с.
13. Русский язык в Крыму и «Русский язык в поликультурном мире»: 10-летию Крымской весны посвящается / Т. В. Аржанцева, И. П. Зайцева, Н. И. Иванюк [и др.]. – Симферополь: Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2024. – 264 с.

¹ Изображение большевиков как невежд и разрушителей «Голоса Крыма» осуществлял на контрасте с якобы бережно относящимися к реликвиям германскими войсками. Например, в номере от 30 декабря 1942 г. сообщалось, что «в одном из комиссионных магазинов в числе продаваемых вещей появился большой мраморный бюст Екатерины II», который ранее «был приобретен для украшения фойе Симферопольского городского театра и в течение нескольких лет, как подлинное художественное произведение, находился на своем месте, пока не появились большевики, и городской театр не превратился в очаг "пролетарского" искусства» [ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 30 декабря 1942 г.]. 9 января 1944 г. в рубрике «Со всего света» был размещен материал о том, что «Германское командование передало папским властям в Риме бесценную библиотеку и архив Бенедиктинского монастыря Монте-Кассино» [ГАРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26. «Голос Крыма» от 9 января 1944 г.] и т. п.

14. Сараскина Л. И. «Надо сказать правду»: Ф. М. Достоевский и его современники в споре об итогах Крымской кампании // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2023. – № 1 (21). – С. 96–140.
15. Тихомиров Б. Н. Загадка исчезнувших рукописей «Братьев Карамазовых» (факты и гипотезы) // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. – М.: Наука, 2007. – С. 765–796.
16. Филимонов С. Б. Запретно-забытый исторический источник времен Великой Отечественной войны: малоизвестные публикации по истории культуры на страницах газеты «Голос Крыма» (1941–1944 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mil.sevhome.ru/voenistor/crimwow/okkupazcrimea/s-filimonov-simferopol-zapretno-zabytyj-istoricheskij-istochnik-vremen-velikoj-otechestvennoj-vojny-maloizvestnye-publikacii-po-istorii-kultury-na-stranichah-gazety-golos-kryma/>. – (Дата обращения: 05.07.2025).

References

1. Bogdanov N. N. “...*Litsa neobshchim vyrazheniem*...”. *Rodstvennoe okruzhenie F. M. Dostoevskogo* [“...Faces with an uncommunicative expression...”. Related environment of F. M. Dostoevsky]. Moscow, Staraya Basmanaya Publ., 2011. 352 p.
2. Bogdanov N. N. “*Ne volny my v sudbe svoey*...”. *Dostoevskie i Krym* [“We are not free in our fate...”. Dostoevskys and the Crimea]. *Znanie-sila*, 2017 (July), pp. 75–83.
3. Buldeev A. I. I. F. *Annenskiy kak poet* [Annensky as a poet]. *Innokentiy Annenskiy glazami sovremennikov. K 300-letiyu Tsarskogo Sela* [Innokenty Annensky through the eyes of his contemporaries. On the 300th anniversary of Tsarskoye Selo]. Rostok Publ., 2011, pp. 444–464.
4. Zyabreva G. A. *Koncept “Krym” v tvorchestvom soznanii F. M. Dostoevskogo* [The concept of “Crimea” in the creative consciousness of F. M. Dostoevsky]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no. 3, pp. 3–13.
5. Kapustina S. V. *Krymskie motivy v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [Crimean motifs in the works of F. M. Dostoevsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 139–164.
6. Kapustina S. V. *Venchanie v Simferopole (F. F. Dostoevskiy i Ye. P. Tsugalovskaya)* [Wedding in Simferopol (F. F. Dostoevsky and Ye. P. Tsugalovskaya)]. *Neizvestnyi Dostoevskiy*, 2025, vol. 12, no. 1, pp. 195–209.
7. Kokhan A. A. “*Moya ideologiya byla chuzhda ideologii sovetskogo cheloveka*”: *k voprosu o sostave i deyatelnosti redaktsionnykh kollegiy gazety “Golos Kryma” v 1941–1944 gg.* [“My ideology was alien to the ideology of the Soviet man”: on the issue of the composition and activities of the editorial boards of the newspaper “Golos Kryma” in 1941–1944.]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya*, 2016, no. 10 (19), pp. 154–164.
8. Kokhan A. A. *Struktura i funkcionirovanie organov germanskoy propagandy v Krymu: 1941–1944 gg.* [The structure and functioning of German propaganda organs in Crimea: 1941–1944]. St. Petersburg, 2019, 395 p.
9. “*Literaturnoe nasledstvo*” *za 80 let. Ukazateli k tomam 1–103 za 1931–2011 gody* [“Literary heritage” for 80 years. Indexes to volumes 1–103 for 1931–2011]/Edit. by A. Yu. Galushkin, O. A. Korostelev. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, 927 p.
10. *Pisma iz Maison Russe. Sestry Anna Falts-Fein i Yekaterina Dostoevskaya v emigratsii* [Letters from Maison Russe. Sisters Anna Falz-Fein and Ekaterina Dostoevskaya in exile]. Edit. by B. N. Tikhomirov. St. Petersburg, Akropol Publ., 1999, 350 p.
11. *Polskaya Ye. B. Vnuk pisatelya i ego mat: Dostoevskie v Simferopole v 1928–1932 gg.* [The writer's grandson and his mother: Dostoevsky in Simferopol in 1928–1932]. *Mera*, 1995, no.1, pp. 129–138.
12. Romanko O. V. *Krym pod pyatoy Gitlera. Nemeckaya okkupatsionnaya politika v Krymu (1941–1944)* [Crimea is under Hitler's thumb. German occupation policy in Crimea (1941–1944)]. Moscow, Veche Publ., 2011, 432 p.
13. *Russkiy yazyk v Krymu i “Russkiy yazyk v polikulturnom mire”: 10-letiyu Krymskoy vesny posvyashchaetsya* [Russian language in Crimea and “The Russian language in the multicultural world”:

- Dedicated to the 10th anniversary of the Crimean Spring]. T. V. Arzhanceva, I. P. Zayceva, N. I. Ivanyuk [and other]. Simferopol, Krymskiy federalnyi universitet imeni V. I. Vernadskogo Publ., 2024, 264 p.
14. Saraskina L. I. *“Nado skazat pravdu”: F. M. Dostoevskiy i ego sovremenniki v spore ob itogah Krymskoy kampanii* [“We must tell the truth”: Fyodor Dostoevsky and his contemporaries in a dispute over the results of the Crimean campaign]. *Dostoevskiy i mirovaya kultura. Filologicheskiy zhurnal*, 2023, no. 1 (21), pp. 96–140.
 15. Tikhomirov B. N. *Zagadka ischeznuvshih rukopisey “Bratiev Karamazovykh” (fakty i gipotezy)* [The mystery of the missing manuscripts of the Brothers Karamazov (facts and hypotheses)]. *Roman F. M. Dostoevskogo “Bratiya Karamazovy”: sovremennoe sostoyanie izucheniya..* Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 765–796.
 16. Filimonov S. B. *Zapretno-zabytyi istoricheskiy istochnik vremen Velikoy Otechestvennoy voyny: maloizvestnye publikatsii po istorii kultury na stranitsah gazety “Golos Kryma” (1941–1944 gg.)* [A forbidden and forgotten historical source from the time of the Great Patriotic War: little-known publications on the history of culture on the pages of the newspaper “Golos Kryma” (1941–1944)]. Available from: <https://mil.sevhome.ru/voenistor/crimwow/okkupazcrimea/s-filimonov-simferopol-zapretno-zabytyj-istoricheskij-istochnik-vremen-velikoj-otechestvennoj-vojny-maloizvestnye-publikatsii-po-istorii-kultury-na-stranichah-gazety-golos-kryma/> (accessed 5 July 2025).

THE CRIMEAN SUPPLEMENT TO THE “ZWEIG VERSION” OF THE DISAPPEARANCE OF THE MANUSCRIPT OF “THE BROTHERS KARAMAZOV”

Kapustina S. V.

The Crimea, where Anna Dostoevskaya completed her earthly journey, is traditionally associated with the mysteries of the missing Fyodor Dostoevsky manuscripts. However, in the so-called “Zweig version” of the disappearance of the manuscript of “The Brothers Karamazov”, the peninsula is considered not as the actual place of disappearance, but as an information space in which, according to the epistolary testimony of Anna Falz-Fein, a message was printed about the sale of the white version of Fyodor Dostoevsky's novel to an Austrian writer and journalist. Letter from Anna Falts-Fein to Vera Nechaev's letter dated October 16–29, 1957, which contains a reference to an unknown newspaper trace of the “Zweig version”, was introduced into scientific circulation by Nicolay Bogdanov and Boris Tikhomirov. This message (along with a letter from Andrey Dostoevsky to Leonid Grossman dated September 26, 1958) made the once marginal “Zweig version” of Boris Bursov more convincing, but the lack of attribution of the newspaper report itself about Stefan Zweig's purchase of the manuscript of “The Brothers Karamazov” revealed the need to find a “Crimean supplement” to the proposed hypothesis. Justifiably refuting the contradictory dates of the sought-after message presented in the listed letters, Boris Tikhomirov came to the conclusion that the reference to the sale of Fyodor Dostoevsky's literary heritage abroad could have originated in the Crimean collaborationist press (for example, in the newspaper “Golos Kryma”). The researcher's assumption is verified in this article. The contents of the files of The “Golos Kryma”, stored in the funds of the State Archive of the Republic, demonstrate the editorial staff's focus on the work and post-biography of Fyodor Dostoevsky, as well as on the “Crimean branch” of his family tree. Nevertheless, the message confirming the “Zweig version” has not been found, which opens up the prospect of its further search both in the missing issues of the “Golos Kryma” in the archival funds of the Republic, and in other periodic sources available to residents of Simferopol during the German occupation.

Keywords: “The Brothers Karamazov”, “Golos Kryma” (“The Voice of Crimea”), Crimea, Simferopol, manuscript, Stefan Zweig, genealogy, Anna Grigorievna Dostoevskaya, Ekaterina Petrovna Dostoevskaya, Anna Petrovna Falz-Fein, Andrey Fyodorovich Dostoevsky.

ПРОБЛЕМА НАВРСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОКУСЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Колпакова С. Г., Юсупова А. Ю.

Казанский федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

E-mail: 42029.tschistovi@mail.ru, alex.yusupova@mail.ru

Статья посвящена вопросу отражения традиционных нравственных ценностей в немецкой литературе на рубеже XX–XXI в. Актуальность темы обусловлена острым кризисом утраты традиционных нравственных ориентиров в современном обществе потребления. Проблема исследуется на материале романа Георга М. Освальда «Все, что считается». Выделен круг моральных и социальных ценностей, через призму которых писатель дает оценку обществу. В статье описана структура изображенного в романе социума, распадающегося на две основные группы – финансовую элиту и остальных членов общества, включая низшие маргинальные слои. Главный герой, не обладающий отличительными индивидуальными характеристиками, представляет собой обобщенный портрет представителя современного общества. Сделан вывод о том, что в современном социуме истинные любовь и дружба часто подменяются симулякрами. Каждый из знаков моральных ценностей имеет в обществе потребления свою стоимость, однако они не дают жизненной опоры. Таким образом, Георг М. Освальд дает отрицательную оценку немецкому обществу рубежа XX–XXI вв., придерживаясь позиции традиционных морально–нравственных ценностей.

Ключевые слова: Георг Освальд, нравственные ценности, мораль и этика в литературе, современная немецкая литература, культ массового потребления, фетишизм, карго-культ.

ВВЕДЕНИЕ

Нравственные ценности являются одной из ключевых характеристик любого общества. Литературные произведения всегда были специфическим зеркалом, которое концентрированно отображало суть мира и индивидов. Поэтому актуальный интерес для изучения общественных изменений представляет анализ художественных произведений разных эпох, особенно близких нашему времени.

Морально–этическому вопросу в литературе в разных его аспектах посвящают работы как российские, так и зарубежные исследователи [1; 5; 10; 11]. Большую значимость они имеют в отношении современности, потому что «важно не само наличие нравственной проблематики в произведении, но то, что в ней острее всего пульсирует, что выдвинуто на первый план, как в ней отражается время» [1]. В последние годы немецкие исследователи анализируют в романах, драматургии, лирике, текстах песен, комиксах, детской и юношеской прозе проблематику глобализации, миграции и их последствий, экологии и изменения климата, проблему будущего [9; 11], в том числе, в перспективе дидактизации и использования литературы на занятиях по изучению иностранного языка. При этом в зарубежных литературоведческих исследованиях не уделяется достаточного внимания традиционным нравственным ценностям в немецкой литературе последних трех десятилетий. В противовес им культурологические исследования регулярно дают анализ ценностной системы немецкого общества, вплоть до настоящего времени. Обозначенный дисбаланс актуализирует обращение к нравственной проблематике в рамках настоящего исследования.

Цель исследования – анализ художественного отражения традиционных нравственных ценностей в немецкой культуре на рубеже XX–XXI вв. Материалом исследования послужил роман Георга М. Освальда «Всё, что считается» [7].

В данной работе использовались описательный и герменевтический методы, последний, по емкой характеристике Б. Я. Мисонжникова, «предполагает, помимо рациональных, совершаемых на сугубо дискурсивной основе идентификационных действий, также чувственные и психоэстетические подходы, уточняет мифологическое и выявляет мистическое содержание текста, аспекты его духовной тождественности, эвристичности и нравоучительности» [6, с. 53].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Литературный процесс в Германии с 1990-х годов характеризуется демократизацией, упрощением синтаксиса и языка. Появляется новая немецкая литература, представленная молодым поколением авторов, поп-литература [2; 3; 8]. В круг литературных тем входит общество потребления с характерной для индивида моделью социального поведения и мышления. К теме примитивного европейского общества потребления обращается Георг М. Освальд в своем критическом романе «Всё, что считается».

Георг М. Освальд, адвокат, позднее руководитель и редактор в двух издательствах и, кроме прочего, писатель, родился в 1963 г. в Веслинге под Мюнхеном, изучал юриспруденцию в Мюнхенском университете. Как писатель Освальд дебютировал в 1995 г. Литературная известность пришла в 2000 г., после публикации романа «Все, что считается», который был переведен на многие языки, в том числе на русский.

Автор определяет жанр своего произведения как социальная сатира с элементами детектива [4]. Роман написан простым разговорным языком. Повествование ведется от имени центрального персонажа и звучит обыденно, не обременяя читателя отсылками к каким-либо авторитетам. В тексте отсутствует семантическая многослойность, игра с аллюзиями, множественность прочтений. Как пишет Е. В. Соколова, для современных немецких писателей «Мир как хаос» утратил (...) притягательность, на смену ему пришла картина мира убогого, мира, в котором (нет любви и потому) невыносимо скучно (...) Пародийный модус повествования замещается трагической серьезностью (...) Интертекстуальность утрачивает былое значение: переживания конкретного человека представляются уникальными, не требующими аналогий и аллюзий» [3, с. 115].

В романе автор поднимает проблему иллюзорных ценностей в мире глобального потребления и, как следствие, утраты человеческой идентичности. Писатель раскрывает проблему ценностей через отношение главного героя к жене, другу, коллеге, руководителю, родственникам жены и людям разных социальных сословий и рода деятельности, а также через отношение к деньгам и статусу.

Г. М. Освальд делит роман на две части «Внутри» и «Снаружи». Пребывание «снаружи» означает отсутствие перспектив финансового роста, вплоть до совершенно асоциального существования. Быть «внутри» значит принадлежать группе привилегированных, состоятельных, успешных, перспективных. Главный герой – Томас Шварц, от лица которого ведется повествование, – 35 лет от роду, представительный, элегантный, живущий с женой в полном комфорте. Шварц занимает должность заместителя руководителя отдела по работе с проблемными клиентами – теми, кто больше не может выплачивать взятые кредиты. В самой должности уже заключено основополагающее для произведения противопоставление финансово успешных и неудачливых. В тексте отсутствуют ретроспективы, позволяющие узнать историю героя до романного времени. Читатель не знает ничего о детстве и годах становления героя, его родителях и среде. Описываемые в романе черты героя не обладают выразительностью и индивидуальностью, что позволяет говорить об обобщающем значении этого персонажа.

Рассказчик щепетильно перечисляет всю техническую оснащенность семейного быта, называя марки техники, подчеркивающих состоятельность их владельцев. Предметы материального мира в романе имеют настолько большое значение, что в своей совокупности вырастают до масштабов идеологии, веры, духовных ценностей. Шварц неоднократно с самолюбованием описывает и свою внешность: статное сложение, красивое лицо, уверенные движения, отличные деловые костюмы. Место, где он работает, во всем наполнено атмосферой денег, от внешнего пространства квартала, до внутреннего оформления холлов: «Роскошные дворцы времен отцов-основателей рядом с футуристическими башнями из блестящей стали и тонированного стекла вокруг маленького ухоженного парка...» [7, с. 19], в оформлении холла банка «сочетаются каррарский мрамор, хромированные детали, травертин, зеркальные поверхности, стекло и тропические водные растения» [7, с. 20], в коридоре вывешены подлинники Мондриана, Кандинского и Миро, у кабинета ожидает секретарша «с чашечкой кофе на серебряном подносе» [7, с. 20].

Единственное, что не вполне соответствует его амбициям – это личный автомобиль – небольшой японский «Субару», который полностью удовлетворяет городские потребности маленькой семьи, но всего лишь потребности. Амбициозность Шварца оказывается ущемленной всякий раз, когда он сталкивается с недостигаемо более успешной семьей дяди и тети своей жены Марианны. Подвозя тетюшку Оливию, слишком тактичную, чтобы даже в шутку сказать о тесноте автомобиля, Томас жалеет, что так и не приобрел «мерседес», и все из-за того, что ожидал повышения вместе со служебным БМВ.

Отношение к родственникам Марианны дано с точки зрения анализа их жизненных достижений и приобретений. Во второй части романа подробно описывается профессорский дом родственников Марианны, с перечислением всех тривиальных атрибутов роскоши: расположение в лесу на берегу озера, модный франкфуртский архитектор и французский дизайнер, стометровый бассейн на втором этаже, винные погреба, все пространства масштабные, начиненные самой современной электроникой с приставленным обслуживающим персоналом. Дядя Марианны, успешный профессор, челюстной хирург, ездит по всему миру для участия в конгрессах специалистов. В круг элиты романного общества входят профессора, писатели, интеллектуалы, промышленники. Четверо детей Оливии и ее даже неназванного по имени мужа музыкальны и успешны. В этом обществе царит дух преуспеяния и благополучия. В беседах звучат тщеславные фразы о поступлении детей в престижные вузы, их выдающихся спортивных и математических успехах, обсуждение своих научных публикаций, во всем чувствуются «застарелые, сияющие лавры постоянного общественного успеха, который сопровождал этих людей всю жизнь» [7, с. 196]. Центральный герой постоянно мучительно сравнивает себя с этими людьми, страдает от того, что сравнение каждый раз не в его пользу: «Моя жизнь кажется мне убогой, и сам себе я тоже кажусь убогим. Как бы хотелось стать каким-нибудь профессором!» [7, с. 40].

Однако каково же это высокодуховное блестящее интеллигентное общество в действительности. Объемной картины рассказчик не дает, лишь добавляет очередной финансовый нюанс. Будучи в последний раз приглашенным на светское мероприятие к родственникам Марианны, Томас не хотел рассказывать о своем увольнении и сочинил, якобы продолжает работать в банке и заодно оказывает особые услуги – помогает состоятельным людям выводить их неучтенные деньги на счета в Австрии и Швейцарии. И если описание его настоящей работы наводило на гостей скуку, вызывало завуалированное презрение, то возможность вывести деньги за границу моментально сделала Шварца популярным в этом обществе: «За вечер я поговорил с двадцатью или

тридцатью богатыми людьми, каждый из которых, по-своему стараясь соблюсти конфиденциальность, тем не менее, прямо дал понять, что я должен перевести его неучтенку в Австрию или Швейцарию» [7, с. 199–200]. Оказывается, всем этим крупным деятелям науки и бизнеса есть, что скрывать от Управления финансов, говоря откровенно, они нарушают закон. Несмотря на этот ставший очевидным факт, в глазах Шварца с этого успешного общества не спадает налет недостижимого совершенства. Только что несколько десятков людей призналось ему в незаконности нажитого ими состояния, но, тем не менее, Шварц чувствует себя униженным перед ними после того, как Марианна разоблачает его ложь. Показательно, что жену Томаса не беспокоят его сочиненные финансовые махинации, она просто считает его неспособным на такие «масштабы». Марианна – плоть от плоти коррумпированной, уважаемой «элиты».

По мнению рассказчика, неприязнь высокого общества к профессии Шварца объяснялась отсутствием в ней «духовного, такого, что служило бы благу человечества или было бы способно изменить мир к лучшему» [7, с. 38]. Подобным же образом это избранное общество относилось и к работе Марианны в сфере рекламы, где она хоть и должна была быть креативной, однако в области денег, а не высоких материй. Оценка звучит как минимум высокомерно, если не лицемерно, учитывая, помимо упомянутых подозрений в финансовой нечистоплотности, и то, что часть представителей общества не работают, то есть не служат вовсе ничьему благу, кроме своего собственного. Таким образом, выявляется подмена понятия духовности в среде элиты.

С досадой и завистью Шварц замечает, что этим уверенным в себе людям просто повезло, не согласен с их мнением, якобы «богатство является их природным правом, что они заслужили его благодаря своим выдающимся способностям» [7, с. 39] и считает, что «никто никогда ничего не заслужил, все только получают» [7, с. 39].

Именно «службе», «заслуженному», труду следует уделить отдельное внимание. Собственная честная работа не вызвала у героя того уважения, какое подобострастие и зависть внушало положение этой финансовой страты, вынужденной скрывать свои доходы от государства.

Такое пренебрежение к честному труду выражается не только в проигрышном сравнении главным героем себя с обществом родственников Марианны, но и при возвышающем сравнении со стоящими на экономической лестнице ниже. Шварц делит всех людей на подгруппы – этакий беглый социальный анализ, который герой проводит по пути на работу.

Первыми ему встречаются молодые люди лет шестнадцати-восемнадцати, дорого одетые, хотя нельзя сказать, что они из состоятельных семей, «у некоторых американские фирменные вещи спортивного стиля, да еще и модные прически. Это и есть те, кто смотрит MTV. Они верят в поп-культуру и готовы платить за сознание причастности к ней» [7, с. 14]. В романе озвучивается один из признаков гомогенизированного общества потребления: поп-культура, образы героев американских кинофильмов и сериалов. Для каждой страты одного большого общества потребления свои заветные символы: для одних – «тряпки», для других – виллы с мебелью бидермайер. Глядя на молодежь сверху вниз, Шварц саркастически умиляется их бесперспективным попыткам добиться общественного признания. Уже сейчас он убежден, что им «не удастся вырваться из замкнутого круга и подняться выше их сраной жизни в двухкомнатной халупе, за которую они постоянно упрекают своих родителей» [7, с. 14]. Тамас убежден, что молодые люди, учащиеся училища, не имеют шансов на успех. Причем герой отмечает, что озвучивать подобные крамольные истины о социальной несправедливости запрещено.

Следующая категория людей – это иностранцы, оккупирующие вход в Управление по делам иностранцев с целью «получить бумаги, деньги, легальный статус» [7, с. 15]. В их отношении Шварц также делает неутешительный прогноз, у них тоже не получится оказаться «внутри». Герой испытывает неприязнь к мигрантам, он не сомневается, что служащие Управления знают, как не допустить иностранцев внутрь социума. Так писатель визуализирует мысль, которую невозможно высказать вслух в государстве, декларирующем свою мультикультурность, – отсутствие прокламируемой толерантности коренного немецкого населения к мигрантам.

Далее Шварц спускается в метро. Чем глубже вниз, тем больше поводов для его отвращения: «когда я спускаюсь по загаженному эскалатору в толпе всякого сброда, меня мутит от зловонного дыхания, невымытых волос и дебильных харь» [7, с. 15–16] (Здесь могла бы возникнуть ассоциация с «Адом» Данте, возможно, писатель даже имел ее в виду, однако далее выясняется, что последний «круг общества» находится не в глубинах метро, а у дверей банков). Степень грубости размышлений героя входит в резкий диссонанс с его идеальным внешним видом. Его внимание фиксирует «низенькую жирную тетку, от которой за версту несет приторно-сладковатым парфюмом» [7, с. 16] и которая забавно не дает возможности заглянуть в свою вчерашнюю газету. Затем его раздражение вызывает общение двух пожилых мужчин («два старых хрыча»). Один из мужчин зачитывает знакомому статью, из которой следует, что нескольким заключенным, имевшим многочисленные уголовные преступления, обеспечиваются дорогостоящие эстетические процедуры и культурно-спортивные и туристические поездки. Из чего приятель делает иронический вывод: «если человек достойно прожил свою жизнь, то он обыкновенный простофиля (...) Честный человек всегда остается в дураках» [7, с. 17]. Именно к таким простым честным труженикам Шварц и относится с презрением.

Следующая группа, которую главный герой даже не относит к людям – наркоманы, собирающиеся в банковском квартале. «Они смотрят звериными глазами – у них блестящие, неестественно расширенные зрачки. Никто не желает им ничего плохого, но сделать для них хоть что-нибудь просто невозможно... Они так и так уже не люди» [7, с. 19–20]. Впрочем, на взгляд Шварца, есть способы избавиться и от них.

По работе Шварц сталкивается с людьми, неспособными больше выплачивать кредит, так называемые «проблемные клиенты». Шварц знает, что за этим рабочим понятием скрываются нервные срывы, самоубийства и убийства. Ежемесячно он получает сотни писем с просьбами войти в положение, отложить погашение долга и конфискацию имущества. В отличие от своей секретарши, принимающей истории должников близко к сердцу, Томас относится к ним прагматично, сводя историю их жизни к формуле: «если человеку нужна помощь, то это значит, что он ее не заслуживает» [7, с. 23]. Следует, однако, отметить, что такое отношение героя не означает врожденной черствости, первое время истории падений производили на него впечатление и Томас чувствовал себя «препротивно», так как в его профессиональные обязанности входит окончательно уничтожить человека, по меньшей мере, финансово. Однако герой также знает, что за финансовым падением часто следуют кровавые истории.

Таким образом, для Шварца существуют две большие группы: одна – более состоятельная, ее населяют удачливые и благополучные жители мира «внутри»; вторая – значительно более бедная, населенная как маргинальными слоями, так и добросовестными работягами, сотрудниками низшего звена, – все они «снаружи». Первой группе Шварц отчаянно завидует, жаждет закрепиться «внутри». Вторых он презирает.

Оказавшись после внезапного увольнения «снаружи» и болтаясь днем по городу, Шварцу бросаются в глаза инвалиды, «молодчики из ночлежки, бомжи, пьянчужки и психи» [7, с. 107], а также те, чей интеллект «не дотягивает до среднестатистического» и у кого «полностью отсутствует социальная адаптация». Себя же Шварц относит к категории людей, которым «не хватает какого-то гена или секретного свойства, что и делает их ни на что не годными» [7, с. 108]. Хоть Шварц и не отмечает в себе видимых физических или душевных «дефектов», он тоже оказался «обломком жизни». Своей внешностью он продолжает имитировать принадлежность к общественной элите. «Моя мимикрия – это и есть мой физический недостаток, и если вы считаете, что я могу вот так просто взять и переодеться во что попроще, то вы ничего не поняли» [7, с. 108]. Таким образом, Шварц сближается с высмеиваемыми им молодыми людьми из техникума, имитирующими своим внешним обликом достаток и благополучие, с одной стороны, и людьми с ограниченными умственными или физическими возможностями с другой, и манифестирует одну из современных проблем части общества – брендовый фетишизм, карго-культ, имитация «престижного» уровня потребления, – приравнивая их к физической «дефективности».

Размышление-повествование Шварца о сущности своей работы заключается выводом, что он с коллегами отдела по работе с проблемными клиентами не совсем банкиры, а могильщики в своей отрасли. В их профессиональные задачи входит «наживаться на смерти других». А далее следует рассуждение, призванное реализовать цель Георга М. Освальда, изобразить современного человека, лишенного морали, совершающего жестокость ради удовольствия [4]. От размышлений о своей роли могильщика Шварцу еще больше начинает нравиться его работа. «Она похожа на спорт. Выдавливашь из человека кровь до последней капли, а когда уже кажется, что он выжат как лимон, встряхивашь его как следует и глядишь – наберется еще капля другая. (...) Кровь – это деньги. Или наоборот: деньги – это кровь» [7, с. 26].

Такие акты жестокости в романе показаны несколько раз. На очередной конфискации Шварц оскорбляет обанкротившихся людей, а уходя, «хохочет во все горло», когда сорвавшаяся женщина обзывает его, смеется над ее горем даже не оборачиваясь, и с издевкой добавляет, что теперь может подать на нее в суд за оскорбление.

Шварцу нравится испытывать чувство превосходства и власти. Находясь в баре с коллегой Бельманом, Шварц точно знает, как много здесь мелких кредиторов банка, ставших должниками ради костюмов, мобильных телефонов и даже напитков бара. Шварцу доставляет удовольствие «стоять среди них в баре, зная, что большинству из них можно моментально перекрыть кислород. И не делать этого просто потому, что рабочий день окончен» [7, с. 70].

Будучи уже «снаружи» Шварц однажды неожиданно захотел не просто купить в магазине продукты, а именно «увидеть, как умирает рыба» [7, с. 125]. Освальд демонстративно сталкивает фигуры главного героя и торговца за рыбным прилавком; образ молодого успешного бизнесмена, жаждущего зрелища убийства, и продавца, которому чуть больше сорока лет, по воле начальства вынужденного носить «дурацкую униформу». Несомненно, Шварц презирает его, как всех, не относящихся к «элите». Продавца мысль об убийстве рыбы расстраивает, возможно, не только или не столько из гуманистических соображений, сколько потому, что он не умеет это делать. Шварц наслаждается возможностью унижить человека, ему нравится беспомощная ненависть, которую он вызвал к себе в мужчине, пользуясь случаем, Шварц вызывает «шефа»

магазина и вынуждает его извиняться перед собой за своего подчиненного. От всего содеянного герой приходит в хорошее настроение и начинает ораторствовать об отсутствии развитой сферы услуг в Германии. Совершенно неожиданно для себя Шварц обнаруживает возмущение людей вокруг, направленное на него самого: «начинается бунт ждущих в очереди плебеев (...) Мне советуют заткнуться, убираться (...)» [7, с. 129]. Герой в замешательстве вынужден ретироваться, спешит домой, по пути безвольно роняет пакет со злосчастной рыбой, несется домой «с надеждой, что никто не мчится за мной с целью вернуть карпа» [7, с. 129]. Жажда общественной значимости и высокого статуса потерпели фиаско, не помог и прекрасный костюм-тройка. И сколько бы герой ни называл окружающих его людей плебеями с целью самовозвышения, ему не удастся избавиться от своего внутреннего духовного плебейства, своей зависимости от «статуса» и раболепства перед образом «элитарности».

Сцена с рыбой может также быть аллюзией на христианство. Рыба – древнейший символ христианства. Карпа традиционно готовили в сочельник на праздничный стол в качестве рыбы Христа. В таком случае смысл сцены приобретает значительно более глубокий характер – это еще и утрата веры, многие века являвшейся духовной опорой и ценностным ориентиром для европейского человека. Ситуация «секуляризованного христианства» в европейском обществе, в отсутствии иной достаточно сильной нравственной опоры, привело к смешению «этики и прагматики жизни» [8], о чем пишет Д.А.Чугунов.

Рассмотрим, как характеризуется герой в любовных ситуациях. У Шварца возникает желание причинить эмоциональную боль не только посторонним людям, но и своей жене. После тяжелого рабочего дня обоих супругов Томаса раздражает вид Марианны, и он нарочно старается задеть ее, спрашивая, что за «грязь» у нее под глазами, прекрасно зная, что это растекшаяся тушь (возможно, она плакала). «Задаю вопрос, получая удовольствие от озлобленности, звучащей в голосе» [7, с. 79]. Марианна тоже оказалась на пороге увольнения. Собственно, увольнение как таковое не удивляет героя – профессиональный мир представляется ему хищнической системой, перемалывающей человеческий материал: «Недолговечность – это часть той системы, которую мы себе избрали. (...) Люди нашего типа определенное время получают очень хорошую зарплату (...) А потом, когда они начинают чувствовать себя непотопляемыми, их заменяют другими, новыми, чуть более голодными, чуть более дешевыми, чуть больше отдаленными от идеи возвеличиться и получить право голоса» [7, с. 83]. Неожиданным стало, что увольнение случилось сейчас, и что первой оказалась Марианна, которая представлялась Томасу более «ловкой, умеющей приспособиться». Вечер перед официальным увольнением Марианны стал поворотным в сознании главного персонажа. Произошел раскол между его прошлой жизнью и будущей, и теперь он смотрит словно со стороны на атрибуты его прошлой жизни и даже на жену: «Нужно пойти к ней, успокоить. Но мне не хочется. (...) Здесь живет молодая бездетная пара с солидным доходом, у которой достаточно вкуса и денег, чтобы управлять ходом вещей по своему усмотрению. Но это уже не мы» [7, с. 82], – Марианна и Томас превратились в бессодержательный знак семьи.

Шварц давно чувствовал, что его брак по неизвестной причине находится под угрозой. Надо полагать, брак основывался только на совместных материальных целях и стремлениях, а с их утратой не оказалось духовной базы, способной сохранить отношения. Увольнение супругов сблизило их на один вечер. «Теплая атмосфера напоминает о том, что общечеловеческие отношения существуют. Союз двух проигравших, которые знают,

что по крайней мере сегодня вечером никто не помешает их единству» [7, с. 100] Марианна и Томас мило совместно готовят ужин, атмосфера становится романтической. Можно было бы подумать, что общая неудача сблизилась супругов. Однако уже в постели они вновь погружаются в мелочную ссору, «наполненную уничижительной ненавистью» [7, с. 101], а на утро Марианна сообщает о решении пожить у тети. Шварц переполняется обидой. Попрощавшись на вокзале с женой и подозревая, что на самом деле это не временный отъезд, а конец барка, Шварц пытается найти в себе большие чувства, но ничего не испытывает. Вспоминая совместную жизнь, герой признается, что в ней не было ничего особенного, даже страданий, лишь несколько мелких ссор. И теперь, после потери работы, супругов больше ничто не связывает.

Периодически думая о Марианне, Шварц, тем не менее, не собирается ей звонить: «это в стиле наших взаимоотношений (...) – мы думаем друг о друге, но не разговариваем» [7, с. 123]. Такое бездействие в отношении жены характерно для героя: он думает, что нужно утешить ее, и не утешает; размышляет, что стоит послать цветы после ссоры, и не посылает. Шварц не стремится поддерживать отношения с женой, однако нельзя сказать, что она ему полностью безразлична. Он часто думает о Марианне, приведя домой проститутку, не может воспользоваться супружеской спальней, так как мешают мысли о жене. Шварцу было важно, что подумает о нем Марианна, она была одним из главных его «зеркал», фиксирующих образ его «я», подтверждающих его существование в том статусе, в котором герой желал себя видеть.

В «отношениях» с проституткой Сабиной Шварцу нравится чувство своего превосходства, то, что ее можно «заказать, как пиццу», однако одновременно его мучает мысль о материальной стоимости ее «чувств», во сколько обошлись ее любовь и внимание, оплаченные его новыми товарищами-аферистами.

В главном герое прослеживаются мазохистские черты в сублимированных любовных действиях. С самоуничижением связан пьяный флирт с сотрудницей отдела кадров, которая была старше Томаса на пятнадцать лет: «... мне было просто необходимо залезть под юбку этой старой кошелки. Мне хотелось сделать самому себе больно, чем больнее, тем лучше» [7, с. 88].

Дополняют характеристику героя его взаимоотношения с другом Маркусом и коллегой Бельманом. Маркус пишет сценарии, хотя не продал ни одного, и безуспешно пытается подработать журналистикой и не более успешно решать проблемы со своей женой и любовницами. Каждый раз, оказываясь в затруднительном положении, Маркус предлагает Томасу встретиться. По окончании каждой такой встречи Томас одалживает другу деньги, не рассчитывая, что они будут возвращены. И вот, когда в жизни главного героя тоже возникли проблемы – уход жены и увольнение – у Маркуса не нашлось для друга времени до тех пор, пока ему вновь не потребовались деньги. Прimitивный образец искусственной дружбы ради денег.

Главный герой начинал работу в банке одновременно со своим коллегой Бельманом, но значительно быстрее продвинулся по карьерной лестнице, искренне считая себя более талантливым. Шварц привык относиться к Бельману, как стоящему на ступень ниже, и по своей привычке причинять ему боль в общении. При встрече с Бельманом спустя месяц после увольнения Шварца роли поменялись. Бельман бодро рассказывает о беременности жены (в то время как брак Шварца был бездетным), покупки крупной недвижимости (тогда как Шварц так и не выполнил желание Марианны переехать в более престижный район). Томасу настолько неприятны успехи бывшего коллеги, что при прощании он

слишком сильно сжимает ему руку, чтобы причинить физическую боль, и представляет, как Бельман падает по ступенькам вниз и калечится. Сейчас идея превратить Бельмана в «кровавое месиво» кажется Шварцу способом достижения внутреннего равновесия.

Самое значимое место в жизни Шварца занимает работа, собственно, она составляет всю его жизнь и является важной составляющей характеристики персонажа. До увольнения вся жизнь Томаса проходила на работе, зачастую включая выходные дни, стресс стал его постоянным спутником. Регулярно, описывая негативные события в своей жизни, будь то ссоры с женой на пустом месте, непрерывный стресс, путь до работы, рассказчик Шварц обращается к читателю: «вам это известно», – приобщая читателя к своей жизни, подчеркивая ее принципиальную схожесть, неуникальность.

У Шварца выработалась патологическая зависимость от работы. Если он дома, возникают панические атаки, чувство того, что забыл нечто безотлагательное. Работа вызывает страх, бессонницу и постоянный стресс, при этом Томаса патологически влечет на работу, даже если это воскресенье.

По утрам на рабочем месте Томас играет в компьютерную игру «Виртуальная корпорация. Безжалостная борьба за место в эшелоне власти!». Мотив игры повторится в конце романа, в желании героя играть в казино. На работе играть в компьютерную игру обязаны все сотрудники по распоряжению руководства, «чтобы развивать в себе умение добиться поставленной цели» [7, с. 22]. Все это имеет садистский, издевательский оттенок. Совершенно не скрывается и даже открыто озвучивается, что организация требует от своих сотрудников очень много, в сущности, всю их жизнь. Игровые вопросы напоминают анкетирование при приеме на работу. Среди прочих есть вопрос «Готовы ли вы работать сверхурочно не только по будням, но и в выходные, не получая за это дополнительной платы?» [7, с. 21]. Томас согласен на все. Собственно игровые испытания и интриги не отличаются от его реальной жизни. Единственная разница в том, что в виртуальном мире Томас ежедневно проходит один уровень, а в реальности оказывается «удален» своей руководительницей, как возможный конкурент.

К своей руководительнице фрау Румених Шварц относится с ненавистью и страхом. Она неожиданно заняла место исполняющего обязанности руководителя отдела, которое он считал уже почти своим. Шварц подозревает, что против него замышляется интрига. Румених жесткая, острая, ее смех сравнивается с отточенным ножом, обращенным против собеседника. Она мыслит категориями «эффективность» и «неэффективность» и первые полгода работы занималась увольнением неэффективных, на ее взгляд, сотрудников. Шварц чувствует, что начальница тонко мучает его. Герой многократно в разных вариациях повторяет, что испытывает страх перед ней, от этого допускает больше ошибок, которые начальница молча берет на заметку. И вот Румених вызывает Шварца в свой кабинет. Сам процесс вызова показательно церемонный, прием Шварца у Румених предваряют длительные телефонные переговоры их секретарш. Попав в кабинет начальницы, Шварц оказывается в комичной ситуации, так как предназначенный для него стул был на тридцать сантиметров ниже стула Румених, и ему приходилось, как ребенку, тянуть подбородок, чтобы голова оказалась выше стола. Возникают символические ассоциации: телефонные созвоны секретарш, как переговоры секундентов или дипломатов перед важным событием; опущенный стул, как визуализация разницы в должностных статусах. Именно в такой атмосфере, подчеркнуто указав Шварцу его подчиненное положение, Румених поручила задание, с которым не мог справиться ни один из сотрудников отдела в течение пары десятков лет, и которое считается безнадежным,

чтобы в случае ошибки, обвинить его, «что именно из-за него банк потерял целый миллиард» [7, с. 33]. Так Освальд демонстрирует хищнические отношения в профессиональном мире. В день увольнения Шварца неожиданно помимо рутинных фраз Румених даже открыто признается, что здесь есть место только для одного из них. Один «могильщик» уничтожил другого в карьерной гонке.

Сразу же после увольнения герой безуспешно пытается внушить себе, что это «старт в новую жизнь». Мысли о Марианне мгновенно разрушают эту зыбкую попытку и mnoжат сомнения в себе. Шварц не ждет поддержки от жены, подозревает, что Марианна будет смеяться над ним, думать, что он ни на что не годен. Томаса одолевает жалость к себе, он всхлипывает и шмыгает. Его дальнейшие рассуждения приводят к выводу, что жена не будет искренней в своих сочувствиях, потому что все люди – соперники, и потому что приятно ощущать превосходство перед неудачником. «Совсем не нужно быть садистом, чтобы радоваться поражению другого. Основополагающий принцип нашего бытия – отторжение ближнего» [7, с. 98], – еще одна диссонирующая аллюзия на христианство, проповедующее любовь к ближнему.

В отличие от традиционного обезличенного образа жизни, визуализированного в книге-символе «Сегодня великолепный день», которую дарят на работе всем сотрудникам, и, как оказывается, все читают ее с одинаковой скоростью (даже Марианна), в отношениях с аферистами, новыми знакомыми Томаса, его больше всего впечатляет непредсказуемость событий.

В ожидании собственного падения в Шварце мелькают нетипичные для него моменты сочувствия: дать необычно большие чаевые доставщику пиццы, таксисту, потерявшему когда-то работу по профессии. Неожиданно для себя Томас не оказывает коллеге поддержки в расследовании подозреваемых в крупном мошенничестве, с удивлением подозревает в себе сентиментальность.

С потерей работы Шварц начинает задаваться бытийственными вопросами о своей сущности, о том, чего же ему так не хватает в жизни, из-за чего он тоскует: «Из-за неудачной семейной жизни? Из-за работы? Из-за отсутствия душевной чистоты? (...) Что это такое? Есть у меня душа?» [7, с. 163].

Вопрос о своей сущности возникает в последней беседе с другом Маркусом. По его мнению, есть суммы денег, которые не стоят того, чтобы из-за них «потерять себя». Томас благодарит друга за идею возможности утраты себя.

Роман заканчивается бегством героя с проституткой и чемоданом денег аферистов в Монако, где он планирует прожить несколько дней как миллиардер, пока не исчезнут деньги, а вместе с ними и спутница Сабина. Возникающий здесь вновь мотив игры, игры в казино, отличается от компьютерной игры на работе, моделирующей рутинный, лишенный индивидуальности образ жизни. Игра в казино выглядит контрастно, неожиданно, непредсказуемо и «по-киношному» нереально. Однако главное, на что герой рассчитывает, после того как у него закончатся деньги, – что его никто не захочет знать, и тогда, вдалеке от своих знакомых ему будет легко «окончательно потерять то, чего ... никогда и не было, – себя» [7, с. 221]. Главный герой на протяжении всего романного действия был лишь знаком, обложкой того, что считал значимым и существенным. Учитывая не индивидуальный, а обобщающий характер центрального персонажа, роман выражает критику и тревогу в отношении общества рубежа XX–XXI вв., представляющее собой не индивидуальности, а знаки того, что в действительности даже не имеет духовной ценности.

ВЫВОДЫ

Анализ показал, что Георг М. Освальд придерживается традиционной морально-нравственной системы ценностей и через ее призму дает характеристику современному ему обществу. Писатель очень буднично демонстрирует «ярмарку тщеславия» нового времени. Образ главного героя представляет собой диссонанс идеальной внешности и нравственного разложения. Это обобщенный портрет современника писателя, всеми силами стремящегося примкнуть к определенной социальной группе, имитирующего внешние признаки этой группы, презирующего всякого, кто находится снаружи группы «избранных», героя, склонного к проявлению психологического садизма, героя, страдающего от подозрений собственной неполноценности, не видящего смысла своего существования, человека, не имеющего духовной близости ни с одним живым существом – ни с женой, ни с другом, ни с коллегой. Его межличностные отношения лишь обозначены понятиями, за которыми скрывается равнодушие. В системе жизненных координат героя Освальда, как заявлено в названии, все имеет свою стоимость, и любовь, и дружба. Однако ни купленная дружба, ни оплаченная любовь не дают жизненной опоры. Все люди и предметы в жизни героя являются лишь бессодержательными знаками, имитирующими семью, любовь, дружбу, коллегиальные отношения, социальный статус. Попытка мимикрии главного героя приравнивается к физической или умственной неполноценности.

В романе выявляется проблема расщепленности социума. В группу «внутри» – круг избранных – входят профессора, писатели, интеллектуалы, промышленники. В группу «снаружи» – все остальные социальные слои: простые рабочие и торговцы, учащаяся молодежь и пенсионеры, доставщики пиццы и таксисты, мигранты и наркоманы. В тексте считается идея об отсутствии в обществе декларируемой толерантности по отношению к иностранцам. Общество, описываемое в романе, утратило традиционные нравственные, духовные, в том числе христианские, ценности, заменив их новыми, в которых отсутствуют любовь и дружба, подмененные их знаками, простой честный труд презирается, а богатая, пусть и не всегда законная, жизнь фетишизируется. Пространство работы характеризуется хищнической конкуренцией, переработками, непрерывным стрессом и страхом. В романе обнаружена критика культа массового потребления, фетишизма, карго-культа, свидетельствующие об утрате обществом духовных нравственных основ, а личностью – своей индивидуальности.

Таким образом, исследованный роман демонстрирует, как погоня за внешним, как в прошлые века, так и сегодня, несмотря на изменившиеся атрибуты, не изменила своей сущности и ведет к утрате личной идентичности.

Список литературы

1. *Белая Г.* Нравственный мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1983. – № 4. – С. 19–52.
2. *Роганова И. С.* Актуализация постмодернистской парадигмы в культуре конца XX века (на примере немецкоязычной литературы): Дис. ... доктора культурологи: 24.00.01. – Москва, 2010. – 447 с.
3. *Соколова Е. В.* Современная литература Германии: поиски выхода из постмодернизма // Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX–XXI вв.): сборник научных трудов. – М.: ИНИОН, 2006. – С. 78–100.
4. *Кожемякин А. Г.* Георг Освальд представил аморального типа // Коммерсантъ (Новосибирск). – 2003. – № 73. – С. 3. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/379178>. – (Дата обращения: 15.02.2025).

5. Медведева Т. С. Ценности немецкого народа: история и современность // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2010. – №3. – С. 130–134. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-nemetskogo-naroda-istoriya-i-sovremennost> (Дата обращения: 15.02.2025).
6. Мисонжников Б. Я. Методологические основы герменевтики как средства отождествления текста // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. – 2012. – №4. – с. 52–60. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-germenevtiki-kak-sredstva-otozhdestvleniya-teksta/viewer>. – (Дата обращения: 15.02.2025).
7. Освальд Г. Все, что считается: Роман. – СПб.: Амфора, 2002. – 221 с.
8. Чугунов Д.А. Немецкая литература 1990–х годов: основные тенденции развития: Дис. ... докт. филол. наук: 10.01.03. – Воронеж, 2006. – 421 с.
9. Esselborn K. Globalisierung – Natur – Zukunft erzählen Aktuelle deutschsprachige Literatur für die Internationale Germanistik und das Fach Deutsch als Fremdsprache. Rezension. // Informationen Deutsch als Fremdsprache. De Gruyter. – 2017. – Vol. 44. Issue 2–3. – P. 295–297.
10. Nebrig A. Neue Studien zu Moral und Ethik der Literatur und ihrer Kritik: A Review Article. // Orbis Litterarum. – 2016. – Vol. 71. Issue 6. – P. 549–560.
11. Zemanek E. Unkalkulierbare Risiken und ihre Nebenwirkungen: Zu literarischen Reaktionen auf ökologische Transformationen und den Chancen des Ecocriticism // Literatur als Wagnis. – Berlin 2013, S. 279–302. – Режим доступа: https://www.academia.edu/28931682/Unkalkulierbare_Risiken_und_ihre_Nebenwirkungen_Zu_literarischen_Reaktionen_auf_%C3%B6kologische_Transformationen_und_den_Chancen_des_Ecocriticism_In_Literatur_als_Wagnis_Literature_as_Risk_hg_v_Georg_Braungart_Monika_Schmitz_Emans_Christine_Lubkoll_u_a_Berlin_2013_S_279_302. – (Дата обращения: 15.02.2025).

References

1. Belaya, G. *Nravstvennyi mir khudozhestvennogo proizvedeniya* [The moral world of a work of fiction] *Voprosy literatury*, 1983, no. 4, pp. 19–52.
2. Roganova I. S. *Aktualizatsiya postmodernistskoi paradigmy v kul'ture kontsa XX veka (na primere nemetskoyazychnoi literatury)*: Dis. ... doktora kul'turologi [Actualization of the postmodernist paradigm in the culture of the late 20th century (on the example of German-language literature). Thesis]: Moscow, 2010. 447 p.
3. Sokolova E. V. *Sovremennaya literatura Germanii: poiski vykhoda iz postmodernizma* [Modern Literature of Germany: Search for a Way Out of Postmodernism] *Postmodernizm: chto zhe dal'she? (Khudozhestvennaya literatura na rubezhe 20–21 vv.)* [Postmodernism: What's Next? (Art Literature at the Turn of the 20th and the 21st centuries)]: sb. nauchnykh trudov. Moscow, INION Publ., 2006, pp. 78–100.
4. Kozhemyakin A. G. *Georg Oswald predstavil amoral'nogo tipa* [Georg Oswald presented an immoral character] *Kommersant* (Novosibirsk), 2003, no. 73, p. 3. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/379178> (accessed 15 February 2025).
5. Medvedeva T. S. *Tsennosti nemetskogo naroda: istoriya i sovremennost'* [Values of the German People: History and Modernity] *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*, 2010, no. 3, pp. 130–134. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-nemetskogo-naroda-istoriya-i-sovremennost> (accessed 15 February 2025).
6. Misonzhnikov B. Ya. *Metodologicheskie osnovy germenevtiki kak sredstva otozhdestvleniya teksta* [Methodological foundations of hermeneutics as a means of text identification] *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Filologiya, vostokovedenie*, 2012, no. 4, pp. 52–60. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-germenevtiki-kak-sredstva-otozhdestvleniya-teksta/viewer> (accessed 15 February 2025).
7. Oswald G. *Vse, chto schitaetsya: Roman* [All that counts. Novel]. St. Petersburg. Amfora Publ. 2002. 221 p.
8. Chugunov D. A. *Nemetskaya literatura 1990–kh godov: osnovnye tendentsii razvitiya: Dis. ... dokt. filol. nauk* [German literature of the 1990s: main trends of evolution. Thesis]. Voronezh, 2006. 421 p.
9. Esselborn K. *Globalisierung – Natur – Zukunft erzählen. Aktuelle deutschsprachige Literatur für die Internationale Germanistik und das Fach Deutsch als Fremdsprache. Rezension. Informationen Deutsch als Fremdsprache*. De Gruyter, 2017, Vol. 44, Issue 2–3, pp. 295–297.

10. Nebrig A. *Neue Studien zu Moral und Ethik der Literatur und ihrer Kritik: A Review Article*. *Orbis Litterarum*, 2016, Vol. 71, Issue 6, pp. 549–560.
11. Zemanek E. *Unkalkulierbare Risiken und ihre Nebenwirkungen: Zu literarischen Reaktionen auf ökologische Transformationen und den Chancen des Ecocriticism. Literatur als Wagnis*. Berlin, 2013, pp. 279–302. Available from: https://www.academia.edu/28931682/Unkalkulierbare_Risiken_und_ihre_Nebenwirkungen_Zu_literarischen_Reaktionen_auf_%C3%B6kologische_Transformationen_und_den_Chancen_des_Ecocriticism_In_Literatur_als_Wagnis_Literature_as_Risk_hg_v_Georg_Braungart_Monika_Schmitz_Emans_Christine_Lubkoll_u_a_Berlin_2013_S_279_302 (accessed 15 February 2025).

THE PROBLEM OF MORAL VALUES IN THE STUDY OF MODERN GERMAN LITERATURE

Kolpakova S. G., Yusupova A. Y.

The article is devoted to the reflection of traditional moral values in German literature at the turn of 20th–21st centuries. The relevance of the chosen topic is conditioned by the acute crisis of the loss of traditional moral guidelines in the modern consumer society. The problem is investigated on the material of Georg M. Oswald's novel “All That Counts”. Descriptive and hermeneutic methods were used in the research process. As a result of the analysis, the range of moral and social values through the prism of which the writer gives his assessment of society was identified. The article describes the structure of the society depicted in the novel, which is divided into two main groups – the financial elite and the rest of society, including the lower marginalized strata. The protagonist, who has not any distinctive individual characteristics, is a generalized portrait of a representative of modern society. The image of the central character was analyzed and his essential characteristics were highlighted. It is concluded that in modern society true love and friendship are often substituted by simulacra. Each of the signs of moral values has its own value in the consumer society, but they do not give life support. It is also concluded that the individual himself has completely lost his personality, becoming only a sign of a fashionable image. Criticism of the cult of consumerism, fetishism, cargo cult has been revealed, indicating that society has lost its spiritual moral foundations. Thus, the study showed that Georg M. Oswald gives a negative assessment of the German society of the turn of 20th–21st centuries, adhering to the position of traditional moral values.

Keywords: Georg Oswald, moral values, morality and ethics in literature, modern German literature, cult of consumerism, fetishism, cargo cult.

УДК 821.16

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-101-108

МИФОПОЭТИКА АРКАДИЯ И БОРИСА СТРУГАЦКИХ КАК ФЕНОМЕН ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1970–1980-Х ГГ.: ГЕНЕЗИС И КОНТЕКСТ

Окутин Н. Ю.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: flexusfelex@gmail.com*

В статье предпринимается попытка осмыслить мифопоэтику творчества Аркадия и Бориса Стругацких как ключевой феномен позднесоветской литературы 1970–1980-х гг. На основе анализа существующей литературно-критической и научной рецепции их произведений с акцентом на работы, раскрывающие мифопоэтические аспекты прозы писателей, сделан вывод о целесообразности такой постановки проблемы. Демонстрируется генетическая связь художественных особенностей произведений Стругацких с традициями Серебряного века, а также с рецепцией философских идей рубежа XIX–XX вв. Выдвигается гипотеза о том, что творчество Стругацких с другими явлениями позднесоветской литературы (такими как «деревенская проза» и произведения Ч. Айтматова) сближает апокалипсический пафос, который обуславливает и использование сходных средств художественной выразительности: библейских образов и сюжетов, природной символики.

Ключевые слова: Стругацкие, мифопоэтика, Серебряный век, апокалипсический пафос, циклизация, эсхатология, библейская символика.

ВВЕДЕНИЕ

Творчество братьев Стругацких занимает особое место в русской советской литературе XX в. Однако приходится констатировать, что обширное и многостороннее творческое наследие писателей до недавнего времени находилось на периферии отечественной литературоведческой мысли. «Неблагонадежность» произведений Стругацких в глазах властей, череда громких скандалов, таких как публикация повести «Гадкие лебеди» в эмигрантском журнале «Посев», привели в 1970-е гг. к негласному умолчанию вокруг братьев Стругацких, что негативно сказалось на интенсивности изучения их произведений.

Глубокое прочтение творчества Стругацких начинается в 1980-е гг., отмеченные общей либерализацией общественно-политического климата и ослаблением литературоведческого догматизма. М. Ф. Амосин в этот период писал, что богатое наследие авторов не сводится к подспудной критике социальных явлений. Насыщение произведений фантастическими и мифологическими мотивами, а также сочетание неоднородных культурно-исторических пластов, смыслов и стилевых рядов дает им возможность выйти на гораздо более высокий уровень обобщения, открывая для читателя «социальную, этическую, философскую проблематику высокого уровня общности», среди которых немало «вечных вопросов»: «будущее человечества, судьбы цивилизации, нравственная самостоятельность личности» [3, с. 158]. Его очерк творческого пути писателей и эволюции содержательной стороны их произведений наметил некоторые темы, поднимаемые критикой в конце 1980-х гг.

Монография В. Кайтоха, опубликованная на языке оригинала в 1993 г. (изд. на польском яз.: [16]) и изданная в русском переводе в дополнительном двенадцатом томе собрания сочинений Стругацких в 12 томах, посвящена характерным чертам поэтики

Стругацких в диахронии и демонстрирует эволюцию построения произведений писателей. Вслед за Амусиным Кайтох на материале всех доступных ему произведений (от первых рассказов Аркадия Стругацкого и повести «Страна багровых туч» (1959) до последнего совместного произведения авторов, пьесы «Жида города Питера, или Невеселые беседы при свечах» (1990) выявляет то, что впоследствии станет общим местом всех работ, посвященных творчеству Стругацких — поступательное развитие поэтики от коммунистического утопизма 1950-х гг. с сильным элементом научной фантастики, вдохновленного «школой Ефремова», до перевода фантастического элемента в служебную роль инструмента, фона для «несущих собственное содержание событий» [7, с. 480].

Кайтох одним из первых подошел к осмыслению романов и повестей Стругацких как произведений литературы, претендующих на приближение к подлинно высоким образцам словесности, вопреки доминирующему взгляду на фантастику как явление преимущественно развлекательное и «несерьезное». Подобным образом формулирует проблему и И. Хауэлл в работе «Апокалиптический реализм: научная фантастика Аркадия и Бориса Стругацких». Главной целью исследователя стало изучение механизмов и авторские стратегий кодировки глубоких философских и социополитических вопросов «в шаблонных структурах научно-фантастической, детективной и приключенческой литературы» [14, с. 15]. Хауэлл первой ставит две важнейшие литературоведческие проблемы, связанные с развитием изучения наследия Стругацких. Исследователь, в отличие от Кайтоха и Амусина, рассматривает творчество писателей в синхронии и уделяет внимание аспектам, предопределяющим поэтику «зрелых» повестей и романов. Это, во-первых, активная рецепция и переработка ими творческого и культурного наследия начала XX в. Произведения поздних Стругацких, полагает Хауэлл, складывались как «отклик на апокалиптическую литературу Серебряного века и утопическую литературу авангарда 1920-х годов», и парадигма научной фантастики использовалась писателями для активного творческого переосмысления «философского, религиозного и культурного наследия периода русского модернизма» [14, с. 25–27]. Доминирующие особенности художественного мира Стругацких, такие как образы «будущих» и «чужих» миров», берутся авторами не из «мира кибернетических высоких технологий и не из мира волшебных сказок», а из «метафизических систем раннехристианских ересей и космологического дуализма» и, как следствие, из русских модернистских движений начала XX века, которые включали в себя и активно переосмыслили их [14, с. 30].

Во-вторых, главным литературным приемом Стругацких является т.н. «префигурация сюжета». Устоявшийся в западном литературоведении термин трактуется Хауэлл как «мотив, который становится прообразом и тем самым прогнозирует множеством различных способов сюжет самостоятельного литературного произведения». Прообраз-префигуратор позволяет «дать символическое пояснение относительно ряда героев и событий, предлагает знакомую аналогию», позволяющую читателю лучше понять коллизию, описываемую в романе [14, с. 31–32]. Таким образом, Хауэлл в монографии прямо ставит вопрос о неомифологической природе творчества «зрелых» Стругацких, выделяя широкий пласт префигуративных мотивов. Это позволяет исследователю акцентировать внимание на глубине произведений писателей, открывающейся по мере раскрытия «структуры подтекстов» в весьма прямолинейном, на первый взгляд, популярном жанровом формате научной фантастики [14, с. 38].

В работе Хауэлл множество точных и глубоких наблюдений и сформулированы вопросы, которые, на наш взгляд, являются плодотворной почвой для дальнейшего изучения произведений Стругацких с точки зрения мифопоэтики. В отечественной науке за последние годы были изданы два исследования, непосредственно посвященные этому аспекту творчества Стругацких. В монографии Т. О. Надежкиной трилогия о Максиме Каммерере рассматривается как «триединый авторский миф», а композиционное построение каждой части трилогии изучается ею с помощью мифопоэтических бинарных оппозиций («индивид–социум», «настоящее–будущее», «свой–чужой» и пр.), детерминирующих все уровни произведения, что позволяет, по мнению исследователя, «определить концептуальные позиции писателей в разные периоды их творчества» и «проследить основные тенденции их изменения» [10, с. 183].

Мифопоэтический аспект произведений Стругацких становится предметом исследования и в монографии В. В. Милославской. Две последние части романа «Град обреченный», по мнению исследователя, выводят повествование на «новый уровень обобщения», универсалистский по своей сути, выходящий далеко за пределы жизнеописания отдельно взятого героя. Хронотоп самого Города, в свою очередь, может на основе отдельных отсылок в тексте трактоваться как пространство дантевского Ада, а такая особенность жизни в загадочном пространстве Эксперимента, как общение представителей разных национальностей на едином языке, однозначно отсылает к мифу о Вавилоне [9, с. 82–84]. Обращение к библейскому тексту как одной из главных моделей мифопоэтической организации повествования обосновывается автором с помощью соотнесения напастей, настигающих Город, с десятью египетскими казнями [9, с. 85].

Обе работы представляют собой значительный вклад в осмысление мифопоэтического потенциала творчества Аркадия и Бориса Стругацких. Тем не менее, их фокус внимания ограничен отдельными аспектами творчества писателей и не предполагает комплексного анализа всего корпуса их произведений. Монография Т. О. Надежкиной сосредоточена на исследовании мифопоэтической организации так называемой трилогии о Максиме Каммерере, включающей романы «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер». Работа В. В. Милославской, в свою очередь, затрагивает проблему мифопоэтики в творчестве Стругацких лишь в той мере, в которой это необходимо для включения их повестей и романов в контекст эстетических стратегий постмодернизма, где обращение к мифу играет важную, но не определяющую роль. Таким образом, вопрос о системном осмыслении мифопоэтического измерения всего творчества Стругацких все еще требует внимания.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Перспективным направлением исследований, как представляется, может стать изучение творческого наследия Стругацких в контексте магистральных тенденций развития русской литературы XX века, во многом продолжающих и развивающих эстетические искания модернистской литературы начала столетия. В этой связи может быть актуализирован вопрос о том, каким образом художественные поиски Стругацких, их авторская рефлексия и самоопределение повлияли на трансформацию канонических жанровых моделей и стилистических особенностей научной фантастики, что привело к формированию новых форм фантастической литературы в позднесоветский период. Такой подход, думается, позволит не только выявить специфику эволюции фантастического жанра в творчестве Стругацких, но и определить их место в

общелитературном процессе, раскрывая взаимосвязь их произведений с ключевыми тенденциями русской литературы XX в.

В основе наиболее значимых произведений Стругацких зрелого периода лежат, как нам представляется, инвариантные жанровые схемы, предложенные русской литературой начала XX в. Если в классических мифологических системах, в основе которых лежит оппозиция Хаос/Космос, победа неминуемо остается за силами космизации, то в XX в. ситуация меняется. Русский (преимущественно символистский) роман рубежа XIX–XX вв. поставил под сомнение, как отмечает В. В. Полонский, саму «правомочность и состоятельность “космических” сил, их способность к творчески плодотворной победе над “хаосом”» [11, с. 14]. Мифопоэтическим произведениям Стругацких как продолжающим магистральную для всего литературного процесса XX в. мифологизацию также свойственна тотальная релятивизация классической мифологической схемы и перемена мест в оппозиции «Хаос/Космос».

Речь о том, что, например, повесть «Улитка на склоне» строится на мифологической схеме противостояния двух начал: Леса и Управления. Управление, символизирующее бюрократическую косность, дискредитирует советский утопический проект (которому сами Стругацкие были привержены на раннем этапе творчества), претендуя на рационалистическое преобразование пространства: «Вырастут ослепительной красоты здания из прозрачных и полупрозрачных материалов, стадионы, бассейны, воздушные парки <...> Автомобили, глайдеры, дирижабли...» [13, с. 91]). Однако попытки «космизации» хаотического Леса Управлением ввиду тотальной беспомощности и бессилия «космических сил» вырождаются в кафкианскую абсурдность: «Ни единого дня без Директивы, и все будет в порядке» [13, с. 182]. Лес, напротив, трактуется как хаотическое начало, связанное с мистицизмом и «женской» стихией, символизирующей русский народ [14, с. 160]. Загадочные «Одержание», «Разрыхление почвы», «Заболачивание», предпринимаемые Лесом под руководством таинственных женщин представлены в повести как Прогресс, не безукоризненный с этической точки зрения. Кандид отказывается признавать «космизирующий» потенциал Леса и в финале повести восстает против него, занимая сторону угнетенных жителей: «Закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали. Но я-то не вне морали! <...> я не могу, когда людей считают животными <...> Идеалы... Великие идеи... Естественные законы природы... И ради этого уничтожается половина населения! Нет, это не для меня» [13, с. 191]. Стругацкие переосмысливают классические мифопоэтические схемы, что характерно и для прозы русского модернизма рубежа веков: Управление, претендующее на «космизацию», терпит крах, а Лес, воплощающий хаос, стремится к установлению собственного порядка. Однако герой, находясь «вне мифа», отвергает обе силы, подчеркивая релятивизацию космического и хаотического начал и их известную однородность. Это позволяет авторам художественно оформить распад и деструкцию картины мира, заставляя «мифопоэтический организм работать в обратном порядке – художественно оформлять распад, хаотизацию, деструкцию картины мира» [11, с. 19].

Еще одним значимым аспектом творчества Стругацких, представляющим интерес для анализа в обозначенном нами аспекте, является их склонность к циклизации, созданию многослойных, композиционно выверенных циклов произведений. Эта тенденция также восходит к художественным поискам рубежа XIX–XX вв., особенно характерным для поэзии. В прозе аналогичные тенденции также получили развитие, что ярко проявилось, например, в историсофской романистике Д. С. Мережковского, чьи

произведения демонстрируют «редкую цельность, единство инвариантной структуры» и тенденцию «к сверхциклизации» [11, с. 55]. У Стругацких циклизация, конечно, приобретает принципиальное иное значение, выступая одним из ключевых структурных и содержательных принципов организации их художественного мира. Цикл-трилогия о Максиме Каммерере объединяется не только общим героем, но и устойчивой философско-социальной проблематикой, связанной с темой Прогрессорства. Однако осмысление этой проблематики претерпевает значительную эволюцию на протяжении трилогии, что отражает изменение авторской позиции в отношении этики и целесообразности вмешательства в историческое развитие. Если в романе «Обитаемый остров» Прогрессором выступает землянин Максим Каммерер, который, руководствуясь гуманистическими идеалами, помогает отстающему обществу противостоять тоталитарному государству и выступает в роли носителя прогресса, то в следующей части трилогии «Жук в муравейнике» акцент смещается на этические противоречия Прогрессорства, где само право на вмешательство в судьбы других цивилизаций ставится под сомнение. В заключительной части трилогии, «Волны гасят ветер», ситуация инвертируется: земляне сами оказываются объектом экспериментов со стороны более развитых люденгов.

Сопоставление цикла о Максиме Каммерере с более ранним циклом произведений о «Мире Полудня», в котором Стругацкие создают масштабную утопическую модель будущего (хотя и не лишенную внутренних конфликтов), позволяет выявить не только преемственность их творчества по отношению к художественным традициям литературы рубежа XIX–XX веков, но и проследить динамику эволюции и трансформации утопического сознания в советской культуре. Анализ инвариантных структур, лежащих в основе этих циклов, демонстрирует, как Стругацкие переосмысливают утопические идеалы, постепенно переходя от их утверждения к критическому осмыслению и деконструкции, что отражает общую тенденцию усложнения философской и этической проблематики в их творчестве.

Новейшие работы о творчестве писателей свидетельствуют о плодотворном развитии намеченной в исследовании Хауэлл линии поиска генезиса представлений Стругацких в культуре Серебряного века. Повесть «За миллиард лет до конца света», пронизанная эсхатологическими мотивами Страшного суда и конца света как неминуемого итога судьбы человечества, оказывающего влияние на героев уже здесь и сейчас, рассматривается исследователями в том числе в свете идей Н. Федорова, чьи представления о роли науки, способной преодолеть смерть, находят выражение в образе ученого Вечеровского — единственного, кто осмелился подняться на борьбу с иррациональной силой Гомеостатического Мироздания [1, с. 301].

Исследование мифопоэтики Стругацких 1960–1980-х годов, как нам представляется, выявляет двойную преемственность по отношению к культуре рубежа XIX – XX веков: идейную (актуализация эсхатологических чаяний в предчувствии скорого конца устоявшегося макрокосма) и художественную (развитие мифотворческих стратегий, циклизация произведений). Писатели органично продолжают художественные искания Серебряного века, которые служат у них инструментом для актуализации апокалиптического кода русской литературы. В условиях позднесоветской культуры подобное мифотворчество трансформируется в оригинальную художественную систему, где традиционные эсхатологические мотивы переосмысливаются как пророчество о конце «советского космоса».

Особенно плодотворным может быть анализ апокалиптических предчувствий Стругацких в контексте литературно-культурных процессов современной им эпохи. Распространение апокалипсических мотивов в позднесоветской литературе, в частности в рамках традиционалистской «деревенской прозы», уже становилось предметом литературоведческого осмысления [8; 15]. Пафос катастрофизма, художественное осмысление неизбежного распада социокультурного единства побуждает «деревенщиков» активно обращаться к мифопоэтическому арсеналу – христианским аллюзиям и символам, народным, языческим мифам. Заметное присутствие апокалипсического пафоса характерно и для поздних произведений Чингиза Айтматова 1980–1990-х гг. Мифопоэтическая организация романа «Плаха», композиционно построенного как противостояние двух смысловых полюсов «космоса» и «хаоса», также призвано выразить ощущение «конца эпохи» — всеобъемлющего и неотвратимого» [4, с. 89]. Эсхатологические ожидания Айтматова в уже постсоветском романе «Тавро Кассандры» выражаются с помощью обращения к архетипической эсхатологической мифологии, в которой «земле суждено погибнуть от вод океана» [5, с. 112].

Сближение художественных миров Стругацких и Айтматова в поздний период их творчества проявляется не только в общности эсхатологических мотивов, но и в сходстве поэтических средств в произведениях позднего периода. Библейские сюжеты и символы выполняют в их произведениях двойную функцию: становится структурной основой повествования и средством философского осмысления современности [12]. Обратим внимание и на прямой параллелизм образов, такой, как рационально необъяснимый феномен самоубийства китов в поздней повести Стругацких «Волны гасят ветер» и постсоветском романе Айтматова «Тавро Кассандры». Этот образ раскрывается как сложный символический конструкт, который можно истолковать и как предчувствие грядущих экологических катастроф (что особенно характерно русской советской «деревенской прозе»), и как символ глобального цивилизационного кризиса, как «реакция мирового разума на земные события» [2, с. 53], знаковое выражение вселенского дисбаланса, вызванного человеческой деятельностью. Стругацкие, в свою очередь, акцентируют иррациональную природу явления: «Пастухи утверждают, что китов гонит на гибель слепой ужас» [13, с. 594]. В обоих случаях массовая гибель морских гигантов становится символом катастрофического нарушения природного порядка и может прочитываться как воплощение цивилизационного тупика. Подобный параллелизм свидетельствует не только об общности мифопоэтических исканий двух авторов, но и о характерной для позднесоветской литературы тенденции к осмыслению социальных процессов через универсальные природные архетипы, где экологическая катастрофа становится проекцией кризиса всей антропоцентрической модели развития.

ВЫВОДЫ

Л. Геллер писал, что «нет, пожалуй, ни одной серьезной попытки связать НФ [научную фантастику. — *Н. О.*] с ее литературным контекстом» [6, с. 6]. Исследователь решает эту проблему, последовательно интегрируя советскую научную фантастику, включая творчество Стругацких, в контекст «литературы “главного потока”» [Там же]. Однако вопрос о соотношении позднего периода творчества Стругацких, который характеризуется отходом от «научной» фантастики в сторону фантастики «реалистической», усилением мифопоэтического начала и нарастанием апокалиптического пафоса, с современными им течениями позднесоветской литературы, на наш взгляд, остается недостаточно изученным. Поздние произведения Стругацких,

такие как «Град обреченный» или «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя», демонстрируют явный сдвиг в сторону философско-мифологического осмысления действительности. Стругацкие не столько обращаются к архаическим мифологическим структурам, сколько создают новые мифы, отражающие кризисные явления позднесоветской эпохи. Это позволяет говорить об их творчестве как о своеобразном мосте между научной фантастикой с ее особым неомифологизмом и «главным потоком» литературы, где апокалиптические ожидания становятся универсальным языком для описания распада социальных и культурных устоев. Выявление линий пересечения между поздним творчеством Стругацких и ключевыми тенденциями позднесоветской литературы позволит не только углубить понимание их наследия, но и расширить представления о литературном процессе эпохи в целом.

Список литературы

1. *Абрамова О. Г., Сухоцкая И. В.* Эсхатологические мотивы в повести А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света» // Проблемы исторической поэтики. – 2024. – Т. 22. – № 3. – С. 286–308.
2. *Айтматов Ч. Т.* Тавро Кассандры. Пегий пес, бегущий краем моря. – М.: АСТ, 2010. – 380 с.
3. *Амусин М. Ф.* Далеко ли до будущего? // Нева. – 1988. – № 2. – С. 153–160.
4. *Васильева-Шальнева Т. Б.* «Апокалипсическая диалогия» Ч. Айтматова (романы «Плаха» и «Тавро Кассандры») // Филология и культура. – 2013. – № 2 (32). – С. 89–93.
5. *Гайнутдинова Г. Ф., Нуркеева Б. А.* Мифопоэтика романа Ч. Айтматова «Тавро Кассандры» (архетипические образы природных стихий) // Язык и культура. – 2015. – № 16. – С. 111–116.
6. *Геллер Л.* Вселенная за пределом догмы. Размышления о советской фантастике. – London: Overseas Publication Interchange, 1985. – 446 с.
7. *Кайтох В.* Братья Стругацкие // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 12, дополнительный. – Донецк: Сталкер, 2003. – С. 409–670.
8. *Ковтун Н. В.* Деревенская проза в зеркале утопии. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – 494 с.
9. *Милославская В. В.* Творчество А. и Б. Стругацких в контексте эстетических стратегий постмодернизма. – Ставрополь: Издательство СКФУ, 2014. – 158 с.
10. *Надежкина Т. О.* Три мифа Стругацких. – Владивосток: Морской государственный университет, 2010. – 197 с.
11. *Полонский В. В.* Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX–начала XX века. – М.: Наука, 2008. – 285 с.
12. *Рыбальченко Т. Л.* Осмысление современности и истории человечества в романах конца советского времени («Плаха» Ч. Айтматова и «Отягощенные злом» А. и Б. Стругацких) // Филология и человек. – 2020. – № 3. – С. 142–151.
13. *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Волны гасят ветер: Повести. – Л.: Советский писатель, 1990. – 656 с.
14. *Хауэлл И.* Апокалиптический реализм: научная фантастика Аркадия и Бориса Стругацких. – СПб: БиблиоРосика, 2021. – 192 с.
15. *Цветова Н. С.* Эсхатологическая топика в русской традиционной прозе второй половины XX – начала XXI вв.: автореферат дисс. ... докт. филол. наук: 10.01.01. – Архангельск, 2011. 47 с.
16. *Kajtoch W.* Bracia Stugaccy. – Krakow: Universitas, 1993. – 230 p.

References

1. *Abramova O. G., Sukhotskaia I. V.* *Eskhatologicheskie motivy v povesti A. i B. Strugatskikh «Za milliard let do kontsa sveta»* [Eschatological motifs in the story by A. and B. Strugatsky. Strugatsky's "One Billion Years Before the End of the World"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2024, vol. 22, no 3, pp. 286–308.
2. *Ajtmatov Ch. T.* *Tavro Kassandry. Pegij pes, begushchij kraem morya.* ['Tavro Cassandra'. 'Piebald Dog Running Along the Shore']. Moscow, AST Publ., 2010. 380 p.
3. *Amusin M. F.* *Daleko li do budushchego?* [How far into the future?]. *Neva*, 1988, no 2, pp. 153–160.

4. Vasil'eva-Shal'neva T. B. «Apokalipsicheskaia dilogiia» Ch. Aitmatova (romany «Plakha» i «Tavro Kassandry») [“Apocalyptic Dilogy” by Ch. Aitmatov (novels ‘The Place of the Skull’ and ‘Tavro Cassandra’)]. *Filologiya i kul'tura*, 2013, no 2(32), pp. 89–93.
5. Gainutdinova G. F., Nurkeeva B. A. *Mifopoetika romana Ch. Aitmatova «Tavro Kassandry» (arkhetipicheskie obrazy prirodnkh stikhii)* [Mythopoetics of Ch. Aitmatov's novel “Tavro Cassandra” (archetypal images of natural elements)]. *Yazyk i kul'tura*, 2015, no 16, pp. 111–116.
6. Geller L. *Vselennaia za predelom dogmy. Razmyshleniia o sovetskoi fantastike* [The Universe Beyond Dogma. Reflections on Soviet science fiction]. London, Overseas Publication Interchange, 1985. 446 p.
7. Kaitokh V. *Brat'ia Strugatskie* [Strugatsky brothers], *Strugatskii A.N., Strugatskii B.N. Sobranie sochineni. V 11 t. T. 12, dopolnitel'nyi*. Donetsk: Stalker, 2003, pp. 409–670.
8. Kovtun N. V. *Derevenskaia proza v zerkale utopii* [Village prose in the mirror of utopia]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2009. 494 p.
9. Miloslavskaja V. V. *Tvorchestvo A. i B. Strugatskikh v kontekste esteticheskikh strategii postmodernizma* [Strugatsky in the context of aesthetic strategies of postmodernism]. Stavropol', SKFU Publ., 2014. 158 p.
10. Nadezhkina T. O. *Tri mifa Strugatskikh* [Three myths of Strugatsky brothers]. Vladivostok, Marine State University Publ., 2010. 197 p.
11. Polonski V. V. *Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoj literature konca XIX–nachala XX veka* [Mythopoetics and the dynamics of genre in Russian literature of the late XIX–early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 285 p.
12. Rybal'chenko T. L. *Osmyslenie sovremennosti i istorii chelovechestva v romanah konca sovetskogo vremeni («Plaha» CH. Ajtmatova i «Otyagoshchennye zlom» A. i B. Strugackih)* [Comprehension of modernity and human history in the novels of the late Soviet period (“Plakha” by Ch. Aitmatov and “Burdened with Evil” by A. and B. Strugatski)]. *Filologiya i chelovek*, 2020, no 3, pp. 142–151.
13. Strugacki A. N., Strugacki B. N. *Volny gasyat veter: Povesti*. [The Time Wanderers. Tales.] Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 656 p.
14. Howell I. *Apokalipticheskii realizm: nauchnaia fantastika Arkadiia i Borisa Strugatskikh* [Apocalyptic Realism: The Science Fiction of Arkady and Boris Strugatsky]. Saint-Petersburg, BiblioRossika, 2021. 192 p.
15. Tsvetova N. S. *Eskhatologicheskaya topika v russkoj tradicionnoj proze vtoroj poloviny 20th – nachala 21st vv: Avtoref diss. ... dokt. filol. nauk* [Eschatological topics in Russian traditional prose of the second half of the 20th – early 21st centuries. Abstract of thesis]. Arkhangelsk, 2011. 47 p.
16. Kajtoch W. *Bracia Stugacscy*. Krakow, Universitas, 1993. 230 p.

ARKADY AND BORIS STRUGATSKY'S MYTHOPOETICS AS A PHENOMENON OF LATE SOVIET LITERATURE OF THE 1970S-1980S: GENESIS AND CONTEXT

Okutin N. Y.

The article attempts to conceptualize the mythopoetics of Arkady and Boris Strugatsky's work as a key phenomenon of late Soviet literature of the 1970s-1980s. On the basis of the analysis of the existing literary-critical and scientific reception of their works with an emphasis on the works revealing mythopoetic aspects of the writers' prose, the conclusion about the expediency of such a statement of the problem is made. The genetic connection of the artistic features of Strugatsky's works with the traditions of the Silver Age, as well as with the reception of philosophical ideas of the turn of the XIX–XX centuries is demonstrated. The hypothesis is put forward that Strugatsky's works are similar to other phenomena of late Soviet literature (such as “village prose” and works by Ch. Aitmatov) due to the apocalyptic pathos, which causes the use of similar means of artistic expression: biblical images and plots, natural symbolism.

Keywords: Strugatsky, mythopoetics, Silver Age, apocalyptic pathos, cyclization, eschatology, biblical symbolism.

УДК 82-94

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-109-128

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ VIII. «МОНТАНЬЯР...» VS «АНЖ ПИТУ»**

Орехов В. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Роман барона де Базанкура «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год» (1850–1851) стал одним из первых масштабных художественных обращений к событиям Великой французской революции. Текст создавался в условиях политической борьбы и преследовал идеологические цели. Между тем автору приходилось черпать материал из сочинений историков, выводы которых противоречили идеологическим установкам самого Базанкура. В статье анализируются использованные Базанкуром приемы интерпретации исторических фактов в соответствии с заданным в романе идеологическим вектором. Творческие решения в романе Базанкура рассматриваются в сопоставлении с обновленной художественной тактикой А. Дюма, реализованной в романе «Анж Питу», также повествующем о Великой французской революции и созданном одновременно с «Монтаньяром...» Базанкура.

Ключевые слова: Барон де Базанкур, Монтаньяр, А. Дюма, Великая французская революция, 1793, Анж Питу.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях политической борьбы, развернувшейся во Франции после революции 1848 г., барон де Базанкур сотрудничал с монархической газетой «L'Assemblée nationale» и, что называется, поставил свое перо на службу политической целесообразности. Используя опыт создания авантюрно-исторических романов, писатель опубликовал в этой газете объемный двухчастный роман-фельетон «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год» (1850–1851).

Первая часть романа посвящена эпохе Великой французской революции и не оставляет сомнений, что создавалась с целью демонизации Второй республики и республиканской идеи в целом: описывая террор 1793 г., автор проводил мысль, что Великая революция была навязана стране горсткой корыстных мятежников, и таким образом подсказывал читателю негативную историческую параллель для оценки революции 1848 г. и Второй республики [6, с. 117].

Хотя барон де Базанкур был одним из первых романистов, взявшихся за создание объемного сочинения о событиях Великой французской революции, что, казалось бы, открывало перед ним исключительную свободу исторических интерпретаций, это не вполне так. Во Франции уже сложилась определенная традиция в осмыслении Великой революции. Прежде всего, следует учитывать исторические труды А. Тьера, Ф.-О. Минье, Ж. Мишле, А. де Ламартина, Л. Блана, имевшие широкую известность и демонстрировавшие закономерность и неизбежность революции, вызванной пороками обветшавшей монархии. Кроме того, в художественной литературе уже появились «Шуаны» (1829) О. де Бальзака, «Мопра» (1837) Жорж Санд, «Шевалье де Мезон-Руж» (1845–1846), «Джузеппе Бальзамо» (1846–1848), «Ожерелье королевы» (1848–1850) А. Дюма, которые, пусть не воссоздавали панораму революционных событий, все же касались их стороной и вели к тем же выводам, что и труды историков: революция –

результат несостоятельности феодализма и монархии. То есть традиция в оценках Великой французской революции противоречила идеологическим целям Базанкура, и перед ним возникала нетривиальная задача – черпать фактический материал для романа из сочинений историков, но интерпретировать этот материал противоположным образом, нежели предшественники. Для нас чрезвычайно важно понять, какую тактику при этом избрал барон де Базанкур, поскольку тогда мы сможем судить об отношении к историческому факту романиста-Базанкура, а это, в свою очередь, позволит косвенно судить о принципах Базанкура-историка, в частности, как историка Крымской войны.

Цель статьи – выявить приемы интерпретации исторических фактов в соответствии с заданным идеологическим вектором в первой части романа барона де Базанкура «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год».

Рассмотрение заявленного вопроса приобретает драматизм, если творческие решения Базанкура рассматривать в сопоставлении с обновленной художественной тактикой А. Дюма. В декабре 1850 г., всего через три месяца после того, как завершилась публикация первой части базанкуровского «Монтаньяра...», А. Дюма начал печатать в «La Presse» роман «Анж Питу», повествующий о событиях 1789 г., то есть о начале Великой революции. Формально «Анж Питу» продолжал цикл «Записки врача», уже включавший в себя романы «Джузеппе Бальзамо» и «Ожерелье королевы», но фактически настолько отличался от них, что о его принадлежности к циклу можно было догадаться лишь по некоторым уже знакомым читателю персонажам.

И для Базанкура, и для Дюма обновление художественной манеры стало результатом изменившегося читательского запроса: прежние сюжетные «фигуры» авантюрно-исторических романов – манипулирование историческими данными, мелодраматизм, описание интриг и тайн – больше не привлекали публику; читатель ждал от исторического повествования подсказок для осмысления бурливой политической современности. Именно поэтому и Базанкур, и Дюма, по сути, «синхронно» обратились к эпохе Великой французской революции и оба стали модернизировать свои принципы художественного историзма; оба, но – по-разному, и эта разность показательна.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

«Анж Питу»: новый герой и обновленный историзм

Поскольку о первой части «Монтаньяра...» мы уже говорили подробно в предыдущей статье [6], обратимся сначала к сочинению А. Дюма. Что отличало «Анжа Питу» от прежних романов из цикла «Записки врача»? Начнем с того, что главным героем выведен крестьянин, что для Дюма нехарактерно [5]. Но главное, что изменились и уровень осмысления истории, и стилистика, и в целом художественные акценты. Действие романа начинается в провинции, на севере Франции, в городке Виллер-Котре, где живет главный герой, семнадцатилетний Анж Питу.

Напомним, что и «Монтаньяр...» Базанкура начинается с колоритной зарисовки провинции [6, с. 103], но затем сюжет буквально рвется с места в галоп: мы видим главного героя, молодого южанина с характерной внешностью, скачущим верхом по равнине Прованса – все, как обычно бывает в зачинах приключенческих романов.

Дюма и сам неоднократно начинал романы в таком духе; точно так начинаются, скажем, «Три мушкетера», но – не «Анж Питу». Здесь повествование открывается колоритными и с явной заботой выписанными сценами из жизни городка Виллер-Котре, что составляет довольно значительный объем текста. В этих описаниях проглядывает лиризм, объясняющийся отчасти тем, что Дюма родился и вырос здесь же – в Виллер-Котре; так что начало романа «Анж Питу» во многом основано на детских и юношеских

воспоминаниях автора [25, р. 115]. В этом легко убедиться, если прочесть первые главы «Мемуаров» Дюма, которые он начнет печатать в «La Press» через год, в декабре 1851 г.

Сюжет поначалу развивается с несвойственной для Дюма неторопливостью. Романист явно стремится увлечь читательское внимание не масштабом событий, а характерными приметами провинциальной психологии, которые передаются с доброй иронией и требуют обрисовки целой галереи персонажей. Отказываясь от романтизированных стилистических клише [3, с. 35], Дюма помогает аудитории прочно «вжиться» в атмосферу провинциальной жизни эпохи начала революции (завязка событий относится к июлю 1789 г.).

Еще одно значительное новшество для Дюма – образ главного героя. Во-первых, как было сказано, он простолюдин; во-вторых, его портрет и характер далеки от привычных «приключенческих параметров». Анж Питу (в отличие от базанкуровского Жоржа Монтаньяра и прежних героев самого Дюма) имеет неуклюжую внешность, по-деревенски простоват, искренне добродушен и лишен каких-либо исключительных амбиций. Между тем авторская симпатия принадлежит именно Анжу Питу, и дело не только в том, что он «земляк» романиста, но и в «социальной идентичности»: как известно, Дюма всегда акцентировал внимание на своей принадлежности к среднему сословию. Потому объяснимо, что в образе Жилибера (из «Джузеппе Бальзамо»), который вынужден пробивать себе дорогу трудолюбием и талантами, можно заметить автобиографические черты автора [41, р. 53]; ему ближе крестьянин Анж Питу, защищающий права человека, нежели аристократы, охраняющие «старый порядок».

Обратившись к жизни провинции, Дюма обретает возможность проследить истоки революционных настроений в третьем сословии. Как помним, в «Монтаньяре...» барона де Базанкура санкюлоты – это подонки общества, не способные жить трудом и воспринимающие революцию как повод для грабежа. Для Дюма, напротив, – это люди труда, постепенно осознающие свое право на справедливость. Он не идеализирует третье сословие. В романе много беззлобной иронии, когда изображаются наивные представления простолюдинов о задачах революции, о принципах справедливости, когда показывается столкновение этих наивных республиканских воззрений с принципами роялизма (как, например, в сцене спора между Анжем Питу и его бывшим учителем аббатом Фортье [1, т. 21, с. 508–521]).

Если барон де Базанкур показывал революцию глазами аристократа, то Дюма – глазами представителей третьего сословия, и с этой позиции протест против власти выглядел не просто справедливым, но и неизбежным. Барон де Базанкур избрал для изображения период террора, компрометирующего революцию; Дюма – период начальных этапов восстания, и благородные начальные побуждения борьбы позволяли писателю объяснить и реабилитировать революцию.

В какой-то момент, как это было и в «Монтаньяре...» Базанкура, действие романа «Анж Питу» переносится из провинции в кипящий Париж. Главный герой и его земляк-фермер папаша Бийо вовлечены в набирающее силу восстание. И тут мы отмечаем обновившееся отношение Дюма к историческому факту. В прежних романах цикла исторические факты служили интересам авантюрной интриги, а потому подгонялись под заданную автором хронологию и логику. Теперь же, напротив, в глаза бросается принципиальное стремление романиста следовать реальной хронологии событий: «уже и речи не может быть о нестыковках в датах» [5]. Вымышленные персонажи теперь нужны автору лишь для того, чтобы позволить читателю поприусловствовать вместе с тем или иным героем то при дворе в Версале, то на парижских улицах, то при взятии Бастилии.

Исторические события описываются так, как они освещены в исторических исследованиях и документах. Роман потребовал глубокого знакомства с историческими источниками и строгого следования им. Стив Сойер не без основания полагает, что наибольшее влияние на роман Дюма оказала «История французской революции» Мишле [40, р. 83]. Сам Дюма позднее, в 1862 г., в незавершенном романе «Волонтер девяносто второго года» делился, что изучал революционные события по сочинениям целого ряда историков и мемуаристов: «это аббат Жоржель, Лакретель, Тьер, Мишле, Луи Блан, г-жа Кампан, Вебер, Леонар, Бертран де Мольвиль, де Буйе, де Шуазель, де Валори, де Мустье, де Гогела» [1, т. 24, с. 375]. Так или иначе, но подчинение романного повествования диктату исторического документа должно было представлять для писателя две трудности принципиального характера.

Во-первых, любовная интрига и авантюрный сюжет в таких условиях отодвигались на второй план, что могло бы угрожать увлекательности повествования. Однако реальные исторические события позволили автору создать столь напряженные и яркие картины, что они легко затмевали любую выдуманную историю.

Во-вторых, обращаясь к ключевым событиям революции, Дюма волей-неволей приходилось пересказывать многие эпизоды, уже известные читателям по историческим трудам, о которых мы говорили прежде [6, с. 106–112]. Причем некоторые такие эпизоды уже самими историками были пересказаны не единожды. Чтобы роман не превращался в пересказ общеизвестного, следовало подвергнуть исторический материал художественной обработке, но так, чтобы это не нарушало историческую достоверность.

Чтобы продемонстрировать, как Дюма справляется с этой задачей, обратимся к одному символическому эпизоду.

Как известно, 12 июля 1789 г. парижане, возмущенные отставкой министра Жака Неккера, массово вышли на улицы, что послужит началом восстанию. Парижанам противостояли заранее стянутые в столицу многочисленные наемные войска – швейцарцы и немцы. Возможность применения иностранной силы еще более возмутило толпу. Спусковым крючком послужило обращение к толпе Камиля Демулена, призвавшего к оружию и предложившего использовать в качестве кокарды для восставших древесный листок.

Процитируем описание этого момента в наиболее известных исторических сочинениях, которые могли быть знакомы читателям Дюма.

«История французской революции» (1823) А. Тьера:

«По Парижу пронесся слух, что Неккер отставлен <...>. Тревога распространяется по всему Парижу. Идут к Пале-Роялю. Молодой человек, с тех пор получивший известность как вдохновенный республиканец, рожденный с нежной, но кипучей душой, Камиль Демулен, взбирается на стол, показывает пистолеты, призывает к оружию, срывает древесный листок, из которого делает кокарду, и предлагает всем следовать его примеру. Деревья тут же обнажаются <...>» [43, т. 1, р. 95].

«История французской революции» (1824) Ф.-О. Минье:

«<...> В мгновение ока город оказался охвачен величайшим смятением; люди собирались повсюду <...>, – готовые на все, но не знающие, что предпринять. Молодой человек, отважнее других, один из обычных трибунов толпы, Камиль Демулен, взбирается на стол с пистолетом в руке и восклицает: “Граждане, нельзя терять ни минуты; смещение г-на Неккера – это набат Святого Варфоломея для патриотов! В этот самый вечер швейцарские и немецкие

батальоны покинут Марсово поле, чтобы перебить нас! У нас один выход – взяться за оружие”. Его одобряют овациями. Он предлагает надеть кокарды, чтобы узнавать друг друга и защищаться. “Хотите ли, – говорит он, – зеленый, цвет надежды, или красный, цвет свободного ордена Цинцинната?” “Зеленый, зеленый”, – отвечает толпа. Оратор спускается со стола, цепляет к шляпе лист дерева, все ему подражают, каштаны во дворце почти лишаются листьев <...>» [34, p. 61–62].

«История французской революции» (1847) Ж. Мишле:

«Молодой человек, Камиль Демулен, выходит из кафе “Фуа”, запрыгивает на стол, выхватывает шпагу, показывает пистолет: “К оружию! Этим вечером немцы с Марсова поля войдут в Париж, чтобы перебить жителей! Нам нужно носить кокарду!” Он срывает с дерева листок и прикрепляет его к своей шляпе; все поступают также; деревья обнажаются» [33, t. 1, p. 91].

«История французской революции» (1847) Л. Блана:

«Тогда из кафе “Фуа” выходит молодой человек, взбирается на стул и, держа в одной руке пистолет, а в другой шпагу, взывает: “К оружию!” Затем, сорвав с дерева листок, он делает себе кокарду. В мгновение ока деревья обнажаются. Все спешат. Юный трибун вошел в историю под именем Камилля Демулена; для большинства из тех, кто в смятении последовал за ним, он все еще был всего лишь отважным незнакомцем» [18, t. 2, p. 346].

Заметно, что каждый последующий историк стремится модифицировать рассказ об этом эпизоде, сохранив ключевые символические детали: имя народного трибуна, призыв «К оружию!», кокарды из древесных листьев, обнажившиеся деревья как показатель массовости событий. И с каждым новым обращением к эпизоду возможность модифицировать его, не прибегая при этом к «додумыванию», все уменьшается.

Дюма, как и его предшественники-историки, не мог обойти вниманием этот знаменательный момент народного волнения. Он включает его в роман и перерабатывает.

Прежде всего, он вводит элемент загадки. Перед читателем предстает не единое собрание возмущенного народа, а две процессии, встретившиеся на подступах к Пале-Роялю. Одна процессия украшена зелеными кокардами, другая – задается вопросом, что означают эти кокарды и не являются ли они отличительным знаком врагов. А далее Дюма повествует, как разрешается «загадка»:

«Через мгновение все разъяснилось.

Узнав об отставке Неккера, некий юноша вышел из кафе Фуа, взобрался на стол и, размахивая пистолетом, закричал: “К оружию!”

На этот крик к нему сбежались все, кто прогуливался в Пале-Рояле, и в свой черед стали призывать к оружию» [1, т. 21, с. 96].

Романисту оставалось еще, как минимум, упомянуть о происхождении зеленой кокарды и массовости ее использования. Если бы он сделал это сразу после упоминания о призыве к оружию, то пассаж почти не отличался бы от цитированных нами исторических текстов. Чтобы избежать этого, Дюма далее вводит фрагмент, где «реконструирует» содержание речи, обращенной Демуленом к народу. Видимо, отталкиваясь от текста Минье, романист включает сюда информацию об иностранных войсках, расположившихся в Париже, и утверждает, что Демулен озвучил названия этих полков и имена командиров-чужеземцев, что «оскорбляло слух французов» [1, т. 21, с. 96] и укрепляло волю к сопротивлению.

Поскольку Дюма задался целью детально описать события этого и следующих дней восстания, ему так или иначе пришлось бы сообщать читателю и о наемнических войсках, и об их иностранном происхождении, и о возмущении парижан использованием иностранной силы. Однако, вмонтировав эту информацию в «речь» Демулена, романист смог, не нарушая исторической достоверности, «разбавить» клишированный пассаж. И уже после этого он вернулся к истории с кокардой, предложенной Демуленом:

«Он предложил французам ввести новую кокарду, отличающуюся от вражеской, сорвал с каштана листок и прикрепил его к своей шляпе.

Тут же все присутствующие последовали его примеру. В десять минут три тысячи человек оборвали листья со всех деревьев Пале-Рояля.

Утром никто еще не знал имени этого юноши; вечером оно уже было у всех на устах» [1, т. 21, с. 96–97].

Здесь почти все как в исторических текстах. За исключением двух уточнений: указано количество слушателей Демулена – 3 тыс. человек и время, за которое оказались оборваны листья с деревьев – 10 минут. И то, и другое – условность, поскольку точное количество слушателей Демулена не имеет значения и не поддается подсчету; для понимания исторической логики важно лишь то, что это был массовый слушатель. Еще меньшую важность представляет точное время, потраченное на обрывание листьев для кокард. Эти уточнения нужны автору, чтобы формально приблизить свой рассказ к требованиям документальной точности; получалось, что романист сообщает даже более детальную информацию, нежели историки.

Однако для Дюма было важно еще и сообщить читателю, почему восставшие выбрали именно зеленый цвет кокарды, цвет надежды. Если бы романист включил эту информацию в пассаж о Демулене, то текст смотрелся бы как повтор соответствующего фрагмента из «Истории...» Минье. Поэтому Дюма «отрывает» это объяснение на полсотни страниц от рассмотренного нами эпизода и включает его в полилог «фоновых» персонажей:

«<...> Купеческий старшина подошел к окну.

– Друзья мои, – спросил он, – отчего у вас на шляпах зеленая кокарда?

Он говорил о листьях каштана – кокарде, предложенной Камиллом Демуленом, которую многие нацепили, беря пример с соседей, но не понимая, зачем они это делают.

– Зеленый цвет – цвет надежды! Цвет надежды! – слышалось несколько голосов» [1, т. 21, с. 140].

Прием, использованный Дюма для переработки эпизода о Демулене, В. Б. Шкловский называл «остранением». Это попытка автора изменить «маршрут» читательского восприятия к знакомой информации, описать вещь «как в первый раз виденную», «не изменяя сущности» [11, с. 14]. В «Анже Питу» такое отношение к историческому материалу превратилось для писателя в принципиальную установку: описать факты по-новому, не покушаясь на их достоверность.

Если учитывать историософскую и политическую позицию Дюма, то у него и не было мотивации искажать события. Исторические труды и документы содержали факты, подтверждающие мысли самого писателя, его собственную концепцию революции.

Концепция эта, как и в прежних романах серии, заключалась в том, что причиной революции стал окончательный отрыв монархии от интересов нации. В то время как высокомерная супруга Людовика XVI обходилась казне дороже, чем фаворитки его

предшественника [1, т. 21, с. 120], народ стремительно нищал, а сословия оказались разделены, «как три отдельные нации» [1, т. 21, с. 125]. Даже после падения Бастилии монархия не осознала необходимости учитывать интересы нации: «В Версале двор самоотверженно боролся с народом. В Париже народ рыцарски сражался с двором. <...> Пока в Версале пили допьяна, в Париже, увы, и ели-то впроголодь. На версальских столах было слишком много вина. У парижских булочников было слишком мало муки» [1, т. 21, с. 125].

Дюма с сочувствием описывает многих защитников «старого порядка». Так, комендант павшей Бастилии де Лонэ изображен человеком безусловно храбрым и преданным короне, что не может не вызывать уважения. Стихийное буйство бунтующей толпы романист показывает без смягчений. Один из главных героев, участник восстания фермер Бийо, разочаровывается в происходящем, когда толпа убивает королевского телохранителя барона Жоржа де Шарни, которого Бийо помнил еще мальчиком, ездившим «по поручению матушки по деревням, чтобы раздать хлеб беднякам» [1, т. 21, с. 451]. Дюма, однако, не готов отождествлять революцию с уличными бесчинствами. Его позицию, кажется, исчерпывающе выражает другой персонаж, Жилибер: «Те, кто взял Бастилию, – герои; те, кто убил <...> господина де Лонэ, – преступники» [1, т. 21, с. 291]. При этом ответственность за кровопролитие лежит на монархии, поскольку «революция была дочерью изнасилованной нации» [1, т. 21, с. 127].

Словом, роман Дюма настраивал аудиторию на добросовестное следование исторической правде, а историческая правда оказывалась на стороне революции.

Повествование в романе доведено до октября 1789 г. Анж Питу возвращается в провинцию и организывает отряд национальной гвардии в Виллер-Котре. Все говорит о том, что дальнейшие действия будут развиваться здесь, но роман вдруг обрывается почти на полуслове. Причины этой «недосказанности» значимы, и мы обязательно объясним их чуть позже. А пока нам стоит продолжить сопоставление интересующих нас романов и проанализировать, как перерабатывал исторические материалы барон де Базанкур в «Монтаньяре...».

***«Монтаньяр...»: историческая достоверность
и политическая целесообразность***

Барону де Базанкуру приходилось опираться на те же источники, что и Александру Дюма. Сложность, однако, заключалась в том, что все эти источники, как мы уже говорили, утверждали мысль, что революция была неизбежна, а виновником революции явился абсолютизм. Базанкур же поставил перед собой задачу внушить аудитории мысль прямо противоположную, то есть ему нужно было дезавуировать выводы историков, опираясь на их же труды.

Отчасти проблема решалась выбором времени и места действия. Поскольку оспорить несостоятельность, которую продемонстрировала монархия накануне революции, было трудно, романист избегает этой темы и сосредоточивается на периоде террора, воспоминания о котором пробуждали сочувствие к казненным монархам и позволяли представить революционные события как беспрестанную череду убийств. Местом действия был избран Прованс, где монархическая оппозиция действительно была сильна. Читателю было трудно проверить, верно ли описаны события, происходившие в провинции, но когда действие романа переносится в Париж, то ситуация меняется: о партийных клубах, заседаниях Конвента, уличных столкновениях рассказывалось в известных исторических трудах.

Напомним, что главный герой романа Жорж Монтаньяр оказывается в Париже, став депутатом Конвента. Он принимает участие в межпартийной борьбе, но история и предмет этой борьбы преподносится автором довольно размыто¹, а потому создается впечатление, что даже сам Жорж не очень понимает, в чем суть политических противоречий между недавними союзниками. Труды историков подробно разбирали противостояние в Конвенте, но переносить эти подробности в роман – значило хотя бы отчасти соглашаться с тем, что столкновения между революционными силами имели под собой некую рациональную почву. Автор же стремился показать, что революционеры любой партии несли Франции лишь зло, а потому и борьба между ними представлена исключительно как хаотичное столкновение индивидуальных честолюбий и проявление жестоких инстинктов. В подкрепление этой мысли довольно щедро использовались патетические фразы, которые «помогали» читателю настроиться на эмоциональное восприятие исторических событий. Например, так:

«Смерть жирондистов была первым шагом в той кровавой борьбе, которая покрыла Париж братскими могилами и бросила его телегами жертв к ногам палача. Скорбное и отвратительное зрелище <...>. Бедная Франция! ...Как они тебя унизили, бросили в грязь, обезглавливали! Ибо бесчестие – это эшафот нации» [12, т. 3, р. 86].

Но даже при всем этом материал, обнародованный в трудах историков, «сопротивлялся» однозначной демонизации революционеров. Приходилось его перерабатывать, руководствуясь принципами, которые станут очевидны после нескольких текстовых примеров.

Прежде всего, обратим внимание на выборочность изображения лиц и событий. В «объектив» попадает лишь то, что демонстрирует негативные последствия революции. Сказанное относится, например, к повествованию о казни Марии-Антуанетты. В развитии сюжета этот факт играет эпизодическую роль: он, наряду со многими подобными, призван продемонстрировать как революционная жестокость рождает в сознании главного героя разочарование в республиканских идеях. Между тем по объему и скрупулезной передаче подробностей рассказ о казни королевы имеет далеко не «проходное» значение.

Автору было необходимо как-то связать романский сюжет с судьбой Марии-Антуанетты. Первая «ниточка» протянулась от маркиза де Савернуа и его сына, которые, по задумке автора, в Париже участвовали в антиреволюционном заговоре. На первый взгляд, эта сюжетная ситуация открывала перспективу увлекательного рассказа о т. н. «заговоре гвоздик», целью которого было освобождение королевы из замка Консьержери. Об этом заговоре уже было написано немало. Во-первых, о нем рассказывалось в

¹ Еще более затуманила парижские события ошибка издателей. 22 июня 1850 г. «L'Assemblée nationale», перепутав очередность, разместила эпизод [13], который должен был печататься позже, и нарушила хронологию сюжета. Со следующего номера газеты повествование снова возвращалось в логичное русло без всяких разъяснений. Когда дошла очередь до фрагмента, который газета уже публиковала по ошибке, его снова опубликовали с абстрактным пояснением, что это делается из заботы о читательском интересе к тексту [14]. Самостоятельное издание романа готовилось в том же году и явно второпях, так что «неблагополучный» фрагмент и в книге был опубликован дважды [12, т. 3, р. 19–28, 85–95], что нарушало логику рассказа; причем редакторы запутались в очередности глав, так что в 3 томе романа оказалось сразу две XII главы.

«Истории...» Тьера [43, т. 5, р. 381–382]. Кроме того, как помним, этот заговор послужил основой для романа Дюма «Шевалье де Мезон-Руж» (1845–1846) и его же одноименной пьесы (1847). О заговоре художественно рассказывал в своей «Истории жирондистов» (1847) Ламартин [31, т. IV, р. 335–338; т. VI, р. 372–378; 386–388]. В читательском сознании уже укрепилась «литературная легенда» о «заговоре гвоздик». Чтобы создать новый вариант этой «легенды», Базанкуру пришлось бы развернуть целый самостоятельный сюжет и слишком далеко уйти от центральной линии повествования. Вовсе обойти вниманием этот заговор – означало обмануть читательские ожидания, кроме того, упустить возможность напомнить об одном из благородных намерений монархистов. В итоге Базанкур касается «заговора гвоздик» мельком: маркиз де Савернуа поддерживает конспиративные контакты с неким парижским заговорщиком, который сообщает о попытках спасти королеву и об их тщетности [12, т. 3, р. 44]. Отцу и сыну де Савернуа остается лишь отправиться на Площадь Революции, чтобы присутствовать при последних минутах жизни королевы. Там же, на Площади, среди толпы находится и Жорж Монтаньяр. Большое нравственное значение казни Марии-Антуанетты для главных персонажей романа используется автором как повод для подробного рассказа о свершившемся событии.

Между тем, откуда Базанкур черпал материал? В трудах историков о последних минутах жизни королевы не так много информации. Это обусловлено тем, что, несмотря на трагичность и символичность, казнь Марии-Антуанетты мало влияла на ход истории. Тьер считал суд над королевой попыткой косвенного давления на Австрию, а казни посвятил лишь один абзац [43, т. 5, р. 390–391]. Минье придерживался той же точки зрения и гораздо большее внимание уделил казни жирондистов, последовавшей вскоре после казни королевы [34, р. 405]. А если бы Мишле издал тремя годами ранее VI том своей «Истории...», то Базанкур прочел бы там о казни королевы лишь две фразы, которые его вряд ли смогли бы вдохновить: «Она погибла 16 числа, в день битвы, и ее смерть мало впечатлила Париж. Все думали о другом: о великом скандале в Лионе и об отчаянной, ужасной борьбе, которую вела Северная армия» [33, т. VI, р. 319].

Символизм королевской казни давал значительно больший материал литераторам, нежели историкам. Так, несколько страниц посвящено последним минутам жизни Марии-Антуанетты в «Шевалье де Мезон-Руж» Дюма [1, т. 24, с. 329–336], а также в «Истории жирондистов» Ламартина (мы уже говорили, что его сочинение более тяготеет к литературе, нежели к историческому исследованию [6, с. 111]). Сопоставление текстов позволяет заключить, что за основу Базанкур взял именно повествование Ламартина.

В «Истории жирондистов» Ламартин подробно описывается путь королевы от замка Консьержери к месту казни. Приведем фрагменты, которые были использованы Базанкуром для собственного рассказа:

«Процессия покинула Консьержери под крики “Да здравствует республика!” “Дорогу Австриячке!” “Дорогу вдове Капет!” “Долой тиранию!” Комедиант Граммон, адъютант Ронсена, подал народу пример и сигнал для этих криков, размахивая обнаженной саблей и расталкивая толпу грудью своей лошади. <...> “Это не подушки Трианон!” – кричали какие-то гнусные существа. <...> Локоны ее волос выбились из-под чепца, и развеваясь на ветру, хлестали по вискам. <...> Когда она пересекла мост Пон-о-Шанж и шумные кварталы Парижа, молчание и серьезное выражение лиц в толпе указали, что люди в этом районе иные. Она медленно проехала всю улицу Сент-Оноре. <...> Глаза ее бродили <...> по фасадам

домов. <...> Она искала взглядом окно, из которого ей должно было сойти отпущение грехов от переодетого священника. Жест, невнятный толпе, позволил ей найти его. <...> С этой минуты внутренняя радость и тайное утешение озарили ее лицо» [31, т. VI, р. 408–410].

А вот в каком виде этот материал вошел в роман Базанкура:

«Она покинула Консьержери с тем же спокойствием, с каким покинула бы королевский замок <...>.

Комедиант Граммон, расталкивая народ грудью своей лошади, следовал перед повозкой для приговоренных и бросал беснующейся толпе гнусные проклятья <...>.

<...> Гнусное улюлюканье отвратительной группы яростных революционеров при спуске с моста Пон-о-Шанж уступило место если не состраданию, <...> то, по крайней мере, ужасу. Королева проследовала по всей улице Сент-Оноре.

Крики смолкли. Но комедиант Граммон, достойный адъютант Ронсена, разгневанный тем, что толпа умолкла и перестала поносить идущую на смерть, стал содрогать воздух обнаженной саблей и новыми проклятиями.

<...> Старый провансальский дворянин, горестно опершись на руку сына (герои романа Базанкура отец и сын Савернуа. – В. О.), ожидал молча и в отчаянии.

<...> Когда королева проследовала перед ними, они непроизвольно обнажили головы <...>. Она поблагодарила их улыбкой, быстро скользнувшей по ее устам, и ее взгляд поднялся к небу. От страданий и бессонницы волосы молодой женщины поседелели, и ветер поднимал их у висков, будто желая показать всем это последнее свидетельство ее мук. <...> Она будто искала в толпе, чтобы утешить себя, эти две непокрытые головы и эти два безутешных лица» [12, т. 3, р. 45–49].

Мы пока привели лишь фразы из «Монтаньяра...», которые подтверждают заимствования из текста Ламартина. «За кадром» осталось то, что Базанкур «дописал» от себя. Скажем об этом. Уже по приведенным фрагментам видна тактика Базанкура в работе с текстом Ламартина. Во-первых, это добавление оценочных высказываний, возвеличивающих королеву и обличающих «толпу». Во-вторых, нагнетание негативных подробностей. Последнее касается, например, образа «комедианта Граммона», который во время казни командовал отрядом кавалерии. Это реальная личность. Упомянув о нем, Ламартин, по-видимому, опирался на «Записки...» о Марии-Антуанетте Г. Л. Лафон д'Оссона [30, р. 322–326]. Уже там Граммон показан личностью мало привлекательной, в том же виде он «перекочевал» в «Историю жирондистов» Ламартина. Но в изображении Базанкура он превращается в совершенного изверга. Граммон не просто поощряет оскорбления, извергаемые толпой, он сам наносит оскорбление осужденной королеве: «<...> Наклонившись к королеве, <...> он коснулся ее лица кулаком, с насмешкой выкрикивая: “Ну же, мадам Вето, выше голову! Эй, Капет, сделаешь смешную рожу, как только чихнешь в мешок!” <...>» [12, т. 3, р. 46].

Еще один авторский способ «вмешаться» в историческую ситуацию – ввести в нее романские персонажи. Мы уже заметили, что на площади при последнем вздохе королевы присутствовали отец и сын де Савернуа. Это не все. Здесь же был и Жорж Монтаньяр. Причем его настолько возмутила выходка Граммона, что он едва не сбил его с лошади, за что сам удостоился потока оскорблений [12, т. 3, р. 47].

Суммируя сказанное, скажем, что Базанкур, как и Дюма, прибегает к приему «остранения». Разница, однако, в том, что у Дюма нет необходимости особенно усиливать акценты, «расставленные» в исторических повествованиях. Базанкур же за счет художественного вымысла утрирует «нужные» детали картины.

«Утрирует», если в целом согласен с автором исходного текста. Если нет, то «переработки» становятся более радикальными. Это хорошо видно на примере образа Дантона.

В романе есть такой эпизод:

«Сколь страшна фигура Дантона; можно было бы сказать, что видишь сам ужас. Писатель, изображавший его, имея портрет перед глазами, восклицает: "Нет, это не человек, это сама стихия смятения. Это страшно запятнанное оспинами лицо, с маленькими мрачными глазами, похоже на темный вулкан. Сумрачный гений, ты пугаешь меня. Это похоже на сотворение громадного, беспокойного, буйного, свирепого существа, будто из тех времен, когда природа еще действовала наощупь, не решив точно, людей ли создать или монстров. Тьма, помрачение, фатальность – вот, что мы читаем в этих пугающих чертах. Вулкан, грязевой или огненный, который в своей скрытой кузнице совершает борьбу между силами природы; каким будет извержение? Это Эдип, который несет в себе ужасного пожирающего его Сфинкса"» [12, т. 3, р. 90].

«Писатель», не названный Базанкуром по имени, – это Ж. Мишле. Поскольку тест «писателя» закавычен, то создается впечатление, что Базанкур в точности перенес в роман чужой фрагмент. Но это не так. «Цитата» сконструирована из фраз, которые рассредоточены на нескольких страницах «Истории...» Мишле. Приведем их:

«Сколь страшна фигура Дантона! Циклоп? Подземный бог?.. Это страшно запятнанное оспинами лицо, с маленькими мрачными глазами, похоже на темный вулкан... Нет, это не человек, это сама стихия смятения; оттуда веет опьянением и буйством, роком... Сумрачный гений, ты пугаешь меня! <...>» [33, т. 2, р. 350].

«У меня перед глазами портрет этого страшного, слишком жестоко достоверного олицетворения нашей Революции, портрет, где Давид¹ <...> рабски выписывал каждую деталь волосок за волоском, выдалбливал один за другим следы от оспинок, овраги, горы и долины этого мятежного облика.

Результатом стало мучительное и многотрудное сотворение громадного, беспокойного, буйного, свирепого существа, будто из тех времен, когда природа еще действовала наощупь, не решив точно, людей ли создать или монстров <...>. И все же это чудовище величественно. Это почти безглазое лицо кажется вулканом, не имеющим кратера, – вулканом грязевым или огненным, – который в своей скрытой кузнице совершает борьбу между силами природы. Каким будет извержение?

<...> Вы машинально присоединяетесь к этой видимой борьбе противоположных начал; вы участвуете во внутреннем напряжении, которое есть не только битва страстей, но битва идей <...>. Это преданный Эдип, одержимый своей загадкой, который несет в себе ужасного пожирающего его сфинкса» [33, т. 2, р. 358–359].

¹ Имеется в виду художник Жак Луи Давид, депутат Конвента, член фракции Монтаньяров.

Легко заметить, что у Мишле портрет Дантона вызывает смешанные чувства. Наряду со страхом перед необузданной силой, историк ощущает и уважение к ней; сознает величественность личности; отмечает, что в основе поступков Дантона не только *страсти*, но *идеи*; наконец, сравнивает революционера с *преданным* Эдипом. В романе Базанкура все это изъято; оставлены только негативные оценки; даже вместо *преданного* Эдипа остается просто Эдип.

Впрочем, одного этого пассажа было недостаточно для демонизации Дантона. Историки уже ввели в оборот факты, благодаря которым Дантон приобрел героический ореол. Поведение Дантона перед казнью, пожалуй, наиболее поражало читательское сознание. Этот последний эпизод биографии и предсмертные слова затмевали на эмоциональном уровне восприятия все «грехи», которые инкриминировали революционеру его противники. Так что дегероизация Дантона требовала «переписать» финал его жизни.

Рассматриваемый вопрос хорошо демонстрирует разницу между подходами Базанкура и Дюма в работе с историческими материалами. Поэтому поступим так же, как при анализе эпизода с выступлением Камиля Демулена в романе «Анж Питу»: сначала представим фрагменты исторических исследований, а затем пассаж из романа «Монтаньяр...» – как результат художественного переосмысления этих фрагментов.

Итак, вот описание из «Истории французской революции» (1823) А. Тьера:

«Подойдя к подножию эшафота, Дантон собирался обнять Эро-Сешеля, протянувшего к нему руки; палач воспрепятствовал этому, и он с улыбкой обратился к нему со страшными словами: “Ты, значит, можешь быть более жестоким, чем смерть! Но ты не мешаешь нашим головам через мгновение поцеловаться на дне корзины”» [43, t. 6, p. 220].

«История французской революции» (1824) Ф.-О. Минье:

«Дантон высоко держал голову и смотрел вокруг спокойно и гордо. У подножия эшафота он на мгновение расчувствовался: “О, моя возлюбленная! – воскликнул. – О, моя жена! Я больше не увижу тебя!” Затем внезапно прервал себя: “Никакой слабости, Дантон!”» [34, p. 433].

«История жирондистов» А. де Ламартина:

«Дантон поднялся после всех. Никогда еще он не поднимался на трибуну столь величественно и внушительно. Стоя на эшафоте, он, казалось, оценивал свой пьедестал. С сожалением он взирал на народ по сторонам. Своей позой он будто говорил ему: “Разгляди меня получше, ты не увидишь никого, кто был бы похож на меня”. Однако природа на мгновение растопила эту гордость. У приговоренного вырвался возглас, исторгнутый воспоминанием о молодой жене: “О, моя возлюбленная, – воскликнул он с влажными глазами, – я никогда не увижу тебя”. “Вперед, Дантон, – сказал он себе вслух, – никакой слабости!” И, обернувшись к палачу, он властно промолвил ему: “Ты покажешь мою голову народу, она того стоит”. Голова его упала. Палач, повинаясь ее последней мысли, поднял ее в корзине и понес вокруг эшафота» [31, t. VIII, p. 69].

«Истории...» Ж. Мишле и Л. Блана к моменту создания «Монтаньяра...» еще не были доведены до момента казни Дантона (5 апреля 1794 г.), но приведенные фрагменты Базанкур должен был знать и с этим учетом выстраивать сцены, показывающие Дантона перед казнью. Поскольку целью была дегероизация Дантона, автору следовало каким-то образом уйти от фраз, произнесенных революционером на эшафоте и получивших

всеобщую известность. Для этого Базанкур смещает внимание на чуть более ранний период времени – изображает, как Дантона и его соратников везут к эшафоту. Базанкур описывает парижскую толпу, осыпающую приговоренных проклятиями, в ответ на которые Дантон

«<...> выпрямился во весь рост и крикнул голосом, прогремевшим подобно раскату грома: “Неблагодарный и глупый народ! Ты не стоишь того, чтобы человек отдал тебе день, час своей жизни...”

И он упал на скамью, бормоча багровыми губами слова, пропитанные самым отвратительным цинизм: “Что до меня, я смеюсь над этим; я радовался существованию; я много пошумел на земле; я наслаждался жизнью. Пора спать”» [12, т. 5, р. 23–24].

Поскольку подробности самой казни Базанкур не приводил, получалось так, что приведенные фразы и были предсмертными словами Дантона.

Происхождение фразы о «неблагодарном и глупом народе» нам установить не удалось. Судя по всему, это конструкт Базанкура. А вот тирада «Что до меня, я смеюсь над этим...» и т. д. взята у Ламартина, только произносит ее Дантон в иных обстоятельствах: он адресовал эти слова своим товарищам, находясь с ними в заточении в период допросов. Если следовать рассказу Ламартина, то Дантон, желая поддержать друзей и продемонстрировать собственную твердость, «старался казаться беззаботным» [31, т. VIII, р. 64]. То есть читателю Ламартина было понятно, что Дантон произносил эти слова с наигранным, а не «самым отвратительным» цинизмом, как это представлено Базанкуром. Вырвав тираду из контекста, Базанкур, по существу, подменил ею знаменитые предсмертные фразы Дантона, то есть подтасовал факты из соображений идеологической целесообразности.

А. Дюма и историческая достоверность

Судьбы «Монтаньяра...» и «Анжа Питу» оказались разными. Оба романа имели продолжение, но... Поскольку обращение к тетралогии Дюма о Великой французской революции играет в нашей работе вспомогательную роль (воссоздает историко-литературный контекст), сначала скажем о продолжении «Анжа Питу», чтобы исчерпать эту тему. Как уже отмечено, публикация романа в «La Presse» оборвалась вдруг, на полуслове в июне 1851 г. [20]. Причина на первый взгляд была коммерческой. В силу вступила т. н. «поправка Рианси», которая облагала дополнительным налогом газеты, публиковавшие романы-фельетоны. Чтобы избежать убытков, Жирарден потребовал от Дюма в несколько раз сократить роман [39, р. 106]; романист предпочел оставить повествование недосказанным.

Финансовая проблема, однако, была продуктом политического запроса. Романы-фельетоны заметно воздействовали на миропредставления широкой публики [4, с. 28], в том числе на социальные убеждения. Бытовало мнение, что романы-фельетоны изображают реальность в невыгодном свете и этим подрывают доверие к власти. Роман-фельетон даже считался одним из «виновников» революции 1848 г. [26, р. 31; 27]. Поскольку в 1849 г. в Законодательном собрании депутаты монархического толка взяли большинство и выстраивали диктатуру «партии порядка», то пропаганда левых идей подпала под сильное давление. Сначала был введен налог на всю периодику – своего рода имущественный ценз, вытесняющий демократические издания. А затем (в соответствии с той самой поправкой Рианси) был нанесен «точечный» удар по роману-фельетону. Взгляды А. Дюма не были радикальными, в серии романов «Записки врача» он явно

примирял между собой «республиканские взгляды и сочувствие к монархическим жертвам» [37, р. 229], тем не менее в глазах «партии порядка» он выглядел кем-то вроде провокатора [38, р. 67]. Так что в данном случае поправка Рианси ударила в намеченную цель: «республиканский» роман Дюма прервался.

Через полгода, 2 декабря 1851 г., Луи Наполеон осуществит переворот, распустив Законодательное собрание и узурпировав всю полноту власти. Дюма не был депутатом, не возглавлял, подобно В. Гюго, сопротивление [9, с. 175], однако новая политическая реальность явно «конфликтowała» с его республиканскими убеждениями. Сразу после переворота начались репрессии: более 20 тыс. человек были изгнаны из страны или оказались под надзором [2, с. 150], 27 тыс. были арестованы [10, с. 205]. Не дожидаясь неизбежного, Дюма уедет в Бельгию, став политическим и «финансовым» изгнанником, поскольку скрывался и от диктатуры, и от кредиторов.

В этот период он и вернется к сюжету «Анжа Питу» и опубликует с 1852 по 1855 г. в Бельгии [21; 22] и во Франции [23; 24] многотомный роман «Графиня де Шарни». Повествование здесь продолжалось с того самого момента, которым оборвалось в «Анже Питу», система персонажей также сохранялась. И все же роман был принципиально иным. Главное отличие – уход романной коллизии на второй план. Местами автор предпримет почти хроникальное описание исторических событий. Собственно история революции станет стержневым сюжетом, а романный сюжет будет лишь пунктирно прослеживается как сопутствующая тема.

Теперь, оставив в стороне вымышленных героев, оказавшийся в изгнании Дюма подолгу излагает ход политических перипетий, описывает борьбу партий, пересказывает содержание принятых Национальным собранием документов и проч. Некоторые прежние персонажи порою «мелькают» в повествовании, но, кажется, для того лишь, чтобы связь романа с серией «Записки врача» не утратилась вовсе. Даже графиня де Шарни, именем которой назван роман, на фоне воссозданной исторической панорамы воспринимается персонажем второстепенным.

В какой-то момент Дюма даже заявляет: «Должно быть, наши читатели заметили, что мы пишем историческое повествование, а не роман <...>» [1, т. 23, с. 261]. Ход исторических событий уже не объясняется романскими коллизиями, и автор признает, что вымышленные герои нужны, чтобы «разбавить» сухие факты. Он, скажем, придумывает сцену беседы между Марией-Антуанеттой и одним из таких вымышленных героев и сообщает: «Мы передали этот разговор между королевой и доктором Жильбером, чтобы ненадолго прервать историческое повествование, всегда страдающее некоторой монотонностью, и несколько оживить хронологическое изложение событий, <...>» [1, т. 23, с. 276].

При сосредоточенности на исторической достоверности не остается места для фантастической версии; революция уже не может быть представлена как результат масонского заговора Калиостро. Романист продолжает описывать среду провинциальных санкюлотов с добродушной иронией, но дает понять, что именно эта среда явилась источником борьбы за республику. В романе есть сцена, когда простонародье Виллер-Котре впервые слышит декларацию прав человека. Авторское отступление при этом превращается в настоящий гимн:

*«Народ впервые с изумлением слышал признание его прав, провозглашенных
среди белого дня, <...> перед лицом Всевышнего, у кого он так долго вымаливал
эту естественную хартию, полученную после многовекового рабства, нищеты и
страданий!..*

Впервые человек, живой человек, на протяжении шести столетий державший на своих плечах здание монархии, по правую руку от которой была знать, а по левую – духовенство; впервые и рабочий, и ремесленник, и землепашец осознал свою силу, свое значение; понял, какое место на земле он занимает и чему равна тень, отбрасываемая им под солнцем, – и все это он узнал не по прихоти своего хозяина, а от одного из себе подобных!» [1, т. 22, с. 427].

Понятно, что этот пассаж может быть использован как средство пропаганды, но в целом романисту удастся уберечь повествование от «соскальзывания» в область «тенденциозности». Дюма декларирует стремление к «беспристрастности» [1, т. 22, с. 583] и на самом деле ее демонстрирует, когда сочувственно изображает жертвы с обеих сторон или рассказывает об ошибках и жестокости – тоже обеих сторон.

В целом можно сказать, что в романе «Графиня де Шарни» Дюма будет развивать тенденцию к документализму, заложенную в «Анже Питу», и продемонстрирует принципиально иное отношение к историческим фактам, нежели в прежних романах: главным в повествовании стали именно реальные факты, а вымысел лишь помогал преподнести их читателю.

Существует сугубо техническое объяснение этому. С. Сойер справедливо указывает, что в период создания «Анжа Питу» испортились отношения между Дюма и его литературным помощником О. Маке [40, р. 66], в союзе с которым создавались многие прежние романы [32, р. 82; 42, р. 103, 146]. В обязанности Маке входила обработка исторического фактажа, и теперь Дюма пришлось самому обратиться к изучению источников. Это стимулировало интерес Дюма к историческим документам, что, в свою очередь, усилило роль этих документов в повествовании. Отчасти, видимо, так, но главная причина все же шире.

После конфликта с Маке для Дюма было бы проще не укрепить, а ослабить историческую составляющую и сосредоточиться на художественном вымысле. Но кипящая политическая реальность того периода обесценивала «художественные фантазии» и делала востребованными исторические аналогии. Именно историческая достоверность становилась залогом читательского интереса. Дюма откликнулся на «читательский запрос» и, судя по всему, сам искренне увлекся осмыслением исторических данных. Во всяком случае, в 1850–1851 гг., то есть одновременно с «Анжем Питу», он публиковал сочинение «Людовик XVI (История Людовика XVI и Марии-Антуанетты), а в 1852–1854 гг. – «Последний король (История политической и частной жизни Луи-Филиппа)». Эти сочинения вряд ли можно назвать в точном смысле слова историческими исследованиями, поскольку они содержат много материалов из области «исторических анекдотов», однако они основаны на исторических источниках, имеют вид хроник [8, с. 187] и не предполагают использование художественного вымысла. В целом следует заключить, что, обновляя принципы романного историзма, А. Дюма последовательно двигался к абсолютизации исторической достоверности.

Барон де Базанкур и политическая тенденция

Теперь вернемся к роману барона де Базанкура «Монтаньяр...». В отличие от «Анжа Питу», «Монтаньяр...» не имел проблем с публикацией газетного варианта. Видимо, владельцев монархической газеты не смущала дополнительная финансовая нагрузка, диктуемая поправкой Рианси. 3 мая 1850 г. «Монтаньяр...» начал печататься в «L'Assemblée nationale», а уже с 31 мая того же года [15] перепечатывался (со ссылкой на «L'Assemblée nationale») провинциальной газетой «Courrier de Marseille», редактируемой

Луи Барилем. Интерес этой газеты к роману Базанкура объяснялся идеологическими соображениями. Судя по общему духу публикаций, издание носило монархический и бонапартистский характер.

Марсель был крупным торговым и промышленным центром, что обеспечивало и «плотность» третьего сословия, и его активность, потому город воспринимался как один из очагов «красных» настроений. В то же время в городе была сильна партия крупных собственников, которые искали новые формы отношений с работниками и вообще низшим классом [19]. Газета «*Courrier de Marseille*» выполняла роль рупора марсельских «элит», и «Монтаньяр...» вполне подходил ей как инструмент антиреволюционной пропаганды. Более того, уже через три недели после начала публикации редакция решила предоставить роману дополнительное место на страницах газеты: «Замечательное произведение г-на де Базанкура, – гласило редакционное сообщение, – для нас интересно вдвойне: оно прослеживает один из самых захватывающих эпизодов ужасной эпохи, к которой нас пытались вернуть тайные заговоры демагогов, а кроме того, действие разворачивается в Арле, в наших краях, в двух шагах от нашего порога» [35]. Редакция обещала увеличить объем ежедневных публикаций романа с 4 до 8 колонок, если это позволят «потребности политической партии» [35]. Очевидно, речь идет о «партии порядка», а «Монтаньяр...» соответствовал «потребностям» «партии», поскольку в дальнейшем действительно стал занимать 8 колонок и печатался до 16 января 1851 г. [16]. Барону де Базанкуру публикация романа сделала в Марселе некоторую репутацию; когда в ноябре 1851 г. он приехал в город, газета «*Courrier de Marseille*» напомнила аудитории, что именно он является автором «замечательного и драматичного произведения “Монтаньяры (так в тексте. – В. О.), или Две республики”» [36].

Между тем критики, кажется, не спешили обсуждать «Монтаньяра...». Единственный отклик нам удалось обнаружить в той же газете «*L'Assemblée nationale*», где печатался роман. Автор статьи Франсис Лакомб пространно пересказывал содержание романа, указывая, что главная интрига – противопоставление, с одной стороны, «благородного маркиза де Саверноуа, следующего рыцарским принципам времен Карла Великого», а с другой – простолюдина, «увлекшегося революционными идеями», ставшего «рабом Робеспьера» и «служащего олицетворением той злосчастной эпохи» [29]. Критик хвалил и художественную, и идейную линии романа, и, думается, делал это искренне. Он сам только что выпустил объемную книгу «Этюды о социалистах. Социализм в прошлом; социализм в настоящем; социализм в будущем» (1850). Это одно из тех сочинений, которые во множестве появлялись в ту пору и служили политической борьбе против «красных» идей. В книге утверждалось, что монтаньяры – те же социалисты [28, с. 148], а социалисты – «варвары худшей породы», которые настолько «увлеклись исправлением общества» [28, р. XXV], что это поставили под угрозу саму цивилизацию. Социализм, по убеждению Лакомба, ведет к террору и анархии [28, с. 7] и является «ужасной доктриной» [28, с. 28], расцветающей под покровом «окультистской и сатанинской силы» [28, с. 28]. Словом, Лакомбу действительно идеи романа «Монтаньяр...» должны были импонировать, другое дело, что его критическая статья выполняла в основном функцию вспомогательную – служила анонсом для второй части романа «Монтаньяр, или Две республики», которая называлась «1848 год» и которую газета начинала печатать в этом самом номере от 23 апреля 1850 г. и даже на этой же полосе [17], где размещалась и статья Лакомба. Впрочем, об этой части романа барона де Базанкура мы планируем говорить в следующей статье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Романное повествование о Великой французской революции, безусловно, стало для барона де Базанкура новым творческим этапом. Прежде всего, в отличие от прежних сочинений, роман «Монтаньяр...» оказался совершенно подчинен идеологическим задачам, так что развлекательная функция оказалась вспомогательной. С точки зрения чисто художественной, основную сложность для автора, по-видимому, составляла необходимость согласовывать творческое воображение с обильными историческими данными о не столь уж давней эпохе. Хотя автор продолжил пользоваться многими трафареты авантюрного жанра, в повествование введены реальные исторические личности, отсылки к известным историческим фактам и текстам – как примета документализма и достоверности. Именно как примета, как «убеждающий» прием типа ремарок: «основано на реальных событиях», «это произошло там-то и тогда-то» [7, с. 4]. В реальности же романное повествование организовывалось не исторической данностью, а политическим запросом, что вынуждало автора осуществлять подбор фактов и их комбинирование для решения идеологической задачи и в ущерб исторической достоверности.

Думается, не следует скоропалительно и механически применять этот вывод к будущим сочинениям барона де Базанкура о Крымской войне. Хотя бы потому, что осаду Севастополя Базанкур будет описывать в роли не романиста, но очевидца, военного корреспондента, бытописателя, историка, а стало быть, и повествовательные принципы будет использовать иные, нежели в романе. Однако преимущество, отданное Базанкуром идеологическим задачам в романе «Монтаньяр...», безусловно, должно служить для нас опосредованным сигналом о приоритетах литератора в освещении реальных событий.

Список литературы

1. Дюма А. Собр. соч.: В 50-ти т. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1992–2005. – Т. 21–24.
2. Лансеро Г. Изгнанники Второй империи: написание истории Революции и империи за пределами Франции // Французский ежегодник 2022: Французы за пределами Франции. Т. 55. – М.: ИВИ РАН, 2022. – С. 148–165.
3. Литвиненко Н. А. Тетралогия А. Дюма о Великой французской революции: поиски нового эпического синтеза: Уч. пособие. – М.: Изд-во УРАО, 2005. – 80 с.
4. Макарова П. А. Французский исторический роман 1840–1850-х гг. и становление популярной беллетристики (Э. Сю, А. Дюма, Ж. Барбе д'Оревиий): Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – М., 2014. – 197 с.
5. Мошенская Л. О. Непривычный Дюма (Цикл романов о Великой французской революции) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1998. – № 4. – С. 7–13. Режим доступа: http://xn--80ahnog3hl.xn--p1ai/duma/djuma_v_statjax_predislovijax_i_posleslovijax/neprivychnyj_djuma_l_o_moshenskaja – (Дата обращения: 23.01.2025).
6. Орехов В. В. Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть VII. «Революционный» роман // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11. – № 2. – С. 102–121.
7. Орехова Л. А. Сюжет «сын полка» в реалиях крымской партизанской борьбы: история Володи Дегтярева по материалам Крымского архива // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11. – № 2. – С. 3–18.
8. Рябов Ф. Г. История в произведениях А. Дюма // Новая и новейшая история. – 2003. – № 1. – С. 181–191.
9. Смирнов А. Ю. Империя Наполеона III. – М.: Эксмо, 2003. – 288 с.
10. Черкасов П. П. Наполеон III – император французов // Новая и новейшая история. 2012. – № 3. – С. 197–216.
11. Шкловский В. Б. О теории прозы. – М.: Федерация, 1929. – 265 с.

12. *Bazancour [baron] de*. Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. – Bruxelles: Kiessling et compagnie, 1850. – T. 3, 5.
13. *Bazancour [baron] de*. Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Première partie. – 1793. X (Suite) // L'Assemblée nationale. – 1850. – 22 juin. – Pp. 1–2.
14. *Bazancour [baron] de*. Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Première partie. – 1793. XIII (I) // L'Assemblée nationale. – 1850. – 30 juin. – Pp. 1–2.
15. *Bazancour [baron] de*. Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Première partie. – 1793. Chapitre I // Courrier de Marseille. – 1850. – 31 mai. – P. 1.
16. *Bazancour [baron] de*. Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Chapitre XVII // Courrier de Marseille. – 1851. – 16 janvier. – Pp. 1–2.
17. *Bazancour [baron] de*. Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Seconde partis. – 1848. Prologue // L'Assemblée nationale. – 1851. – 23 avril. – Pp. 1–3.
18. *Blanc L.* Histoire de la Révolution française. 12 vol. – Paris, 1847–1862. – T. 2.
19. *Christofferson T. R.* Les conceptions sociales des notables de Marseille sous la Seconde République // Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale. – 1973. – T. 85. – № 114. – Pp. 423–433.
20. *Dumas A.* Ange Pitou. LXX. Le miel et l'absinthe // La Presse. – 1851. – 26 juin. – Pp. 1–2.
21. *Dumas A.* La Comtesse de Charny. T. 1. – Bruxelles: Librairie de C. Muquardt, 1852. – 143 p.
22. *Dumas A.* La Comtesse de Charny. T. 17. – Bruxelles: Librairie de C. Muquardt, 1855. – 113 p.
23. *Dumas A.* La Comtesse de Charny. T. 1. – Paris: A. Cadot, 1852. – 305 p.
24. *Dumas A.* La Comtesse de Charny. T. 19. – Paris: A. Cadot, 1855. – 303 p.
25. *Dumasy-Queffelec L.* L'entrée dans l'histoire du roman dumasien: de l'avènement révolutionnaire à l'aventure napoléonienne // Elsenieur. – 2024. – No. 39. – Pp. 111–120.
26. *Hallade S.* Aux frontières de la littérature et de la politique: les feuilletonnistes Alexandre Dumas, Paul Féval et Eugène Sue sous la Deuxième République, des écrivains transgressifs? // Sociétés & Représentations. – 2015. – No. 39. – Pp. 13–32.
27. *Hallade S.* Le roman-feuilleton, un medium quarante-huitard? Littérature, politique, morales et mémoires de la Deuxième République (1848–1852) // 1848 et la littérature. *Les colloques*. – Paris: Fabula, 2021. Режим доступа: <https://www.fabula.org/colloques/document6990.php>. – (Дата обращения: 10.03.2025).
28. *Lacombe F.* Études sur les socialistes. Le socialisme dans le passé; le socialisme dans le présent; le socialisme dans l'avenir. – Paris: Lagny frères, 1850. – 574 p.
29. *Lacombe F.* Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. par M. de Bazancourt. Première partie // L'Assemblée nationale. – 1851. – 23 avril. – P. 3.
30. *Lafont D'Aussonne G. L.* Mémoires secrets et universels des malheurs et de la mort de la reine de France. – Paris: Petit, 1824. – 432 p.
31. *Lamartine M. A. de*. Histoire des Girondins. – Paris: Furne & Cie, 1847. – T. IV, VI, VIII.
32. *Martone E.* Defining the Scope of Alexandre Dumas's La Drame De La France: Problems, Considerations, and Debates // European Journal of Language and Literature. – 2021. – Vol. 7. – No. 1 (January – April). – Pp. 71–88.
33. *Michelet J.* Histoire de la Révolution française. – Paris: Chamerot, 1847–1853. – T. 1–6.
34. *Mignet F. A.* Histoire de la Révolution française, depuis 1789 jusqu'en 1814. – Paris, Firmin Didot, père et fils, 1824. – 744 p.
35. *Nouvelles locales* // Courrier de Marseille. – 1850. – 21 juin. – P. 2.
36. *Nouvelles locales* // Courrier de Marseille. – 1851. – 10 novembre. – P. 2.
37. *Ritz O.* La fabrique romanesque de la Révolution française // Acta fabula. – 2015. – Vol. 16. – No. 4. Режим доступа: <https://www.fabula.org/revue/document9256.php>. – (Дата обращения: 10.03.2025).
38. *Ritz O.* L'an IX ou l'historiographie de la Révolution en débat // La Révolution française. – 2016. – No. 10. Режим доступа: <http://journals.openedition.org/lrf/1603>. – (Дата обращения: 10.03.2025).
39. *Saminadqyar-Perrin C.* Entrer en Révolution // Elsenieur. T. 39. Alexandre Dumas, ou l'art de bien commencer. – Caen, Presses universitaires de Caen, 2024. – Pp. 97–110.
40. *Sawyer S.* La Revolution selon Alexandre Dumas. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master's of Art. – Montreal, 1994. – 162 p.
41. *Sevet F.* Le personnage de Gilbert dans Joseph Balsamo d'Alexandre Dumas: un vrai apprentissage? // Chimères, 2007. – Vol. 30. – No. 1. – Pp. 45–54.

42. Simon G. Histoire d'une collaboration. Alexandre Dumas et Auguste Maquet. – Paris: Éditions Georges Crès & Cie, 1919. – 204 p.
43. Thiers M. A., Bodin F. Histoire de la Révolution française: accompagnée d'une histoire de la révolution de 1355, ou des États généraux sous le roi Jean. – Paris, 1834. – T. 1, 5, 6.

References

1. Djuma A. *Sobanie sochinenij: V 50-ti t.* [Collected Works: In 50 vols]. Moscow, Art-Biznes-Centr Publ., 1992–2005. 21–24 vols.
2. Lansero G. *Izgnanniki Vtoroj imperii: napisanie istorii Revoljucii i imperii za predelami Francii* [Exiles of the Second Empire: Writing the History of Revolution and Empire Outside France]. *Francuzskij ezhegodnik 2022: Francuzy za predelami Francii. T. 55.* Moscow, IVI RAN Publ., 2022, pp. 148–165.
3. Litvinenko N. A. Tetralogija A. Djuma o Velikoj francuzskoj revoljucii: poiski novogo jepicheskogo sinteza: Uchebnoe posobie [Tetralogy of A. Dumas on the Great French Revolution: the search for a new epic synthesis: Study guide]. Moscow, URAO Publ., 2005. 80 p.
4. Makarova P. A. *Francuzskij istoricheskij roman 1840–1850-h gg. i stanovlenie populjarnoj belletristiki (Je. Sju, A. Djuma, Zh. Barbe d'Orevijj): Dis. ... kand. filol. nauk* [French historical novel of the 1840–1850s and the formation of popular fiction (E. Sue, A. Dumas, J. Barbey d'Aureville). Thesis]. Moscow, 2014. 197 p.
5. Moshenskaja L. O. *Neprivychnyj Djuma (Cikl romanov o Velikoj francuzskoj revoljucii)* [Unusual Dumas (Cycle of Novels about the Great French Revolution)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija*, 1998, no. 4, pp. 7–13. Available from: http://xn--80ahnog3hl.xn--p1ai/duma/djuma_v_statjax_predislovijax_i_posleslovijax/neprivychnyj_djuma_l_o_moshenskaja (accessed 23.01.2025).
6. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' VII. «Revoljucionnyj» roman* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part VII. “Revolutionary” novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 102–121.
7. Orehova L. A. *Sjuzhet «syn polka» v realijah Krymskoj partizanskoj bor'by: istorija Volodi Degtjareva po materialam Krymskogo arhiva* [The plot of “son of the regiment” in the realities of the Crimean partisan struggle: the story of Volodya Degtyarev based on the materials of the Crimean archive]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2025, vol. 11, no. 2, pp. 3–18.
8. Rjabov F. G. *Istorija v proizvedenijah A. Djuma* [History in the works of A. Dumas]. *Novaja i novejšaja istorija*, 2003, no. 1, pp. 181–191.
9. Smirnov A. Ju. *Imperija Napoleona III* [Empire of Napoleon III]. Moscow, Jeksmo Publ., 2003. 288 p.
10. Cherkasov P. P. *Napoleon III – imperator francuzov* [Napoleon III – Emperor of the French]. *Novaja i novejšaja istorija*, 2012, no. 3, pp. 197–216.
11. Shklovskij V. B. *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow, Federacija Publ., 1929. 265 p.
12. Bazancour [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848.* Bruxelles, Kiessling et compagnie, 1850, vol. 3, 5.
13. Bazancour [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Première partie. – 1793. X (Suite) // L'Assemblée nationale*, 1850, 22 juin, pp. 1–2.
14. Bazancour [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Première partie. – 1793. XIII (I) // L'Assemblée nationale*, 1850, 30 juin, pp. 1–2.
15. Bazancour [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Première partie. – 1793. Chapitre I // Courrier de Marseille*, 1850, 31 mai, p. 1.
16. Bazancour [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Chapitre XVII // Courrier de Marseille*, 1851, 16 janvier, pp. 1–2.
17. Bazancour [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. Seconde partis. – 1848. Prologue // L'Assemblée nationale*, 1851, 23 avril, pp. 1–3.
18. Blanc L. *Histoire de la Révolution française. 12 vol.* Paris, 1847–1862, vol. 2.
19. Christofferson T. R. *Les conceptions sociales des notables de Marseille sous la Seconde République // Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale*, 1973, vol. 85, no. 114, pp. 423–433.
20. Dumas A. *Ange Pitou. LXX. Le miel et l'absinthe // La Presse*, 1851, 26 juin, pp. 1–2.
21. Dumas A. *La Comtesse de Charny. T. 1.* Bruxelles: Librairie de C. Muquardt, 1852. 143 p.
22. Dumas A. *La Comtesse de Charny. T. 17.* Bruxelles: Librairie de C. Muquardt, 1855. 113 p.

23. Dumas A. *La Comtesse de Charny*. T. 1. Paris: A. Cadot, 1852. 305 p.
24. Dumas A. *La Comtesse de Charny*. T. 19. Paris: A. Cadot, 1855. 303 p.
25. Dumasy-Queffelec L. *L'entrée dans l'histoire du roman dumasien: de l'avènement révolutionnaire à l'aventure napoléonienne* // *Elseneur*, 2024, no. 39. pp. 111–120.
26. Hallade S. *Aux frontières de la littérature et de la politique: les feuilletonistes Alexandre Dumas, Paul Féval et Eugène Sue sous la Deuxième République, des écrivains transgressifs?* // *Sociétés & Représentations*, 2015, no. 39, pp. 13–32.
27. Hallade S. *Le roman-feuilleton, un médium quarante-huitard? Littérature, politique, morales et mémoires de la Deuxième République (1848–1852)* // *1848 et la littérature. Les colloques*. – Paris: Fabula, 2021. Available from: <https://www.fabula.org/colloques/document6990.php> (accessed 10.03.2025).
28. Lacombe F. *Études sur les socialistes. Le socialisme dans le passé; le socialisme dans le présent; le socialisme dans l'avenir*. Paris: Lagny frères, 1850. 574 p.
29. Lacombe F. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. par M. de Bazancourt. Première partie* // *L'Assemblée nationale*, 1851, 23 avril, p. 3.
30. Lafont D'Aussonne G. L. *Mémoires secrets et universels des malheurs et de la mort de la reine de France*. Paris: Petit, 1824. 432 p.
31. Lamartine M. A. de. *Histoire des Girondins*. Paris: Furne & Cie, 1847, vol. IV, VI, VIII.
32. Martone E. *Defining the Scope of Alexandre Dumas's La Drame De La France: Problems, Considerations, and Debates* // *European Journal of Language and Literature*, 2021, vol. 7, no. 1 (January – April), pp. 71–88.
33. Michelet J. *Histoire de la Révolution française*. Paris: Chamerot, 1847–1853, vol. 1–6.
34. Mignet F. A. *Histoire de la Révolution française, depuis 1789 jusqu'en 1814*. Paris, Firmin Didot, père et fils, 1824. 744 p.
35. *Nouvelles locales* // *Courrier de Marseille*, 1850, 21 juin, p. 2.
36. *Nouvelles locales* // *Courrier de Marseille*, 1851, 10 novembre, p. 2.
37. Ritz O. *La fabrique romanesque de la Révolution française* // *Acta fabula*, 2015, vol. 16, no. 4. Available from: <https://www.fabula.org/revue/document9256.php> (accessed 10.03.2025).
38. Ritz O. *L'an IX ou l'historiographie de la Révolution en débat* // *La Révolution française*, 2016, no. 10. Available from: <http://journals.openedition.org/lrf/1603> (accessed 10.03.2025).
39. Saminadayar-Perrin C. *Entrer en Révolution* // *Elseneur*. T. 39. *Alexandre Dumas, ou l'art de bien commencer*. Caen, Presses universitaires de Caen, 2024, pp. 97–110.
40. Sawyer S. *La Revolution selon Alexandre Dumas. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master's of Art*. Montreal, 1994. 162 p.
41. Sevet F. *Le personnage de Gilbert dans Joseph Balsamo d'Alexandre Dumas: un vrai apprentissage?* // *Chimères*, 2007, vol. 30, no. 1, pp. 45–54.
42. Simon G. *Histoire d'une collaboration. Alexandre Dumas et Auguste Maquet*. Paris, Éditions Georges Crès & Cie, 1919. 204 p.
43. Thiers M. A., Bodin F. *Histoire de la Révolution française: accompagnée d'une histoire de la révolution de 1355, ou des États généraux sous le roi Jean*. Paris, 1834, vol. 1, 5, 6.

**BARON DE BAZANCOURT:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART VIII. “LE MONTAGNARD...” VS “ANGE PITOU”**

Orekhov V. V.

Baron de Bazancourt's novel “Montagnard, or The Two Republics: 1793–1848 (1850–1851)” was one of the first large-scale artistic treatments of the events of the French Revolution. The text was created amidst political struggle and pursued ideological goals. Meanwhile, the author was forced to draw material from the works of historians whose conclusions contradicted Bazancourt's own ideological principles. This article analyzes Bazancourt's methods of interpreting historical facts in accordance with the ideological vector set forth in the novel. The creative solutions in Bazancourt's novel are examined in comparison with the updated artistic tactics of A. Dumas, embodied in the novel “Ange Pitou”, which also tells the story of the French Revolution and was written simultaneously with Bazancourt's “Montagnard”.

Keywords: Baron de Bazancourt, Montagnard, A. Dumas, The Great French Revolution, 1793, Ange Pitou.

3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070.11:94(477.75) «1853/1856»

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-129-142

«КРОВЬЮ БЫ СЛЕДОВАЛО ПИСАТЬ ЭТИ ЗАПИСКИ, НЕ ЧЕРНИЛАМИ»: КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПЕТРА АЛАБИНА ИЗ ОСАЖДЕННОГО СЕВАСТОПОЛЯ

Бояркина Н. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: boiarkina-natalia@list.ru*

Имя Петра Владимировича Алабина широко известно как историографа Крымской войны и инициатора создания музея Севастопольской обороны. На протяжении всей кампании он вел походный дневник, который академик Е. В. Тарле считал «правдивым и драгоценным для историка». Однако офицер Алабин создавал походные записки не только для будущих исторических трудов, но и для информирования своего современника о происходящем на театре военных действий. Свой фронтовой дневник он вел не только как военный мемуарист, но и как журналист. Обращение к алабинским корреспонденциям в ведущем информационном ресурсе Российской империи – газете «Северная пчела» – позволяет расширить представление о журналистских поисках периода Крымской войны – эпохи зарождения и стремительного развития отечественной военной журналистики. В настоящей статье анализируются корреспонденции Алабина из осажденного Севастополя и устанавливается их главная особенность – кинематографичность.

Ключевые слова: Петр Алабин, Крымская война, оборона Севастополя, «Северная пчела», походные записки.

ВВЕДЕНИЕ

На прошедший, 2024 г., выпало два важных юбилея – 170-летие начала Первой героической обороны Севастополя и 200-летие со дня рождения ее знаменитого участника Петра Владимировича Алабина. Этот севастопольский ветеран, особо отличившийся в Инкерманской битве 24 октября 1854 г., при защите города 17 апреля 1855 г. и при штурме Севастополя 27 августа 1855 г.¹ [4], как известно, внес весомый вклад в историографию Крымской войны (его походные записки академик Е. В. Тарле считал «правдивыми и драгоценными для историка» [20]), а также инициировал создание музея Севастопольской обороны² [21], став одним из его организаторов.

Идею о необходимости собирать подробные сведения о героической обороне Севастополя Алабин впервые высказал в одной из своих корреспонденций из осажденного города еще в октябре 1855 г.:

«Севастопольских защитников ждут веющие струны Баяна: они, будет время, еще прогремят миру чудную повесть дивных подвигов. И чтобы не погибло ни одной сколько-нибудь замечательной частности этой необыкновенной эпопеи для современников и потомков, каждый из защитников Севастополя обязан рассказывать то, чему был свидетелем, то, в чем он принимал участие, то, о чем слышал от верного человека» [16].

¹ За участие в этих сражениях Петр Алабин был награжден, соответственно: орденом Св. Анны III степени с мечами и бантами; званием капитана; орденом Св. Станислава II степени с мечами.

² Ныне Военно-исторический музей Черноморского флота Министерства обороны РФ.

Сам Алабин на протяжении всей кампании вел походный дневник, который впервые был опубликован в 1861 г., а затем переиздан в составе большого труда «Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1878 годах» (1888–1893) [1].

«Программа» Алабина как хроникера базировалась на нескольких основных положениях: передавать то, чему он был личным свидетелем, а также рассказы своих боевых товарищей – очевидцев и участников дела; подробно и точно («с математической точностью») излагать обстоятельства событий, в которых участвовали полки его дивизии; не изменять написанного ни по каким причинам, сохраняя первоначальный вариант изложения как непосредственный оттиск совершающихся событий.

Основная цель ведения дневника – фиксация происходящего. Алабин сетует, что «мы не знаем и сотой доли совершающегося вокруг нас» [1, с. 469], а потому нужно пытаться сохранить максимально больше частных и подробностей как основы для работы будущего военного историка.

Но офицер имеет и более близкую цель – он пишет материал не только для будущего исторического труда, но и для текущей минуты. В корреспонденции от 6 октября 1855 г., извиняясь за безыскусность изложения, Алабин говорит, что отделкой текстов нет времени заниматься:

«Спешим их сообщить потому, что знаем, с каким нетерпением ждет Россия-матушка самых мелочных подробностей о нашем здесь пребывании, о нашей здесь борьбе с недругом» [14].

Чтобы тыловая Россия получала столь востребованную информацию, Алабин отправлял фрагменты походного дневника в газету «Северная пчела», с которой был связан предыдущими публикациями: в этом издании печатались его походные записки периода Венгерского похода русской армии 1849 г. [3] Немаловажно, что Алабин предоставлял редакции и другие материалы, увековечивавшие севастопольскую эпопею. Так, в приложении к дневнику содержится рассказ о подпоручике Николае Васиче и сообщается, что автором направлялась для опубликования в «Северной пчеле» подборка стихотворений этого героя, однако не была использована редакцией. Отдельные опубликованные материалы походных записок написаны в форме, явно выпадающей из дневникового дискурса. В то же время некоторые тексты, не вошедшие в дневник и не являющиеся его частью, предназначались специально для печати. Таковы, в частности, очерк об унтер-офицере Василии Чумаченко, помещенный в «Художественном листке» за 1857 г. (№ 17), статья о встрече возвращающихся с войны Камчатского и Охотского полков в городе Воронеже, опубликованная в «Северной пчеле» за 1856 г. (№ 185). Все это свидетельствует о том, что Алабин, создавая летопись Первой героической обороны Севастополя, работал не только как военный мемуарист, но и как журналист.

Журналистские поиски периода Крымской войны закономерно становились предметом исследования, учитывая, что именно в эту кампанию в России зародилась и начала стремительно развиваться военная журналистика. Предприняты труды, посвященные функционированию и развитию нормативной базы института цензуры в рассматриваемый период [22]; отражению хода кампании на страницах различных периодических изданий [8, с. 311–363]; комплексному анализу освещения Крымской войны русской периодикой [9]; отдельным авторам, сообщавшим прессе о ходе севастопольской эпопеи [10; 11]. В том числе в отечественной научной литературе затрагивалась тема освещения событий Крымской войны Петром Алабиным [9] и газетой «Северная пчела» [5; 6; 23]. Последняя, между прочим, относилась к числу своих заслуг организацию регулярного предоставления читателям военной информации – «заведение

постоянной корреспонденции <...> на местах военных действий прошлого времени» [19]: у издания имелись свои собственные постоянные корреспонденты, которые систематически направляли материалы из тыловых Симферополя и Ялты и из сражающегося Севастополя. Таким постоянным корреспондентом, писавшим из действующей армии, был Петр Алабин. В то же время алабинские корреспонденции не становились предметом подробного анализа, который может дать важный материал для изучения способов освоения реальности войны и жанрового поиска в сфере военной публицистики.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Петр Алабин в составе 11-й пехотной дивизии прибыл в Крым с Дунайского театра военных действий в середине октября 1854 г. В своих записках офицер отмечает, что переброска войск была беспримерной по скорости: шли почти без привалов. Напряженность перехода, вызванная необходимостью скорее поспеть в Севастополь, казалось, отражалась и на публикации походных записок офицера: корреспонденции о движении войска от молдавских Скулян до Перекопа размещались в «Северной пчеле» почти подряд в семи номерах газеты за 1855 г. (№№ 31–34, 36, 80, 81).

В середине октября 1854 г. (15 числа) полки 11-й дивизии зашли на полуостров через Перекоп и через шесть дней вступили в долину Черной речки, чтобы принять участие в своем первом деле – Инкерманском сражении. В дальнейшем весь период осады дело защиты левой половины Севастополя принадлежало 11-й пехотной дивизии, участвовавшей почти во всех событиях обороны этой части города.

В записках Алабин кратко очертил боевой путь своего подразделения:

«Мы, одни из первых поспевшие на театр военных действий в Валахию, первые приняли на свою грудь напряженные удары вражды; семь месяцев потом с ружьем в руке оберегали берега Дуная, не раз испытывая кровавые встречи с недругом; мы поспели к осаде силестрийской, – поспели, чтобы усеять своими костями высоты Инкерманские; чтобы восемь месяцев собирать на стогах Севастопольских обильную жатву лавров; чтобы вписать имена своих полков в скрижаль народной памяти; чтобы сделать незабвенными русскому сердцу неоконченные валы Селенгинского редута, французские апроши к Камчатскому люнету, траншеи Зеленой горы и вечно памятный Третий бастион!» [1, с. 645–646].

В одной из записей фронтового дневника офицер приводит приказ генерал-лейтенанта Хрулева с перечислением главных боевых операций марта–августа 1855 г., в которых участвовали и отличились полки 11-й дивизии: это, в частности, отбитие нападения французов на едва начатый Селенгинский редут в ночь с 10-го на 11-е февраля; отражение натисков неприятеля на Камчатский редут в ночь с 5-го на 6-е марта и в ночь с 10-го на 11-е марта; ночной бой Камчатского полка с неприятелем перед 3-м бастионом 26-го мая; штурм 6-го июня, который стал «наградой 11-й дивизии за тяжкую службу в Севастополе, ибо всем полкам этой дивизии досталась своя доля славы»: «Так, якутцы помогли вырвать батарею Жерве из рук врага, на мгновение восторжествовавшего; селенгинцы помогли отбить его повторенную атаку от оборонительной стенки и бастиона № 2-го; камчатцы были участниками в отбитии атаки англичан от бастиона № 3-го и произвели опустошение в толпах французов, занявших батарею Жерве; наконец, охотцы выбросили врага штыками с батареи Брылкина, и трупами врага устлали пространство перед ”Пересыпкою”» [1, с. 527].

Два из перечисленных сражений описаны в газетных публикациях, а именно: отбитие атаки на Селенгинский редут и штурм 6-го июня после четвертого бомбардирования города. Кроме того, в газетных корреспонденциях отражены такие события в истории севастопольской обороны и участия в ней 11-й пехотной дивизии, как вылазки в ночь на 1 января 1855 г. и в ночь с 29 на 30 апреля 1855 г. силами Охотского егерского полка, как раз отмеченного в приказе Хрулева «рядом самых отважных вылазок». Таким образом, тематически газетные корреспонденции на основе алабинских походных записок освещают четыре чрезвычайно важных эпизода севастопольской обороны. Кроме того, отдельный очерк обрисовывает общую картину борьбы осажденного города. Хронологически корреспонденции охватывают период с 1 января 1855 г. по начало июня 1855 г.; последнее описываемое событие – четвертое генеральное бомбардирование города, за которым последовал общий штурм.

Записки из осажденного города публикуются в девяти номерах газеты за 1855 г. и в первом номере за 1856 г. Некоторые очерки велики по объему и помещаются в нескольких номерах, в частности, рассказ о бомбардировании и штурме города публикуется в трех газетных выпусках. В этом случае редакция старается давать их в смежных номерах. При этом значимым алабинским корреспонденциям нередко отводится все приложение «Пчелка».

При публикации походных записок редакция не придерживается хронологического принципа, очерки помещаются в газете не в хронологической последовательности, что может свидетельствовать о стремлении газеты отдавать приоритет описанию наиболее масштабных событий. Например, обобщающий очерк о севастопольской беспримерной борьбе помещается в газете раньше записок об обустройстве Селенгинского редута; о четвертом бомбардировании 5 июня 1855 г. – раньше вылазки в ночь на 30 апреля 1855 г.

Возможно, также, что сам Алабин отправлял рукописи в редакцию не в хронологическом порядке; иные из них могли требовать сбора дополнительных данных и, соответственно, задерживались. Так, рассказ о создании Селенгинского редута содержит более поздние тексты – выдержки из реляций, опубликованных в союзнических газетах, которые офицер получил гораздо позже и которые в тексте походных записок появляются в отдельной записи спустя месяц после события.

Отметим, что в целом газетные тексты Алабина содержат не так много отличий от текста записок. Например, в одной газетной корреспонденции опущен небольшой фрагмент с характеристикой нашего оружия: изъяты слова о том, что мы вооружены хуже противника; у нашей пехоты в основном гладкоствольные ружья, а потому мы уступаем в эффективности ружейного огня, хотя при наличии чтуцеров наши стрелки превосходят неприятеля. Можно предположить, что этот фрагмент был вымаран либо редакцией по цензурным соображениям, либо самим автором – по соображениям объяснимой в военное время «самоцензуры».

Из опубликованных в газете записок особую ценность представляет повествование о четвертой генеральной бомбардировке и последовавшем затем общем штурме города, которое в дневнике Алабина также дополняется сведениями о перемирии для уборки трупов. Это самая пространная из алабинских корреспонденций, которая помещена в трех номерах газеты за 1855 г.: №№ 221, 262 и 263.

Петр Алабин занимал штатную должность штабного офицера. В записях из походного дневника он расшифровывал, что входило в обязанности его как полкового адъютанта: передача распоряжений и приказаний; сбор различных сведений по

отделению с целью надзора за исполнением распоряжений и проверки способа исполнения; ежедневный доклад начальству о происходящем в отделении; составление отчетов; подготовка представлений к наградам и т. п. Так, имея доступ к информации, в частности о потерях в войсках, Алабин сопровождает свои записи о боевых операциях такого рода сведениями.

Положение штабного офицера, которое обязывало Алабина, с одной стороны, знать общее положение дел, иметь представление о принятых диспозициях и даваемых распоряжениях, а с другой – знать и выяснять роль и степень участия каждого из действующих лиц, во многом определило характер его походных записок. Повествование в них строится на умелом, талантливом сочетании планов: у Алабина общий план дополняется крупным планом, общая картина события, панорама всегда включают показ отдельных деятелей – в эпизодах, в лицах, в речевом проявлении.

Эта особенность ярко выражена в корреспонденции Алабина о событиях 5–6 июня 1855 г. Очеркист сообщает, что в четыре часа утра началось четвертое бомбардирование Севастополя, которое стало одним из самых разрушительных. Автор отмечает использование противником различных способов бомбардирования, анализируя их особенности. Неприятель стрелял преимущественно залпами, сосредоточившись на левой стороне оборонительной линии; не только с земляных батарей, но и с кораблей, задействованных примерно с полуночи; периодически приближалась неприятельская плавучая батарея, едва возвышающаяся над водой и потому почти незаметная в темноте, которая давала залп ракетами и отходила. На Корабельной не было места, куда бы не падали снаряды, но армейская жизнь шла своим чередом, лишь жители покинули улицы, да чаще обыкновенного появлялись «кровавые носилки с печальной ношею».

Рисуя общий план, Алабин создает величественную картину Малахова кургана:

«Как некий великан, одетый страшною броней батарей, он гордо встряхивает могучею главой, убранный густыми кудрями дымных облаков. Будто шлемом, прикрытый белыми остатками знаменитой круглой башни, он с грозным спокойствием посылает перуны во все стороны...» [16].

И далее общая картина начинает наполняться частностями, рассказчик наводит «объектив», и в «фокусе» появляются сначала безымянные герои: батарейный командир, «стоящий бестрепетно в урагане смерти и обдуманно поражающий врагов, тогда как десятки его товарищей и подчиненных падают вокруг него под губительной косою, обливая его своей кровью, немедленно заменяемые другими, готовыми испытать ту же участь!» [16]; солдат Охотского полка, молившийся в маленькой землянке и убитый во время молитвы разрывом бомбы. Затем являются герои с именами: капитан 1-го ранга Юрковский, начальник четвертого отделения оборонительной линии, смертельно раненный осколками бомбы в руку, в ногу и в бок; рядовые Семен Копальский и Григорий Ткаченко, прикрывающие собой от осколков командующего 8-й пехотной дивизии генерал-адъютанта князя Урусова, который не успел воспрепятствовать порыву молодцов; рядовой Трофим Белоусов, не растерявшийся в момент опасности и столкнувшийся по скату горы ружейным прикладом трехпудовую бомбу, упавшую на пороге порохового погреба на третьем бастионе.

За бомбардировкой следовал штурм. По словам автора, он начался в два часа и 50 минут утра; неприятель бросился на 1-й и 2-й номера. Рисует общий план:

«Батальный огонь разлился по всему пространству до 3-го бастиона. Малахов курган стоит будто опоясанный двумя пламенными лентами; огненная река льется по всему протяжению оборонительной стенки; наш ружейный огонь усиливается ежеминутно, не прерываясь ни на мгновение. Значит, наши резервы подходят

вовремя...»; «огромные массы неприятеля рассыпным строем близятся к нашим батареям... Вот они уже у волчьих ям, что перед 2-м номером, вот лезут во рвы первого бастиона Малахова кургана, вот близятся к 3-му бастиону...»; «англичане были не так упорны и во время этой повторенной атаки французов уже отхлынули совершенно от третьего бастиона и Пересыпки» [17].

Затем опять работает «зум», при приближении читатель видит «сумятицу рукопашного боя», в которой различима фигура красавца-француза, вскочившего на крону бруствера, но поваленного пулей и штыком, опрокинутых вслед за ним неприятелей, в сторону которых по команде майора Степанова «Камнями их, ребята!» несется град больших камней из оборонительной стенки.

На общих картинах сражения барельефами проявляются образы его участников. Скажем, генерала Будищева, который бросается на третий бастион, чтобы оттуда дать направление своим мортирам; на опасном месте оценивает сложившуюся ситуацию, дает распоряжение своему командору, а в следующее мгновение падает, сраженный штурцовой пулей.

Бой «разделился на сотню отдельных картин, на сотню разнородных эпизодов» [17], – как будто описывает свой метод Алабин. Один из ключевых моментов сражения – отбитие батареи Жерве – описывается через отдельные эпизоды, воссоздающие действия храбрецов, которых читатель не только «видит», но и «слышит», в частности, первого вбежавшего на батарею рядового Севского пехотного полка Ищука; предотвратившего взрыв порохового погреба рядового первой гренадерской роты Якутского пехотного полка Дорофея Музиченко. В целом во фрагменте, описывающем штурм, фигурирует больше десятка поименованных участников, многих из которых читатель «слышит» по их возгласам, репликам, брошенным друг другу.

Алабин повествует и о том, что следует за штурмом 6 июня, потому что армейская жизнь продолжается: о благодарственном молебне, причем читатель знакомится с полным текстом речи его отслужившего старшего священника Камчатского полка Отца Евгения Федюшина, о перемирии.

Во фрагменте, рисующем «послесловие» битвы, представлены особенности солдат разных национальностей: русские быстро забывают о гордости победителей, проникаясь состраданием к побежденным. Штурм завершился, но огонь еще продолжался, так что забрать раненых было трудно. Русские солдаты позволяли раненым уползать, жестаами давая им понять, что не будут стрелять; иногда сами подползали к раненым врагам, чтобы дать напиток. В то же время, сидевшие в траншеях англичане, открывали в аналогичных случаях стрельбу, чем вызывали проклятия своих же соратников. Французы после неудачного штурма оказались обескуражены, утратили твердость духа (в отличие от русских солдат, которые не позволяют себе впадать в уныние даже в самых тяжелых обстоятельствах). Самонадеянность противника Алабин иллюстрирует двумя курьезными случаями: раненый французский офицер не желал принимать медицинскую помощь, поскольку был уверен, что в течение получаса весь Севастополь будет в руках союзников; неприятельский капрал преспокойно ждал своих у церкви Белостокского полка в уверенности, что Севастополь падет через четверть часа.

Большой интерес представляет также очерк, опубликованный в двух номерах «Северной пчелы» за 1855 г. (№№ 128, 129), рассказывающий о военной тактике севастопольской обороны и об участии в борьбе горожан. Повествование здесь не «привязано» к какому-либо отдельному событию обороны, как это свойственно дневнику, а создает панораму, «собранную» из разновременных эпизодов.

Алабин сообщает, что борьба с врагом ведется на воде, на земле, под землей и в воздухе. Хотя после затопления судов наши корабли из бухты не выходят, они стоят в боевой линии всегда готовые к действию, бортами к морю с открытыми люками:

«В первой линии (напротив Павловского форта) стоят корабли “Париж” (у мыса), “Великий князь Константин” (в середине) и “Храбрый” (у Северной), готовые к бою по первому сигналу. Адмиральский флаг поднят на корабле “Великий князь Константин”. Пароходы беспрестанно шмыгают по бухте» [12].

О «подземной» войне автору по понятным соображениям секретности слишком распространяться нельзя, но все же он упоминает, что все подкопы союзников Тотлебен умело обращает против них самих. Подробнее говорится о наземных работах, благодаря которым Севастополь превратился в сильную крепость. Город обвит грозною цепью батарей и бастионов, все пространство перед оборонительной линией усеяно сотнями ложементов, завалов, небольших окопов, связанных сетью траншей. Все это таким образом составляет неприступное целое, которое «еще более спланивается глубоким рвом и высоким валом, соединяющим бастионы» [12]. Несколько домов приведены в оборонительное положение, в окнах казарм размещены орудия, на многих улицах устроены баррикады. В это время неприятельские батареи нагромождаются от моря до Черной речки в две и более линий. Расстояние, разделяющее противников, составляет всего 200 шагов, наши стреляют из ложементов, неприятель – из траншей.

Таким образом, Алабин воссоздает максимально точную, представимую зримо картину города на осадном положении. При этом он зачастую старается разъяснить суть военной терминологии. Так, например, в записках он объясняет, что такое ложемент. В газетной версии это разъяснение отсутствует, поэтому, вероятнее всего, является более поздней вставкой. В то же время в газетной корреспонденции рассказывается, что собой представляет блиндаж. Описав это сооружение, офицер не может не упомянуть о сигнальщиках – «живой и единственной защите». Он рассказывает читателю об обязанностях службы сигнальщиков, приводя ряд примеров их бесстрашия. Рядовой Селенгинского пехотного полка Петр Петров засыпал землей и притоптал упавшую на Камчатский люнет бомбу; рядовой этого же полка Макар Сидоренко под неприятельским огнем погнался за бандскутелем и затушил его мешком земли. В день первого бомбардирования матрос Трофим Александров бросился к бомбе, упавшей рядом с толпой солдат:

«– Бережись, бережись, – закричали ему товарищи: курица, курица!.. Но Александров знал, что делал: схватил грязи и залепил горячую трубку. Она погасла... Матрос перекрестился, и, толкнув ногою бомбу, крикнул товарищам: – Эх вы, солдатами зовётесь, а курицы боитесь!..» [13].

Многообразнее всего, по словам офицера, воздушная война: звуки ружейной стрельбы не прекращаются ни на минуту, они дополняются разнообразными звуками канонады. Разрывает воздух ракета, свищет ядро, хлощет бомба, ревет бомбовое орудие парохода – автор стремится создать у читателя представление о том военном «концерте», который несмолкаемо звучит в городе и к которому все настолько привыкли, что не обращают на него внимание. Причем привыкли не только воины, но и горожане.

Алабин рассказывает об участии женщин и детей в осадной жизни. Женщины проявляют мужество: «видя твердость женщин в самые опасные мгновения, укрепляется даже слабейший духом» [12]. Женщины торгуют даже на самом Малаховом кургане; во время бомбардирования беспрестанно носят воду на бастионы; помогают на перевозочных пунктах.

Рассказывая о женщинах Севастополя, Алабин, согласно своей манере, не ограничивается созданием общей картины, и приводит частные – показательные – случаи. Так, после дела с 10 на 11 марта 1855 г. было много раненых, на перевязочный пункт пришла старушка и две женщины, которые предложили забрать с дюжину раненых, чтобы оказывать им помощь в своем доме. И так поступают многие – констатирует рассказчик. После дела 24 октября на Инкерманских высотах матроска явилась на дорогу, близ которой находилось много легкораненых: не желая идти в госпиталь, они отдыхали, измученные ранами, голодом и усталостью. Женщина принесла с собой готовое тесто в горшке, масло, сковородку и дрова и стала прямо там жарить оладьи, бесплатно угощая солдат.

Приноровились к войне и дети: мальчишки беспрестанно бегают на батарею к своим отцам, принося им необходимое; работают веслом; собирают неприятельские снаряды. И это – под беспрестанным огнем. Очеркист приводит случай с мальчиком, собравшим за день тридцать шестнадцатикилограммовых ядер. Играют дети в войну, особенно любят изображать Синопское сражение, а также Инкерманское. Иногда ребята заигрываются до того, что в дело приходится вмешиваться полицейским. Так, однажды участникам «Синопского сражения», заигравшихся до драки, решено было всыпать розог.

«Приговор немедленно был исполнен над “турками”. Дошла очередь до старшей девочки лет восьми.

– Помилуйте, ваше благородие, – просила девочка, я ведь не дралась...

– Врешь, все вы там были!

– Нет, помилуйте, не были! Всех спросите, так скажут, что не были... Я была Корнилов, мы с пароходами оставались!» [13].

У этих ребят, некоторые из которых изуучены ядрами, на костылях, самое оскорбительное ругательство – трус. Всматриваясь в жизнь севастопольских детей, Алабин восклицает:

«Севастополь сделался рассадником героев. Все, что живет в его окопах, воспиталось войной, повито опасностью, вскормлено нуждой, взлелеяно лишениями» [12].

Важная информация о севастопольском противостоянии содержится и в газетных публикациях (1855 г.; №№ 218, 219), повествующих о сооружении Селенгинского редута и последовавшей атаке неприятеля, попытавшегося отнять и уничтожить начатое укрепление. Здесь обращает внимание, каким Алабин представляет своего читателя: он адресует очерк своему современнику, зная, что каждый россиянин, который так или иначе интересуется текущими событиями, имеет перед глазами топографические карты и планы Севастополя и по ним составил себе представление о характере севастопольской местности и расположении войск. В очерках, посвященных Селенгинскому редуту, автор раскрывает особенности бастионной, блиндажной и траншейной жизни, которую подробно живописует в своих записках.

Читатель получает наглядное представление о севастопольском противостоянии: о тяжелой, изнурительной ночной работе по сооружению укреплений под неприятельским огнем, о беспрестанном, почти сизифовом труде по исправлению дневных разрушений и по возрождению практически стертых неприятельским огнем валов и насыпей; об опасных ночных вылазках для замедления или разрушения неприятельских земляных работ, о постоянных атаках на наши укрепления:

«Днем допекает бомбардировка да таскание раненых, а то можно было отдохнуть. Но зато ночью!.. Едва настанет вечер, и потянутся по всем направлениям вереницы людей: столько-то в секрет, столько-то в цепь, в прикрытие; главный расход на работы, на эти страшные работы под итуцерным огнем, где бомбы и гранаты считаются почти пустяками, но где пули носятся, как комары на болоте» [1, с. 480].

Так, при сооружении редута «нашим предстояла египетская работа: редут воздвигался на каменистом грунте, едва покрытом тонким слоем земли. Почти вся работа проводилась кирками; искры летели от усиленных ударов о каменистый грунт, но, несмотря на то, надо было сделать несколько ударов киркою, чтобы отбить небольшой кусок камня» [14].

В течение суток, сообщает офицер, неприятель по каким-то причинам мало беспокоил огнем работающих, но потом решился на внезапную атаку сильным отрядом отборного войска, в составе которого, в том числе, были два батальона зуавов и под сотню охотников, вызванных из всей французской армии. Завязался бой, который очеркист описывает, используя смену планов. На общем плане французы устремляются на «свернувшихся в колонны» волынцев, несколько раз оказываются отбиты, перестраиваются, снова бьют и снова отступают; на среднем – штаб-офицер, командир охотников, бросается в редут, но оказывается поднят на штыки; за ним заскакивает молоденький офицер, который тут же получает удар киркой по голове, за ним – еще офицер, которому будто невидимая рука помогает взобраться на вал, но он тут же схвачен «за ворот», из рук его «вышиблена» сабля, и «молодца» тащат вглубь редута.

Крупный план здесь изображен новым способом: непосредственно в рассказах самих участников, воссоздающих эпизоды общей атаки. Это дает эффект максимального погружения, когда читатель оказывается внутри события, на месте конкретного участника битвы, видя его глазами, действуя заодно с ним, эмоционально переживая вместе с героем. Такой эффект, в частности, дает рассказ сотника пешего черноморского казачьего батальона № 8 Даниленко:

«<...> А я все с этим вожусь... Приколоть-то, бачите, им нечем меня, один меня за горло держит, а я его одной рукой схватил за ружье, другой рукой другого за грудь, а прежде еще вышиб у него из рук ружье... Он рвется у меня к ружью своему, а я их обоих подтягиваю к шашке, зная, где они ее бросили; вот и возимся... Тут-то я вспомнил, что при мне кинжал. Я как брошу от себя того, которого за грудки держал, тот полетел, а я выдернул кинжал, да в брюхо тому, что меня за горло душил... он так и затрепетался!.. А тот другой бежал от меня и ружье забыл!» [15].

Алабин подчеркивает, что любит потолковать с солдатами после дела: их живые рассказы, в которых содержатся «весьма оригинальные взгляды», «преисполнены занимательности, потому что передаются самими героями рассказов, под влиянием свежего впечатления от едва замолкшего боя» [15]. Офицер записывает также беседы солдат друг другом. Так, например, воспроизводится разговор бывалого Михеича с небывавшим в деле артельщиком о том, как еврей Мошка пожелал креститься после атаки. Эта история изображает человека, первый раз оказавшегося в бою, которому впервые приходится убивать. Преодоление подобного психологического барьера – общая тема в контексте проблематики человека с ружьем, и Алабин раскрывает ее в своих корреспонденциях.

Подобные живые свидетельства дополняются другими ценными источниками информации: неприятельскими письмами и откликами иностранной печати. Так, очеркисту попадает в руки письмо от матери погибшего французского офицера и черновой вариант ответа последнего. Алабин считает эти письма ценным материалом, который дает представление о состоянии – материальном и психологическом – неприятельской армии, а потому считает целесообразным его обнаружение.

Мать в письме говорит о своей тревоге за сына, которую усиливает недостаток информации с фронта: о событиях старушка узнает из газет, которые лишь иногда говорят правду об истинном положении союзнической армии, и от окружающих, чьи дети тоже находятся на войне. По словам матери, газеты уверяют в отсутствии нужды в продовольствии и теплой одежде; военные обеспечены фуфайками, теплым нижним бельем, шерстяными носками и даже сабо. Однако сын отвечает на это, что из теплых вещей они получили лишь пару чулок (Алабин дополняет, что, по рассказам французов, сабо они сожгли в кострах, чтобы согреться).

Позже офицер познакомится с иностранными газетами, напечатавшими репортажи о деле 11–12 февраля 1855 г. (Алабин сопроводит ими публикацию). В донесении вице-адмирала Брюа и письме лорда Раглана дело описано как полностью выигранное французами, которые якобы с необыкновенной быстротой отняли редут и совершенно разрушили его. Алабин отмечает, что отступать от истины (в «Северной пчеле» – «бессовестно лгать») – явление обыкновенное в европейских газетах, которое ныне сделалось нормой и для составителей репортажей.

Еще две из газетных публикаций посвящены вылазкам, осуществленным в ночь с 1 января 1855 г. (№ 81 от 1855 г.) и в ночь на 30 апреля 1855 г. (№ 1 от 1856 г.).

Первая корреспонденция представляет собой небольшой рассказ и примечательна тем, что отсылает к публикации «Одесского вестника» за 4 января 1855 г., утверждавшего, что вылазка осуществлялась моряками. Алабин поправляет автора (г. Славони), отмечая, что операция проведена преимущественно силами пехоты, и указывая состав участвовавших войск: левая колонна из трехсот охотников под командой лейтенанта Астапова и левая колонна из двухсот охотников под предводительством лейтенанта Бирюлева с резервами и прикрытием.

Вторая корреспонденция содержит много важных подробностей вылазки в ночь на 30 апреля на Зеленую гору. Сообщается, что противник до этого сильно тревожил нас фальшивыми тревогами, и, чтобы «проучить» его, организована была вылазка «посильнее предыдущих»; рассказывается о хитрости неприятеля – играть в разгар боя наш сигнал отступления и тем самым дезориентировать наши войска; о трудностях весенней распутицы. В частности, говорится, что нашим пришлось ползти более километра против ветра, по глубокой грязи до траншей англичан, которые не оказывали серьезного сопротивления:

«По грязи он уйти не может, – рассказывали мне солдаты, – да и этот не то, что француз прыткий; у этого башмаки станут сваливаться, он запутается, присядет, ружье тебе свое в руки сует, бормочет что-то и дрожит, как лист» [18].

Далее в корреспонденции сообщается о панихиде, отслуженной по убитым за период осады охотцам, о благодарственном молебне и обедне, о празднике в честь юбилея шестимесячного пребывания Охотского полка в Севастополе.

Рассказывая о панихиде, Алабин уточняет, что в числе убитых священник упоминал одного только боярина Николая – Николая Александровича Кондратьева. Очеркист

собрал сведения о последних днях и минутах Кондратьева, считая их замечательными. Автор рассказывает о предчувствии, которые было у Кондратьева перед вылазкой на 20 декабря 1854 г., в которой он погиб; об обстоятельствах героической гибели. Юноша-герой в пылу рукопашного боя увидел, что двое зуавов набросились на солдата, который повалил одного, но оказался под ударом штыка другого:

«Тигром бросился Кондратьев на зуава и шашкой разрубил ему голову; тот повалился, но, падая, чем-то зацепил взведенный курок своего ружья, выстрел пришелся в грудь Кондратьеву» [18].

Включая в свои записки рассказ о празднике, Алабин поясняет, что значит шестимесячный срок пребывания в осажденном городе:

«Не трудно произнести эту фразу вам, господа, не испытавшим ни одного дня этой жизни в грязи и смраде траншей и блиндажей, беспрестанно вынося атаку миллионов самых несносных насекомых; этой жизни, так сказать под косою смерти, над вами парящей в образе сотен тысяч разнообразных снарядов, ежеминутно видя перед собой ее ослабленный лик и вокруг себя разрушение и гибель» [18].

ВЫВОДЫ

Петр Алабин прошел всю «севастопольскую страду». В составе 11-й пехотной дивизии он прибыл с Дунайского театра военных действий в Крым спустя месяц после начала осады Севастополя, в октябре 1854 г., и покинул полуостров после заключения Парижского мира в апреле 1856 г., проведя в осажденном городе полтора года. События обороны города Алабин описывал в походном дневнике, который вел на протяжении всей кампании. Часть дневниковых записей послужила основой для корреспонденций, которые офицер направлял в газету «Северная пчела». Эти материалы публиковались газетой на протяжении 1855 г. – января 1856 г.

Походный дневник Алабина создавался как текст, ориентированный на широкого читателя. Это подтверждается и тем, что фрагменты дневника превращались автором в корреспонденции для «Северной пчелы», и тем, что порою, напротив, очерки, созданные специально для публикации в прессе и отступающие от формата поденных записей, затем присоединялись к дневниковому тексту. Таков, в частности, объемный очерк, опубликованный в «Северной пчеле» за 1855 г., воссоздающий панораму жизни осажденного города и по формально-содержательным признакам близкий к рассказу Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце». То есть Алабин изначально воспринимал свое творчество как синтез военной хроники и военного репортажа.

Алабин был штабным офицером и в силу обязанностей собирал и обобщал сведения о своей дивизии, боевых операциях, данные о персональном участии в них солдат и офицеров. Наличие широкой и, одновременно, подробной информации определяло особенность алабинских очерков, построенных на умелом сочетании изобразительных планов. Монтаж – один из основных признаков кинематографичности – специфический признак алабинских текстов, которые выстроены как «покадровое видение» [2]. Создавая военные панорамы, автор варьирует ракурсы и «крупности», придает письму свойства аудиовизуального ряда, наполняя текст выразительными подробностями, позволяющими читателю не просто следить за ходом событий, но и «видеть» отдельные «картины» боя, лица участников, «слышать» звуки сражения. Широкое использование крупных планов, где изображаются отдельные воины с присущими им индивидуальными чертами

(портретные детали, речевые особенности), позволяет передать моральное состояние войск, специфику национальных характеров, осознать мотивацию участников событий.

Обращение к севастопольским текстам Алабина расширяет представление о журналистских поисках периода Крымской кампании. Исследователи уже определяли изобразительную специфику, присущую другим военным корреспондентам того периода: «документально-субъективированный историзм сочинений Е. П. Ковалевского, поэта сиюминутного действия “Ночной вылазки...” А. Д. Столыпина, жанровая мозаичность корреспонденций Н. И. Берга, стенограммная точность “бесед” с простыми солдатами Н. П. Сокальского, художественные обобщения в “Севастопольских рассказах” Л. Н. Толстого» [7, с. 49]. Думается, этот ряд характеристик следует продолжить «кинематографичностью» очерков П. В. Алабина.

Список литературы

1. Алабин П. В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1877 годах. Т. 3. Защита Севастополя. – М., 1892. – 810 с.
2. Асеева О. А. Феномен литературной кинематографичности в современном литературном процессе // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2010. – № 3 (51). – С. 8–11.
3. Бояркина Н. В. Особенности освещения газетой «Северная пчела» Венгерского похода русской армии 1849 года // МедиаВектор. – 2025. – Вып. 14. – С. 13–20.
4. Жаравин В. С. Почетный гражданин Вятки – Пётр Владимирович Алабин. – Центральный государственный архив Кировской области (сайт). – Режим доступа: https://cgako.ru/static/page_files/9ba7e7c66a7511eaa0225254007c38a0.pdf. – (Дата обращения: 25.07.2025).
5. Лучинский Ю. В. Критика европейской прессы на страницах «Северной пчелы» в период Крымской войны // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума. В 2 т. Т. 2. – СПб.: Медиапир, 2022. – С. 30–32.
6. Лучинский Ю. В. Освещение начала Крымской войны на страницах «Северной пчелы» // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2025. – С. 65–68
7. Орехов В. В. Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть 1. Юность и первый роман // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Том 9 (75). № 1. – С. 48–69.
8. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: ОАО «СТТ», 2010. – 480 с.
9. Патрикеева М. В. Крымская война 1853–1856 гг. в литературной памяти современников: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2022. – 235 с.
10. Первых Д. К. Очерки Н. П. Сокальского как этап становления отечественной военной журналистики // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 197–215.
11. Первых Д. К., Первых В. В. Военные корреспонденции Н. В. Берга в журнале «Москвитянин» (1855 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 95–103.
12. Северная пчела. – 1855. – № 128 (13 июня).
13. Северная пчела. – 1855. – № 129 (14 июня).
14. Северная пчела. – 1855. – № 218 (6 октября).
15. Северная пчела. – 1855. – № 219 (7 октября).
16. Северная пчела. – 1855. – № 221 (10 октября).
17. Северная пчела. – 1855. – № 262 (28 ноября).
18. Северная пчела. – 1856. – № 1 (2 января).

19. Северная пчела. – 1856. – № 223 (10 октября).
20. Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т. Т. 1. – М.–Л., 1941. – 723 с. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/h/tarle3/index.html>. – (Дата обращения: 25.07.2025).
21. Шарабаров П. Н. Инициатива П. В. Алабина по созданию Севастопольского музея в контексте общественного подъема эпохи Великих реформ Александра II // Двенадцатые Салтыковские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Киров, 2016. – С. 66–71.
22. Черячукин М. С. Главное управление цензуры как инструмент формирования официального нарратива в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // Петербургский исторический журнал. – 2024. – № 2. – С. 47–60.
23. Чуркина И. В. «Северная пчела» о событиях на Балканах накануне и во время Крымской войны // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А. А. Улуняна. – М., 2014. – С. 91–114.

References

1. Alabin P. V. *Chety`re voiny`. Pokhodny`e zapiski v 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1877 godakh*. Vol. 3. *Zashchita Sevastopolya*. [Four wars. Field notes in 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1877. Vol. 3. Defense of Sevastopol]. Moscow, 1892. 810 p.
2. Aseeva O. A. *Fenomen literaturnoi kinematografichnosti v sovremennom literaturnom processe* [The phenomenon of literary cinematography in the modern literary process]. *Vestnik Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2010, no 3 (51), pp. 8–11.
3. Boyarkina N. V. *Osobennosti osveshheniya gazetoi «Severnaya pchela» Vengerskogo pokhoda russkoi armii 1849 goda* [Features of the newspaper «Severnaya Pchela» coverage of the Hungarian campaign of the Russian army in 1849]. *MediaVector*, 2025, Issue 14, pp. 13–20.
4. Zharavin V. S. *Pochetny`i grazhdanin Vyatki – Pyotr Vladimirovich Alabin* [Honorary citizen of Vyatka – Peter Vladimirovich Alabin]. *Central State Archive of the Kirov region* (website). Available from: https://cgako.ru/static/page_files/9ba7e7c66a7511eaa0225254007c38a0.pdf (accessed 25 July 2025).
5. Luchinskii Yu. V. *Kritika evropejskoi pressy` na stranitsakh «Severnoi pchely`» v period Kry`mskoi voiny* [Criticism of the European press on the pages of the Northern Bee during the Crimean War]. *Media v sovremennom mire. 61-e Peterburgskie chteniya: sb. mater. Mezhdunar. nauchn. foruma*. In 2 vols. Vol. 2. Saint-Petersburg, Mediapapir Publ., 2022, pp. 30–32.
6. Luchinskii Yu. V. *Osveshchenie nachala Kry`mskoi voiny` na stranitsakh «Severnoi pchely`»* [Coverage of the outbreak of the Crimean War on the pages of the «Severnaya pchela»]. *Chernomorsko-sredizemnomorskii region v sisteme nacional`noi bezopasnosti Rossii: k 80-letiyu Pobedy` v Velikoi Otechestvennoi voine: Materialy` Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii*. Krasnodar: KGU Publ., 2025, pp. 65–68.
7. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' I. Yunost` i pervy`i roman* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part I. Youth and the first novel]. *Uchenye zapiski KFU. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 1, pp. 48–69.
8. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
9. Patrikeeva M. V. *Kry`mskaya vojna 1853–1856 gg. v literaturnoi pamyati sovremennikov*: Dis. ... cand. philol. nauk [The Crimean War of 1853–1856 in the literary memory of contemporaries: Thesis]. Moscow, 2022. 235 p.
10. Pervyh D. K. *Ocherki N. P. Sokal'skogo kak jetap stanovlenija otechestvennoj voennoj zhurnalistiki* [Essays by N. P. Sokalsky as a stage in the formation of domestic military journalism]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no 4, pp. 197–215.
11. Pervyh D. K., Pervyh V. V. *Voennye korrespondencii N. V. Berga v zhurnale «Moskvitjanin» (1855 g.)* [Military correspondence by N. V. Berg in the journal «Moskvityanin» (1855)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 95–103.
12. *Severnaya pchela*, 1855, no. 221 (14 October).
13. *Severnaya pchela*, 1855, no. 218 (6 October).

14. *Severnaya pchela*, 1856, no. 223 (10 October).
15. *Severnaya pchela*, 1855, no. 262 (28 November).
16. *Severnaya pchela*, 1855, no. 128 (13 June).
17. *Severnaya pchela*, 1855, no. 129 (14 June).
18. *Severnaya pchela*, 1855, no. 213 (7 October).
19. *Severnaya pchela*, 1856, no. 1 (2 January).
20. Tarle E. V. *Kry'mskaya voina: v 2-kh vol.* [The Crimean War: in 2 vol.]. Vol. 1. Moscow–Leningrad., 1941. 723 p. Available from: <http://militera.lib.ru/h/tarle3/index.html> (accessed 25 July 2025).
21. Sharabarov P. N. *Initiativa P. V. Alabina po sozdaniyu Sevastopol'skogo muzeya v kontekste obshchestvennogo pod`ema e`pokhi Velikikh reform Aleksandra II* [Alabin's initiative to create the Sevastopol Museum in the context of the social upsurge of the era of the Great Reforms of Alexander II]. *Dvenadtsaty`e Salty`kovskie chteniya: materialy` Vseros. nauch.-prakt. konf.* Kirov, 2016, pp. 66–71.
22. Cheryachukin M. S. *Glavnoe upravlenie tsenzury` kak instrument formirovaniya ofitsial'nogo narrativa v gody` Kry'mskoi voiny` 1853–1856 gg.* [The Main Directorate of Censorship as a tool for forming an official narrative during the Crimean War of 1853–1856]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2024, no 2 (42), pp. 47–60.
23. Churkina I. V. «*Severnaya pchela*» o soby`tiyakh na Balkanakh nakanune i vo vremya Kry'mskoi voiny` [«*Severnaya pchela*» about the events in the Balkans on the eve and during the Crimean War]. *Slavyane i Rossiya: slavvanskie i balkanskie narody` v periodicheskoi pechati. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Ulunyana*. Moscow, 2014, pp. 91–114.

**«THESE NOTES SHOULD HAVE BEEN WRITTEN IN BLOOD, NOT INK»:
PETER ALABIN'S CORRESPONDENCE FROM BESIEGED SEVASTOPOL**

Boyarkina N. V.

The name of Pyotr Vladimirovich Alabin is widely known as the historiographer of the Crimean War and the initiator of the creation of the Sevastopol Defense Museum. Throughout the campaign, he kept a frontline diary, which academician E. V. Tarle considered «truthful and precious to the historian». However, officer Alabin wrote notes not only as material for a future military historian, but also to inform his contemporary about what was happening in the theater of military operations. He created his diary not only as a military memoirist, but also as a journalist. The study of the Alabin's correspondence in the leading information resource of the Russian Empire – the newspaper *Severnaya Pchela*, allows to expand the understanding of the journalistic searches of the Crimean War period as the time of the origin and rapid development of Russian military journalism. This article analyzes Alabin's correspondence from besieged Sevastopol and establishes their main feature – cinematography.

Keywords: Peter Alabin, Crimean War, defense of Sevastopol, «*Severnaya pchela*», frontline diary

УДК 070

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-143-158

ТЕМАТИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ ЮГА РОССИИ

Громова Е. Б., Еришов Ю. М.

*Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе,
Севастополь, Российская Федерация
E-mail: ershovym@my.msu.ru*

В статье на основе массива из 95 телевизионных новостных и информационно-аналитических программ телеканалов-«дочек» России 1 на Юге России (Севастополь, Республика Крым, Краснодарский край и Ростовская область) выявляются общие и отличные для этих регионов подходы, определяются тематические и формообразующие отличия презентации человека труда. Авторы отмечают высокий уровень экспертности программ «Вести. Дон», спонтанность, ориентацию на экстремальность и кризисные ситуации «Вести. Кубань», художественную публицистичность «Вести. Крым», эстетику визуального ряда «Вести. Сочи», сентиментальность и антропоцентричность «Вести. Севастополь». Авторы выявили принципиальную разницу в подаче материалов о сельском хозяйстве, транспорте, туризме, промышленности, создании городской инфраструктуры в телекомпаниях Юга России. Соответственно, и в показе людей, которые трудятся в перечисленных областях. В работе показана роль межрегиональных и международных событий, экстремальных ситуаций, конфликтов в сфере строительства и благоустройства, а также сезонных производственных процессов в сельском хозяйстве, как наиболее привлекательных для создания актуального образа «человека труда».

Ключевые слова: региональные новости, экспертность, медиаусловность, информационный дискурс, информационный сюжет, герой, персонаж.

ВВЕДЕНИЕ

Каким бы всемогущим и уже привычным ни был инфотейнмент в современных телевизионных новостях, аудиовизуальные СМИ никто не освобождал от обязанности представлять человека труда: объективно, сбалансированно, постоянно. Вряд ли такая постановка вопроса будет в брендбуках самих телевизионных редакций, если допустить, что они существуют. Так почему же новости должны показывать человека труда? Ведь это не самое развлекательное и пользующееся популярностью зрелище. Однако «новости для всех» как основной продукт региональных телекомпаний предполагают обращение ко всей аудитории, в числе которой находится большая группа людей, которая так или иначе участвует в создании материальных благ и общественно-необходимых услуг. И новости перестанут отвечать своему назначению, если люди, от которых зависит благосостояние общества и события, с ними связанные, будут проигнорированы. Сюжеты об искусстве, культуре, а тем более развлекательные «легкомысленные» («бантики») появляются в выпуске, как правило, после основных сюжетов, герои которых трудятся на производстве и оказывают разного рода услуги, требующие физических, умственных и нервных затрат, навыков и умений. Эпизоды из жизни этих людей, как правило, составляют «тело» новостей. Тем более что журналисты региональных телекомпаний «своих» людей знают лучше, чем коллеги на федеральных каналах.

В научной литературе достаточно объемно представлено осмысление факторов событийной привлекательности новостей, в том числе значение показа человека в центре таких событий (О. Р. Самарцев, М. И. Шостак, А. В. Колесниченко, Г. В. Вирен, Э. Фихтелиус). Вслед за О. Р. Самарцевым с соавторами [11, с. 417], мы можем назвать фактор человека в новостной истории «модусом в модусе», «когда одно средство

активизируется внутри другого либо совместно с другим, реализует эмфазис». М. И. Шостак особо выделяет среди новостей «представление людей («знакомства»), «ролевые репортажи» – расследования с углубленной детализацией событий» [15, с. 4]. А. В. Колесниченко считает, что даже деление журналистских текстов по жанрам (новостные, «рациональная публицистика» и «эмоциональная публицистика») определяется «решением людьми проблем, в процессе чего происходят события» [8, с. 11]. Г. В. Вирен пишет об отказе журналистики постсоветской России «от некоторых подходов советской печати, в которой многие важные новости приходилось «вылавливать» среди лозунгов и дидактических рассуждений» [2, с. 4]. Однако сегодня герой сюжета нередко возвращает лозунги и дидактические рассуждения в тексты новостей.

Другое дело, что журналистика, представленная, например, в аналитических и бизнес-изданиях («Коммерсант», «Ведомости», «Эксперт» и т. д.), рассказывая об экономике, за редким исключением, обходится без создания образов «человека труда», самое большее, на что можно рассчитывать в деловых медиа, – это упоминание о представителях менеджмента в разных сферах, высшего эшелона управленцев. Однако зрители региональных каналов хотят видеть то, что происходит на территории их проживания. И образ «человека труда», который находится рядом и создает материальные блага и услуги для аудитории региональных новостей, – маркер лояльности информационной службы, с одной стороны, а с другой – показатель ее нужности для аудитории.

Некоторые исследователи отмечают роль стереотипов в восприятии «человека труда». Так, А. М. Юсупова исследует феномен социальных иллюзий, в том числе региональных, частью которых является и образ «человека труда» [16, с. 148–151]. Этот стереотип создан, по мнению исследователя, еще в советское время и является идеологическим клише и учитывает прежде всего представителей рабочих специальностей. Исследователь утверждает, что в «90-х гг. прошлого столетия гуманистический пафос стереотипа “человек труда” был существенно снижен и, как многие идеологические маркеры советской эпохи, подвергнут забвению и даже осмеянию» [Там же: с. 149]. Продолжением иллюзий по отношению к «человеку труда» Юсупова считает и идеализацию жителей сельской глубинки.

Почти не встречаются исследования, где бы на основе принципа территориальной близости регионов, а также связующих их факторов фронта, общей истории и традиций изучался бы образ человека труда. К тому же многим исследованиям региональной журналистики и региональных информационных полей свойственна герметичность. В них анализируется только конкретный регион, а сопоставление по различным категориям и признакам медиаконтента с соседними регионами, как правило, не проводится. А вместе с тем, вполне разумно применить кластерный подход [4, с. 32]. Ведь выбранные авторами статьи для исследования регионы по уровню экономического и социального развития можно разделить как минимум на два кластера: Республика Крым – Севастополь, вернувшиеся в состав России в 2014 г.; Краснодарский край – Ростовская область. Или Краснодарский край – Сочи – Ростовская область, учитывая амбиции Сочи стать отдельным регионом, городом федерального значения, как Севастополь. Идея системы кластеров по уровню ВВП на душу населения была впервые опубликована в 2013 г. [5, с. 70–86]. То есть мы можем предположить в качестве гипотезы исследования, что образ человека труда и тематика, на основе которой этот образ создается, в

региональных кластерах юга России будут схожими. Но, с другой стороны, «в современном экономическом пространстве России города пребывают в состоянии конкуренции» [10]. И в таком случае отражение этой конкуренции в медиа всегда будет сопровождаться подчеркиванием различий, которые авторы данной статьи и пытаются выявить. Тем более что все четыре региона в большей или меньшей степени развивают курортную отрасль.

Необходимость подобного рода исследований важна и с точки зрения констатации девиаций и исправления ситуации на рынке труда. Так, П. В. Кузьмин и В. Э. Вейсова, анализируя составляющие имиджа Крыма, пишут: «Необходимо преодоление социальных флуктуаций, массовой аномалии. Так, грузчики нередко зарабатывают больше, чем преподаватели вуза. Физический труд в большинстве своем оплачивается и, следовательно, ценится выше интеллектуального. Естественно, что самореализация личности в таких условиях вряд ли возможна... Такая ситуация унижает людей, мотивирует на поиск работы вне пределов Крыма. Известно, что в Крыму, особенно в сельской местности, ощущается дефицит учителей, врачей, психологов и др.» [9, с. 111]. Но учителей и врачей не хватает не только в Крыму в сельской местности, но и в мегаполисе Сочи, и в обоих регионах оказывается стартовая поддержка молодым специалистам за счет государственного и регионального бюджетов. В Сочи, например, молодым специалистам компенсируют аренду жилья и даже дарят квартиры (Вести. Сочи. Вып. 23.08.23). Но ни один, ни другой регион, несмотря на свою курортную привлекательность, проблему дефицита кадров еще не решил. И это далеко не последняя «загадка» рынка труда юга России, которая могла бы быть представлена и разъяснена в региональном телевизионном эфире.

Авторами статьи был предпринят первый этап исследования: сделана попытка анализа общих признаков и особенностей выбора тем при репрезентации человека труда в региональных электронных СМИ юга России. Нами также впервые были осмыслены такие понятия, как уровень экспертности регионального телевизионного контента, выявлены наиболее «осведомленные» информационные программы и способы представления в них человека труда.

Тематическое поле авторы определяют как совокупность отраслей, профессиональных сфер деятельности, событий, а также ситуативных поворотов и наиболее частотных нарративов, сопровождающих представление «человека труда».

Методология

В основе исследования положен анализ контента 95 выпусков информационных и информационно-аналитических программ региональных телерадиокомпаний: ГТРК «Таврида» («Вести Крым»; «События недели. Вести Крым»), ГТРК «Севастополь» («Вести Севастополь»; «События недели. Вести Севастополь»), ГТРК «Дон» («Вести Дон»; «Дон. Воскресенье»), ГТРК «Кубань» («Вести Кубань»; «События недели. Вести Кубань»; «Утро России. Кубань»), ГТРК «Сочи» (Вести Сочи), НТС («Севинформбюро») и Городской портал Сочи – Sochi 24.TV («Время новостей»), которые выходили в эфир в период июля – сентября 2023 г. Названия компаний-учредителей даны в официальной версии до 1 октября 2023 г., до юридических пертурбаций в системе ВГТРК «Россия», связанных с реформированием регионального вещания.

Основными методами были: контент-анализ и сравнительный анализ. Единица исследования: медиатекст информационного сюжета. Авторы исследования выявили сюжеты, касающиеся «человека труда», и определили тематику и закономерности

репрезентации героев и персонажей. Контент-анализ позволил установить наиболее частотные темы, которые становятся фоном для показа человека, а также эксклюзивные темы, которые позволяют говорить о региональной особенности репрезентации. С помощью сравнительного анализа авторы устанавливали, насколько фактор соседства регионов влияет на выбор тематики и представление на ее фоне человека и какие другие факторы могут быть определяющими (редакционные традиции, особенности региональной ментальности, доминирующие направления хозяйственной деятельности, погодные катаклизмы и чрезвычайные ситуации, связанные с политической турбулентностью и международной обстановкой, особенности отношения региональных властей к той или другой профессии в регионе – и, соответственно, поддержка определенных специалистов).

Понятие экспертности, которое становится одним из критериев качественного медиатекста, содержащего репрезентацию «человека труда», авторы понимают как выход журналиста за пределы общего, как правило, поверхностного знания о теме сюжета, часто определенного пресс-релизами от пиар-служб и управлений по информации различных ведомств. Многие исследователи новостей считают ангажированную и направляемую «поверхностность» нежелательным отступлением от нейтральности. В частности, Э. Фихтелиус настаивает на принципе «нейтрального отношения к последствиям», который, на его взгляд означает, что журналист не должен стоять на «чьей-то стороне, и именно в этом суть нашей роли в обществе». То есть для новостей важны и положительные, и отрицательные герои, дело журналиста – транслировать через них значимую для общества информацию в нейтральном ключе [13, с. 167].

В исследовании предпринята попытка разграничить государственный и частный сектор, предпринимателей и наемных работников, выделить способы представления передовиков среди них.

Авторы считают методику сочетания контент-анализа и сравнительного анализа адекватной начальному этапу исследования многогранной темы отражения образа «человека труда» в региональных медиа Юга России.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы понимаем «человека труда» как героя материала, где действие сфокусировано на процессе производства товара или услуги, некой новой потребительной ценности. Героем авторы считают участника информационного сюжета, который играет главную роль в создании и развитии информационного повода, персонажами – тех участников сюжета, которые сопровождают героя или противостоят ему, а также играют роли очевидцев события.

Основной вопрос исследования: какие общие и отличительные черты свойственны презентации человека труда в региональном информационном телевизионном эфире четырех южных регионов – Республике Крым, городе регионального значения Севастополе, Краснодарском крае и Ростовской области? Чем отличается сегодняшний взгляд от того, что был в советское время, когда «человек труда», согласно существовавшей идеологии, то есть в обязательном порядке, был главным героем региональных и всесоюзных новостей? Основные категории для изучения: тематика сюжетов, характер коннотации в сюжетах (положительная или отрицательная), уровень авторских интенций и модальность (нейтральный статус сюжета или отступление от него), а также уровень экспертности при презентации «человека труда».

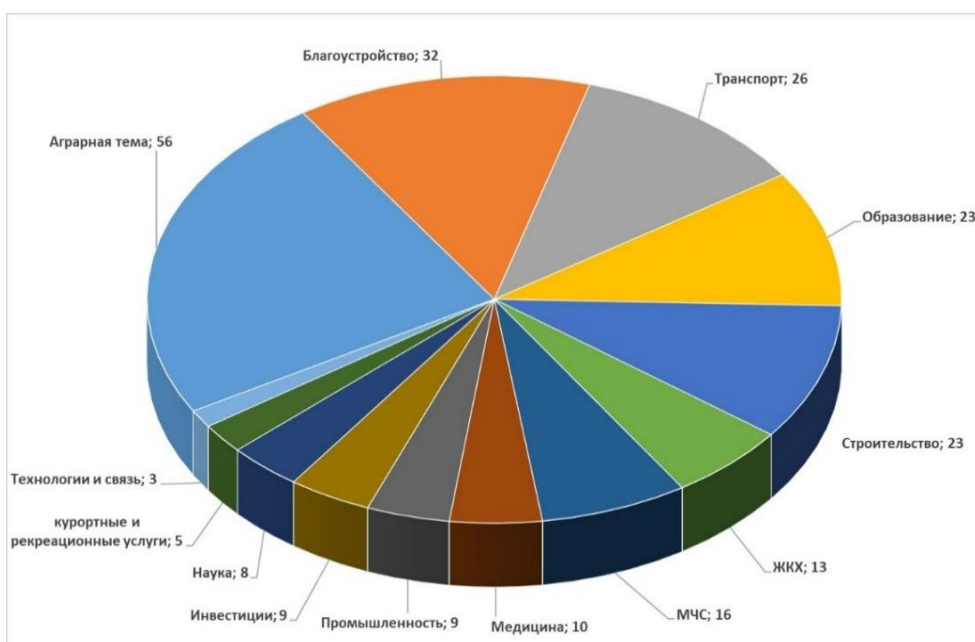
Изучаемый период – июль-сентябрь 2023 г. был выбран потому, что для всех четырех регионов это период «высокого курортного сезона», время наплыва отдыхающих. К тому же этот период был полон самых разных экстремальных ситуаций, на которые должны были немедленно реагировать не только государственные службы, но и региональные средства массовой информации. Кроме того, это «жаркий» период сбора урожая, что, естественно, предполагает большое число сюжетов, связанных с ролью агрария, труженика села.

В 95 проанализированных информационных и информационно-аналитических выпусков региональных новостей 233 сюжета были антропоцентричными, то есть с видимым акцентом на роли героя в информационном поводе и присутствием его репортажного (оперативного) портрета. В соответствии с главной целью исследования – анализом тематических полей, на которых презентуется «человек труда», мы определили ведущие направления этой презентации. Мы выяснили, что наиболее частотной в региональных новостях была в этот период аграрная тема – 56 сюжетов.

Далее приоритеты распределились таким образом: благоустройство городских и сельских территорий, архитектура, ремонт дорог – 32 сюжета, транспорт – 26 сюжетов, образование – 23 сюжета, строительство – 23 сюжета, ЖКХ и поставки энергоносителей населению – 13 сюжетов, МЧС – 16 сюжетов, медицина – 10 сюжетов, промышленность (в том числе оборонная) – 9 сюжетов, инвестиции – 9 сюжетов, наука – 8 сюжетов, торговля, услуги, в том числе в курортной сфере – 5 сюжетов, технологии и связь – 3 сюжета. Таким образом, центральный персонаж в арке героев новостных сюжетов на юге России – работник агропромышленного комплекса (в том числе в рыбоводстве и лесной отрасли). Неожиданно скромно в общей статистике представлены строители и сотрудники МЧС, хотя на них во всех четырех анализируемых регионах России лежит большая функциональная нагрузка. Особенно сложным с точки зрения количества экстремальных ситуаций для всех южных регионов был июль-август 2023 г. (наводнения, подтопления, БПЛА, ограничения в логистике при пересечении Керченского пролива). Безусловно, представители этих профессий упоминаются, но они не становятся фигурами первого плана в сюжетах.

Юг России, и особенно Крым и Севастополь, – регионы активного строительства важных инфраструктурных проектов, и поэтому строители тоже могли быть представлены более ярко. Во многом это объясняется относительной закрытостью строек, репортажи с объектов обычно снимаются во время организованных пресс-туров и редко отличаются эксклюзивностью. Герой из области туристического и курортного сервиса не является частым гостем новостей, исключение составляют разве что *Вести. Сочи*. Но, с другой стороны, работники курортной сферы так или иначе «сопровождают» представление многих других тем (например, ЖКХ, транспорт, инвестиции, медицина), через которые зрителю напоминают об одной из основных задач экономики Юга России. Скорее всего, работа представителя курортной индустрии рассматривается в этих регионах как рутина, естественное занятие и не представляет особого интереса для журналистов. Тем более что презентация этой темы на экране требует журналистского самоограничения. Можно легко попасть в законодательные ножницы, предложив зрителю рекламный или пиар-продукт объектов отдыха вместо нейтральной информации. Следующий график представляет распределение по тематике сюжетов, где встречаются репортажные портреты «человека труда» на протяжении изучаемого периода – июль-сентябрь 2023 г.

Рис.1. Тематика антропоцентричных сюжетов в исследуемых программах

Наиболее частотный тип – это наемный работник в частном секторе. Как правило, он – положительный герой или персонаж. Новости с «большим» количеством отрицательных героев встречаются на городском канале *Сочи 24*. Среди персонажей – те, кто торгует животными, управляет без необходимых документов водными транспортными средствами, не занимается своевременным вывозом мусора, не готовит в должной мере автопарк к работе на городских маршрутах. У *Вести Дон* тоже встречаются отрицательные персонажи и герои – руководители предприятий государственного сектора. У *НТС (Севинформбюро)* предприниматели также могут подаваться со знаком минус. Это, как правило, авторы и заказчики недостаточно проработанных архитектурных проектов, «запоровшие» важные стройки за государственные деньги руководители строительства. Так же, как и руководители городских служб различного уровня. *Вести. Дон* – «многолюдная» передача. В новостях много образов: и руководители на предприятиях разной формы собственности, и наемные работники. *Вести. Дон* также занимает ведущее место с точки зрения показа передовых людей нашего времени.

Увидеть, как изменились подходы к репрезентации «человека труда», можно, сравнив сегодняшние новости с теми, что были в 1970-е – 1980-е гг. Сравнить тематическую репрезентацию «человека труда» в сегодняшних новостях и, например, в тех, что были 45 лет назад, на закате «периода застоя», дает возможность программа, которая выходит еженедельно на каналах АНО ТРК «КРЫМ» (Крым 24 и Первый Крымский), – *Эпоха с Сергеем Минчиком*. Программа транслируется на протяжении пяти лет, и по итогам 2023 г. ее создатели получили Государственную премию Республики Крым. Она строится на основе сюжетов из «Новостей Крыма» тридцати-сорокапятилетней давности. И вот какова картина в представлении передовиков. Практически в каждом (!) из тридцати просмотренных нами выпусков рассказывается о

бригадах передовиков и их бригадирх. Слово «социалистическое соревнование» либо просто «соревнование» встречается в каждом сюжете.

Похожие черты, несмотря на совершенно другое качество картинки и монтажа, у материалов 70-х – 80-х гг. прошлого столетия с современной презентацией, безусловно, есть. Обилие официоза, многочисленные совещания и заседания, семинары, слеты, смотры. Но отличий, конечно, больше.

Новости того времени были предельно внимательны к промышленности. Да и строителям в то время, как и в наши дни в Крыму и других южных регионах России, было не до отдыха. Но сегодня внимание зрителей обращают в основном на строителей инфраструктурных объектов, и скандалы, связанные с обманутыми дольщиками, а в «эпоху застоя» главными героями были те, кто строит жилье. В кадре новостей того времени члены бригады строителей дружно идут по направлению к месту работы. Среди строителей много женщин.

Село и его герои в наши дни репрезентуются как отрасль передовых технологий. А в селе конца семидесятых прошлого столетия не менее производственной была важна функция пропагандистская, и ее выполняли лично руководители хозяйств. Они работали с молодежными звеньями, читали лекции о марксизме-ленинизме и преимуществах советского строя. Например, героини сюжета о хозяйстве «Путь к коммунизму» Черноморского района обрабатывают пойманную сейнерами колхоза рыбу. Работницам не дают слово, но их называют всех по фамилиям, а за ними – и капитанов, выловивших рыбу (*Эпоха с Сергеем Минчиком*. Вып. № 209 от 17 декабря 2023). Значение социалистического соревнования выражается и в текстовом, и в визуальном значении: везде в сюжетах акцент на досках почета с фотографиями передовиков производства.

Тема качества, которая сегодня выделяется разве что в материалах о качестве зерна или молочной продукции, о которых печется Роспотребнадзор, была представлена в новостной повестке информационных программ советского времени как одна из центральных. Передовики на своих предприятиях проводят Дни качества, ставят целью треть продукции выпускать со знаком качества.

Любопытно решена тема транспорта, всегда актуальная для Крыма. Например, сюжет о двухмиллионном пассажире Симферопольского аэропорта, который получил от руководства воздушной гавани букет цветов и бесплатный билет. Счастливчика объявляет командир авиапредприятия, взобравшись на трап самолета, готового к вылету по маршруту Симферополь – Москва. Он представляет собравшимся пассажирам фронтовика, за ратные подвиги удостоенного орденов Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды, майора в отставке Сергея Бульжникова. Герой, конечно, теряется в «массовке» приглашенных к трапу руководителей аэропорта, но встреча двухмиллионного пассажира оказывается хорошим инфоповодом написать телеграмму Леониду Брежневу и пообещать до конца 1981 г. перевезти еще 30 тысяч пассажиров (*Эпоха с Сергеем Минчиком*, выпуск №209 от 17.12.2023).

Обилие закадрового текста и минимализм в синхронах того времени связан еще и с технической причиной: экономией киноплёнки, которая была дефицитом на региональном телевидении даже в период «застоя», так что на синхронах с героями ее явно экономили.

Современные тенденции презентации «человека труда»

Авторы статьи разделили изученные сюжеты по категориям: спонтанные (естественный инфоповод, который создала сама жизнь), медиаусловные (созданные на основе пиар-повода). Медиаусловные, как правило, являются результатом инициативы со

стороны пресс-служб различных ведомств, пиар-отделов, рекламных агентств. Деление на медиаусловные и спонтанные события сегодня вполне оправданно. Например, герои и персонажи сюжета об участии Черноморского молокозавода во всероссийском национальном проекте «Производительность труда» (*Вести. Крым*, 11.07.2023), где информационный повод состоит лишь в декларации намерений завода повысить до 30 % выработку продукции, отличаются от действующих лиц сюжета об уникальных операциях на сердце, проведенных крымскими хирургами (*Вести. Крым*, 03.08.2023). Интервью главного технолога об оптимизации производства в первом сюжете – не более чем декларация о намерениях, выраженная лексикой делового стиля, а во втором случае это публицистический рассказ о спонтанном, то есть не зависящем от прессы событии, когда в операционной сплелись судьбы спасенной женщины и открывшего новый этап в крымской кардиохирургии молодого врача. Первый инфоповод – медиаусловный и, соответственно, в той или иной форме повторяется в эфире других телеканалов, например, Крым 24. Мы можем назвать такой «репродуцированный» материал (вслед за исследователями московских радиостанций) «оригинальной новостью на основе известного информационного повода» [12, с. 68] или даже сюжетом-«клоном» [6, с. 130].

К медиаусловным мы можем отнести достаточно большое число медиатекстов с инфоповодами: встречи в регионах Юга России жителей с членами Общественной палаты РФ, приемы Депутатов Государственной думы и председателей различных депутатских групп местного парламента, поездки групп губернаторского контроля, а также различные правительственные заседания в регионах. Все эти сюжеты продвигают официальные мнения и оценки. На грани рекламных медиатекстов выглядит массив трансляций о строительстве и введении в эксплуатацию новых объектов размещения туристов, упакованные во фрейм «инвестиции и поддержка социального предпринимателя»; показ различных ярмарок товаров и продуктов во фрейме «поддержка отечественного производителя». В этих сюжетах легко считывается рекомендация покупать демонстрируемую продукцию. К медиаусловным отнесем и различные корпоративные акции бизнес-компаний и НКО во фрейме «социальная ответственность». Такие медиатексты можно назвать «навязчивыми новостями» [17, с. 441]. Их немного в выпусках новостей – от 5,3 до 27 %, но все же они есть.

Среди спонтанного (порождаемого жизнью, хозяйственной деятельностью региона) контента в весенне-летнюю и осеннюю пору в выпусках «*Вести Крым*», «*Вести Дон*» и «*Вести Кубань*» доминируют сюжеты на аграрную тему. Действие разворачивается в ежегодно повторяющихся обстоятельствах – на уборке урожая. В эфире мы видим образы фермеров – владельцев земли, механизаторов, рабочих, представителей науки – селекционеров. Особенно по сюжетам «*Вести Дон*» видно, как происходит смена поколений в сельском хозяйстве. На экране – молодые и даже юные главные агрономы и руководители сельскохозяйственных предприятий. При этом «*Вести Дон*» отличает зрелость корреспондентов и ведущих выпусков, их экспертный подход к темам сельского хозяйства, и не только. Экспертность – это степень глубины понимания журналистами исследуемого материала. Здесь новое подается на основе знания накопленных традиций, с основательным представлением об истории вопроса. Сюжетом экспертного характера можно называть специальный репортаж о выпуске мальков в водоемы «Царь-рыба возвращается в водоемы» (*Воскресенье. Дон*, 16.07.2023). Это действительно «журналистика погружения»; корреспондент Ангелина Буланова рассказывает, что происходит с икрой белуги – «рыбы, пережившей мамонтов и ледниковый период». Этот сюжет – о малоизвестном широкому кругу зрителей процессе дойки белуги и танцах осетра в Батайском хозяйстве, строительстве нерестовых каналов. На всех этих процессах

трудятся рыбоводы, селекционеры, ихтиологи. Повествование настолько глубокое и захватывающее, что сюжет смотрится как научно-популярный фильм с высокой долей нового знания для зрителя. Медiateксты отличаются информационной плотностью, вербальной и невербальной активностью журналиста в кадре, грамотной стилистикой, авторскими метафорами, представлением бэкграунда темы.

Сводки о количестве собранного зерна и других видов урожая отражены практически в каждом новостном выпуске трех вышеупомянутых выпусков новостей. Город федерального значения Севастополь не участвует в соревновании производителей сельхозпродукции – репортажи о сельхозпроизводстве в эфире и государственной ГТРК «Севастополь» («*Вести Севастополь*»), и частного НТС («*Севинформбюро*») встречаются крайне редко даже в разгар страды. Исключением становится винная тема, анализ инвестиций в развитие виноградников и производство вина.

«*Вести. Кубань*» (выпуск 12.07.2023) рассказывает о Кубани как ведущем регионе по развитию питомников. Господдержка виноградарства и виноделия (более одного миллиарда государственных инвестиций, вложенных за последние несколько лет) позволила полностью решить проблему импортозамещения посадочного материала. Тема импортозамещения одинаково популярна в медiateкстах всех изучаемых регионов, однако если в Крыму это рассказ о развитии какого-либо аграрного бизнеса со старта, с «нуля», то в Ростовской области и Краснодарском крае это тема совершенствования традиций благодаря государственным инвестициям.

В Крыму большую роль в информационном поле играют «прорывные» сюжеты, отражающие достижения, которых не было еще несколько лет назад. Так, «*Вести Крым*» (выпуск 12.07.2023) рассказывает об успехах производителей крымских сыров на гастрономическом фестивале «Вкусы России» в Москве.

Тема транспорта и логистики также объединяет четыре южных региона – Крым, Севастополь, Краснодарский край и Ростовскую область, через эти регионы люди добираются к месту отдыха или возвращаются из отпуска домой. В июле 2023 г., после второй террористической атаки на Крымский мост, информация о режиме его работы в телевизионных выпусках «*Вести Крым*» встречается почти ежедневно, в выпусках «*Вести Кубань*» и «*Вести Дон*» – в зависимости от экстремальности ситуаций. Инфоповоды о пуске дополнительных поездов в Крым, открытии альтернативного пути с полуострова и на полуостров с помощью паромной переправы и на БДК (больших десантных кораблях) тоже одинаково важны для всех регионов. «*Вести Крым*» в выпуске за 14.07.2023 сообщают о расширении дороги к пункту пропуска Джанкой и строительстве трассы из Запорожской области в Крым. Тема ремонта автодорожных магистралей и межрегиональных дорог, по которым можно проехать, минуя главные трассы, транслируется в эфире «*Вести. Дон*» (Вып. 13.07.2023). Соответственно, на экран выводятся образы железнодорожников, сотрудников служб безопасности, дорожных инженеров и рабочих.

Ко Дню железнодорожника «*События недели. Вести Крым*» (Вып. 07.08. 2023) подготовили сюжет о буднях обходчиков, механиков, машинистов, проводников. Сюжет полон «лайфовых» моментов, звуков и голосов железнодорожных депо и вокзалов, понимания трудностей работы людей, связанных с вопросами безопасности и многократным возрастанием пассажиропотока на железнодорожном транспорте. Итоговая воскресная программа «*События недели. Вести Крым*» почти всегда осмысливает информационные поводы в художественно-публицистическом, очерковом формате.

Ко дню металлурга в программе *«События недели. Вести. Крым»* за 16.07.2023 был показан сюжет «Стальной характер» о Керченском металлургическом заводе – единственном в Южном федеральном округе предприятии по производству рельсов и стрелочных переводов. В сюжете рассказывается о династиях металлургов, сталеваров. *«Кови с раскаленным металлом проносится над цехом, – рассказывает корреспондент Дарья Першина. – Здесь работают люди со стальным характером».*

Тему промышленности и инвестиций в производство ярко и масштабно презентует программа *«Вести Дон»*. Это и отгрузка деталей, произведенных на ПО «Атоммаш» для китайской атомной станции (вып. 11.07.2023), и участие ростовских предприятий в международных инвестиционных форумах в Екатеринбурге и Санкт-Петербурге. *«Рекордный урожай инвестиций планирует собрать ростовский регион. Ростовская область увозит десятки контрактов», – звучит в сюжете с Екатеринбургского инвестиционного форума. Лексема, которая встречается часто, – «масштабировать». В новостях «Вести Дон» утверждают, что «предприятия Ростова масштабируют свое производство» (Воскресенье Дон. Вып. 16.07.2023). Пафос действительно делает похожим современный медиатекст в региональных новостях на текст эпохи социалистического реализма.*

Лексема «масштабировать» звучит не только в историях о крупном бизнесе. Так, всегда позитивно и на всех изучаемых каналах представлена тема социального предпринимательства. Например, масштабировать свой бизнес собирается и Ваня Сорокин – пятнадцатилетний фермер, которому В. В. Путин подарил систему «Электропастух» для выпаса коз. Президента впечатлил пример подростка и его сознательное и серьезное отношение к фермерству, производству сыра и творога (*Вести. Дон*. Вып. 15.07.2023). Сюжеты о социальном предпринимательстве становятся все более частыми в новостях, что является косвенным свидетельством накопления социального капитала и его использованию в обществе [17, с. 23].

Традиционные отрасли промышленности часто показаны с неожиданной стороны. В эфире *«Вести Дон»* (вып. 12.07.2023) речь идет о нехватке швей в связи с уходом иностранных брендов и активизацией отечественной швейной отрасли. Предприятие в Батайске платит швеям до 150 тысяч рублей и при этом с трудом находит специалистов, хотя обучает бесплатно всех желающих.

Таким образом, *«Вести Дон»* показывают возможность получения доходов, а также доступность творческой реализации. Под творческой реализацией подразумевается: «во-первых, широкие возможности получения образования, профессиональной подготовки и переподготовки... Во-вторых, широта предложений на рынке труда. В-третьих, возможности осуществления предпринимательской деятельности, в том числе и в узко-нишевых направлениях. В-четвертых, более высокое инновационное развитие, при котором идеи, новации скорее находят свое применение» [10].

У *«Вести Крым»* с промышленностью так же, как и с сельским хозяйством, связаны «прорывные» сюжеты, то есть представление успехов в отраслях, о которых, казалось, в Крыму уже забыли. Так, сюжет в выпуске от 12.07.2023 рассказывает о церемонии принятия в состав Черноморского флота малого ракетного корабля «Циклон». Впервые за 25 последних лет корабль такого уровня сложности создан на Керченском судостроительном заводе им. Б. Е. Бутомы. *«Корабль выдержал, мы выдержали», – говорят технологи и конструкторы о своем первенце.*

«Вести Севастополь» поддерживают тему исторической памяти буквально в каждом выпуске, такого мы не увидим в телевизионных новостях ни одного из изучаемых регионов. Это прежде всего нарратив о восстановлении памятников и монументов, посвященных истории Севастополя. На экране чаще, чем где-либо в других регионах, появляются реставраторы и строители, специализирующиеся на проведении реставрационных работ. А также репортажи с заседаний художественно-архитектурного совета, с помощью которого общественность не дает власти принимать поспешные и недальновидные решения о формировании облика города. Образ архитектора замечен в выпусках «Вести Севастополь» и «Севинформбюро» как нигде в других программах изучаемых регионов. И это в какой-то степени отражение демократического подхода к управлению, видно, что к профессионалам в области архитектуры в городе власть прислушивается. Это убедительная иллюстрация к тезису о том, что «культура влияет на экономическое развитие, но не детерминирует его» [1, с. 8]. Во всяком случае, ни в одном из изучаемых регионов за обозначенный период не было такого количества сюжетов об общественных слушаниях на тему благоустройства и архитектурных дискуссий.

Сюжеты об удивительных людях и историях их успехов часто подготовлены в жанре оперативного портрета, то есть портрета на фоне значительного события, например юбилейной даты. «Вести. Севастополь» и «Вести. Крым» делают портретные зарисовки в новостях гораздо чаще, чем «Вести Дон», «Вести Кубань» и «Вести Сочи». Характерный пример оперативного портрета – материал о композиторе Борисе Миронове, которому исполнилось 90 лет (Вести. Крым. 11.07.2023). С одной стороны, формат оперативного портрета страдает некоторой избыточностью, неуместной в новостях, но с другой – такие материалы приближают новости к зрителю благодаря простоте, душевности и неформальности общения журналистов, героев и персонажей, позволяют показать известного в регионе человека с неожиданной стороны.

Если речь идет о юбилеях известных людей, то «материковые» коллеги менее сентиментальны и ограниваются устной информацией с поздравлениями в конце выпуска. Есть, конечно, исключения: сюжет о ярком и талантливом юбиляре – хирурге-онкологе профессоре Шапошникове, которому исполнилось 85 лет, но он по-прежнему оперирует, учит, пишет научные статьи, книги и стихи (Вести Дон. 9.08.2023).

Тема отдыха, курорта, сервиса на курорте актуальна для всех четырех регионов. Так же, как и при виртуальном соревновании по сбору урожая, регионы отчитываются в эфире количеством отдыхающих, загрузкой отелей, глубиной бронирования в местах размещения. Образ спасателя на общественном пляже остается центральным. Целая серия репортажей о работе спасательной службы при экстремальных ситуациях и с целью их предотвращения была показана в программах «Вести. Сочи», «Вести Крым», «Вести. Кубань», «Вести. Севастополь».

Объемно представлена в эфире тема науки с репрезентацией героя-ученого. «Вести. Севастополь» (14. 07.2023) рассказывают, как зоологи из Донецка изучают крымских пауков. Центральные образы многих сюжетов – руководители археологических и геодезических экспедиций, их помощники-волонтеры, научные сотрудники. Образ археолога достаточно типичен, потому что по всему полуострову работают археологические экспедиции. Так, «Севинформбюро» в выпуске 15.07.2023 рассказывает о работе подводных археологов в районе Судакской крепости и выставке их находок. «События недели. Вести Севастополь» (16.07.2023) вместе с геологами, археологами и геофизиками изучает берега Херсонеса Таврического на предмет угрозы обрушений,

сюжет рассказывает об измерении сопротивляемости горных пород штормам. Ученые ЮФУ предлагают новую разработку – «глубинное око» – гидролокатор, который позволяет сканировать дно рек и морей, в том числе на предмет обнаружения беспилотников (*Вести. Дон*. 09.08.2023).

Наибольшее среднее число сюжетов в выпуске, связанных с показом темы труда и «человека труда», было в изучаемом периоде у *«Вести. Сочи»*, *«Вести. Дон»* и *«Вести. Крым»*. В *«Вести. Сочи»* доминирует представленность работников сферы услуг, которых в общем числе сюжетов (см. график 1) не так много.

Среди исследованных выпусков нам представляются наименее нейтральными *«Вести. Кубань»*, *«Вести. Севастополь»* и *«Время новостей»* (Сочи24). Но если в кубанских «Вестях» акцент сделан на негативности события, то в севастопольских – на идеологическом значении событий, мыслей и поступков героев и персонажей. Под негативностью в данном случае мы понимаем и неблагоприятное для жизни людей событие, и отрицательное отношение к тому или иному явлению и, соответственно, человеку, через которого оно проявляется. Часто негативность становится маркером реалистичности событий и героев, особенно в региональных, часто погруженных в «перформанс», создаваемый пресс-службами властей. Когда события и герои лишены идеологической «тонировки», мы видим жизнь, какой она является на самом деле. Другое дело, что «передозировка» негативной информации меняет представление о жизни на территории вещания не в лучшую сторону.

Так, в выпуске *«Вести Кубань»* (11.07.2023) почти все сюжеты с признаками спонтанности: стихия, убийство начальника отдела по мобилизационной работе – бывшего командира подводной лодки «Краснодар», взрыв газа, борьба жительницы Краснодара за ремонт и денежную компенсацию после подтопления, борьба владельцев квартир «комариной столицы» Кропоткино за выживание, а обитателей поселка Лазурный в Краснодаре – за газ и новую дорогу. На весь выпуск 11.07.2023 только два позитивных сюжета: об авиарейсах в Грузию и об успехах станкостроителей Кубани на выставке в Санкт-Петербурге. Выпуск завершает тревожный сюжет о непогоде в Краснодаре и работе спасателей в условиях чрезвычайной ситуации. Ведущая в студии нередко прибегает к несвойственной новостям лексике: «ужасный», «жуткий», «волнующий». Для *«Вести Кубань»*, действительно, характерны особые стилистико-языковые признаки, например, использование таких слов и выражений, как «жуткая погода, страшное наводнение». Даже половину сюжетов этого выпуска с негативной окраской было бы сложно представить в выпусках новостей, например *«Вести Севастополь»*. Последние в основном позитивно заряжены, в них люди живут и работают почти всегда «как надо». У *«Вести. Крым»* негативных новостей тоже немного, обычно не больше двух, даже если речь идет об итоговом выпуске за день.

Из всех рассмотренных новостей *«Вести. Кубань»* больше других специализируются на показе экстремальных новостей и проблемных сюжетов. Вряд ли можно назвать такое программирование приверженностью известному принципу «С stories in journalism: crime, crisis, catastrophe and celebrity» [6, с. 136]. Это, скорее, принцип 3С. Потому что «звездных» личностей в *«Вести. Кубань»* не так много, как в *«Вести. Сочи»*, где телезрителей постоянно знакомят с заезжими знаменитостями и транслируют масштабные зрелища на федеральной территории «Сириус». Но что касается первых трех С, то в выпусках *«Вести. Кубань»* они представлены в достаточном объеме. Так, в выпуске за 12.07.2023 показано наводнение в Туапсинском районе, где

потоком воды уносит людей и здания. Сюжеты рассказывают о работе спасателей, эвакуирующих людей. Но при общей негативной картинке остаются оптимистичными герои-спасатели и персонажи – те туристы, кто все же хочет добраться до моря и проводит часы в автомобильной пробке. В выпуске *«Вести. Кубань»* от 13.07.2023 снова негативная информация – о ремонте дома после взрыва газа, круглосуточной работе сотрудников ЖКХ на дорогах после прорыва канализационного коллектора. *«Вести. Кубань»* за 15.07.2023 также показывают набор сюжетов о чрезвычайных ситуациях. Спасатели обнаружили утонувшего во время наводнения подростка, губернатор края посещает затопленные села, ставит цель «вернуться к нормальному образу жизни» и предотвратить повторение таких ситуаций, в том числе построить новые коллекторы.

Во время экстремальной ситуации оперативно и на высоте задач новостной журналистики работает и программа *«Время новостей»* (Сочи 24, 11.07.2023). Но даже в тех редких случаях, когда главного героя этих новостей – губернатора нет в эфире выпуска, он там все равно присутствует. На него ссылаются, его роль в решении той или другой ситуации подчеркивают. Таким образом, программа подтверждает тезис о приоритетном интересе СМИ «получить государственный заказ на информационное сопровождение органов власти» над качеством продукции [7, с. 85].

ВЫВОДЫ

Анализ тем, презентующих человека труда в эфире четырех регионов Юга России, позволил выявить некоторые очевидные тенденции. Наиболее фундаментальными, академичными и экспертными остаются *«Вести. Дон»*, особенно в темах сельского хозяйства, промышленности, инвестиций и технологий. Наиболее публицистичными, яркими с точки зрения нарратива – *«События недели. Вести Крым»*, наиболее насыщенными негативной информацией и приближенными к самой сути понятия «новости» – *«Вести. Кубань»*, но при этом новости Краснодарского края насыщены эмоциональными оценками журналистов. *«Вести. Севастополь»* – наиболее сентиментальная программа, делающая акценты на портретах людей, сохранении исторической памяти, традиционного облика города. *«Сочи 24»* – канал, транслирующий сюжеты, более напоминающие презентацию-отчет о действиях властей по управлению городом. *«Вести. Сочи»* – наиболее эстетичная в визуальном плане программа, в полной мере поддерживающая курортную специализацию на территории вещания.

Исследование выявило приоритетную важность для презентации «человека труда» определенных тем и событий. Среди них: межрегиональные и международные события (форумы, конференции); отраслевые сезонные производственные процессы (например, в сельском хозяйстве и курортной сфере); «прорывные» производственные достижения в некоторых отраслях промышленности (судостроение, машиностроение, автомобилестроение, новые технологии, оборонная промышленность); общественные обсуждения, связанные с появлением новых объектов и благоустройством территорий; события, связанные с вопросами безопасности на транспорте в связи с СВО, дорожным строительством и различного рода экстремальными ситуациями природного и техногенного характера. В отличие от соцреализма в телевизионном эфире в советские годы, сегодняшний нарратив с «человеком труда», конечно, выглядит более реалистично за счет присутствия негативных материалов, репортажей о критических моментах в жизни регионов. Однако мы не видим на экране соревновательного нарратива, передовики встречаются в сюжетах, но крайне редко, исчезла традиция коллективного производственного соревнования (звеньев, в том числе молодежных, передовых бригад).

По-прежнему в эфире достаточно официоза, показа различных совещаний, семинаров, слетов, смотров. Освоение передовых технологий и показ на этом фоне человека, работающего в сельском хозяйстве, – сегодня лейтмотив «аграрных сюжетов». 30–40 лет назад успехов добивались пропагандистски подкованные, идеологически осведомленные труженики села. Строительство в эпоху регионального телевидения было беспроblemной отраслью с весомой долей женского труда. Тема качества отдельно не артикулируется в наши дни, герой презентуется на фоне борьбы за качество лишь эпизодически. Однако герой сегодня, в отличие от «человека труда» прошлого, больше разговаривает в кадре, он многоголосен, и слово предоставляется не только «лучшим» и «ударникам производства», но и «рядовым труженикам», закадрового текста с журналистским пониманием события стало значительно меньше. Сегодня, скорее, пересказ фабулы события и роли в нем героя, а не пересказ значения события для идеологической модели общества становится обязательным ритуалом новостей. Однако нельзя сказать, что герой не идеализируется вообще. Но не так, как в эпоху социализма, когда образ «человека труда» именно «наговаривался», «рисовался», идеализировался до нужного схематического портрета.

Данные, полученные нами после мониторинга жарких во всех отношениях июля и августа 2023 г., позволяют сделать вывод, что темы, на фоне которых репрезентуется «человек труда», а также инфоповоды могут быть одинаковыми в электронных медиа Юга России, однако степень проникновения в событие, проблему и характер их подачи, модальность сюжетов во многом определяют различия между героями и персонажами выпусков в регионах.

Конечно, во многом на характер презентации «человека труда», традиции подачи этой темы на экране влияют и косвенные факторы: топ-менеджеры редакций с разным опытом работы на телевидении, с различными требованиями; журналисты с различным опытом, характерами, навыками. И, возможно, следующая ступень исследования должна быть связана с экспертным опросом сотрудников редакций. Настоящее исследование показало, что зритель имеет дело с различной подачей этой темы на региональных каналах четырех южных регионов. И этот вывод можно считать отправной точкой для дальнейшего комплекса исследований.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В перспективе авторы исследования поставили целью выявить, какие факторы, кроме тематических, и в какой степени влияют на создаваемый в электронных медиа образ «человека труда» и насколько он отличается в регионах-фронтах. Прежде всего представляет интерес более сложный анализ по выявлению связи основных показателей экономического роста в регионах (в соответствии с моделью Р. Солоу) с презентацией образа современника – «человека труда» на телевизионном экране. Такие исследования никогда прежде не проводились; видимо, авторам данной статьи имеет смысл их начать.

Список литературы

1. Аузан А. А. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. – М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. – 200 с.
2. Вирен Г. В. Принципы создания новостных текстов в российских информационных агентствах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 28 с.
3. Журналистика в информационном поле современной России. Должное и реальное: Монография / Под ред. Г. В. Лазутиной. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 176 с.

4. Григорьев Л. М., Майхрович М. Я. Теории роста и реалии последних десятилетий // Вопросы экономики. – 2023. – № 2. – С. 18–42.
5. Григорьев Л. М., Паришина Е. Н. Экономическая динамика стран мира в 1992–2010 гг.: неравномерность роста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2013. – № 4 – С. 70–86.
6. Землянова Л. М. Журналистика и коммуникативистика. Концептуализация медийных процессов в современной зарубежной науке. – М.: Медиа Мир, 2012. – 188с.
7. Козун А. Д., Байтимерова С. И., Богомазова Л. В., Григорьева Е. А. Проблемы российской экономической журналистики // МедиаАльманах. – 2018 – Т. 88. – № 5. – С. 82–91.
8. Колесниченко А. В. Основы журналистской деятельности. – М.: Изд-во Юрайт, 2018 – 341 с.
9. Кузьмин П. В., Вейсова В. Э. Имидж региона и факторы его формирования (на примере Республики Крым) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2020. – Т. 6 (72). – № 1. – С. 106–115.
10. Ретивых И. Творческая реализация как фактор имиджа территории // Государственная служба. – 2015. – № 4 (6). – Режим доступа: <https://pa-journal.igsu.ru/articles/r91/3207/>. – (Дата обращения 02.10.2023)
11. Самарцев О. Р., Латенкова В. М., Слепцов Н. А. Структурные и семиотические особенности виртуального нарратива в иммерсивных проектах РИА. Lab // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2022. – Т. 27. – № 2. – С. 414–424.
12. Современное радио в России: Учеб. пособие для вузов / Под ред. Г. Г. Щепиловой и Л. А. Кругловой. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 160 с.
13. Фихтелиус Э. Новости. Сложное искусство работы с информацией. – М.: МедиаМир, 2008. – 200 с.
14. Человек труда в объективе медиа: сборник научных материалов. – Ставрополь: Параграф, 2022. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?selid=49977972&id=49977717>. – (Дата обращения 02.10.2023)
15. Шостак М. И. Репортёр: профессионализм и этика. – М., Изд. РИП-холдинг, 2001. – 91 с.
16. Юсупова А. М. Стереотип «человек труда» В региональном публицистическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 26 (355). Филология. Искусствоведение. Вып. 93. – С. 148–151.
17. Ju Y. Issue Obtrusiveness and Negative Bias: Exploring the Moderating Factors for Asymmetric News Coverage of the Economy // Asian Journal of Communication. – 2014. – № 24. – P. 441–455.

References

1. Auzan A. A. *Sociokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyaet na ekonomiku, a ekonomika – na kul'turu: kurs lekcij* [Sociocultural economy: how the culture inspires to economy, and economy – to culture]. Moscow, Ekonomicheskij fakul'tet Moscow St. Univ. Publ., 2021. 200p
2. Viren G. V. *Principy` sozdaniya novostny`x tekstov v rossijskix informacionny`x agentstvax. Avtoreferat dissertacii*. [Principles of creating news texts in Russian news agencies. Abstract of thesis]. Moscow, 2011. 28 p.
3. *3.Zhurnalistska v informacionnom pole sovremennoj Rossii. Dolzhnoe i real'noe* [Journalism and information field of modern Russia], 2 ed. Moscow, Aspekt Press. Publ, 2019. 176 p.
4. Grigor'ev L. M., Maihovich M. Ya. *Teorii rosta i realii poslednih desyatiletij* [The theories of growth in the latest decades]. *Voprosy ekonomiki*, 2023, no 2, pp. 18–42.
5. Grigor'ev L. M., Parshina E. N. *Ekonomicheskaya dinamika stran mira v 1992–2010 year: neravnomernost' rosta* [Economy dynamic of the world's countries in 1992-2010: inequality of the growth]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ekonomika*, 2013, no. 4, pp. 70–86.
6. Zemlyanova L. M. *Zhurnalistska i kommunikativistika. Konceptualizaciya medijnyh processov v sovremennoj zarubezhnoj nauke*. [Joutnalism and communications. Conceptualisation of the media processes in tne modern science]. Moscow, MediaMir Publ, 2012. 188p.
7. Kozun A., Bajtimerova S., Bogomazova L., Grigor'eva E.. *Problemy rossijskoj ekonomicheskoy zhurnalistski*. [The problems of the Russian economic journalism]. *MediaAl'manah*, 2018, Vol. 88, no.5, pp. 82–91.
8. Kolesnichenko A. V. *Osnovy` zhurnalistskoj deyatel`nosti* [Basics of journalism]. 2 ed. Moscow, Yurajt Publ, 2018. 341 p.

9. Kuz'min P.V., Vejsova V.E. *Imidzh regiona i faktory ego formirovaniya: (na primere respubliky Krym)* [The image of the region and the factors of its formation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni Vol. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 2020, Vol 6 (72). no. 1, pp. 106–115
10. Retiviyh I. *Tvorcheskaya realizatsiya kak faktor imidzha territorii* [The creative realization as the factors of territory image]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2015, no. 4 (6). Available from: <https://pa-journal.igsu.ru/articles/r91/3207/> (accessed: 02 October 2023).
11. Samartsev O.R., Latenkova V.M., Sleptsov N.A. *Strukturnye i semioticheskie osobennosti virtual'nogo narrativa v immersivnykh proektakh RIA.Lab* [Structural and semiotic features of virtual narrative in immersive RIA.Lab projects]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2022, no 27 (2), pp. 414–424.
12. *Sovremennoe radio v Rossii* [The modern radio of Russia] / ed. G. G. Shchepilova, L. A. Kruglova. Moscow, Aspekt Press Publ, 2021. 160 p.
13. Fixtelius E. *Novosti. Slozhnoe iskusstvo raboty s informaciej* [The complex art of working with information]. Moscow, MediaMir Publ., 2008. 200 p.
14. *Chelovek truda v ob'ekte media: sbornik nauchnykh materialov* [The Working Man in the Media Lens: A Collection of Scientific Materials]. Stavropol', Stavropol Paragraf Publ., 2022. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?selid=49977972&id=49977717> (accessed: 02 October 2023)
15. Shostak M.I. *Reportyor: professionalizm i etika* [The reporter: professionalism and ethics]. Moscow., RIP-Holding Publ., 2001. 91p.
16. Jusupova A.M. *Stereotip «chelovek truda» V regional'nom publicisticheskom disкурсе* [The Stereotype of the “Working Man” in Regional Publicistic Discourse]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, Vol 26 (355). Filologiya. Iskusstvovedenie. no. 93, pp. 148–151
17. Ju Y. *Issue Obtrusiveness and Negative Bias: Exploring the Moderating Factors for Asymmetric News Coverage of the Economy*. *Asian Journal of Communication*, 2014, no 24, pp. 441–455.

THEMATIC FACTOR IN THE REPRESENTATION OF THE “MAN OF LABOR” IN THE ELECTRONIC MEDIA OF THE RUSSIAN SOUTH

Gromova E. B., Ershov Yu. M

The article examines the information discourse of the electronic media in Russian south regions. Using the tools of content analysis and an array of 95 broadcasting issues, the authors considers common and different features in the representation of «human of labor» subject. The article fixes the specialties in the broadcastings. The authors identify high quality of the expert analysis of “Vesti Don” news program, high level of spontaneous and negative information in “Vesti Cuban”. Professional artistic-publicist style of the Sunday’s informational-analytic program “Vesti. Crimea” and sincerity in the access to human’s being in “Vesti. Sevastopol”, as well as high visual esthetic level of “Vesti. Sochi”. Every pattern is described through the analysis of journalistic TV plots with the participation of the “man of labor”. The article concludes that there are a lot of common topics and features in the news programs among these regions. From the other hand there a lot of differences in presentation of agriculture, transport, tourism, industry spheres. And so far in construction the images of the “man of labor” in these spheres. And so far the authors show the role of the interregional events, extremal situations conflicts connected with the construction of the new objects, questions of landscaping and architecture on the territories, season processes in agriculture as the most attractive events for the creation of the actual image of the “man of labor”.

Keywords: information discourse, information pattern, hero, personage, region news, expertise ability.

УДК 070-044.922

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-159-167

КУЛЬТУРА ПОДКАСТИНГА В РОССИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Егорова Л. Г., Чиканова С. Н.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: legora@list.ru*

В условиях стремительного развития цифровых технологий и изменения медиапотребления подкасты становятся одним из наиболее востребованных форматов. Исследование подкастов как медиаформата позволяет глубже осмыслить трансформацию методов создания и дистрибуции контента в цифровую эпоху, а также эволюцию взаимоотношений между аудиторией и медиаресурсами. Данный формат предоставляет платформу для самовыражения не только профессиональным медиаспециалистам, но и представителям целевой аудитории, что приводит к жанровому и концептуальному разнообразию контента. В статье представлены особенности функционирования подкастов, их жанровое разнообразие, специфика создания и взаимодействия с аудиторией.

Ключевые слова: медиа, подкаст, целевая аудитория, аудиоконтент, интерактивная журналистика.

ВВЕДЕНИЕ

Современный подкастинг – кульминация эволюции различных медиаформатов. В начале двадцатого столетия радио стремительно превратилось в ключевой информационно-развлекательный канал для широких слоев населения. Примечательно, что миллионы граждан впервые получили доступ к контенту, созданному с учетом их интересов и потребностей. Радиопрограммы способствовали формированию особой эмоциональной связи между коммуникаторами и реципиентами. Именно этот характер взаимодействия впоследствии стал концептуальной основой для интерактивного аспекта современного подкастинга. Настоящая революция произошла с появлением кассетных магнитофонов, которые благодаря своей мобильности стали символом доступности. Аудиоблоги на кассетах, появившиеся в конце XX в., наглядно показали: любой человек может создать и поделиться своими мыслями, историями и идеями с другими людьми. Необходимо отметить, что технологии способствовали формированию уникальной среды, в которой позиция индивида как реципиента и одновременно производителя контента изменила парадигму взаимодействия с медиаресурсами. В современном контексте подкастинг эволюционировал от сугубо развлекательного формата до эффективного инструмента артикуляции социально значимых проблематик, подкасты способствуют образованию коммуникативных сообществ, объединенных общими интересами, тематическими предпочтениями и жанровыми приоритетами.

В то время как телевидение и радио всегда были ограничены временными рамками и требовали эфирной передачи сигнала, мир подкастов живёт по иным правилам – они создаются и распространяются через интернет, что формирует совершенно особую среду, в которой даже нишевое шоу способно обрести свою аудиторию вне зависимости от географии пребывания слушателей и времени выхода в эфир. Стоит также обратить внимание на финансовую сторону вопроса. Если традиционные СМИ по-прежнему во многом полагаются на рекламодателей и спонсоров, то создатели подкастов часто идут другими путями – предлагают подписки или принимают пожертвования от слушателей [13]. Итак, одной из ключевых особенностей подкастинга является возможность накапливать и организовывать аудиоконтент для удобного доступа слушателей, что, в

свою очередь, формирует новое пространство для потребления информации. **Цель** нашей статьи – выявление особенностей подкастов как формата современной журналистики, определение их влияния на медиапотребление и взаимодействие с аудиторией.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Изначально подкастинг в российском медийном пространстве воспринимался как нестандартный формат. Однако в контексте цифровой эволюции интерес к данному формату возрос. Ранние подкастинговые проекты характеризовались специфическим стилистическим своеобразием: преобладали неформальные дискурсивные практики, в рамках которых участники коммуникации демонстрировали открытость в артикуляции персональных перспектив и рефлексий относительно социальных феноменов. Репрезентативным примером одного из первых проектов может служить подкаст «Культура» радиостанции «Эхо Москвы» 2005 года [7]. Он оперативно сформировал лояльную аудиторию слушателей, ориентированных на получение актуальной информации о глобальных процессах и культурных инновациях.

С появлением подкастинга в России возникла необходимость в специализированных платформах, способствующих эффективному хостингу и распространению аудиоконтента. Традиционные методы размещения файлов – загрузка на интернет-страницы или использование общих каталогов оказались недостаточными для удовлетворения потребностей авторов и слушателей. Стали развиваться специализированные платформы для хостинга подкастов, которые предоставляли встроенные инструменты для управления контентом, мониторинга статистики и взаимодействия с аудиторией, одной из первых стала «PodFM», запущенная в 2008 году [8]. Она консолидировала усилия создателей контента, стремящихся к трансляции оригинального аудиоматериала широкой аудитории. На сегодня 60% всей российской аудитории приходится на Яндекс.Музыку и Apple Podcasts [11]. Остальные 40% распределились по другим платформам: VK Музыка, Звук, SoundStream, CastBox, Google-подкасты и др. Конкуренция между платформами привела к появлению новаторских решений – от необычных форматов до полезных возможностей для пользователей, включая детальную аналитику о слушателях, которая помогает авторам лучше понять, какой же на самом деле является их аудитория. По мере того, как интерес к подкастингу рос, специализированные платформы начали активнее встраивать рекламные инструменты, что открыло авторам новые возможности для заработка на контенте [12]. Подкастеры получили реальный шанс привлекать рекламодателей, и это стало стимулом создавать ещё более качественные и интересные выпуски. Впрочем, вместе с новыми возможностями пришли и новые сложности: необходимость соблюдать авторские права, контролировать качество размещаемой рекламы и т. д. Таким образом, появление специальных платформ для хостинга подкастов стало по-настоящему переломным моментом в развитии всего формата, предоставив русскоязычным подкастерам богатый и эффективный набор инструментов для воплощения творческих идей.

По мере совершенствования технологий записи и монтажа создатели подкастов получили инструменты для производства контента высокого качества. Музыкальное сопровождение, атмосферные звуковые эффекты и профессиональная обработка звука сделали подкасты намного приятнее для восприятия. Изменилась и структура повествования. От простых бесед подкасты эволюционировали до использования разнообразных приёмов: воспоминаний, параллельных сюжетных линий, интерактивных элементов и многого другого [5]. Слушатели в настоящее время не ограничиваются

пассивным потреблением информации, они демонстрируют активное участие в дискуссиях, формируют дискурс комментатора. Согласно данным опроса сервиса «Анкетолог»–2023, абсолютное большинство респондентов – 92% слушает подкасты на смартфонах. Чуть меньше половины – 41% предпочитает использовать ноутбук. 24% респондентов ответили, что выбирают планшеты, а 22% – «умные» колонки. Если говорить о возрастной классификации респондентов, то самый высокий интерес к этому формату медиа проявили люди от 25 до 34 лет [11]. По версии интернет-портала Forbes Life, в 2024 г. количество слушателей подкастов во всём мире превысило полмиллиарда человек [6]. И россияне составляют 10 миллионов активных слушателей.

Появление новых жанров подкастов в России стало знаковым событием на фоне стремительного роста интереса к этому формату. Заметным явлением стали развлекательные подкасты, где ведущие обсуждают актуальные события, тренды и культурные феномены. Большое количество проектов используют юмор и иронию, превращая прослушивание в увлекательное занятие. Такие подкасты находят отклик у людей самых разных возрастов, что говорит об их универсальной привлекательности. Активно развивается и документальный подкастинг, изначально нехарактерный для российского аудиального пространства, но в течение последних лет демонстрирующий активность. Программы, фокусирующиеся на социальной проблематике, исторических феноменах или знаковых персонах стали значимым компонентом медиаландшафта. Аудитория демонстрирует предпочтение нарративам с эмоциональным резонансом. Несомненную популярность приобрели образовательные подкастинговые проекты, которые транслируются в формате увлекательной дискуссии, оптимизируя образовательный процесс с позиций доступности и аттрактивности. Обсуждение литературы и музыки становится важной частью современного культурного пространства.

По содержанию подкасты можно условно разделить на три основные категории: информационные, образовательные и развлекательные [4]. Информационные подкасты обычно сфокусированы на свежих новостях, аналитике и исследовательских данных, сюда же включают интервью с экспертами и комментарии ведущих. Информационный контент представлен в лаконичной форме, сопровождается музыкальными интерлюдиями или акустическими эффектами, что способствует обогащению слушательского восприятия и созданию более насыщенного аудиального опыта [3]. Образовательные подкасты предоставляют возможность более основательного погружения в специфические тематические области. Преимущественно они разрабатываются с целью трансляции аудитории новых компетенций или распространения экспертных знаний. Тематический диапазон образовательных подкастов охватывает широкий спектр направлений – от естественнонаучных и технических до исторических и искусствоведческих. Развлекательные подкасты ориентированы на обеспечение рекреационного досуга слушательской аудитории: от уютных разговоров о повседневной жизни, до сатирических шоу или обсуждений фильмов [9]. Содержательное многообразие подкастов свидетельствует о гибкости формата и его способности подстраиваться под запросы самых разных слушателей.

Если говорить о форматах записи подкастов, то следует выделить аудиоформат, видеоподкасты и смешанные форматы [4]. Наиболее распространены аудиоподкасты. Они удобны тем, что слушатель может возвращаться к ним в любое время и в любом месте. Аудиоформат способствует более тесному взаимодействию с аудиторией, создавая эффект близости, поскольку голос ведущего, выразительность интонаций, подчеркнутые

паузы способны передать эмоции и настроение, а значит, увеличить вовлеченность. Видеоподкасты открывают дополнительное пространство для творчества. Визуальные элементы облегчают восприятие информации, предоставляя возможность респондентам лучше усваивать информацию при помощи графических материалов, видеоряда и интервью с респондентами. Гибридные форматы – интеграция аудио- и видеоэлементов для обеспечения максимального восприятия информации: подкасты могут содержать как исключительно звуковые сегменты, так и видеоматериалы.

Исходя из особенностей типологии, различают разговорные, художественные и документальные подкасты [4]. Отметим, что все они обеспечивают особое взаимодействие между ведущими и аудиторией. Разговорные подкасты, как правило, представляют собой динамичные диалоги участников [10]. Они сосредоточены на обсуждении актуальных тем, ведущие могут пригласить экспертов либо представителей аудитории, имеющих определенный опыт в обсуждаемой области. Данный формат формирует пространство для обмена взглядами, концептуальными идеями, а в некоторых случаях и для конструктивной критики. В монологических подкастах присутствует только ведущий, такие аудиопрограммы могут выполнять образовательные или развлекательные функции в зависимости от избранной предметной области [4]. Ведущий в данном контексте играет роль своеобразного проводника, направляющего аудиторию через информационные потоки и выполняющего функции нарратора. Монологический формат обеспечивает условия для углубленного анализа тематики, создавая возможности для детального изучения нюансов.

В документальных подкастах приоритетное внимание уделяется исследованию фактологического материала и событий, представляющих интерес для широкой аудитории [2]. Используется комбинация интервьюирования, задействования архивных источников, акустических эффектов и экспертных комментариев. Подобная композиция создает эффект иммерсивного присутствия, позволяя слушателю погрузиться в атмосферу анализируемых событий. Тематический спектр документальных подкастов может охватывать социальные, культурологические или исторические аспекты, при этом целевая направленность заключается не только в информационной трансляции, но и в эмоциональном и интеллектуальном стимулировании аудитории.

Нами проанализированы популярные разговорные подкасты – «Книжный чел», «Секс с Мари», художественные подкасты – «Мрачные сказки», «Тут такое дело» и документальные подкасты – «Голос культа», и «Поручик Кижее».

Отметим, что разговорные подкасты строятся на живом общении участников – будь то диалог или беседа нескольких людей. Они могут быть представлены как посиделками с обменом мнениями, так и площадкой для глубокого анализа, что привлекает самых разных слушателей. Часто такие подкасты строятся в виде интервью с ведущим и гостем, но нередко встречается и свободный формат, где все участники на равных делятся своими мыслями. Специфика разговорных подкастов – в создании эффекта присутствия. Слушатели словно оказываются за одним столом с говорящими, становясь невидимыми участниками беседы. Это усиливает связь между авторами подкаста и аудиторией, особенно при использовании формата «вопрос-ответ», где ведущий отвечает на заранее подготовленные вопросы слушателей, что помогает наладить более тесный контакт с аудиторией.

Одним из показательных примеров русскоязычных разговорных подкастов является «Книжный чел». Проект появился в 2018 г. и быстро нашел своего слушателя, став одним из первых подкастов о литературе. Ведущие обсуждают как произведения современных

авторов, так и отечественную и зарубежную классику. На запись часто приглашаются писатели и литературные критики. Благодаря этому слушатели не только узнают о новых книгах, но и слышат профессиональные точки зрения. «Книжный чел» привлекает именно разговорной манерой, создающей атмосферу дружеской беседы. Ведущие обсуждают книги в непринужденной обстановке, обмениваясь личными впечатлениями и историями из жизни, связанными с чтением. Такой подход делает подкаст понятным и увлекательным для самых разных людей – как для книжных гурманов, так и для тех, кто только начинает свой путь в мире литературы. Выпуски обычно длятся от получаса до часа – этого достаточно, чтобы погрузиться в тему, но не утомить слушателя. Такая продолжительность идеально подходит для прослушивания в пути, на прогулке или дома (<https://music.yandex.ru/album/10331760>).

«Секс с Мари» – подкаст, созданный блогером и журналисткой Мари Новосад. Этот проект стал самым популярным русскоязычным разговорным шоу на «Яндекс.Музыке» в 2021 году, транслирующемся в формате монологов и диалогов с гостями – коучами, психологами и т.д. Темы варьируются от обсуждения интимных вопросов до женского саморазвития. Например, в эпизоде «Сила женской энергии» обсуждается проявление женственности и личностного роста. Основная аудитория шоу – молодежь и взрослые, интересующиеся темами сексуальности и психологии. Особенность данного проекта – откровенность и интерактивность. Мари открыто говорит о сложных и часто табуированных темах, что привлекает аудиторию, ищущую честность в разговорах. Слушатели могут отправлять свои вопросы автору на электронную почту, и Мари отвечает на них в рубрике «Вопрос недели». Отметим, что специфика тематики и аудитории разговорных подкастов приводит к появлению контента, представляющего интерес как для самих создателей, так и для тех, кто интересуется представленными темами. В результате жанр продолжает расширять границы и привлекать новых слушателей, настраивая их на общение и диалог (<https://music.yandex.ru/album/31533649>).

Главной целью художественных подкастов является не просто передача информации, а создание эмоционального отклика у аудитории, что достигается за счет тщательно продуманной структуры и исполнения [4]. Они предлагают увлекательные истории, в основу которых могут быть положены как реальные, так и фантазийные события, таким образом устраняя временные и пространственные ограничения, позволяя слушателю и воспринимать информацию, и становиться активным участником созданной иммерсивной среды. Это достигается благодаря многоуровневому подходу к звуковому оформлению, где каждая деталь – от фонового звука до интонации ведущего создает необходимую атмосферу. Важное значение в художественных подкастах имеет звуковое оформление. Оно влияет не только на восприятие содержания, но и на эмоциональную реакцию слушателя. Звуковые эффекты, музыкальные вставки, а также фоновые звуки способны создать определенную атмосферу, привнести нужное настроение или, наоборот, элемент неожиданности. Например, характерная музыкальная заставка может создать связь с ранее транслированным контентом. Исследования показывают, что история, обогащенная разнообразным звуковым оформлением, воспринимается иначе, чем просто текст [1]. Когда подкаст сопровождается звуковыми эффектами, слушатели лучше улавливают эмоциональные нюансы. Это своего рода «звуковой перекресток», где звук и смысл сплетаются, создавая более глубокое восприятие. Интересно, что многие подкастеры используют звук как часть повествовательного арсенала, где неожиданные звуковые эффекты погружают слушателя в тему. Это позволяет не только рассказать историю, но и «показать» её через звуковые детали.

Одним из самых ярких русскоязычных художественных подкастов являются «Мрачные сказки» от студии Терменвокс. Проект появился в 2021 г., он погружает слушателей в мир славянского фольклора, мифов и обрядов. Шоу сочетает в себе элементы аудиоспектакля, научно-популярного рассказа и театра одного актера. Подкаст создан журналистом и актером Дмитрием Лебедевым, который выступает в роли сказителя, и фольклористом-антропологом Надеждой Рычковой, комментирующей культурно-исторический контекст сказок. Каждый выпуск посвящен определенной теме или персонажу из славянской мифологии: ведьмам, змеям, домовым и т.д. Подкаст исследует, как эти образы связаны с обрядами, верованиями и коллективной памятью. Особое внимание уделяется региональному разнообразию фольклора России и других стран. «Мрачные сказки» – самобытное сочетание художественного повествования и научного анализа (<https://music.yandex.ru/album/17729548>).

Еще один художественный подкаст, который заслуживает внимания, – «Тут такое дело». Реализован в жанре тру-крайм, рассказывает о преступлениях. Подкаст выходит еженедельно, с 2021 года выпущено 160 эпизодов, каждый из которых посвящен конкретному преступлению или серии преступлений. Ведущие Дарья Сабурова и Мария Сопкина рассказывают о событиях, анализируют мотивы преступников и обсуждают детали расследования. Отличительной чертой подкаста является повествование от первого лица, благодаря чему аудитория сопереживает событиям вместе с автором. Применяя разнообразные художественные методы, создатели контента вызывают у слушателей эмпатический отклик, побуждая их идентифицировать себя с главным действующим лицом, испытывать спектр эмоций от тревожности и страха до изумления. Отмеченные приемы демонстрируют особую эффективность именно в жанре тру-крайм, где психологический накал имеет не меньшую значимость, чем фактологическая точность. Именно эта особенность выделяет подкаст «Тут такое дело» среди многочисленных аналогичных проектов, где информация преподносится в более отстраненной манере, имитирующей стиль документальной хроники (<https://music.yandex.ru/album/13818642>).

Одной из ключевых характеристик документальных подкастов является структурированность [14]. Они обычно разбиваются на серии, каждая из которых фокусируется на определенной теме. При этом важно, что каждая серия содержит тщательно подобранные факты, интервью с экспертами, а также различные аудиоматериалы, которые поддерживают основную нить повествования. Таким образом слушатель получает возможность глубже понять обсуждаемую тему, создается своеобразная многогранность восприятия.

Российский документальный аудиопроjekt, посвященный исследованию религиозных и эзотерических культов, – «Голос Культа». Это глубокое погружение в структуру и психологию закрытых сообществ, освещающее реальные истории людей, оказавшихся вовлеченными в различные культы. Каждый эпизод фокусируется на конкретной организации или движении, рассказывая о возникновении, методах вовлечения и удержания последователей, психологические и социальные механизмы влияния, а также последствия участия в таких сообществах для личности и общества. Повествование строится на интервью с бывшими участниками культов, экспертами в области религиоведения и психологии, а также на анализе документальных источников. Проект не только рассказывает истории, но и анализирует их, помогая слушателям вникнуть в сложные психологические и социальные проблемы (<https://music.yandex.ru/album/25263128>).

«Поручик Киж» – исторический подкаст, созданный журналистом, кандидатом исторических наук Георгием Манаевым совместно с медиаплатформой Disgusting Men. С 2019 года вышло более 40 эпизодов, охватывающих разные периоды российской истории. Аудиопроект предлагает собственную интерпретацию российской исторической парадигмы, акцентируя внимание аудитории на малоисследованных аспектах отечественного прошлого. Тематический спектр составляют такие культурно-исторические феномены, как, например, традиция кулачных состязаний в древнерусском обществе, история чайной церемонии в России, практики народной магии и колдовства в допетровский период. Каждый эпизод – увлекательное повествование, в котором академическая достоверность сочетается с эмоциональной нарративной подачей. Георгий Манаев не только выступает в роли ведущего проекта, но и является автором сценария и создателем оригинального музыкального сопровождения. Подкаст характеризуется высоким качеством аудиопроизводства и тщательно проработанной композиционной структурой. Он ориентирован на аудиторию, проявляющую интерес к российской истории и стремящуюся расширить познания о национальном прошлом с помощью доступных форм информационного контента (<https://music.yandex.ru/album/8780865>).

ВЫВОДЫ

Подкасты – востребованный формат современных медиа, который функционирует и как канал информационной трансляции, и как коммуникативная платформа, отражающая динамику социальных преобразований. Ключевым преимуществом подкаста является интерактивность: слушатели имеют возможность комментировать, обсуждать и распространять выпуски через социальные сети, формируя вокруг каждого эпизода активное сообщество. Это трансформирует подкастинг из одностороннего вещания в полноценный диалог автора и аудитории. В дальнейшем, полагаем, следует ожидать увеличения количества подкастов, что связано с доступностью технологий для создания и распространения аудиоконтента. Отметим, что все большее внимание аудитории привлекают нишевые подкасты: люди, интересующиеся узкоспециализированными темами, находят качественный контент, который соответствует их запросам.

В долгосрочной перспективе подкасты способны не только закрепить за собой статус значимого элемента медиаландшафта, но и эволюционировать в один из значимых форматов аудиовизуального контента, интегрируясь в повседневные практики многочисленной целевой аудитории.

Список литературы

1. *Агеева Г. М.* Литблоги и подкасты как форматы книжного медиабытия // Библиосфера. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/litblogi-i-podkasty-kak-formaty-knizhnogo-mediabytiya>. – (Дата обращения: 15.03.2024)
2. *Анюхина А. М.* Феномен мультимедийного лонгрида и digitalstorytelling в сетевых медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – № 2 (24). – С. 146–150.
3. *Барашикина Е. А.* Коммуникативные стратегии подкастинга // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2021. – Вып. 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-podkastinga>. – (Дата обращения: 13.05.2025).
4. *Воинова Е. А., Сивякова Е. В.* Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 12. – С. 104–119.
5. *Землянский А. В.* Журналистика в 2020-2021 годах: тенденции // Наука и школа. – 2020. – Вып. 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-v-2020-2021-godah-tendentsii>. – (Дата обращения: 22.08.2024).

6. *Ибраимов А. Г.* Развитие и классификация подкастов // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. – 2021. – № 1 (31). – С. 140–147.
7. *Конкин А. А.* Феномен подкаста в системе репрезентации межкультурных и социально-политических явлений // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2021 – Вып. 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-podkasta-v-sisteme-reprezentatsii-mezhkulturnykh-i-sotsialno-politicheskikh-yavleniy>. – (Дата обращения: 13.04.2025).
8. *Круглова Л. А.* Культурологические аспекты трансформации термина «подкастинг» // Гуманитарный вектор. – 2024. – Вып. 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-aspekty-transformatsii-termina-podkasting>. – (Дата обращения: 21.08.2024).
9. *Куницына Н. В.* Интервью – ток-шоу – подкастинг: классика жанра в контексте медийных трансформаций // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2021. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-tok-shou-podkasting-klassika-zhanra-v-kontekste-mediynykh-transformatsiy>. – (Дата обращения: 10.08.2024).
10. Подкасты могут помочь медиа построить комьюнити. Какие подкасты делают медиа сегодня и что происходит на рынке. – Режим доступа: <https://jmlst.ru/2021/11/12/2145/> – (Дата обращения: 25.04.2024).
11. Сколько людей слушают подкасты? – 2025. – Режим доступа: <https://inclient.ru/podcast-stats/#lwptoc12>. – (Дата обращения: 17.08.2024).
12. *Сметанина Д. А.* Специфика функционирования просветительского подкастинга в Рунете // Молодежный вестник ИрГТУ. – 2022. – Вып. 1. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=qickfr>. – (Дата обращения: 22.08.2024).
13. *Тесленко Л. А.* Подкастинг в интерактивной журналистике // Student. – 2022. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/podkasting-v-interaktivnoy-zhurnalistike>. – (Дата обращения: 09.03.2025).
14. *Хакимова Е. М.* Русскоязычные подкасты как современная дискурсивная практика и предмет исследования // Вестник Томского Государственного университета. – 2023. – Вып. 84. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoazychnye-podkasty-kak-sovremennaya-diskursivnaya-praktika-i-predmet-issledovaniya>. – (Дата обращения: 13.04.2025).

References

1. Ageeva G. M. *Litblogi i podkasty kak formaty knizhnogo mediabytiya* [Litblogs and podcasts as formats of book media]. *Bibliosfera*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/litblogi-i-podkasty-kak-formaty-knizhnogo-mediabytiya> (accessed 15 March 2024).
2. Anyukhina A. M. *Fenomen multimedijnogo longrida i digitalstorytelling v setevykh media* [The phenomenon of multimedia longrid and digitalstorytelling in online media]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2020, no. 2 (24), pp. 146–150.
3. Barashkina E. A. *Kommunikativnye strategii podkastinga* [Communicative podcasting strategies]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2021, no. 4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-podkastinga> (accessed 13 May 2025).
4. Voinova E. A., Sivyakova E. V. *Podkast kak novyj format publichnoj kommunikacii v usloviyah cifrovoj mediasredy* [Podcast as a new format of public communication in a digital media environment]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 2018, no. 12, pp. 104–119.
5. Zemlyansky A.V. *Zhurnalistika v 2020-2021 godah: tendencii* [Journalism in 2020-2021: trends]. *Nauka i shkola*, 2020, no. 3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-v-2020-2021-godah-tendentsii> (accessed 22 August 2024).
6. *Ibraimov A. G. Razvitie i klassifikaciya podkastov* [Development and classification of podcasts]. *Informacionno-komp'yuternye tehnologii v jekonomike, obrazovanii i social'noj sfere*, 2021, no. 1 (31), pp. 140–147.
7. *Konkin A. A. Fenomen podkasta v sisteme reprezentacii mezhkul'turnykh i social'no-politicheskikh yavlenij* [The phenomenon of podcast in the system of representation of intercultural and socio-political phenomena]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 6. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-podkasta-v-sisteme-reprezentatsii-mezhkulturnykh-i-sotsialno-politicheskikh-yavleniy> (accessed 13 April 2025).

8. Kruglova L. A. *Kul'turologicheskie aspekty transformacii termina «podkasting»* [Cultural aspects of the transformation of the term «podcasting»]. *Gumanitarnyj vektor*, 2024, no. 3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-aspekty-transformatsii-termi-na-podkasting> (accessed 21 August 2024).
9. Kunitsyna N. V. *Interv'yu – tok-shou – podkasting: klassika zhanra v kontekste medijnyh transformacij* [Interview – talk show – podcasting: classics of the genre in the context of media transformations]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishheva*, 2021. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-tok-shou-podkasting-klassika-zhanra-v-kontekste-medijnyh-transformatsiy> (accessed 10 August 2024).
10. *Podkasty mogut pomoch' media postroit' kom'yuniti. Kakie podkasty delayut media segodnya i chto proiskhodit na rynke* [Podcasts can help media build a community. What podcasts are being made by the media today and what is happening on the market]. Available from: <https://jrnlst.ru/2021/11/12/2145/> (accessed 25 April 2024).
11. *Skol'ko lyudej slushayut podkasty?* [How many people listen to podcasts?]. 2025. Available from: <https://inclient.ru/podcast-stats/#lwptoc12> (accessed 17 August 2024).
12. Smetanina D. A. *Specifika funkcionirovaniya prosvetitel'skogo podkastinga v Runete* [Specifics of the functioning of educational podcasting on the Runet]. *Molodezhnyj vestnik IrGTU*, 2022, no. 1. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=qickfr> (accessed 22 August 2024).
13. Teslenko L. A. *Podkasting v interaktivnoj zhurnalistike* [Podcasting in interactive journalism]. *Studnet*, 2022. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/podkasting-v-interaktivnoy-zhurnalistike> (accessed 03 September 2025).
14. Khakimova E. M. *Russkoyazychnye podkasty kak sovremennaya diskursivnaya praktika i predmet issledovaniya* [Russian-language podcasts as a modern discursive practice and subject of research]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta*, 2023, no. 84. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoyazychnye-podkasty-kak-sovremennaya-diskursivnaya-praktika-i-predmet-issledovaniya> (accessed 13 April 2025).

PODCASTING CULTURE IN RUSSIA: TO STATING THE PROBLEM

L. G. Egorova, S. N. Chikanova

With the rapid development of digital technologies and changing media consumption, podcasts are becoming one of the most sought-after media formats. The study of podcasts as a media format allows for a deeper understanding of the transformation of content creation and distribution methods in the digital age, as well as the evolution of the relationship between the audience and media resources. This format provides a platform for self-expression not only for professional media professionals, but also for representatives of the target audience, which leads to a variety of genres and conceptual content. The article presents the features of podcast functioning, their genre diversity, the specifics of creation and interaction with the audience.

Keywords: media, podcast, target audience, audio content, interactive journalism.

УДК 070+82-1

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-168-182

**МАССМЕДИЙНЫЙ ОБРАЗ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА
В ФАСЦИНАТИВНЫХ КООРДИНАТАХ
КОММУНИКАЦИИ И МАРКЕТИНГА
(К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА)**

Шилина А. Г., Субботина О. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,

Симферополь, Российская Федерация

E-mail: angela_shilina@bk.ru; subbotiny08@mail.ru

Статья приурочена к 130-летию со дня рождения выдающегося русского поэта Сергея Есенина. Проведенный анализ практик конструирования массмедийного образа «певца уходящей Руси» показал, во-первых, проектирование образа поэта в соответствии с 4 моделями: культурно-когнитивными, информационными, политическими и массово-маркетинговыми; во-вторых, особенности генерирования медиаобраза и, как следствие, медиаконтента в год празднования 130-летия со дня рождения поэта; в-третьих, концептуальное медиасопровождение Года защитника Отечества в Российской Федерации; в-четвертых, коммуникативную зависимость между двумя прецедентными явлениями 2025 г. в Российской Федерации: Годом защитника Отечества и Годом празднования 130-летия со дня рождения Сергея Есенина; в-пятых, динамику массмедийного образа прецедентной личности. В процессе формирования массмедийного образа поэта фасцинативные инструменты воздействия на адресата укрепляют традиционные духовно-нравственные ценности: гражданственность, личное достоинство, любовь к семье, долг и честь. Предложенные авторами подходы могут быть использованы в таких научных направлениях, как когнитивный маркетинг, информационный маркетинг, культурный маркетинг, лингвомаркетинг, политический маркетинг, а также при разработке нового направления – фасцинативного маркетинга.

Ключевые слова: массмедийный образ, поэт Сергей Есенин, фасцинация, коммуникация, маркетинг.

ВВЕДЕНИЕ

Экстралингвистическая постановка проблемы

5 ноября 2024 г. состоялось заседание Совета по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации, по итогам которого Президент России В. В. Путин утвердил перечень поручений Правительству РФ совместно с Администрацией Президента РФ обеспечить «проведение в 2025 году мероприятий, посвященных празднованию 130-летия со дня рождения С. А. Есенина» [14]. Освещение государственного решения было представлено в средствах массовой информации, на медиаплатформах и в социальной сети «ВКонтакте».¹

20 декабря 2024 г. на заседании Госсовета В. В. Путин объявил 2025-ый Годом защитника Отечества: «в честь наших героев и участников специальной военной

¹ 1) «Путин дал поручения по празднованию 130-летия со дня рождения Есенина» (<https://ria.ru/20250101/putin-1992247964.html?ysclid=m6g8nq7zpz898015564>. 01.01.2025); 2) «Путин поручил кабмину провести мероприятия к 130-летию Сергея Есенина» (<https://smotrim.ru/article/4294207?ysclid=m6g8rsrpoc877654133>. 01.01.2025); 3) «Президент России поручил обеспечить проведение мероприятий, посвященных празднованию 130-летия со дня рождения Сергея Есенина» (<https://vc.ru/u/4448120-anastasiya-vlasova/1764551-prezident-rossii-poruchil-obespechit-provedenie-meropriyatii-posvyashennyh-prazdnovaniyu-130-letiya-so-dnya-rozhdeniya-sergeya-esenina?ysclid=m6ga4a1uzb570035676>. 20.01.2025; а также: <https://vk.com/@zvezdypr-rss-1615599562-167819772>. 15.01.2025).

операции сегодня и в память о подвигах всех наших предков, сражавшихся в разные исторические периоды за Родину. Во славу наших отцов, дедов, прадедов, сокрушивших нацизм» (<https://tass.ru/obschestvo/22733621?ysclid=m6gay6t8j7269468809>. 20.12.2024).

Указ «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» был подписан 16 января 2025 г. «В целях сохранения исторической памяти, в ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в благодарность ветеранам и признавая подвиг участников специальной военной операции» [31].

Два исторических и культурных события, предопределяющих государственную информационную повестку 2025 года, объединяет значимость творческого наследия С. А. Есенина для поддержания боевого духа советских солдат на фронтах Великой Отечественной войны и воинов России в зоне специальной военной операции [24, а также см. далее в изложении основного материала исследования]. Поэт писал: «Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к родине. Чувство родины – основное в моём творчестве» [19]. В этой связи представляется актуальным изучение фасцинативных концептов творчества С. А. Есенина, отождествляющихся с любовью к Отечеству, и их транслирование в современном медиапространстве.

Лингвистическая постановка проблемы

Методология исследования

Подходы к изучению фасцинативно-коммуникативного и фасцинативно-маркетингового смыслового поля массмедийного образа прецедентной личности сформировались:

- 1) в статье А. Г. Шилиной, О. А. Субботиной [36] при изучении таких понятий, как «когнитивный маркетинг», «информационный маркетинг», «лингвистический маркетинг» («лингвомаркетинг») и «политический маркетинг»;
- 2) в научном докладе соавторов А. Г. Шилиной, О. А. Субботиной «Пушкиниана в фасцинативно-маркетинговых координатах 2024 года» на II Межрегиональной научно-практической конференции «Издательское дело в парадигме массмедийного пространства» (10–11 декабря 2024 г., г. Симферополь) [18, с. 7] при интерпретации понятия «гуманитарная, ментальная модель»: «целостная деятельностьная программа, включающая последовательно примененный набор методов и приемов, направленных на системное представление какой-либо предметной области объекта (или предметов объекта) для получения информации об этом предмете» [1, с. 95] и в процессе конструирования моделей фасцинативно-маркетинговых координат для изучения творческого наследия А. С. Пушкина и исследований о нем в год празднования 225-летия со дня рождения поэта.

В результате синергетического эффекта при осмыслении указанных терминологических дефиниций были сгенерированы модели фасцинативной репрезентации массмедийного образа, которые применяются в статье для исследования творчества С. А. Есенина в год празднования 130-летия со дня его рождения: культурно-когнитивные, информационные, политические и массово-маркетинговые.

Под *массмедийным образом поэта* понимается представление о Сергее Есенине, конструируемое в сознании адресата с помощью СМИ и социальных сетей.

Цель статьи – исследовать фасцинативное коммуникативно-маркетинговое смысловое поле, формирующее массмедийный образ С. А. Есенина.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепты творческого наследия С. А. Есенина в фасцинативно-коммуникативных и фасцинативно-маркетинговых координатах дифференцируются в соответствии со следующими моделями:

1. Культурно-когнитивные модели.

Формирование культурно-когнитивных моделей связано с понятием «культурно-когнитивного маркетинга – стратегии, которая фокусируется на понимании и установлении связей с ценностями, убеждениями и тенденциями в определенных культурных группах или обществах. Она направлена на обращение к целевой аудитории путем создания эмоциональных связей, резонирования с их культурной идентичностью и включения обычаев, традиций или социальных норм в маркетинговые кампании» [11]. Рассмотрим отдельно каждую из двух культурно-когнитивных моделей:

1.1. Культурно-когнитивная модель № 1 «Есенин в культурных проектах».

Победителем конкурса социально значимых проектов в 2024 г. по грантовому направлению «сохранение исторической памяти» стала «Театрализованная лекция о жизни и творчестве Сергея Есенина в честь 130-летия со дня рождения поэта» для школьников 9–11 классов г. Новосибирска [30]. Цель проекта – «сохранение и популяризация культурного наследия России, продвижение через творчество С. А. Есенина идей патриотизма посредством поэтического спектакля для школьников», а обоснование социальной значимости включает «...возврат к национальным культурно-историческим истокам. Яркая поэтическая индивидуальность Есенина, творческий поиск, душевная взволнованность – отвечают этому интересу» [там же].

В октябре 2024 г. прошел Всероссийский конкурс чтецов «#Есенина2024. Ко дню рождения русского поэта Сергея Есенина» (Муниципальное учреждение культуры «Усинская централизованная библиотечная система») [37].

Летом 2025 г. в Есенин-центре будет открыта новая постоянная экспозиция, посвященная большой семье поэта. В Государственном музее Есенина в Москве уже начали подготовку к 130-летию со дня рождения поэта.

Кроме того, на медиаплатформах транслируется информация о ряде запланированных Есенинских чтениях, книжных выставках, обзорах литературы, читательских конференциях и диспутах.

1.2. Культурно-когнитивная модель № 2 «Есенин в искусстве».

Музыка

Безусловно, особого внимания заслуживает музыкальный вид искусства в его связи с творческим наследием С. А. Есенина. На сайте издательства АСТ представлена мультимедийная статья «Песни на стихи Сергея Есенина» [15], в которой собраны известные композиции на стихи Есенина: песни народных артистов Муслима Магомаева и Иосифа Кобзона, а также хиты рок-коллективов «Монгол Шуудан» и «Чайф». Медиаплатформа «Дзен» по запросу: «Песни и романсы на стихи Есенина» предлагает разнообразный выбор произведений [22]; музыкальный сервис «Яндекс Музыка» предоставляет доступ к альбому «Романсы на стихи Сергея Есенина» известной исполнительницы Анны Шестерниной [35].

Театр

Документально-поэтический спектакль «Сергей Есенин» впервые состоялся на сцене Русского духовного театра «ГЛАС» в 2006 году: «...построен на уникальных

архивных видеодокументах и материалах из жизни поэта» [20]; также используются фрагменты из творчества поэта и размышления из книг его современников.

Широкую известность получил музыкально-поэтический спектакль «Хулиган. Исповедь», премьера которого состоялась в Московском Губернском театре 6 апреля 2009 г. В постановке и в настоящее время «песни на стихи Есенина и сами стихи в исполнении Сергея Безрукова сотканы в трагическую историю о судьбе великого русского поэта» [28].

Изобразительное искусство

Живопись и графика

Заслуженные художники и графики, такие как Г. П. Сорогин, А. С. Кулагин, В. Н. Скобеев, С. К. Фролов, Н. В. Чуев, Е. М. Тенишева и многие другие запечатлели образ С. А. Есенина (более подробно с портретами поэта и художниками-авторами можно ознакомиться на сайте фотоальбома Fabulae [40]).

В сообществе «Есенина в живописи» (социальная сеть «Мой мир», <https://my.mail.ru/community/artscrabble/12C50B5D37737668.html>, 05.10.2015) можно увидеть работы С. Ф. Якушевского, Н. М. Ромадина, А. М. Титова и других художников, посвятивших картины есенинской теме.

Скульптура

В 2020 г. к 125-летию поэта в Москве открыли памятник: «Автор скульптуры Григорий Потоцкий назвал работу “Реквием по Есенину” или “Ангел русской поэзии”» (<https://ria.ru/20200929/esenin-1577947850.html?ysclid=m6j8zzl9v4357383500>, 29.09.2020). Это событие вызвало неоднозначное отношение как среди обывателей, так и среди ряда деятелей культуры и искусства (см. об этом статью С. Минакова «Прости нас, Есенин...», https://www.stoletie.ru/kultura/prosti_nas_jesenin_205.htm?ysclid=m6ji87nxl882356770, 05.10.2020). В этой связи особого внимания, на наш взгляд, заслуживает проект «Скульптурная композиция “130 лет народному поэту Сергею Есенину”», срок реализации которого с марта по июль 2025 г. в г. Новосибирске. В описании проекта говорится, что «композиция станет олицетворением русского характера – трепетного, лиричного и безгранично преданного своей Родине» [25]. Мотивацией для авторов проекта также является сохранение русской культуры в современном мире, где прослеживается тенденция ее отмены.

Кинематография

Среди наиболее запомнившихся художественных фильмов следует отметить: «Айседора» (1968, режиссер К. Рейш); «Анна Снегина» (1969, режиссер В. Серков); «Пой песню, поэт...» (1971, режиссер С. Урусевский); «Золотая голова на плахе» (2004, режиссер С. Рябиков); «Есенин» (2005, режиссер И. Зайцев). В течение 2025 г. в кинотеатрах страны планируется показ художественного фильма «Декабрь» (режиссер К. Шипенко) о последних днях жизни поэта Сергея Есенина [3].

2. Информационные модели.

Две информационные модели массмедийной репрезентации творческого наследия С. А. Есенина обосновываются понятием информационного маркетинга: «логистическая деятельность, осуществляемая в процессе оказания информационных услуг» [9, с. 80]. Они включают различные аспекты и форматы празднования дня рождения поэта (в ходе выполнения данного исследования обнаруженные примеры связаны со 125-летней годовщиной).

2.1. Информационная модель № 1 «Есенин в СМИ».

Данная модель включает примеры соответствующих публикаций: «“Юбилей Хулигана”: День рождения Сергея Есенина отпраздновали масштабным онлайн-фестивалем с участием звезд» (<https://www.spb.kp.ru/daily/217194/4303069/>. 07.03.2020); «“Всечеловечная русская душа”. К 125-летию поэта Сергея Есенина» (<https://kprf.ru/activity/culture/197565.html?ysclid=m5xuwgmtul606354860>. 02.10.2020);

2.2. Информационная модель № 2 «Цифровая Есениана».

В рамках модели представлены цифровые примеры репрезентации годовщины со дня рождения С. А. Есенина в две тысячи двадцатом году: «Рязанская “Горьковка” запустила проект “Цифровая Есениана” ... «Цифровая Есениана» – это проект, призванный доказать, что творчество поэта не утратило актуальности даже в цифровой век. ... ресурс позволяет читателю получить доступ к редким изданиям, хранящимся в фондах музеев и библиотек. В их числе – посмертное «Собрание стихотворений» поэта, авторские сборники «Радуница», «Голубень», журналы и газеты с автографами поэта...» (<https://culture-rzn.ru/reviews/1189?ysclid=m5wlfm51to212583480>. 24.03.2020); «Есенин. Попасть в десятку. Виртуальная выставка к 125-летию Сергея Есенина» в Свердловской областной библиотеке имени В. Г. Белинского (Екатеринбург) [7] включает десять «важных и по-своему интересных книг Сергея Есенина»; десять стихотворений, которые «мы помним с детства или юности, то, что навсегда связано для нас с его образом, судьбой, поэзией»; десять художников, написавших иллюстрации к творчеству и портреты самого поэта и «10 уральских штрихов» – о том, что ассоциирует С. А. Есенина с Уралом.

Думается, что в течение года 130-летнего юбилея со дня рождения С. А. Есенина, примеры, демонстрирующие информационные модели, будут дополнены.

3. Политические модели.

Конструирование политических моделей в границах фасцинирующего смыслового поля, отражающего творчество С. А. Есенина в современном массмедиапространстве, связано с феноменом политического маркетинга: «перенесением в политическую сферу маркетинговых приемов влияния на массовое сознание» [16]; «система целенаправленного воздействия на сознание и поведение людей; их объединений и организаций, позволяющая в условиях политических и гражданских свобод сформировать у них такие интересы и потребности, которые выгодны действующему субъекту политических отношений» [17]. Это приобретает концептуально важное значение в связи с двумя историческими и культурными событиями в стране: проведением Года защитника Отечества и празднованием 130-летия со дня рождения С. А. Есенина. Прокомментируем отдельно каждую из политических моделей.

3.1. Политическая модель № 1 «Есенин в ВОВ».

В прозе, поэзии, публицистике и документальных свидетельствах мы находим подтверждение тому, что творчество Сергея Есенина укрепляло боевой дух советских солдат в Великой Отечественной войне. Так, В. Сафонов в книге «Есенин на фронтах Великой Отечественной...» [24] повествует о том, как стихи Есенина воодушевляли на победу подводников знаменитой лодки С-13, командовал которой капитан третьего ранга А. И. Маринеско: «Во время ремонта субмарина стояла в Ленинграде, возле Пушкинского дома (Институт русской литературы Академии наук), и моряки часто ходили туда слушать лекции ученого-литературоведа В. А. Мануйлова о С. Есенине.

Перед тем, как отправиться на боевое задание, подводники решили попросить В. А. Мануйлова дать им с собой в поход книгу стихов Есенина... Подводники вышли в море с книгой Есенина на борту. А потом был потрясший противника торпедный залп по лайнеру “Вильгельм Густов”. Цвет немецкого подводного флота: 5000 высококвалифицированных специалистов, несколько экипажей для немецких подводных лодок, пошёл ко дну. Следом был залп по тяжёлому крейсеру “Генерал фон Штойбен”, и тоже – на дно. Германия, как после Сталинграда, погрузилась в трёхдневный траур. Гитлер объявил подводника А. И. Маринеско врагом нации номер один» (Час памяти «Давным-давно была война», https://vk.com/wall-135651254_4038?ysclid=m6qc9s2gyu602791392. 22.06.2020.). Этому героическому эпизоду рязанский поэт А. Н. Потапов посвятил стихотворение «В глубинах Балтики»:

*...Побед подобных Балтика не знала.
Врагу за все заплачено сполна.
Германия, как спрут, во тьме лежала,
В трёхдневный траур – вся! – погружена.*

*...Медаль луны начищена до блеска,
И не страшит невзгод девятый вал.
Так вместе с экипажем Маринеско
С фашистами Есенин воевал.*

3.2. Политическая модель № 2 «Есенин в СВО».

7 июля 2023 г. на медиаресурсе Рязани 7info пресс-служба Министерства обороны РФ опубликовала видео, на котором военнослужащий с позывным «Эверест» на фоне боевой техники прочел стихотворение «Исповедь хулигана» Сергея Есенина [2; 23]. Двойственность образа «хулигана», описанная в литературоведческих исследованиях: «хулиган ностальгически тянется к покою – к синим чащам, к “заросшему пруду и хриплому звону ольхи”, к отцу и матери, к деревянной Руси ... хулиган никого не обижает, а “каменья брани” летят в него» [27, с. 107], в контексте видеосюжета символически отождествляется с образом защитника Отечества, а строки поэта: «Я люблю родину. Я очень люблю родину!» укрепляют дух бойцов специальной военной операции.

«...Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, дайте родину мою», – командир расчета реактивной системы залпового огня «Град» с позывным «Яман» процитировал стихотворение Сергея Есенина «Гой ты, Русь, моя родная...» (https://t.me/mod_russia/46550. 06.12.2024). Расчет под командованием «Ямана» уничтожает украинские подразделения, напавшие на приграничные районы Курской области: «Мы сражаемся за свою землю, за свой народ. Мы бьем врага беспощадно, безжалостно, резко и четко» (<https://rg.ru/2024/12/06/komandir-rascheta-grada-rasskazal-o-sluzhbe-v-zone-svo-stihami-esenina.html?ysclid=m6qekpjxfn883838470>. 06.12.2024). Как показывают наблюдения, глубокий и искренний патриотизм лирики С. А. Есенина важен для мотивации военнослужащих при выполнении задач СВО.

4. Массово-маркетинговые модели:

Детерминирование массово-маркетинговых моделей связано с понятием массового маркетинга, которое включает в себя «действия в области производства, распределения, сбыта и стимулирования продажи однотипных товаров и услуг для массового потребителя» [32]. Прокомментируем специфику моделей в зависимости от сферы их реализации.

4.1. Массово-маркетинговая модель № 1 «Есенин в банковской сфере».

К 100-летию С. А. Есенина в 1995 году «Банк России» выпустил монету номиналом 2 рубля с изображением поэта на реверсе (рис.1):

Рис. 1

Рекламный видеоролик банка «Славянский», где воссоздается скандальный образ поэта, читающего стихотворение «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...» (режиссер Т. Бекмамбетов) [26] вышел в 2007 г. и стал одним из роликов, посвященных поэтам Серебряного века. Анализ этого материала получил неоднозначную оценку в академическом сообществе: как позитивную – «Эстетизация добавила рекламным посланиям некую оригинальность формы, художественности, а конструкт художественного образа создал основу для вхождения рекламных продуктов этого автора в хрестоматию рекламной индустрии» [33, с. 260–261], так и негативную – «В подобной абсурдной манере сделаны ролики, посвященные Есенину ...и Пушкину ...» [34, с. 68].

4.2. Массово-маркетинговая модель № 2 «Есенин в туристической сфере».

Примеры реализации данной модели включают разработку многочисленных экскурсий и туристических маршрутов, связанных с биографией поэта, а также их продвижение в современном медиапространстве. Продемонстрируем некоторые из них: 1) «Константиново – родина Сергея Есенина» [10]; 2) «Один день из жизни Сергея Есенина. Пройти по следам великого поэта и узнать его как человека. Экскурсия в Москве» [13]; 3) «Маршрут по адресам Сергея Есенина в Петербурге» [12].

4.3. Массово-маркетинговая модель № 3 «Есенин в кулинарно-гастрономической сфере».

Кулинарно-гастрономический сегмент играет значительную роль в развитии туризма, поэтому конструирование брендов для заведений отрасли часто маркируется исторически, культурно, биографически и таким образом имеет более успешное медиапродвижение. Поэтому существование ресторанов, кафе и баров с названиями «Есенин» в Рязани, Москве и Санкт-Петербурге вполне объяснимо [21].

На медиаплощадке «Дзен» (канал LOVELYтература) опубликована статья «5 любимых блюд Есенина» [38], где представлены не только рецепты, но и краткие интересные биографические эпизоды из жизни и быта поэта. Статью прочитали более семнадцати с половиной тысяч раз, что, на наш взгляд, демонстрирует интерес не только к творчеству С. А. Есенина, но и к фактам его повседневной жизни.

4.4. Массово-маркетинговые модели в пространстве маркетплейсов.

Исследование фасцинативно-маркетингового смыслового поля, включающего доминанты творческого наследия С. А. Есенина, является более обоснованным и наглядным при обращении к интернет-площадкам массмаркета. Они играют роль эффективных фасцинативных инструментов медийного и впоследствии материального распространения [29, с. 164] артефактов, отождествляющихся с творчеством поэта. Так, результаты поискового запроса «Есенин» на двух популярных в России маркетплейсах составили 10 169 (Wildberries) [5] и 6 725 (Ozon) [4; 6] товаров. Мы дифференцировали результаты поиска по совокупности признаков в соответствии с пятью моделями:

4.4.1. Массово-маркетинговая модель в пространстве маркетплейсов № 1 «Портрет, имя/инициалы и фамилия поэта».

Эта модель представлена многочисленными товарами, имеющими отношение к разным сферам: творчеству (рис. 2 – пазл); предметам одежды (рис. 3 – свитшот).

Рис. 2

Рис. 3

4.4.2. Массово-маркетинговая модель в пространстве маркетплейсов № 2 «Портрет поэта и цитаты из его произведений».

Примеры товаров, представленных на маркетплейсах, объединены такими общими признаками, как наличие известного портретного изображения поэта и цитат из его любовной лирики (рис. 45).

Рис. 4

Рис. 5

4.4.3. Массово-маркетинговая модель в пространстве маркетплейсов № 3 «Фигуры и изображения поэта: статуэтки, ростовые модели, предметы интерьера».

Думается, что примеры товаров, предлагаемых маркетплейсами и представленных в рамках данной модели, будут особенно востребованы в год празднования 130-летия со дня рождения С. А. Есенина (рис. 6 – статуэтка; рис. 7 – настенные часы).

Рис. 6

Рис. 7

4.4.4. Массово-маркетинговая модель в пространстве маркетплейсов № 4 «Песни и романсы на стихи Сергея Есенина».

Ранее мы писали о связи лирики поэта с музыкой (см. Культурно-когнитивная модель № 2 «Есенин в искусстве»). Примеры, представленные в рамках этой массово-маркетинговой модели, демонстрируют форматы продвижения музыкальных произведений, написанных на стихи С. А. Есенина, на российских маркетплейсах (рис. 8 – пластинка; рис. 9 – CD-диск).

Рис. 8

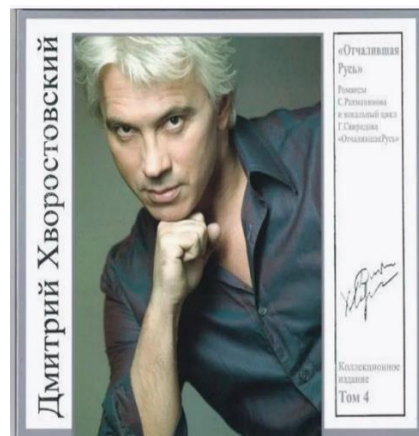

Рис. 9

4.4.5. Массово-маркетинговая модель в пространстве маркетплейсов № 5
«Креолизованный мем “хулиган”».

Связующим фактором для артефактов маркетплейсов является образ поэта-хулигана, закреплённый в литературной, литературоведческой, издательской традициях (собрания сочинений автора под названием «Исповедь хулигана» выпускаются многочисленными издательствами – рис. 10, а литературоведческие работы, посвященные творческому пути С. А. Есенина, содержат номинацию «хулиган»: например, Л. В. Поликовская «Есенин. Русский поэт и хулиган» – рис. 11):

Рис. 10

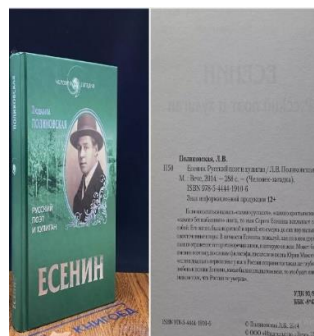

Рис. 11

По мнению исследователей, очевидно, что факты биографии и творчества автора определяют стереотипное представление о нем, которое фиксируется «в виде вторичного текста, вербально-визуального сообщения» [8, с. 157]. Динамичное развитие средств медиакommunikации предопределяет то, что «литературный факт становится легкодоступным, «массовым», в результате чего мифы и легенды вокруг автора получают «вирусное» распространение» [там же].

Показательным фактором воздействия на массовую аудиторию являются сгенерированные креолизованные интернет-мемы. Так, например, на медиаплощадках, находим «Лучшие мемы про Сергея Есенина ко дню его рождения» (<https://zen.ru/a/Zv5NRj2apwzlUirE?ysclid=m6xiymwv6k855024956>, 3.10.2024). Креолизованные мемы – «единицы культурной эволюции» / «единицы культурной информации», «передаваясь от одного разума к другому посредством имитации, научения» [39], становятся составляющими медиаконтента и в пространстве маркетплейсов уже приобретают материальное выражение и предлагаются в виде разнообразных товаров (рис. 12 – значок; рис. 13 – предмет одежды):

Рис. 12

Рис. 13

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

- 1) изучение фасцинативного коммуникативно-маркетингового смыслового поля, включающего доминанты творческого наследия С. А. Есенина, в рамках культурно-когнитивных, информационных, политических и массово-маркетинговых моделей определило вектор генерирования медиаобраза и, как следствие, медиаконтента в год празднования 130-летия со дня рождения поэта;
- 2) в процессе анализа материала удалось выявить концептуальные, связующие маркеры для медиасопровождения Года защитника Отечества в Российской Федерации;
- 3) фасцинативный коммуникативно-маркетинговый подход установил коммуникативную зависимость между двумя прецедентными явлениями 2025 г. в Российской Федерации: Годом защитника Отечества и Годом празднования 130-летия со дня рождения Сергея Есенина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурные события, происходящие в стране, всегда являются отражением гуманитарных трансформаций социума, а массмедиапространство конструирует образы, которые становятся объектами культурно-когнитивного, информационного, политического, лингвистического и массового маркетинга.

Фасцинативные инструменты воздействия на адресата в прецедентные периоды – Год защитника Отечества и Год празднования 130-летия со дня рождения С. А. Есенина – укрепляют такие ценности, как гражданственность, личное достоинство, любовь к семье, долг и честь.

Изучение динамики массмедийного образа прецедентной личности представляет перспективу исследования в области фасцинативного маркетинга.

Список литературы

1. Белоусов К. И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – №11 (117). – С. 94–97.
2. Военнослужащий с позывным «Эверест» прочел стихотворение «Исповедь хулигана» Сергея Есенина. – Режим доступа: <https://dzen.ru/video/watch/64a7aa1a007ff91cee749584>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
3. Декабрь, драма, 2025. – Режим доступа: <https://start.ru/watch/dekabr>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
4. Есенин. Интернет-магазин Ozon. – Режим доступа: https://www.ozon.ru/category/knigi-16500/?category_was_predicted=true&deny_category_prediction=true&from_global=true&text=%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD. – (Дата обращения: 29.04.2025).
5. Есенин. Интернет-магазин Wildberries. – Режим доступа: <https://www.wildberries.ru/catalog/0/search.aspx?search=%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD>. – (Дата обращения: 29.04.2025).
6. Есенин. Книги. Интернет-магазин Ozon. – Режим доступа: https://www.ozon.ru/search/?deny_category_prediction=true&from_global=true&text=Есенин&writer=248152. – (Дата обращения: 29.04.2025).
7. Есенин. Попасть в десятку. Виртуальная выставка к 125-летию Сергея Есенина. – Режим доступа: <https://virt.uraic.ru/esenin/>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
8. Ефименко А. А., Крашук А. С. Мифологизация образа С. Есенина в интернет-пространстве // Редакционная коллегия. – 2019. – С. 157–159.
9. Кичигин А. К. Информационный маркетинг города: к вопросу о роли СМИ в формировании имиджа города // Челябинский гуманитарий. – 2009. – № 1 (7). – С. 79–82.

10. Константиново – родина Сергея Есенина. – Режим доступа: <https://guidego.ru/excursion/678b6d2d5306ad3f9c6d9f64/>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
11. Культурный маркетинг. – Режим доступа: <https://www.adogy.com/ru/terms/cultural-marketing/>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
12. Маршрут по адресам Сергея Есенина в Петербурге. – Режим доступа: <https://gorbilet.com/blog/interesnie-mesta/marshrut-po-adresam-sergeya-esenina-v-peterburge>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
13. Один день из жизни Сергея Есенина. – Режим доступа: <https://experience.tripster.ru/experience/36938/>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
14. Перечень поручений по итогам заседания Совета по реализации госполитики в сфере поддержки русского языка и языков народов России. 30 декабря 2024 г. – Режим доступа: <http://special.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76077>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
15. Песни на стихи Сергея Есенина. – Режим доступа: <https://ast.ru/news/pesni-na-stikhi-sergeya-esenina/>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
16. Политический маркетинг // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/politicheskii-marketing-43279f>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
17. Политология. Словарь. – Режим доступа: <https://rus-politology-dict.slovaronline.com/search?s=политический+маркетинг>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
18. Программа II Межрегиональной научно-практической конференции «Издательское дело в парадигме массмедийного пространства» (10-11 декабря 2024 г., г. Симферополь). – Симферополь, 2024. – 33 с.
19. Рафикова Н. «Моя лирика жива одной большой любовью...». – Режим доступа: https://russkiymir.ru/news/196416/?sphrase_id=2191460. – (Дата обращения: 19.03.2025).
20. Репертуар театра. Сергей Есенин. – Режим доступа: <https://www.theatreglas.ru/repertoire/sergej-esenin/>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
21. Ресторан «Есенин». Официальный сайт. – Режим доступа: <https://rest-esenin.ru>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
22. Романсы на стихи Есенина. – Режим доступа: <https://dzen.ru/list/music/romansy-na-stihi-esenina-slushat-onlain-besplatno>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
23. Российский боец СВО прочитал стихотворение Сергея Есенина. – Режим доступа: <https://7info.ru/rossijskij-boec-svo-prochital-stihotvorenie-sergeja-esenina/?ysclid=m5z0ci6g3d50193377>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
24. Сафонов В. И. Сергей Есенин на фронтах Великой Отечественной войны (из творческого наследия писателя В. Сафонова) // Современное есениноведение. – 2005. – № 2. – С. 4-7.
25. Скульптурная композиция «130 лет народному поэту Сергею Есенину». – Режим доступа: <https://grant.novo-sibirsk.ru/project/skulpturnaya-kompoziciya-130-let-narodnomu-poetu-sergeyu-eseninu/?ysclid=m5ur51ibu6808114057>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
26. Славянский банк. Сергей Есенин. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/f36fc257fda27bd86584e1ba85c77665/>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
27. Соколова Л. В. Смысловая оппозиция образов-концептов Поэт-пророк и Поэт-хулиган в творчестве С. Есенина 1920-х годов (к вопросу о национальной картине мира в поэзии С. Есенина) // Человек. Культура. Образование. – 2013. – №. 1 (7). – С. 104–121.
28. Спектакль «Хулиган. Исповедь». – Режим доступа: <https://m-g-t.ru/performance/hooligan/?ysclid=m6j2zpl2o7880458719>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
29. Субботина О. А. Осмысление праздников в российских СМИ: медиаконструирование позиции общества // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 154–169.
30. Театрализованная лекция о жизни и творчестве Сергея Есенина в честь 130-летия со дня рождения поэта для школьников девятих-одиннадцатых классов г. Новосибирска. – Режим доступа: <https://новосибирск.гранты.пф/public/application/item?id=d4bd8dc4-cff1-48e6-b114-7f72a1c5dcf9>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
31. Указ о проведении в России Года защитника Отечества № 28 от 16 января 2025 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/76120>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
32. Финансовый словарь. – Режим доступа: https://finansovyy-slovar.slovaronline.com/940-маркетинг_массовый. – (Дата обращения: 19.03.2025).

33. Чаган Н. Г. Реклама как трансформирующая форма художественного творчества, воплощение эстетики // Реклама, PR и дизайн в бренд-коммуникациях: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. – М.: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2023. – С. 256–262.
34. Шакиров С. М. Трансмедиаальность рекламного дискурса // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – №. 3 (37). – С. 64–70.
35. Шестернина А. Романсы на стихи Сергея Есенина. – Режим доступа: <https://music.yandex.ru/album/27655707>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
36. Шилина А. Г., Субботина О. А. Фасциативно-маркетинговая специальная операция: особенности функционирования прецедентных знаков Z, V, O в пространстве российского массмаркета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 191-201.
37. #ЕСЕНИНА2024. – Режим доступа: https://vk.com/search?q=%23есенина2024&z=video16364592_456239092. – (Дата обращения: 19.03.2025).
38. 5 любимых блюд Есенина. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YIUpWTtzW1L4G1jS>. – (Дата обращения: 19.03.2025).
39. Dawkins R. The Selfish Gene. – New York: Oxford University Press, 1976. – 360 p.
40. Fabulae. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YIUpWTtzW1L4G1jS>. – (Дата обращения: 19.03.2025).

References

1. Belousov K. I. *Model'naya lingvistika i problemy modelirovaniya yazykovoi real'nosti* [Model linguistics and the problem of linguistic reality modelling]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 11 (117), pp. 94–97.
2. *Voennosluzhashchii s pozyvnyim «Everest» prochel stikhotvorenie «Ispoved' khuligana» Sergeya Esenina* [A military man with the call sign 'Everest' read the poem 'Hooligan's Confession' by Sergei Yesenin]. Available from: <https://dzen.ru/video/watch/64a7aa1a007ff91cee749584> (accessed: 19 March 2025).
3. *Dekabr', drama, 2025* [December, drama, 2025]. Available from: <https://start.ru/watch/dekabr> (accessed: 19.03.2025).
4. *Esenin. Internet-magazin Ozon* [Yesenin. Ozon Online Store]. Available from: https://www.ozon.ru/category/knigi-16500/?category_was_predicted=true&deny_category_prediction=true&from_global=true&text=%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD (accessed: 29 April 2025).
5. *Esenin. Internet-magazin Wildberries* [Yesenin. Wildberries Online Store]. Available from: <https://www.wildberries.ru/catalog/0/search.aspx?search=%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD> (accessed: 29 April 2025).
6. *Esenin. Knigi. Internet-magazin Ozon* [Yesenin. Books. Ozon Online Store]. Available from t: https://www.ozon.ru/search/?deny_category_prediction=true&from_global=true&text=Есенин&writer=248152 (accessed: 29 April 2025).
7. *Esenin. Popast' v desyatku. Virtual'naya vystavka k 125-letiyu Sergeya Esenina* [Yesenin. Get into the top ten. Virtual exhibition dedicated to the 125th anniversary of Sergei Yesenin]. Available from: <https://virt.uraic.ru/esenin/> (accessed: 19 March 2025).
8. Efimenko A. A., Krashchuk A. S. *Mifologizatsiya obraza S. Esenina v internet-prostranstve* [The mythologization of S. Yesenin's image in the Internet space]. *Redaktsionnaya kollegiya*, 2019, pp. 157–159.
9. Kichigin A. K. *Informatsionnyi marketing goroda: k voprosu o roli SMI v formirovanii imidzha goroda* [Information marketing of the city: on the role of mass media in shaping the image of the city]. *Chelyabinskii gumanitarii*, 2009, no. 1 (7), pp. 79–82.
10. *Konstantinovo – rodina Sergeya Esenina* [Konstantinovo is Sergei Yesenin's birthplace]. Available from: <https://guidego.ru/excursion/678b6d2d5306ad3f9c6d9f64/> (accessed: 19.03.2025).
11. *Kul'turnyi marketing* [Cultural marketing]. Available from: <https://www.adogy.com/ru/terms/cultural-marketing/> (accessed: 19 March 2025).

12. *Marshrut po adresam Sergeya Esenina v Peterburge* [Route to Sergei Yesenin's addresses in St. Petersburg]. Available from: <https://gorbilet.com/blog/interesnie-mesta/marshrut-po-adresam-sergeya-esenina-v-peterburge> (accessed: 19 March 2025).
13. *Odin den' iz zhizni Sergeya Esenina* [One day in the life of Sergei Yesenin]. Available from: <https://experience.tripster.ru/experience/36938/> (accessed: 19 March 2025).
14. *Perechen' poruchenii po itogam zasedaniya Soveta po realizatsii gospolitiki v sfere podderzhki russkogo yazyka i yazykov narodov Rossii*. 30 dekabrya 2024 g. [The list of instructions following the meeting of the Council for the implementation of state policy in the field of support for the Russian language and the languages of the peoples of Russia. December 30, 2024]. Available from: <http://special.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76077> (accessed: 19 March 2025).
15. *Pesni na stikhi Sergeya Esenina* [Songs based on poems by Sergei Yesenin]. Available from: <https://ast.ru/news/pesni-na-stikhi-sergeya-esenina/> (accessed: 19 March 2025).
16. *Politicheskii marketing* [Political marketing]. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Available from: <https://bigenc.ru/c/politicheskii-marketing-43279f> (accessed: 19 March 2025).
17. *Politologiya. Slovar'* [Political science. Dictionary]. Available from: <https://rus-politology-dict.slovaronline.com/search?s=политический+маркетинг> (accessed: 19 March 2025).
18. *Programma II Mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Izdatel'skoe delo v paradigme massmediinogo prostranstva» (10-11 dekabrya 2024 g., g. Simferopol')* [Program of the 2nd Interregional Scientific and Practical Conference 'Publishing in the paradigm of the media space' (December 10-11, 2024, Simferopol)]. Simferopol, 2024. 33 p.
19. Rafikova N. *«Moya lirika zhiva odnoi bol'shoi lyubov'yu...»* ['My lyrics are alive with one big love...']. Available from: https://russkiymir.ru/news/196416/?sphrase_id=2191460 (accessed: 19 March 2025).
20. *Repertuar teatra. Sergei Esenin* [The repertoire of the theater. Sergei Yesenin]. Available from: <https://www.theatreglas.ru/repertoire/sergej-esenin/> (accessed: 19 March 2025).
21. *Restoran «Esenin». Ofitsial'nyi sait* [Yesenin Restaurant. Official website]. Available from: <https://rest-esenin.ru> (accessed: 19 March 2025).
22. *Romansy na stikhi Esenina* [Romances based on Yesenin's poems]. Available from: <https://dzen.ru/list/music/romansy-na-stihi-esenina-slushat-onlain-besplatno> (accessed: 19 March 2025).
23. *Rossiiskii boets SVO prochital stikhotvorenie Sergeya Esenina* [Russian SMO fighter read a poem by Sergei Yesenin]. Available from: <https://7info.ru/rossijskij-boec-svo-prochital-stikhotvorenie-sergeja-esenina/?ysclid=m5z0ci6g3d50193377> (accessed: 19 March 2025).
24. Safonov V. I. *Sergei Esenin na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny (iz tvorcheskogo naslediya pisatelya V. Safonova)* [Sergei Yesenin on the fronts of the Great Patriotic War (from the creative legacy of the writer V. Safonov)]. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2005, no. 2, pp. 4–7.
25. *Skul'pturnaya kompozitsiya «130 let narodnomu poetu Sergeyu Eseninu»* [Sculpture composition '130 years of the national poet Sergei Yesenin']. Available from: <https://grant.novosibirsk.ru/project/skulpturnaya-kompozitsiya-130-let-narodnomu-poetu-sergeyu-eseninu?ysclid=m5ur51ibu6808114057> (accessed: 19 March 2025).
26. *Slavyanskii bank. Sergei Esenin* [Slavyansky Bank. Sergei Yesenin]. Available from: <https://rutube.ru/video/f36fc257fda27bd86584e1ba85c77665/> (accessed: 19 March 2025).
27. Sokolova L. V. *Smyslovaya oppozitsiya obrazov-kontseptov Poet-prorok i Poet-khuligan v tvorchestve S. Esenina 1920-kh godov (k voprosu o natsional'noi kartine mira v poezii S. Esenina)* [Sense opposition of image-concepts of prophetic poet and poet-hooligan in works of S. Esenin of 1920s (to the question of national image of the world in the poetry of S. Esenin)]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 2013, no. 1 (7), pp. 104–121.
28. *Spektakl' «Khuligan. Ispoved'»* [The play 'Hooligan. Confession']. Available from: <https://m-g-t.ru/performance/hooligan/?ysclid=m6j2zpl2o7880458719> (accessed: 19 March 2025).
29. Subbotina O. A. *Osmyslenie prazdnikov v rossiiskikh SMI: diakonstruirovaniye pozitsii obshchestva* [Holidays understanding in the Russian media: media construction of the society attitude]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, vol. 10, no.1, pp. 154–169.
30. *Teatralizovannaya lektsiya o zhizni i tvorchestve Sergeya Esenina v chest' 130-letiya so dnya rozhdeniya poeta dlya shkol'nikov devyatykh-odinnadsatykh klassov g. Novosibirsk* [A theatrical lecture on the life and work of Sergei Yesenin in honor of the 130th anniversary of the poet's birth for ninth- and eleventh-grade students in Novosibirsk]. Available from:

- <https://новосибирск.гранты.пф/public/application/item?id=d4bd8dc4-cff1-48e6-b114-7f72a1c5dcf9> (accessed: 19 March 2025).
31. *Ukaz o provedenii v Rossii Goda zashchitnika Otechestva*: [№ 28 ot 16 yanvarya 2025 g.] [Decree on the Year of Defender of the Fatherland in Russia: [No. 28 dated January 16, 2025]. Available from: <http://kremlin.ru/acts/news/76120> (accessed: 19 March 2025).
 32. *Finansovyi slovar'* [Financial Dictionary]. Available from: https://finansoviy-slovar.slovaronline.com/940-маркетинг_массовый (accessed: 19 March 2025).
 33. Chagan N. G. *Reklama kak transformiruyushchaya forma khudozhestvennogo tvorchestva, voploshchenie estetiki* [Advertising as a transformative form of artistic creativity, the embodiment of aesthetics]. *Reklama, PR i dizain v brend-kommunikatsiyakh: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow, 2023, pp. 256–262.
 34. Shakirov S. M. *Transmedial'nost' reklamnogo diskursa* [Transmediality of advertising discourse]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2020, no. 3 (37), pp. 64–70.
 35. Shesternina A. *Romansy na stikhi Sergeya Esenina* [Romances based on poems by Sergei Yesenin]. Available from: <https://music.yandex.ru/album/27655707> (accessed: 19 March 2025).
 36. Shilina A. G., Subbotina O. A. *Fastsinativno-marketingovaya spetsial'naya operatsiya: osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh znakov Z, V, O v prostranstve rossiiskogo massmarketa* [Fascinating marketing special operation: functioning features of Z, V, O precedent signs in the russian mass market space]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, vol. 8, no.4, pp. 191–201.
 37. *#ESENIANA2024* [YESENIANA2024]. Available from: https://vk.com/search?q=%23есениана2024&z=video16364592_456239092 (accessed: 19 March 2025).
 38. *5 lyubimyykh blyud Esenina* [Yesenin's 5 Favorite Dishes]. Available from: <https://dzen.ru/a/YIUpWTtZW1L4G1jS> (accessed: 19 March 2025).
 39. Dawkins R. *The Selfish Gene*. New York, Oxford University Press, 1976. 360 p.
 40. *Fabulae*. Available from: <https://dzen.ru/a/YIUpWTtZW1L4G1jS> (accessed: 19 March 2025).

**THE MASS MEDIA IMAGE OF SERGEI YESENIN
IN FASCINATIVE COORDINATES
OF COMMUNICATION AND MARKETING
(ON THE 130th ANNIVERSARY OF THE POET'S BIRTH)**

Shilina A. G., Subbotina O. A.

The article is dedicated to a significant event in the history and culture of Russia – the 130th birth anniversary of the outstanding Russian poet Sergei Yesenin. The constructing practices analysis of the ‘singer’s of departing Russia’ mass media image showed, firstly, the design of the poet’s image in accordance with 4 models: cultural, cognitive, informational, political and mass marketing; secondly, the features of generating the media image and, as a result, the media content in the year of 130th anniversary of the poet’s birth celebration; thirdly, the conceptual media coverage of the Year of the Defender of the Fatherland in the Russian Federation; fourth, the communicative relationship between the two precedent phenomena of 2025 in the Russian Federation: The Year of the Defender of the Fatherland and the Year of the 130th anniversary of Sergei Yesenin’s birth celebration; fifth, the dynamics of the media image of the precedent personality. In the process of forming the poet’s media image, fascinating instruments of influence on the addressee strengthen traditional spiritual and moral values: citizenship, personal dignity, love of family, duty and honor. The approaches proposed by the authors can be used in such scientific fields as cognitive marketing, information marketing, cultural marketing, linguistic marketing, political marketing, as well as in the development of a new direction – fascinating marketing.

Key words: mass media image, poet Sergei Yesenin, fascination, communication, marketing.

4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 001.4:81'373.2

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-183-191

НЕЙМИНГ И РЕНЕЙМИНГ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА БАЗЕ ОНИМА «СУВОРОВ»

Калугина Т. В.

*Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С. М. Будённого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: tvkalug@mail.ru*

В статье рассматривается использование антропонима «Суворов» и его производных в нейминге и ренейминге. Выявлено, что на базе онима «Суворов» формируются вторичные онимы, включающие названия военных учебных заведений и других объектов. Вводится термин «экпайдексионимы», обозначающий названия учебных заведений всех уровней. Названия военных училищ являются милитарными мемориальными экпайдексионимами в честь А. В. Суворова. Они входят в группу эргонимов. Типичной для них ономастической моделью является астионим по месту дислокации учебного заведения + меморатив *суворовское* + военное училище. Мы предлагаем считать милитарность/немилитарность, как и мемориальность/немемориальность, типологическими признаками онима. Экпайдексионимы имеют официально-деловую окраску и обладают аббревиатурными неофициальными эквивалентами. Мемориальная информация, представленная в экпайдексионимах, обладает национальной значимостью и является важным средством сохранения исторической памяти о защитниках Отечества.

Ключевые слова: военный ономастикон, нейминг, ренейминг, эргоним, А.В.Суворов, меморатив, милитарионим, экпайдексионим

ВВЕДЕНИЕ

Современный военный нейминг основан на «Положении о почетных наименованиях объединений, соединений, воинских частей (кораблей) и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов», утвержденном Указом Президента РФ от 12 июля 2000 г. № 1292. В соответствии с этим Положением почетными наименованиями объединений, соединений, воинских частей (кораблей) и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов являются: гвардейские; по названиям городов, районов, рек и местностей, с которыми связаны история, боевой путь или наиболее значительные события боевой деятельности объединений, соединений, воинских частей (кораблей) и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов; в честь выдающихся государственных, военных деятелей и защитников Родины, имеющих особые заслуги перед Отечеством (посмертно); в честь соединений и воинских частей, прославивших Россию в военных сражениях прошлых эпох [13].

Д. Ю. Ильин выделил несколько факторов, которые необходимо учитывать в ономастических исследованиях: «параметры номинативной ситуации, коммуникативная стратегия и корреспондирующие с ней задачи позиционирования объекта, структурно-словообразовательные и семантические модели обозначения» [7, с. 19].

По мнению М. В. Голомидовой, нейминг представляет собой технологию, то есть целую цепочку процедур, которая включает комплексное исследование ситуации, формулировку прагматических задач, поиск оптимальных вариантов с точки зрения коммуникативной целесообразности и правовой чистоты [5, с. 31].

Н. В. Подольская относит названия деловых объединений людей к эргонимам, включающим союзы, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружки, например, Московский государственный университет (МГУ) [12, с. 166]. Кроме того, она выделяет меморативы, данные в память о человеке, событии, месте, организации [12, с. 125]. Мемориальными могут быть разные группы онимов: топонимы, урбанонимы, антропонимы. С. А. Попов предложил использовать термин «героическая топонимика» для названий, связанных с именами высшего командного состава, офицеров, солдат, тружеников тыла, наименованиями воинских соединений, отличившихся в боях и совершивших подвиги [14, с. 597–598].

Мы считаем, что мемориальность/немемориальность является одной из характеристик онимной системы, так как может охватывать разные типы объектов, то есть мы можем разделить топонимы на мемориальные и немемориальные и т. д. и использовать термины «мемориальный оним/немемориальный оним» для всего ономастического поля. Второй существенной характеристикой является милитарность/немилитарность, которая также пронизывает всю онимную систему. Н. А. Фатеева сначала предлагает термин «милитарионимы» для названий военных событий, хотя их принято относить к хрононимам. Далее автор предлагает относить к милитарионимам всех онимы, имеющие отношение к военному делу и войне: антропонимы, топонимы, эргонимы, фалеронимы, документонимы, прагмонимы, геортонимы, гемеронимы, артионимы [20, с. 100]. Мы не можем согласиться с таким широким определением, так как в таком случае остаются непонятными объем содержания термина «милитарионимы» и его родовидовые отношения. К тому же деление онимов основывается на типологии реальных объектов, а характеристика объектов «милитарный – немилитарный» является вспомогательной.

Затем Н. А. Фатеева объединяет оба термина: милитарионимы-хрононимы, милитарионимы-эргонимы, милитарионимы-антропонимы [20, с. 101], где, по-видимому, милитарионимы выступают гиперонимами по отношению к хрононимам, эргонимам и антропонимам. Мы предлагаем считать милитарность/немилитарность, как и мемориальность/немемориальность, типологическими признаками онима. Если применить обе характеристики онима, то при их описании мы можем говорить о милитарном мемориальном ониме, немилитарном мемориальном ониме или милитарном немемориальном ониме, немилитарном немемориальном ониме и так далее для всей системы. Располагая меморативы и милитарионимы в одном ряду с другими подразрядами онимов, мы попадаем в логическую ловушку, так как это не подразряды, а характеристики.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Современная ономастика развивается по пути обнаружения новых разрядов собственных имен и их описания, которое нуждается в более дробном терминологическом аппарате [4, с. 373]. Исследование названий гражданских вузов проводилось Л. А. Стребуль, которая описала структурно-семантические модификации [16]. Наименования военных вузов не были объектом исследования. Наименования высших учебных заведений не имеют собственного термина в ономастиконе из-за сложности перевода на греческий язык трех- или четырехкомпонентной номинативной структуры (а иногда и более), хотя необходимость в идентификации есть.

Мы предлагаем использовать термин «экваидексионим» на базе греко-латинских терминологических элементов «экваидексион» от *ἐκπαίδευσις* (греч. образование, воспитание, обучение) и «оним» от *ὄνομα* (греч. собственное имя). *Экваидексионим* – это названия любых учебных заведений: высших, в том числе военных, средних учебных заведений, дошкольных учебных заведений, организаций внешкольной системы, кружков, секций, клубов, которые занимаются образованием, воспитанием и обучением. В качестве исходного для калькирования был выбран признак «образование», который охватывает различные учебные заведения. Выбрано традиционное для ономастического метаязыка сочетание с категориальным компонентом «оним», являющимся гиперонимом. По сфере функционирования предлагаем подразделять все онимы на милитарные/немилитарные, в соответствии с общественной структурой. Такому же разграничению далее подвергаются гипонимы «эргонимов».

С неймингом высших военных учебных заведений связан целый ряд актуальных проблем. Во-первых, это ренейминг, под которым мы понимаем номинативный процесс переименования, то есть изменение первоначального наименования в процессе функционирования объекта именования. Во-вторых, перерыв в функционировании и/или воссоздание после какого-то периода. В-третьих, эквивалентность наименований, вызванная экстралингвистическими причинами. В-четвертых, необходимость установления официального регламента наименования для соблюдения единообразия в процессе номинации. В-пятых, формирование базы данных для обработки при помощи искусственного интеллекта. В-шестых, прецедентность и соотносительность именований с одним или несколькими ономообразующими прототипами. В-седьмых, проблема формирования и функционирования военного ономастикона в различных видах дискурса.

Цель статьи – рассмотреть номинативные процессы нейминга и ренейминга высших военных учебных заведений на базе антропонима «Суворов» в ономастическом поле.

После смерти о человеке остается мемориальная память. М. А. Царина употребляет этот термин как синоним исторической памяти: «Мемориальная (историческая) память выступает как продукт коллективного сознания и во многом помогает людям или определенной социальной группе сохранить свои общие представления (идентичность), которые, в свою очередь, отражаются на материальном уровне в виде культуры и традиций, а на ментальном – в виде устойчивых коллективных архетипов» [21, с. 81].

По нашему мнению, мемориальная память является составной частью исторической памяти, то есть более узким понятием, подвидом исторической памяти. В лингвистике рассматриваются, например, устойчивые единицы, относящиеся к данной сфере, а также онимные единицы в честь выдающихся личностей – меморативы. Коммуникативная стратегия сохранения мемориальной памяти о воинах-защитниках Отечества в общественном дискурсе реализована в ономастиконе русского языка в мемориальных урбанонимах, мемориальных годонимах и т.д.

Для предварительного анализа рассмотрим использование антропонима «Суворов» и его производных в «Национальном корпусе русского языка» и других источниках. Как антропоним «Суворов» обозначает русскую фамилию адъективного типа, образованную на базе характерного ономаσιологического признака *сувор* при помощи ономасиологического базиса –ов, и представляет собой типичный для центральных

областей России пример вторичной метафорической номинации по прозвищу: из рода Суворых.

Древнерусское слово *сувор* имеет широкую семантическую базу, которая свидетельствует о длительном историческом существовании. В современном малороссийском наречии слово *суворий* означает: 1) неприветливый, хмурый, серьёзный, грозный, твёрдый; 2) внешность или поведение которого свидетельствуют о твёрдой вере или нестигаемой воле, лишённый мягкости; 3) чрезвычайно требовательный к себе и другим; 4) исполненный твердости и нестигаемости, которые не допускают никаких отклонений от принятых норм, заведенного порядка; 5) небеленая, жёсткая ткань; 6) строгий пост.

В древнерусском языке существовало еще значение *суровъ* «сырой, дикий», что связано с чередованием гласных у//ы. На то, что более древним надо признать значение «сырой» указывает тот факт, что в болгарском языке суров – сырой, жёсткий, свежий, сочный, то есть неварёный. При дальнейшем развитии значений произошёл метафорический перенос с сырой как жёсткий и неварёный на суровый как жёсткий или даже жестокий по человеческим качествам. Данный метафорический перенос характерен для разных славянских языков: в чешском и словацком – *surou* – «суровый, жестокий». В польском *surowy* – «суровый», верхнелужицком и нижнелужицком *surowy* – «сырой, неварёный; суровый, строгий» [18, с. 807]. В русском языке, по-видимому, произошла переогласовка –*вор-* на –*ров-*. В русском языке слово *суровый* используется с теми же значениями, что и в других славянских языках.

Наиболее прославленным представителем антропонима *Суворов* является Александр Васильевич Суворов, что нашло отражение в «Национальном корпусе русского языка» и других источниках. Именно этот оним стал прецедентным в исторической памяти русского народа. Наиболее частотными эпитетами к фамилии А. В. Суворова стали лексемы *бессмертный, великий, гениальный*: *Чудо-богатыри, как говорил бессмертный Суворов* [11]. *«Вообще Суворов был гениальный человек, <...>; если бы Суворову пришлось жить в другой жизни, при других условиях, то и гений его проявился бы в других формах»* [11].

Коллокаты фамилии Суворова отражают его почетные звания по выигранным сражениям: Рымникский (41) Италийский (6); воинские номинации: полководец (41), фельдмаршал (35), генералиссимус (27), генерал-аншеф (10), генерал-майор (6); дворянское звание: князь (103). Фельдмаршал Суворов: *Суворовец, В годину боевую и суровую Отчизна нас под знамя собрала И именем фельдмаршала Суворова Она наш юный корпус назвала* [11].

Затруднения при расшифровке нейминга могут вызываться тем, что людей с онимообразующей фамилией может быть несколько, и в таком случае может быть непонятно, к кому именно из них относится меморатив. Например, это могут быть родственники или однофамильцы. В случае с А. В. Суворовым отнесенность к его личности не вызывает сомнений, хотя под этим онимом также могут подразумеваться его сын или внук. В этом случае необходимо иметь представление о тех людях, которые имели такую же фамилию и оставили свой след в истории. Сын Александра Васильевича генерал-лейтенант Аркадий Александрович Суворов, которого отец не признавал до того,

как Екатерина II пожаловала юношу в камер-юнкеры к великому князю Константину Павловичу, погиб 13 апреля 1811 г. при переправе через реку Рымник.

Достаточно известным был в свое время и внук Александра Васильевича – военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга (1861–1866) князь Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский (1804–1882), хотя сейчас память о нем сохранилась только в исторических или литературных источниках. С его именем связана история о переданной Некрасову из Петропавловской крепости рукописи романа Чернышевского «Что делать?». Как градоначальник он отличался попустительством и излишней снисходительностью, отмеченными современниками. Его упрекали даже в развитии революционных настроений в обществе. Например, В. П. Мещерский упоминал о скверном влиянии грандиозных пожаров в Петербурге в 1862 г. на настроения столичных жителей, особенно лавочников и купцов, пострадавших от пожара: «...Но этому настроению не соответствовало настроение властей, правивших в то время порядком в Петербурге, где главным начальником был генерал-губернатор князь **Суворов**» [11]. Возможно, на становление характера А. А. Суворова значительное влияние оказали иезуитское и западноевропейское воспитание, полученные им в юности.

Антропоним А. В. Суворов обладает высоким номинативным потенциалом, образуя дериваты *суворовец* и *суворовский*, которые затем переходят из апеллятивной подсистемы языка в ономастическую: «Наименование «Суворовское» училища получили в честь русского полководца – светлейшего князя, итальянского графа Суворова-Рымникского Александра Васильевича, а его воспитанники стали называться *суворовцами*» [3]. Произошло это событие 21 августа 1943 г. Наименование военных учебных заведений в России имеет давнюю традицию. Училища создавались по типу дореволюционных кадетских корпусов.

Названия современных учебных заведений утверждаются Министерством обороны Российской Федерации и имеют официально-деловую стилистическую окраску. Первоначально было 9 номинантов, которые имели официально-деловые эквиваленты аббревиатурного типа и проходили переименование в связи с передислокацией или переименованием места дислокации. На их функционирование повлиял ренейминг по политическим причинам урбанонимов *Сталинград*, *Чкаловск*, *Свердловск*, *Калинин*, *Ленинград*. Переименованы *Краснодарское*, *Сталинградское*, *Курское*, *Орловское*, *Калининское* в *Северо-Кавказское*, *Чкаловское*, *Дальневосточное*, *Свердловское*, *Екатеринбургское*, *Тверское СВУ*. В 1991 г. в СССР насчитывалось 8 СВУ: Казанское, Калининское (Тверское), Киевское, Ленинградское, Минское, Московское, Свердловское и Уссурийское.

Дериват *суворовский* в первичном значении активно используются в наименовании группы 11 современных военных учебных заведений, построенной по общей номинативной модели: *какое по дислокации суворовское военное училище*. Соответствующее сокращенное наименование включает первые буквы полного наименования.

Наименования военных учебных заведений можно разделить на 2 типа: образованные по астиониму или по региониму. К экпаидексионимам, образованным от названий городов, в которых они располагаются, относятся Екатеринбургское, Иркутское, Казанское, Московское, Пермское, Санкт-Петербургское, Тверское, Тульское, Ульяновское гвардейское, Уссурийское суворовские военные училища.

К экпaideксионимам, образованным от названий регионов, в которых они располагаются, относятся *Северо-Кавказское суворовское военное училище* (СК СВУ) – Северный Кавказ, г. Владикавказ, и *Дальневосточное СВУ* – Дальний Восток.

Экпaideксионимы имеют номинативные эквиваленты *Суворовское военное училище* = *Суворовское училище* = аббревиатура буквенного типа СВУ. В народном сознании суворовские училища ассоциируются с хорошим образованием и дисциплиной.

Форма *суворовец* как первичная номинатема обозначает наименование учащихся военных суворовских училищ, названных в честь А. В. Суворова. Появилась она уже в XIX в., причем обозначалась заглавной буквой: *Очень мне понравился юнкер Константиновского училища Реут Михаил, бывший Суворовец...* [11].

Образуется при помощи суффикса –*ец*: *Жизнь суворовцев построена на строжайшей дисциплине* [2]. Эквивалентными наименованиями является *воспитанник суворовского училища, курсант, кадет*. В современной прессе лексема *суворовец* может выступать в качестве несогласованного определения благодаря передаваемой характеристике по принадлежности к группе: мальчик-суворовец, пятиклассник-суворовец, почетное звание «суворовец»: *«Чтобы носить почётное звание «суворовец», нужно пройти строгую медицинскую комиссию, получить «отлично» по математике, хорошо написать диктант по русскому языку, а еще – сдать физическую подготовку»* [2].

К мемориальным экпaideксионимам в честь А. В. Суворова относится название броненосца «Князь Суворов». Номинативные эквиваленты «Князь Суворов», «Суворов», «Кн. Суворов»: *«На рейде были построены в ряды броненосцы: «Князь Суворов», «Император Александр III», <...>. Командовал эскадрой адмирал Рожественский, держа свой флаг на «Суворове»* [11].

Для сравнения с милитарными мемориальными онимами приведем прозвище *Суворовец*, которое является немилитарным немемориальным: *В 1962 году Харьковский областной суд приговорил друзей Эди-бэби – Костю Бондаренко, Юрку Бембеля и Славку, по кличке Суворовец, к высшей мере наказания – расстрелу* [11].

ВЫВОДЫ

Таким образом, прецедентный антропоним «Суворов» используется как первичная номинатема в именовании конкретного человека и относится к ядру ономастикона. С ней тесно связаны милитарные мемориальные экпaideксионимы, обозначающие военные училища, названные в честь А. В. Суворова. Они входят в группу эргонимов. Типичной для них ономастической моделью является астионим по месту дислокации учебного заведения + меморатив *суворовское* + военное училище. Экпaideксионимы имеют официально-деловую окраску и обладают аббревиатурными эквивалентами, которые употребляются в неофициальной обстановке. Мемориальная информация, представленная в экпaideксионимах, обладает национальной значимостью и является важным средством сохранения исторической памяти о защитниках Отечества.

Список литературы

1. Алексеева Е. А. Имя собственное в аспекте перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2014. – № 2. – С. 77–87.
2. Аргументы и факты : электронный ресурс. – Режим доступа: https://aif.ru/society/education/voennaya_stroevaya_vali_budni_malchikov-suvorovcev. – (Дата обращения: 12.02.2025).
3. Большая российская энциклопедия : электронный ресурс. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/suvorovskie-uchilishcha-803e1e>. – (Дата обращения: 12.02.2025).
4. Васильева Н. В. О координировании ономастической терминологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. – 2014. – № 2 (1). – С. 373–377.
5. Голомидова М. В. Именование городских топографических объектов и проблемы экспертизы новых названий // Ономастика Поволжья: материалы XVII Междунар. науч. конф. – Великий Новгород, 2019. – С. 29–33.
6. Захарова-Саровская М. В. К вопросу об эргономии // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 187–191.
7. Ильин Д. Ю. Локальные меморативы как лингвистический код // Мир русского слова. – 2020. – № 4. – С. 16–20.
8. Калугина Т. В., Сулейманова С.Р. Номинативный потенциал топонима «Севастополь» и его производных // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 1(435). – С. 53–58.
9. Калугина Т. В., Харахалилова Э.Д. Номинатема «Севастополь» и её дериваты в языковой картине мира русскоговорящего населения // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. – 2022. – № 36. – С. 436–445.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. Энциклопедия. – 1990. – 688 с.
11. Национальный корпус русского языка: электронный ресурс. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>.
12. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп.. – М. : Наука, 1988. – 187 с.
13. Положение о почетных наименованиях объединений, соединений, воинских частей (кораблей) и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15810>. – (Дата обращения: 12.02.2025).
14. Попов С. А. Героические меморативы в российском топонимиконе // Нефилология. – 2021. – Т. 7, № 28. – С. 596–604.
15. Попов С.А. Меморативы ономастического пространства городов-героев, городов воинской славы и населённых пунктов воинской доблести // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 1 (36). – С. 10–23.
16. Стребуль Л. А. Структурно-семантические модификации одного вида онимов в коммуникации // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). № 2. Ч. 2. – С. 173–178.
17. Супрун В. И. Семантика и ментальный образ топонима. – Режим доступа: http://crosslingua.cfuv.ru/publications/2017_1_suprun.pdf. – (Дата обращения: 12.02.2025).
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т.. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.
19. Фатеева Н. А. Место милитарионимов в системе современной ономастики // Ономастика Поволжья: материалы XVI междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора А. Никонова: в 2 т. (г. Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.). – Ульяновск: ФГБОУ «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. – Т. 2. – С. 252–260.
20. Фатеева Н. А. Милитарионимное поле Сталинграда // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2018. – № 7 (130). – С. 99–104.
21. Царина М. А. Изучение исторической памяти в системе современного гуманитарного знания // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2022. – № 2. – С. 76–84.

References

1. Alekseeva E. A. *Imya sobstvennoe v aspekte perevoda* [Proper name in the aspect of translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda*, 2014, no. 2, p. 77–87.
2. *Argumenty i fakty* [Arguments and facts]. Available from: https://aif.ru/society/education/voennaya_stroevaya_vals_budni_malchikov-suvorovcev. (Accessed 12 February 2025).
3. *Bol'shaya russiyskaya e`nciklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Available from: <https://bigenc.ru/c/suvorovskie-uchilishcha-803e1e> (Accessed 12 February 2025).
4. Vasil'eva N. V. *O koordinirovanii onomasticheskoy terminologii* [On the coordination of onomastic terminology]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Filologiya*, 2014, no. 2 (1), pp. 373–377.
5. Golomidova M. V. *Imenovanie gorodskix topograficheskix ob`ektov i problemy` e`kspertizy` novy`x nazvanij* [Naming of urban topographic objects and problems of examination of new names]. *Onomastika Povolzh'ya: materialy` XVII Mezhdunar. nauch. konf.*, 2019, pp. 29–33.
6. Zaxarova-Sarovskaya M. V. *K voprosu ob e`rgonomii* [On the issue of ergonomics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 3, pp. 187–191.
7. Il'in D. Yu. *Lokal'ny'e memorativy` kak lingvisticheskij kod* [Local memoratives as a linguistic code]. *Mir russkogo slova*, 2020, no. 4, pp. 16–20.
8. Kalugina T. V. *Nominativny`j potencial toponima «Sevastopol» i ego proizvodny`* [Nominative potential of the toponym "Sevastopol" and its derivatives]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 1 (435), pp. 53–58.
9. Kalugina T. V. *Nominatema «Sevastopol» i eyo derivaty` v yazy`kovoj kartine mira russkogovoryashhego naseleniya* [Nominatema "Sevastopol" and its derivatives in the linguistic worldview of the Russian-speaking population]. *Sovremennye problemy` lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazy`ka v VUZe i shkole*, 2022, no. 36, pp. 436–445.
10. *Lingvisticheskij e`nciklopedicheskij slovar`* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Ed. by V. N. Yarceva. Moscow, Sovetskaja Enciklopediya Publ., 1990. 688 p.
11. *Nacional'ny`j korpus russkogo yazy`ka* [National corpus of the Russian language]. Available from: <https://ruscorpora.ru/>. (Accessed 12 February 2025).
12. Podol'skaya N. V. *Slovar` russkoj onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2 ed.. Moscow, Nauka Publ., 1988. 187 p.
13. *Polozhenie o pochetny`x naimenovaniyax ob`edinenij, soedinenij, voinskix chastej (korablej) i organizacij Vooruzhenny`x Sil Rossijskoj Federacii, drugix vojsk, voinskix formirovanij i organov* [Regulations on honorary names of associations, formations, military units (ships) and organizations of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies]. Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15810>. (Accessed 12 February 2025).
14. Popov S. A. *Geroicheskie memorativy` v russijskom toponimikone* [Heroic memorabilia in the Russian toponymicon]. *Neofilologiya*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 596–604.
15. Popov S. A. *Memorativy` onomasticheskogo prostranstva gorodov-geroev, gorodov voinskoj slavy` i naselyonny`x punktov voinskoj doblesti* [Memorabilia of the onomastic space of hero cities, cities of military glory and settlements of military valor]. *Aktual'ny`e voprosy` sovremennoj filologii i zhurnalistiki*, 2020, no. 1 (36), pp. 10–23.
16. Strebul' L. A. *Strukturno-semanticheskie modifikacii odnogo vida onimov v kommunikacii* [Structural and semantic modifications of one type of onym in communication]. *Ucheny`e zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Social'ny`e kommunikacii»*, 2011, vol. 24 (63), no. 2, iss. 2, p. 173–178.
17. Suprun V. I. *Semantika i mental'ny`j obraz toponima* [Semantics and mental image of a toponym]. Available from: http://crosslingua.cfuv.ru/publications/2017_1_suprun.pdf. (Accessed 12 February 2025).
18. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar` russkogo yazy`ka* [Etymological dictionary of the Russian language]. V 4 t., 2 ed. Moscow, Progress Publ., 1987, Vol. 3. 832 p.

19. Fateeva N.A. *Mesto militarionimov v sisteme sovremennoj onomastiki* [The place of militarionyms in the system of modern onomastics]. *Onomastika Povolzh'ya: materialy` XVI mezhdunar. nauch. konf., posvyashh. 50-letnemu yubileyu pervoj Povolzhskoj onomasticheskoy konferencii i pamyati ee organizatora A. Nikonova: v 2 t. (g. Ul'yanovsk, 20–23 sentyabrya 2017)*. Ul'yanovsk: FGBOU «UIGPU im. I.N. Ul'yanova» Publ., 2017, vol. 2, pp. 252–260.
20. Fateeva N. A. *Militarionimnoe pole Stalingrada* [Militaristic field of Stalingrad]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*, 2018, no. 7 (130), pp. 99–104.
21. Czarina M. A. *Izuchenie istoricheskoy pamyati v sisteme sovremennogo gumanitarnogo znaniya* [The study of historical memory in the system of modern humanitarian knowledge]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvenny`e nauki*, 2022, no. 2, pp. 76–84.

NAMING AND RENAMING OF MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS BASED ON THE NAME "SUворOV"

Kalugina T. V.

The article examines the use of the anthroponym "Suvorov" and its derivatives in naming and renaming. It is revealed that secondary synonyms are formed on the basis of the name "Suvorov", including the names of military educational institutions and other facilities. The term "ekpaidexonyms" is introduced, denoting the names of educational institutions at all levels. The names of military schools are military memorial names in honor of A. V. Suvorov. They belong to the group of ergonyms. A typical onomastic model for them is the name of the place of deployment of the educational institution + the Suvorov memorial + military school. We propose to consider militarism/non-militarism, as well as memoriality/non-memoriality, as typological features of an onym. The acronyms have an official business connotation and have abbreviated unofficial equivalents. The memorial information presented in the exhibits has national significance and is an important means of preserving the historical memory of the defenders of the Fatherland.

Keywords: military onomasticon, naming, renaming, ergonym, A.V. Suvorov, memorative, militarionym, ekpaidexonym.

УДК 811.161.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-192-201

ПАРАДИГМА «СОБИРАТЕЛЬНЫХ» СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ -НИК-, -НЯК-

Чабаненко Т. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kostina-tatyana@mail.ru*

В статье изучается семантика и особенности функционирования одной из групп существительных, традиционно рассматриваемых как собирательные. Проблема разграничения лексико-грамматических разрядов существительных, определения их природы и границ, долгое время привлекающая внимание ученых, в рамках современных исследований рассматривается зачастую с точки зрения перехода слов из одного лексико-грамматического разряда в другой, что отражается на их грамматических свойствах, в первую очередь на способности употребляться в формах и единственного, и множественного числа. Объектом исследования выступают существительные с суффиксами *-няк-*, *-ник-*, образованные от слов, называющих растения (деревья, кустарники и реже травянистые растения). Отмечается, что слова с этими суффиксами и в учебных изданиях, и в специализированных научных работах, и в лексикографической практике традиционно рассматриваются как собирательные. При этом анализ функционирования указывает на проявление у них во многих случаях признаков конкретных существительных. Дать ответ на вопрос, является ли это отражением конкретизации значения собирательных существительных в современном русском языке, позволяет последовательный анализ употребления таких существительных, принципов их лексикографического описания, а также рассмотрение их в контексте гипо-гиперонимических отношений.

Ключевые слова: имя существительное, лексико-грамматический разряд, собирательность, суффикс, множественное число, парадигма.

ВВЕДЕНИЕ

Лексико-грамматические разряды имен существительных остаются категорией, привлекающей внимание многих исследователей. Традиционное, закрепленное в академических грамматиках и вузовских учебниках разграничение конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных существительных на основании семантики и отдельных, не характеризующихся полной регулярностью грамматических различий получает в научных работах уточнение и дополнение. Так, исследования направлены на конкретизацию семантики лексико-грамматических разрядов, в том числе в философском, когнитивном осмыслении [1; 9; 18], их грамматических особенностей, в первую очередь употребления таких существительных в формах единственного и множественного числа [6; 8], на определение соотношения различных критериев выделения лексико-грамматических разрядов [7], на изучение явления переходности слов из одного лексико-грамматического разряда в другой [10; 12].

С точки зрения грамматической оформленности и своеобразной стабильности, т. е. несклонности к переходу из одного разряда в другой, особое место занимают собирательные существительные. Во-первых, это единственный лексико-семантический разряд существительных, большая часть слов которого имеет специфический словообразовательный показатель – суффикс со значением совокупности лиц или предметов. В ряде исследований наличие такого суффикса считается обязательным критерием собирательных существительных [13]. Во-вторых, в работах, посвященных изучению переходности существительных из одного лексико-грамматического разряда в

другой, чаще всего анализируются абстрактные и вещественные существительные, развивающие конкретное значение. В аспекте собирательных существительных речь идет как правило не о переходе собирательных в другой лексико-грамматический разряд, а о совмещении в одном лексическом значении семантики собирательных и вещественных существительных («существительные вещественные, обозначающие однородную массу вещества, могут иметь собирательное значение (*клюква, виноград, сахар*)» [14, с. 460]). В-третьих, именно собирательные существительные реже других образуют формы множественного числа. Чаще всего вообще не упоминаются факты реализации у этих существительных полной числовой парадигмы, в то время как возможность вещественных и абстрактных существительных иметь формы множественного числа оговаривается не только в специализированных работах, но и в учебниках, грамматиках. Сравним, например, в «Русской грамматике»: «Отличительным признаком всех собирательных существительных является то, что они не образуют форм мн.ч.» [14, с. 462], «Вещественные существительные обычно употребляются или только в ед.ч., или только во мн.ч.» [14, с. 462], «Отвлеченные существительные обычно не имеют форм мн.ч.» [14, с. 462]. Упоминание о возможности собирательных существительных иметь формы множественного числа встречаем в работах Л. В. Калининой. При этом исследователь подчеркивает, что «они [собирательные существительные] наименее склонны к конкретизации и к употреблению в форме множественного числа» [8, с. 44]. Таким образом, особый интерес представляет изучение того, какие именно собирательные существительные и в каких условиях употребляются в формах множественного числа.

Следует помнить, что в отношении границ собирательных существительных, как и вещественных или абстрактных, ведутся дискуссии. Длительное время обсуждается статус непроемких слов со значением множества, обычно употребляющихся только в единственном числе (*посуда, мебель, хлам, хвоя, ботва, бакалея*), только во множественном числе (*кудри, финансы, хлопья*), а также имеющих полную числовую парадигму (*народ, группа, коллектив, стая, табун, куча*). Чаще всего последние две группы к собирательным существительным не относят, потому что в них «собирательность представлена лишь как значение, не получившее грамматического выражения» [5, с. 39]. Ядро же этого лексико-грамматического разряда образуют слова, употребляющиеся в формах единственного числа, образованные с помощью определенных суффиксов от конкретных существительных, имеющих полную числовую парадигму: *студент (студенты) – студенчество, брат (братья) – братва, мускул (мускулы) – мускулатура* и др. Именно такое наиболее узкое понимание собирательных существительных дано А. А. Реформатским [13]. В более поздних исследованиях состав собирательных расширяется за счет суффиксальных производных, мотивированных прилагательными, например: *молодой (молодые) – молодежь, бедный (бедные) – беднота, сырой (сырые) – сыр[ж]*. Эти слова в современных работах также как правило относятся к группе собирательных *singularia tantum*. Поэтому особенно важно определить возможность или невозможность употребления в формах множественного числа суффиксально маркированных образований, представляющих ядро этого лексико-грамматического разряда.

Суффиксы, с помощью которых образуются собирательные существительные, в русском языке разнообразны. В «Русской грамматике» к таковым относят: *-j-* (*бабье, тряпье*), *-н-* (*солдатня, ребятня*), *-иј-* (*братия, пионерия*), *-ик-* (*символика, методика*), -

ПАРАДИГМА «СОБИРАТЕЛЬНЫХ» СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ -НИК-, -НЯК-...

няк- (дубняк, лозняк), -ур- (аппаратура, мускулатура), -ад- (аркада, колоннада), -в- (листва, татарва), -ар- (мошара), -вор- (детвора), -ат- (пролетариат), -итет- (генералитет), -арий (инструментарий), -ач- (кедрач), -ств- (студенчество, юношество), -от- (беднота) [14, с. 206–207]. Анализ других источников (учебников, справочников, научных статей) позволяет добавить к числу суффиксов собирательных существительных такие, как -ник- (ельник, крапивник, рябинник), -няк- (березняк, дубняк, сосняк), -еж- (молодежь), -щин- (воещина, деревенищина), а также нулевой суффикс (зелень, дичь, нечисть).

Проанализировав все группы собирательных существительных с названными выше суффиксами, сравнив характеристику лексем в толковых словарях и определив возможность их функционирования в формах множественного числа с опорой на данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), мы определили, что чаще всего в формах множественного числа употребляются существительные с суффиксами -няк-, -ник-, образованные от названий растений: *березняк, дубняк, малинник, смородинник* и др. Поэтому **цель** нашего исследования – определить условия, которые способствуют употреблению существительных с суффиксами -няк-, -ник- в формах множественного числа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследуемая группа существительных немногочисленна. Сюда относятся такие слова, как: *березняк (березник), вишняк (прост.), вербняк, дубняк, ивняк, липняк, сливняк (устар.), сосняк (сосенник), брусничник, вязник (прост.), ежевичник, ельник, земляничник, кедровник, малинник, ольшаник (олешняк, ольшняк), орешник, осинник, пихтовник (пихтарник), ракитник, рябинник, саксаульник, смородинник, черемушник, черничник, ягельник, ягодник.*

В НКРЯ находим не один пример употребления форм множественного числа существительных с суффиксами -няк-, -ник-: *Азин всходил на обрыв, а под ноги опускались зеленые луга, сонные озера, сникшие дубняки* (А. Алдин-Семенов); *Кедры, сосняки, ельники, пихтовники вплотную подступали к речке* (В. Астафьев); *Топтал муравейники, скидывал плечами птичьи гнезда, мял ежевичники и малинники, ломал крушину и молодые березовые побеги – не по злому умыслу, а не умея свернуть с пути и обогнуть препятствие* (Г. Яхина); *Сегодня Михаила задавили осинники и березняки, и он, как зверь, проламывался, продирался через них* (Ф. Абрамов); *Я посетил удивительное место – инновационный центр, инкубатор, который был построен среди сосняков на природе в системе Академгородка* (Vesti.ru, 01.05.2015); *Зола вывозится на места лесозаготовок, где сразу сажают или сеют новые сосняки и ельники* (Комсомольская правда, 01.11.2011); *На сравнительно небольшой территории (около 12 тыс га) можно встретить хвойные леса таежной зоны, березняки, болота разных типов, а также созданные человеком посадки разных пород деревьев, поляны, луга, пруды* (Новый регион 2, 04.12.2008); *Без хвойных пород леса превращаются в малоценные березняки и осинники: в частности, они уже не способны вырабатывать кислород зимой* (Аргументы и факты, 04.12.2002).

Поиск по НКРЯ для слов этой группы не дает сочетаний с количественными числительными. Однако достаточно вспомнить песню на слова И. А. Бродского «Малиновка», чтобы понять, что слова с суффиксом -ник- могут сочетаться с количественными числительными:

*Ты выпорхнешь, малиновка, из **трех**
малинников, припомнивши в неволе,
как в сумерках вторгается в горюх
ворсистое люпиновое поле.*

С помощью поисковой системы Яндекс выделены и другие примеры сочетания количественных числительных с существительными с суффиксами *-ник-*, *-няк-*: *Щёлковский район. Два ельника* (ВКонтакте); *Два березняка высажат в Щелково в рамках акции «Лес Победы» 29 апреля* (ВКонтакте); *Однако эти два сосняка находятся на противоположных сторонах реки на расстоянии 2 км друг от друга* (Журнал «Лесоведение»).

Обратим внимание на описание семантики суффикса *-ник-* в морфемных словарях. Г. П. Цыганенко отмечает, что суффикс *-ник-* «выделяется в именах существительных, называющих заросли тех кустов, деревьев, трав, которые обозначены производящим словом» [16, с. 98]. В «Словаре словообразовательных аффиксов» Л. Л. Лопатина, И. С. Улуканова одно из значений суффикса *-ник-* – «пространство, территория, содержащая то, что названо мотивирующим сщ.» [11, с. 550] (*ледник, цветник, ельник, осинник, кустарник, крапивник*), оттенок этого значения – «совокупность предметов, находящихся на этом пространстве, покрывающих его» [11, с. 551] (*ельник, смородинник, саксаульник, камешник*). Суффикс *-няк-*, по словарю Г. П. Цыганенко, «выделяется в именах существительных, обозначающих совокупность тех одинаковых предметов (растений, горных пород), которые названы производящим словом» [16, с. 100] (*березняк, дубняк, железняк, известняк, лозняк*). В «Словаре словообразовательных аффиксов» Л. Л. Лопатина, И. С. Улуканова этот суффикс трактуется как имеющий общее значение совокупности «одинаковых предметов (преимущ. растений), материал, вещество, в соответствии со знач. мотивирующего слова» [11, с. 561], которым может быть существительное (*дубняк, лозняк, сосняк, репняк, ивняк*), прилагательное (*молодняк, редняк*), глагол (*обливняк, выкидняк*).

Проанализируем лексикографическое описание исследуемых существительных с суффиксами *-няк-*, *-ник-*. Эта группа существительных в толковых словарях избирательно сопровождается пометой «собир.». Например, в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова помета зачастую отсутствует: *ДУБНЯК, -а; м. Дубовый лес; дубовая поросль; МАЛИННИК, -а; м. Заросли малины; РЯБИННИК, -а; м. Рябиновая роца, заросли рябины; ОСИННИК, -а; м. Осиновый лес или перелесок* [4]. Однако другие лексемы, относящиеся к тому же словообразовательному типу, сопровождаются пометой «собир.»: *ЕЛЬНИК, -а (-у); м. 1. Еловый лес. 2. собир. Нарубленные еловые ветки; ИВНЯК, -а; м. собир. 1. Ивовый кустарник; заросли ивы. 2. Ивовые прутья. СОСНЯК, -а; м. собир. 1. Сосновый лес; сосны. 2. Сосновые брёвна, доски* [4].

В «Большом академическом словаре русского языка» помета «собир.» встречается также не у всех названных выше существительных, нередко она относится к одному из значений лексемы: *ДУБНЯК, -а, м. Собир. Дубовый лес, дубовая поросль* [2, т. 5, с. 413], *Малинник, а, м. Заросли, кусты малины; место, где растет малина* [2, т. 9, с. 442] *ОСИННИК, а, м. 1. Осиновый лес или перелесок. 2. Осинные дрова или хворост от осины* [2, т. 14, с. 177], *РЯБИННИК, а, м. 1. Заросли рябины. 2. Разг. То же, что рябина. 3. Птица сем. дроздов.* [2, т. 24, с. 165], *ЕЛЬНИК, а, м. 1. Еловый лес. 2. Собир. Нарубленные еловые ветки; лапник.* [2, т. 5, с. 532–533], *ИВНЯК, а, м. Собир. 1. Ивовый кустарник, заросли ивы. 2. Ивовые прутья.* [2, т. 7, с. 15], *СОСНЯК, а, м. 1. Сосновый лес. // Собир. Сосны. 2. Собир. Сосновые бревна, доски.* [2, т. 27, с. 136–137].

ПАРАДИГМА «СОБИРАТЕЛЬНЫХ» СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ -НИК-, -НЯК-...

В «Большом толковом словаре русских существительных» приведенные выше слова указаны как собирательные, однозначные: *ДУБНЯК*, -а, м. *Собир. Совокупность растущих вместе (обычно молодых) дубов; дубовый лес или роща*; *МАЛИННИК*, -а, м. *Собир. Совокупность растущих вместе кустов малины; заросли малины*; *РЯБИННИК*, -а, м. *Собир. Совокупность растущих вместе кустов рябины; рябиновые заросли*; *ОСИННИК*, -а, м. *Собир. Совокупность растущих вместе осин; осиновый лес*; *ЕЛЬНИК*, -а, м. *Собир. Совокупность растущих вместе елей; еловый лес*. *ИВНЯК*, -а, м. *То же, что лозняк*. *ЛОЗНЯК*, -а, м. *Собир. Совокупность растущих вместе по берегам рек, озер и т.п. кустов ивы*; *син. ивняк*. *СОСНЯК*, -а, м. *Собир. Совокупность растущих вместе сосен; сосновый лес*. [3].

Таким образом, отмечаем, что только в «Большом толковом словаре русских существительных» при существительных анализируемой группы помета «собир.» используется последовательно, также однотипно толкуется их семантика. Именно в этом словаре все отмеченные выше существительные в блоке толкования, кроме компонента лексического значения «вид леса», «заросли растения», имеют компоненты, указывающие на «совокупность растущих вместе» деревьев, кустов.

На следующем этапе были рассмотрены представленные в толковых словарях примеры употребления исследуемых существительных. Среди них немало примеров употребления существительных в формах множественного числа: *БЕРЕЗНЯК*, а, м. *Собир. Березовый лес, березовая роща (обычно из молодых деревьев). В долине реки Сицы раньше были хорошие хвойные леса, впоследствии выгоревшие. Теперь на месте пожарища выросли березняки двадцатипятилетнего возраста. Арсен. Дерсу Узала* [2, т. 1, с. 550]; *ЛИПНЯК*, -а, м. *Собир. Совокупность растущих вместе лип; липовый лес или роща. Липа, наряду с елью и сосной, — одна из наиболее распространенных древесных пород заповедника, однако чистых липняков здесь практически нет (Газ.)* [3]; *БРУСНИЧНИК*, -а, м. *Собир. Совокупность растущих вместе кустов брусники; брусничные заросли. ...В августе-сентябре рябчики держатся на ягодниках, главным образом в брусничниках* [3]; *КЕДРОВНИК*, а, м. 2. *Собир. Лес, состоящий из кедров (во 2 знач.). Места были глухие, куда выезжали только осенью «ишиковать», т. е. собирать ишишки по кедровникам. Мам-Сиб. Золото* [2, т. 8, с. 28]; *МАЛИННИК*, а, м. *Заросли, кусты малины; место, где растет малина. — А на том берегу, за тальником, — отличные малинники. Г. Марков. В поисках поэзии и правды. Тут же [в лесу] висела красочно разрисованная карта грибных и ягодных угодий — на ней нанесены земляничные поляны, черничники, малинники, ежевичники, брусничники. Мусат. Дубов. листья* [2, т. 9, с. 441–442]; *ОСИННИК*, -а, м. *Собир. Совокупность растущих вместе осин; осиновый лес. Соловецкий лес — это и светлые сосновые боры, и яркие осинники, и сумрачные ельники, и кряжистые карликовые березки в тундре (Г.Правдин)* [3]; *РЯБИННИК*, а, м. 1. *Заросли рябины. [Онисим] направился в верховья Шивды, к старой вырубке. У перехода через реку он остановился и долго слушал. Собака Лёвера лаяла в рябинниках. Тарас. Крупн. зверь* [2, т. 24, с. 165] и др.

Как видно, ряд примеров, в которых употребляются формы множественного числа, приходится именно на те лексико-семантические варианты, при которых имеется помета «собир.» (как в «Большом толковом словаре русского языка», так и в «Большом академическом словаре русского языка»). Высокая частотность таких примеров уже в границах блока иллюстраций к словарной статье дает основание утверждать, что для слов анализируемой группы характерна регулярная реализация полной числовой парадигмы,

а не отдельные случаи употребления форм множественного числа. Это противоречит приведенному выше утверждению Л. В. Калининой о том, что собирательные существительные меньше других склонны к употреблению в форме множественного числа.

Полагаем, что полная числовая парадигма исследуемых существительных с суффиксами *-няк-*, *-ник-* объясняется тем, что не во всех значениях анализируемые слова следует рассматривать как собирательные. Вспомним, что согласно «Словарю словообразовательных аффиксов» Л. Л. Лопатина, И. С. Улуханова слова с суффиксом *-няк-* обозначают не только совокупность растений, но и территорию. Во всех толковых словарях отмечается, что слова этой группы называют разновидность леса, зарослей. Лес – «1. Дикорастущие деревья, занимающие большую площадь // большая площадь, пространство, поросшее деревьями. 2. *Перен.* О множестве чего-л., устремленного вверх, высоко поднятого, возвышающегося над окружающим пространством. 3. *В знач. собир.* Срубленные деревья как строительный, поделочный и т.п. материал» [2, т. 9, с. 141–142]. Как видим, первое лексическое значение представлено двумя оттенками: это и множество деревьев, и территория, занятая деревьями. Соотношение «территория – предметы, находящиеся на этой территории» считаем разновидностью метонимического переноса, построенного по типу «вместилище – вместимое» (в терминах А. А. Потебни), «одно в другом» (по классификации А. А. Реформатского): *класс* вместо *учащиеся класса*, *город* вместо *жители города*. Поэтому полагаем, что целесообразно последовательно разделять значения «территория, где растут деревья, кусты одного вида» и «совокупность растений одного вида, произрастающих на определенной территории».

Таким образом, слова с суффиксами *-няк-*, *-ник-* могут обозначать:

- 1) разновидность леса (рощи), состоящую из деревьев одного вида; место, где растут кусты одного вида;
- 2) совокупность растущих вместе деревьев или кустов одной породы;
- 3) нарубленные ветки, бревна, прутья, т.е. части растений, отделенные от материнского.

В первом значении существительные, обозначая территорию, являются конкретными, а не собирательными, и реализуют полную числовую парадигму. Ср.: *Собака Левера лаяла в рябинниках* (А. Тарасов). Очевидно, что в этом контексте рябинник – это определенное место, где лаяла собака. Следующий пример: *Тут же [в лесу] висела красочно разрисованная карта грибных и ягодных угодий – на ней нанесены земляничные поляны, черничники, малинники, ежевичники, брусничники* (А. Мусатов). На карту наносят границы территорий, в данном случае угодий, следовательно, и здесь перед нами собственно конкретные существительные. Рассмотрим еще один контекст: *Места были глухие, куда выезжали только осенью «ишиковать», т. е. собирать ишишки по кедровникам* (Д. Мамин-Сибиряк). Существительное *места* и предлог *по*, употребляющийся в русском языке «при обозначении предмета, пространства и т. п., поверхность которого является местом, где происходит действие, движение кого-, чего-л., где располагается кто-, что-л.; вдоль чего-л., на поверхности чего-л.» [4] указывают на то, что *кедровники* – это кедровые леса, т.е. определенные территории, занятые кедрами.

Обозначая совокупность растущих вместе деревьев, кустарников, существительные с суффиксами *-няк-*, *-ник-* являются собирательными и употребляются в формах единственного числа. Например: *С треском ломали сухой березняк* (Н. Некрасов). *Березняк* выступает уже не как наименование территории, так как глагол *ломать*

ПАРАДИГМА «СОБИРАТЕЛЬНЫХ» СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ -НИК-, -НЯК-...

обозначает действие, направленное на предмет. В предложении *Окаймляющие ее (долину) горы, поросшие корявым дубняком, имеют очень крутые склоны* (В. Арсеньев) причастие *поросшие*, образованное от глагола *порастить*, также указывает на направленность действия на предмет (ПОРАСТИ 1. Покрываться какой-л. растительностью [4]). Рассмотрим еще один пример: *Талец и камень переплело, опутало смородинником с последними на нынешних, маслянисто-темных побегах листьями, прихваченными морозцем* (В. Астафьев). Глагол *опутать* указывает, что *смородинник* не территория, а предмет, точнее совокупность предметов (веток, кустов смородины) (ОПУТАТЬ 1. кого-что (чем). Обмотать, обвить, оплести чем-л. // Густо, сплошь обвить, оплести собой [4]).

Существительные с суффиксами *-няк-, -ник-* в значении «нарубленные ветки, бревна, прутья, т.е. части растений, отделенные от материнского» в толковых словарях наиболее последовательно сопровождаются пометой «собир.». В этом лексическом значении анализируемые существительные называют своеобразный материал, применяемый человеком в его хозяйственной деятельности: *Чагатаев разбудил людей и велел им идти собирать саксаульник..., чтобы зажечь огонь* (А. Платонов); *На нарах, покрытых, как водится, ельником, лежит Стародубец, которого я еще никогда не видел* (В. Катаев); *В хоромах каргопольского воеводы Данилы Дмитрича Кобелева жарко. Топили березняком, дров не жалели* (Е. Богданов). Они могут сочетаться с существительными, называющими единицы меры: *Когда последняя охапка осинника сгорала в холодной печке, Тимофей впадал в уныние* (Н. Каронин-Петропавловский); *Садовник использовал четыре тонны ивняка, чтобы сплести уникальную изгородь вокруг своего дома: потрясающий результат* (FB.ru). Называние того, что используется в хозяйственной деятельности человека, и лексическая сочетаемость сближает эти существительные с вещественными, которые «обозначают то, из чего изначально состоит или создается объект (его детали) и то, что нужно для дальнейшего продления его бытия, а также отходы его материального существования» [7, с. 63]. По мнению некоторых исследователей, такие слова сочетают в себе признаки вещественных и собирательных, т.е. занимают промежуточное место в системе лексико-грамматических разрядов: «Имена существительные типа *тряпье* классифицируем как собирательные с элементами вещественности (они входят в собственные тройственные ряды: *тряпка – тряпки – тряпье*)» [14, с. 52]. Полагаем, что на основании семантики (обозначение предметов, используемых в хозяйственной деятельности человека, обычно как строительный материал или вид топлива) следует относить *березняк, ельник* и т.д. в соответствующем значении к вещественным существительным (о разграничении собирательных и вещественных существительных см. [17]). Формы множественного числа для существительных в этом лексическом значении не отмечены.

ВЫВОДЫ

Существительные с суффиксами *-няк-, -ник-*, мотивированные словами – названиями растений, имеют несколько лексических значений. Обозначая определенную территорию, занятую тем или иным видом деревьев или кустарников, эти слова реализуют полную числовую парадигму, допускают определение количественными числительными, т.е. являются конкретными существительными. На основании метонимического переноса формируется другое лексическое значение, которое связано с наименованием совокупности растений определенного вида, занимающих одноименную территорию. Именно в этом, вторичном, значении существительные выступают как

собираательные и употребляются в формах единственного числа. То есть значение совокупности растений, по нашему мнению, для существительных с суффиксами *-няк-*, *-ник-* является вторичным и не единственным. Традиционное для лексикографической практики объединение этих двух различных лексических значений в одно создает ошибочное представление о регулярном употреблении собираательных существительных с соответствующими суффиксами в формах множественного числа. На самом деле в собственно собирательном значении эти слова продолжают функционировать только или по крайней мере преимущественно в формах единственного числа (нам не удалось выделить формы множественного числа для существительных в этом лексическом значении).

Вопрос об употреблении собираательных существительных в формах множественного числа остается актуальным. Изучение семантики и функционирования существительными с суффиксом *-няк-*, *-ник-* не дает на него положительного ответа. Предстоит детально изучить и описать другие существительные, традиционно определяемые как собираательные, и особенности их употребления.

Список литературы

1. Белов В. А. Семантические свойства имен существительных различных лексико-грамматических разрядов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 38–48.
2. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; ред.: Л. И. Балахонova. – Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004 – 695 с.
3. Большой толковый словарь русских существительных / Ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 864 с. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar-russkikh-sushhestvitelnykh/>. – (Дата обращения: 30.04.2025).
4. Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. С-Пб.: Норинт, 1998. – 1534 с. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar>. – (Дата обращения: 30.04.2025).
5. Буланin Л. Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.
6. Вольская Ю. А. Морфологический критерий разграничения абстрактных и конкретных существительных: экспериментальный подход // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163. – кн. 1. – С. 119–129.
7. Калинина Л. В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных // Вопросы языкознания. – 2007. – №3. – С. 55–70.
8. Калинина Л. В. О формах множественного числа абстрактных, вещественных и собираательных существительных // Русская словесность. – 2007. – № 2. – С. 42–46.
9. Козлова Р. П. Лексико-грамматические разряды имен существительных в когнитивном аспекте // Вестник тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 1999. – №1 (13). – С. 23–29.
10. Лаптева М. Л., Лукина Н. В. Комбинаторика лексико-грамматических разрядов имен существительных в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 27–37.
11. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.
12. Орлова С. Л. Переходные явления в системе лексико-грамматических разрядов имени существительного в русском языке // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы всероссийской научно-методической конференции. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. – С. 2070–2073.
13. Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75 летию академика И. И. Мещанинова. – М.–Л.: АН СССР, 1960. – С. 384–401.

ПАРАДИГМА «СОБИРАТЕЛЬНЫХ» СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ -НИК-, -НЯК-...

14. Русская грамматика: В 2 тт. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
15. Сидоренко Е. Н. Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка. В 5-ти частях. Ч. 1: Общие вопросы частей речи. Имя существительное. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2005. – 148 с.
16. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. – К.: Рад. Школа, 1982. – 240 с.
17. Чабаненко Т. С. Собираательные или вещественные: к проблеме определения лексико-грамматического разряда некоторых существительных // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10 (76). – № 1. – С. 130–141.
18. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. – 272 с.

References

1. Belov V. A. *Semanticheskie svojstva imen sushhestvitel'nyh razlichnyh leksiko-grammaticheskikh razrjadov* [Semantic properties of nouns of various lexical-grammatical categories]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Jazykoznanie*, 2020, Vol. 19, no 3, pp. 38–48.
2. *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka* [The large academic dictionary of the Russian language]. *Ros. akad. nauk, In-t lingvist. issled.* Ed. by L. I. Balahonova. Moscow, Nauka Publ., St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 695 p.
3. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkikh sushhestvitel'nyh* [Large explanatory dictionary of Russian nouns]. Ed. by L. G. Babenko. Moscow, AST-PRESS Publ., 2008. 864 p.
4. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznecov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998, 1534 p. Available from: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (accessed 26 February 2024).
5. Bulanin L. L. *Trudnye voprosy morfologii* [Difficult questions of morphology]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1976, 208 p.
6. Vol'skaja Ju. A. *Morfologicheskij kriterij razgranichenija abstraktnykh i konkretnykh sushhestvitel'nyh: jeksperimental'nyj podhod* [Morphological criterion for distinguishing abstract and concrete nouns: an experimental approach]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki*, 2021, vol. 163, b. 1, pp. 119–129.
7. Kalinina L. V. *K voprosu o kriterijah vydelenija i otlichitel'nyh primetah leksiko-grammaticheskikh razrjadov imen sushhestvitel'nyh* [On the issue of criteria for the allocation and distinctive signs of lexical-grammatical categories of nouns]. *Voprosy jazykoznanija*, 2007, no. 3, pp. 55–70.
8. Kalinina L. V. *O formah mnozhestvennogo chisla abstraktnykh, veshhestvennykh i sobiratel'nykh sushhestvitel'nyh* [On the plural forms of abstract, substantial and collective nouns]. *Russkaja slovesnost'*, 2007, no. 2, pp. 42–46.
9. Kozlova R. P. *Leksiko-grammaticheskie razrjady imen sushhestvitel'nyh v kognitivnom aspekte* [Lexico-grammatical classes of nouns in the cognitive aspect]. *Vestnik tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 1999, no. 1 (13), pp. 23–29.
10. Lapteva M. L., Lukina N. V. *Kombinatorika leksiko-grammaticheskikh razrjadov imen sushhestvitel'nyh v russkom jazyke* [Combinatorics of lexical-grammatical categories of nouns in the Russian language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Jazykoznanie*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 27–37.
11. Lopatin V. V., Uluhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo jazyka* [Dictionary of word-forming affixes of the modern Russian language]. Moscow, Izdatel'skij centr «Azbukovnik» Publ., 2016. 812 p.
12. Orlova S. L. *Perehodnye javlenija v sisteme leksiko-grammaticheskikh razrjadov imeni sushhestvitel'nogo v russkom jazyke* [Transitional phenomena in the system of lexical-grammatical categories of a noun in the Russian language]. *Universitetskij kompleks kak regional'nyj centr obrazovaniya, nauki i kul'tury. Materialy vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii*. Orenburg, Orenburgskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2016, pp. 2070–2073.
13. Reformatskij A. A. *Chislo i grammatika* [Number and grammar]. *Voprosy grammatiki. Sbornik statej k 75 letiju akademika I. I. Meshhaninova*. Moscow–Leningrad, AN SSSR Publ., 1960, pp. 384–401.

14. *Russkaja grammatika: v 2 t. T. 1. Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija* [Russian grammar in 2 volumes. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 784 p.
15. Sidorenko E. N. *Teoreticheskie i prakticheskie materialy po morfologii sovremennogo russkogo jazyka. V 5-ti chastjah. Ch. 1: Obshhie voprosy chastej rechi. Imja sushhestvitel'noe* [Theoretical and practical materials on the morphology of the modern Russian language. In 5 parts. Part 1: General questions of parts of speech. Noun name]. Simferopol', Krymskoe uchebno-pedagogicheskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 2005. 148 p.
16. Cyganenko G. P. *Slovar' sluzhebnyh morfem russkogo jazyka* [Dictionary of official morphemes of the Russian language]. Kiev, Rad. Shkola Publ., 1982. 240 p.
17. Chabanenko T. S. *Sobiratel'nye ili veshhestvennye: k probleme opredelenija leksiko-grammaticheskogo razrjada nekotoryh sushhestvitel'nyh* [Collective or substantial: on the problem of determining the lexico-grammatical category of some nouns]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, Vol. 10 (76), no. 1, pp. 130–141.
18. Chernejko L. O. *Lingvofilosofskij analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic and philosophical analysis of an abstract name]. Moscow, Knizhnyj dom LIBROKOM Publ., 2010, 272 p.

THE PARADIGM OF "COLLECTIVE" NOUNS WITH SUFFIXES -NICK-, -NYAK-

Chabanenko T. S.

The article examines the semantics and functioning features of one of the groups of nouns traditionally considered as collective. The problem of distinguishing lexico-grammatical categories of nouns determining their nature and boundaries has long attracted the attention of scientists. In the framework of modern research it is often considered from the point of view of the transition of words from one lexico-grammatical category to another. This is reflected in their grammatical properties, primarily in their ability to be used in both singular and plural forms. The object of the study is nouns with the suffixes -nyak-, -nick-, formed from words naming plants (trees, shrubs, and rarely herbaceous plants). It is noted that words with these suffixes are traditionally considered as collective in educational publications, specialized scientific papers, and lexicographic practice. At the same time, the analysis of functioning indicates that in many cases they have signs of specific nouns. To answer the question whether this is a manifestation of the concretization of the meaning of collective nouns in modern Russian, allows a consistent analysis of the use of such nouns, the principles of their lexicographic description, as well as their consideration in the context of hypo-hyperonymic relations.

Keywords: noun, lexico-grammatical category, collectivity, suffix, plural, paradigm.

УДК 811.161.1'42'38:001

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-3-202-210

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Чалова О. Н.

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
Гомель, Республика Беларусь
E-mail: oksana-chalova@mail.ru

В фокусе работы находятся речевые акты самопрезентации, функционирующие в такой разновидности общения, как устный научный диалог, трактуемый в качестве публичной речи, отличающейся экспромтным характером, ярко выраженной экспрессивностью, полемичностью и под. В работе выделяются и описываются разновидности самопрезентации, представленные в устном научном диалоге: я-самопрезентация и мы-самопрезентация (разграничивающиеся с опорой на критерий «субъект самопрезентации»), профессиональная и непрофессиональная самопрезентация (дифференцируемые на основании параметра «степень персонализации»), свернутая и развернутая самопрезентация (выделяемые в зависимости от степени полноты самопредставления), положительная и отрицательная самопрезентация (разграничиваемые с учетом векторной направленности самопрезентации). Рассматриваются прагматические свойства речевых актов самопрезентации: аргументативные (связанные с обоснованием определенного тезиса), превентивно-защитные (уклонение от ответа), демонстративные (подразумевающие собственно представительскую функцию самопрезентации) и некоторые другие. Формулируется вывод о достаточно большом видовом разнообразии актов самопрезентации в устном научном диалоге, а также о вариативности прагматики этих речевых действий.

Ключевые слова: научный диалог, самопрезентация, идентификация, категоризация, аргументация.

ВВЕДЕНИЕ

Объектом исследования является *устный научный диалог* (далее – научный диалог), рассматриваемый как вид научного общения, принципиально отличающийся от монологических (центральных/первичных) жанров научной речи в коммуникативном плане. Эти отличия обусловлены специфической природой научного диалога: его относительной импровизационностью, эмоционально-экспрессивным характером, ярко выраженной оценочностью и под. [5; 6; 10 и др.], сближающими научный диалог с разговорной коммуникацией.

Наличие черт обыденно-разговорного дискурса в пространстве научного диалога оказывает существенное влияние на коммуникативно-прагматическую организацию последнего, в том числе и на специфику актуализации речевых актов самопрезентации. Обращение к аспектам использования данного типа высказываний в научном диалоге могло бы расширить представления лингвистов о механизмах формирования и укрепления имиджа говорящего, а также о приемах воздействия на адресата в условиях собственно диалогического общения, в том числе и в сфере науки. Сказанное обуславливает *актуальность* настоящего исследования, *цель* которого состоит в выявлении специфики функционирования речевых актов самопрезентации в научном диалоге, установлении их видов и прагматической роли. Основной метод исследования – классификационный и лингвопрагматический анализ: первый направлен на выделение разновидностей самопрезентации в изучаемом типе коммуникации, второй – на выявление функционально-прагматических свойств соответствующих речевых действий. В качестве материала исследования используются контексты, содержащие акты самопрезентации (около 150 контекстов). Источник материала – стенограммы устных научных дискуссий различной тематики (дискуссии по естественным и гуманитарным наукам) общим объемом 250 тысяч словоупотреблений.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Самопрезентация трактуется в лингвистике двояко: в *широком* смысле под самопрезентацией подразумевается «намеренное и осознаваемое поведение, направленное на создание определенного впечатления о себе у окружающих» [15, с. 7] (чаще всего положительного впечатления [2, с. 160; 12, с. 89]), «стратегия управления впечатлением о говорящем у адресата» [9, с. 33], к которой «присоединяются дополнительно другие стратегии» [8, с. 73]. В *узком* понимании самопрезентация сводится к самоидентификации, то есть акту причисления себя к конкретной группе, к определенной категории людей [9].

Как показывает анализ литературы, по отношению к письменному научному дискурсу при определении самопрезентации обычно применяется широкий подход, поскольку самоидентификация в письменных научных текстах практически не используется. При этом стратегия самопрезентации рассматривается как совокупность тактик, ориентированных на убеждение адресата в правильности авторской позиции, то есть фактически отождествляется с *персуазивной стратегией как системой аргументативных тактик*, а также связывается с *тактиками, направленными на формирование категоричности и уверенности* [11], содействующими реализации глобальной цели, лежащей в основе стратегии самопрезентации в научном дискурсе – «быть принятым в качестве полноценного члена научного сообщества» [7], что предполагает создание позитивного имиджа коммуниканта как беспристрастного ученого, приверженца определенной точки зрения и под. Помимо этого, стратегия самопрезентации в научном дискурсе описывается и сквозь призму актуализации *тактики самовыражения*, связываемой, по сути, с реализацией категории авторизации в научном тексте [7]. Сказанное позволяет сделать вывод о доминировании в письменных видах научной речи а) имплицитной (скрытой) [1, с. 110], б) позитивно маркированной и в) профессионально ориентированной самопрезентации.

Такой широкий подход к анализу самопрезентации размывает границы исследуемого объекта, в связи с чем в данной работе принимается узкая трактовка, согласно которой самопрезентация рассматривается как самоидентификация, представляющая собой неоднородный феномен, включающий а) *собственно самоидентификацию* как обозначение своей принадлежности к определенной группе (или, в терминологии М. А. Лаппо [9, с. 40], самоидентификацию-1) и б) *самохарактеризацию* как акт самооценки, то есть описание собственных личностных качеств, оценку себя, своих действий и особенностей с точки зрения «хорошо-плохо» (или, в терминологии М. А. Лаппо, самоидентификацию-2 [там же]). Сказанное можно сжато представить в виде следующего тождества: самопрезентация = самоидентификация (собственно самоидентификация + самохарактеризация). Выбор такого подхода к анализу самопрезентации в устном научном диалоге объясняется, во-первых, статусом самоидентификации как ядерного компонента тотальной самопрезентации, на который последняя «опирается» [9, с. 40], а во-вторых, спецификой устной диалогической коммуникации, обуславливающей активизацию самоидентификации.

Опора на узкую трактовку понятия самопрезентации позволяет выявить следующие четыре тенденции ее актуализации в устном научном диалоге.

1. Активизация прямой самопрезентации

По нашим наблюдениям, в устном научном диалоге регулярное выражение получает прямая самопрезентация, причем основанная не столько на механизме самохарактеризации, сколько на приеме *самоидентификации* (в научном диалоге

самопрезентация = самоидентификация). Что касается тактики *самохарактеризации*, то она оказывается нерелевантной для диалогических форм научной речи и в рамках настоящей статьи не рассматривается.

С опорой на тип субъекта в научном диалоге обнаруживается два типа самопрезентации (самоидентификации): я-самоидентификации и мы-самоидентификации.

«Я»-самоидентификация («я» как часть группы) чаще всего реализуется посредством указаний на свою принадлежность к определенной профессиональной группе: *Как психологу мне кажется, что это фантом для методологов* (обсуждение научного доклада В. Л. Даниловой «К проблеме вклада ММК в развитие психологии», 2005). Если в монологических научных жанрах прямая «я»-самоидентификация обычно имеет место в разделе «сведения об авторе», то в научном диалоге – на любом этапе речевого взаимодействия, при этом расширяется диапазон ее прагматических задач, в связи с чем «я»-самоидентификация используется уже не только для самообозначения, но и в качестве аргумента, обоснования своего мнения, оправдания своих решений и действий, а также в целях акцентуации и защиты от «нападения». Так, в примере выше обозначение себя как психолога используется в качестве аргумента в пользу идеи отсутствия необходимости анализа проблемы вклада Московского методологического кружка в развитие психологии и важности определения вклада данного научного сообщества в собственно методологию.

Важно отметить, что в устном научном диалоге я-самоидентификация может одновременно носить инклюзивный и эксклюзивный характер (или конвергентный и дивергентный, в терминологии других авторов [3; 4; 13; 14]), то есть включать говорящего в одну группу и одновременно исключать его из другой: *Прогнозы я оставляю пророкам. Я ученый. Поэтому занимаюсь больше прошлым, чем будущим* (обсуждение научного доклада Т. Шанина «О жизни и науке», 2009). В данном примере обнаруживается четкое противопоставление двух категорий – ученых и «пророков». Такая оппозиция позволяет говорящему, относящему себя к первой категории, мотивировать свой отказ делать прогнозы относительно изменения характера общества.

«Мы»-самоидентификация выступает в двух разновидностях: а) *инклюзивной самоидентификации*, объединяющей субъекта речи и непосредственного адресата, то есть относящей говорящего и других присутствующих на обсуждении лиц к группе единомышленников (*инклюзивное мы* = «я + вы» как часть группы) и в функциональном плане принципиально отличающейся от традиционного для научной речи авторского «мы», служащего маркером исследовательской скромности и придающего научной речи обезличенный и объективный характер: напротив, в научном диалоге такая «мы»-самоидентификация призвана осуществлять совершенно иные коммуникативные интенции, чаще – собственно идентификационную и аргументативно-защитную, связанную с пояснением своей точки зрения / позиции / мнения: *Поскольку я предполагаю, что мы сейчас выступаем как историки: просто разбираемся с тем, что было, у меня это лежит на онтологической доске* (обсуждение научного доклада В. Л. Даниловой «К проблеме вклада ММК в развитие психологии», 2005): идентификация себя в качестве историка функционирует как аргумент в пользу применения онтологического подхода к рассмотрению определенного вопроса; б) *эксклюзивной самоидентификации*, «мы»-самоидентификации – противопоставляющей/ дифференцирующей субъекта речи и окружающих (*эксклюзивное*

«мы»: «мы» как часть одной группы ≠ «вы» как часть другой группы): *Наверное, я все-таки не четко задала вопрос. Обобщение аналитическое, которое может быть представлено в тексте, оно не верно, с моей точки зрения, но возможно на какой-то эмпирии. Мы как социологи эмпирию набираем в поле, изучаем человека и т.д., а дальше набирается объем исследований, возникает диапазон интерпретаций, и ты можешь делать концептуальное обобщение и давать оценку* (обсуждение научной лекции А. Л. Зорина «Гуманитарное образование в трех национальных образовательных системах», 2009). Участниками приведенного фрагмента речевого взаимодействия являются представители разных областей гуманитарного знания: истории и социологии. Отсылка одного из коммуникантов к собственному профессиональному статусу (*мы как социологи*) используется в информационно-экземплификационных целях, для уточнения способов осуществления сбора эмпирических данных именно представителями социологической науки.

Таким образом, прямая самопрезентация, фактически сводящаяся к самоидентификации, является неизменным атрибутом устного научного диалога и эффективным приемом убеждения адресата, маркирования своих границ, полномочий и знаний. При этом самопрезентация может носить как конвергентный / объединяющий характер, когда ее основу составляет стремление говорящего быть «как все», так и дивергентный, связанный с желанием субъекта речи продемонстрировать свое отличие от окружающих.

Что касается прагматики самопрезентации, то, как было показано выше, речевые акты самопредставления используются для реализации двух противоположно направленных задач: либо для убеждения адресата в сообщаемом (в случае если ссылка на собственную отнесенность к конкретной профессиональной группе / сообществу используется в качестве основания для определенного утверждения), либо для отказа / уклонения от ответа (в случае если ссылка на собственную принадлежность к определенной категории людей предполагает исключение себя из другой группы лиц и косвенно демонстрирует отсутствие полномочий говорящего для формулировки определенного утверждения).

2. Активизация профессиональной и непрофессиональной самопрезентации

Поскольку научный диалог относится к профессиональной коммуникации, особое значение в нем приобретает профессионально ориентированная самопрезентация, что проявляется в ее регулярном использовании и видовом разнообразии. Так, в научном диалоге профессиональная самопрезентация варьируется не только по типу субъекта («я»-самопрезентация и «мы-самопрезентация») или прагматическим функциям (от аргументации – до снятия ответственности за сообщаемое), но и по некоторым другим параметрам:

а) аспектам профессиональной деятельности:

- отраслевая самопрезентация: *Естественно, как представитель социальных наук, я хочу задать вам вопрос* (обсуждение научной лекции М. Л. Бутовской «Эволюционные основы агрессии и примирения у человека», 2012),

- должностная: *У меня радикальное возражение, но я его выскажу чуть позже. В качестве официальной позиции Корпорации социального дизайна, поскольку я являюсь ее научным руководителем* (круглый стол «Социокультурные функции философии: теория и практика», 2005),

- участническая: *И тем не менее я был постоянным членом кружка, для меня кружок значил очень многое* (обсуждение доклада Б. В. Сазонова «Методология как технология», 2004),

- тематическая: *У меня тоже технический вопрос. Я занимаюсь нарративной традицией блоггеров. Там масса неологизмов, словосочетаний интересных, хотелось бы узнать, ведется ли мониторинг, и каков период обработки, разметки таких текстов?* (обсуждение научной лекции В. А. Плунгяна «Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов», 2009) и нек. др.;

б) уровню обобщенности/конкретизации:

- общая/центральная: *Я как экономист, когда слушаю вас, хочу сказать, что в этой стране было очень плохо с конкуренцией* (обсуждение научной лекции С. Иванова «Второй Рим глазами Третьего: Эволюция образа Византии в российском общественном сознании», 2009);

- конкретизированная/частная: *Я работаю с культурой скотоводов и охотников-собираателей. В обоих случаях женская агрессивность ненамного ниже мужской* (обсуждение научной лекции М. Л. Бутовской «Эволюционные основы агрессии и примирения у человека», 2012).

Ссылка на принадлежность к профессиональному сообществу придает изложению объективный характер, акцентирует значимость сообщаемого и в немалой степени обуславливает доверительный характер восприятия информации адресатом.

В отличие от монологических жанров научной речи устный научный диалог располагает возможностями для актуализации не только профессиональной, но и непрофессиональной самопрезентации, которая, по нашим наблюдениям, представлена следующими разновидностями:

- общечеловеческая самоидентификация: *Мы, люди, ищем предков* (обсуждение научной лекции Т. В. Черниговской «Язык и сознание: что делает нас людьми?»); субъект речи указывает на свою принадлежность к максимально широкой категории «человек», на наличие у представителей данной категории общих интересов, возможностей и под.;

- гражданская / топонимическая самоидентификация: *Но когда мы ведем речь о бурятском этносе, нужно сказать, что в России мы разделены на пять частей* (обсуждение доклада В. А. Ламина, 2004), в отдельных случаях совмещенная с профессиональной: *Отчасти меня это печалит как гражданина. Но и как византиниста тоже* (обсуждение научной лекции С. Иванова «Второй Рим глазами Третьего: Эволюция образа Византии в российском общественном сознании», 2009);

- межличностная самоидентификация – указание на характер отношений, в которых состоит говорящий с третьим лицом: *Я, его товарищ, спрашиваю: «Что ты имеешь в виду? Что статьи есть? Или что это сделано?»* (обсуждение научного доклада В. Г. Марача «Методология ММК как метафронезис коллективно-распределенного мышления», 2005).

Если профессиональная самопрезентация как указание на принадлежность к сообществу экспертов обычно подчеркивает авторитет и статус говорящего, позволяет ему выделиться из ряда других исследователей, то непрофессиональная самопрезентация акцентирует общность решаемых проблем и задач.

Таким образом, нельзя сказать, что в научном диалоге имидж его участников является сугубо внутренним/профессиональным. Конечно, непрофессиональные качества ученого отходят на второй план, но это не значит, что адресату совершенно

неизвестна внешняя сторона личности исследователя. Напротив, в научном диалоге регулярно актуализируется непрофессиональная самопрезентация, акценты смещаются с деперсонализации на персонализацию.

3. Использование негативной самопрезентации

Принято считать, что самопрезентация в научном дискурсе всегда положительно направлена [1, с. 111]. Такое положение дел обусловлено стремлением коммуниканта укрепить свой имидж ученого и упрочить свое положение в научном мире. При этом позитивная самопрезентация обычно обеспечивается указанием на свои достижения, обладание новыми / специальными знаниями, принадлежность к авторитетному научному сообществу и т. д.: *Я думаю, что это ответ на вопрос, почему я занялся социологией знания и крестьяноведением (я и стал специалистом в обеих областях)* (обсуждение научного доклада Т. Шанина «О жизни и науке», 2009).

Однако в условиях диалога знак выражаемого отношения может меняться, в результате чего самопрезентация приобретает негативный характер. На первый взгляд может показаться, что такое речевое поведение должно противоречить интенциям ее участников. Однако на практике негативная самопрезентация почти всегда безобидна, а ее использование в научном диалоге оправдано характером тех функций, которые она призвана выполнять.

По нашим наблюдениям, в изучаемом типе общения негативная самопрезентация представлена только негативной «я»-самоидентификацией. Если я-самоидентификация в целом – это процесс и результат маркирования себя в качестве представителя определенной группы / категории лиц, то негативная я-самоидентификация представляет собой отказ от конкретной социальной (чаще – профессиональной) роли, от принадлежности к сообществу людей, например:

Мне кажется (я не специалист по СМД), что это совершенно другая линия, чем просто отношение мышления и деятельности на ранних этапах (обсуждение научного доклада Б. Д. Эльконина «Проблема развития в психологической теории деятельности (ТД) и СМД-методологии», 2004).

Я не социолог, но мне показалось из вашего выступления, что метасоциологизм <...> больше является какой-то абстрактно-ментальной ловушкой, которая замыкает по кругу размышление, но содержательно ничего не добавляет. Как вы можете это прокомментировать? (обсуждение научной лекции М. Л. Бутовской «Эволюционные основы агрессии и примирения у человека», 2012).

Я не специалист в данной области, но мне просто интересно. Мы строим деревья: на уровне белка, механизма, это понятно, а можно ли их строить дальше, как предсказание? <...> Ведутся ли такие работы? (обсуждение научной лекции М. С. Гельфанда «Геномы и эволюция», 2008).

Как видно, в научном диалоге ссылки на собственный «отрицательный» статус используется для очерчивания границ своей компетенции, для самооправдания и обоснования возможной ошибочности своих суждений или неправомерности вопроса и, таким образом, снимают ответственность говорящего за сообщаемое, заранее ориентируют адресата на снисходительное отношение к сообщению или вопросу говорящего, выполняют сигнально-предупредительную роль.

Из сказанного следует, что негативная самоидентификация отличается отсутствием дискредитирующего начала по отношению к говорящему. Другими словами, она

относится к негативной лишь формально и в аксиологическом плане имеет, скорее, нейтральный статус, не предполагает понижение статуса говорящего и не наносит урона его репутации.

4. Использование свернутой и развернутой самопрезентации

Самопрезентация в научном диалоге может носить более или менее развернутый характер. До сих пор в фокусе нашего внимания находилась самопрезентация, направленная на беглое подтверждение идентичности говорящего (самоидентификация). Однако в диалогической научной речи обнаруживаются и контексты с более подробной и демонстративной презентационной составляющей. Если первые используются не столько для представления и создания определенного образа говорящего, сколько для выполнения аргументативных функций (как основание для формулировки определенного тезиса или основание для отказа от такой формулировки), то вторые – на детальное представление субъекта речи окружающим, ср.:

Это было в Иерусалимском университете. Я узнал русский, который образованные русские не знают, крестьянский русский. Я читал документы. Например, довольно много времени я провел, читая решение судов старейшин, которые были часто безграмотными (обсуждение научного доклада Т. Шанина «О жизни и науке», 2009).

Как видно из приведенного фрагмента, подобные контексты обычно представляют собой автобиографические включения. В таких условиях доля презентационного компонента существенно возрастает, в связи с чем последний занимает центральное положение в сообщении, а управление впечатлением аудитории о говорящем выходит на первый план. В этом случае самопрезентация фактически превращается в самоцель.

В отличие от подобных личностно ориентированных вкраплений в собственно научных (профессиональных / деловых) контекстах роль самопрезентационной интенции менее значительна: *Я как профессор теоретической лингвистики хотела бы на нее взглянуть. Такой структуры нет* (обсуждение научной лекции Т. В. Черниговской «Как мы мыслим? Разноязычие и кибернетика мозга», 2009). Их основная задача, как указывалось ранее, обычно сводится к убеждению собеседника в сообщаемом и в присоединении к авторитету конкретного научного сообщества.

Ни демонстративная (развернутая), ни недемонстративная (свернутая) самопрезентация в письменных жанрах научной речи не встречаются: обе составляют специфику собственно диалогической научной коммуникации.

ВЫВОДЫ

Подытожим сказанное в нескольких положениях. Во-первых, устный научный диалог предоставляет широкие возможности для использования речевых актов самопрезентации. Во-вторых, речевые акты самопрезентации отличаются исключительной вариативностью (профессиональная и непрофессиональная, позитивная и негативная, а также свернутая и развернутая самопрезентация). Наконец, широкое разнообразие речевых актов самопрезентации обусловлено их статусом значимого коммуникативного феномена, призванного выполнять в научном диалоге важные прагматические задачи (самопредставления, формирования собственного образа и отношения к себе (мнения о себе), аргументации или уклонения от ответа).

Список литературы

1. Аксенова А. В. Стратегия самопрезентации как средство формирования имиджа в разных видах дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2013. – № 15. – С. 109–114.
2. Вершинина Е. Н. Коммуникативные тактики создания имиджа вуза (на материале газеты «Поиск») // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 159–164.
3. Дубских А. И. Средства реализации коммуникативной стратегии самопрезентации личности в массово-информационном дискурсе // Вестник Челябинского университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2008. – Вып. 26. – С. 50–54.
4. Дубских А. И. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в масс-медийном дискурсе (на материале «звездных» интервью): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2014. – 225 с.
5. Задворная Е. Г. Виды научной дискуссии и их прагматические характеристики // Стиль: международный научный журнал. – 2008. – № 8. – С. 213–224.
6. Задворная Е. Г. Эмоциональная оценка в научном диалоге // Профессионально ориентированное обучение межкультурной коммуникации: теория и практика: Сб. науч. ст. – Минск: МГЛУ, 2022. – С. 88–93.
7. Зеневич Н. В. Особенности реализации стратегии самопрезентации в научном дискурсе на английском и белорусском языках // Молодые ученые в инновационном поиске: Сб. науч. ст. по материалам VII Международной научной конференции (Минск, 30–31 мая 2018 г.). – Минск: МГЛУ, 2019. – Ч. 2. – С. 3–9.
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 284 с.
9. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 180 с.
10. Маслова Л. Н. Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2007. – 192 с.
11. Соловьева Н. В. Стратегии презентации коммуникантов в текстах научных дискуссий // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 29–37.
12. Сорокина Ю. В. Стратегия самопрезентации как элемент эффективного речевого воздействия в рамках педагогического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2014. – № 6 (335). – С. 89–92.
13. Черкасова И. С. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в русских и немецких объявлениях о знакомстве: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2006. – 252 с.
14. Черкасова И. С., Красавский Н. А. Самопрезентация личности в Интернете и печатных СМИ // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 189–202.
15. Шкуратова И. П. Самопредъявление личности в общении. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. – 192 с.

References

1. Aksenova A. V. *Strategija samoprezentacii kak sredstvo formirovanija imidzha v raznyh vidah diskursa* [Self-presentation strategy as a means of image formation in different types of discourse]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2013, no. 15, pp. 109–114.
2. Vershinina E. N. *Kommunikativnye taktiki sozdaniya imidzha vuza (na materiale gazety "Poisk")* [Communicative tactics of creating the university's image (based on the material of the newspaper «Poisk»)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 2015, no. 1, pp. 159–164.
3. Dubskih A. I. *Sredstva realizacii kommunikativnoj strategii samoprezentacii lichnosti v massovo-informacionnom diskurse* [Means of implementing a communicative strategy of self-presentation of a personality in mass information discourse]. *Vestnik Cheljabinskogo universiteta. Ser. Filologija. Iskustvovedenie*, 2008, no. 26, pp. 50–54.
4. Dubskih A. I. *Realizacija kommunikativnoj strategii samoprezentacii lichnosti v mass-medial'nom diskurse (na materiale «zvezdnyh» interv'ju): Dis. ... kand. filol. nauk* [Implementation of a communicative strategy

- of self-presentation of a personality in mass-media discourse (based on the material of “star” interviews). Thesis]. Cheljabinsk, 2014. 225 p.
5. Zadvornaja E. G. *Vidy nauchnoj diskussii i ih pragmaticheskie harakteristiki* [Types of scientific discussion and their pragmatic characteristics]. *Stil': mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal*, 2008, no. 8, pp. 213–224.
 6. Zadvornaja E. G. *Jemocional'naja ocenka v nauchnom dialoge* [Emotional assessment in scientific dialogue]. *Professional'no orientirovannoe obuchenie mezhkul'turnoj kommunikacii: teorija i praktika: theory and practice: sbornik nauchnyh statej*. Minsk, MGLU Publ., 2022, pp. 88–93.
 7. Zenevich N. V. *Osobennosti realizacii strategii samoprezentacii v nauchnom diskurse na anglijskom i belorusskom jazykah* [The specifics of the implementation of the strategy of self-presentation in scientific discourse in English and Belarusian]. *Molodye uchenye v innovacionnom poiske: sbornik nauchnyh statej* (Minsk, 30 – 31 maja 2018 goda). Minsk, MGLU Publ., 2019, pp. 3–9.
 8. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communication strategies and tactics of the Russian language]. Omsk, Omsk. Publ., 1999. 284 p.
 9. Lappo M. A. *Samoidentifikacija: semantika, pragmatika, jazykovye resursy* [Self-identification: semantics, pragmatics, language resources]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2013. 180 p.
 10. Maslova L. N. *Vyrazhenie soglasija / nesoglasija v ustnoj nauchnoj kommunikacii: gendernyj aspekt: Dis. ... kand. filol. nauk* [Expression of consent/disagreement in oral scientific communication: gender aspect. Thesis]. Moscow, 2007. 192 p.
 11. Solov'eva N. V. *Strategii prezentacii kommunikantov v tekstah nauchnyh diskussij* [Strategies for the presentation of communicants in the texts of scientific discussions]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2009, no. 1, pp. 29–37.
 12. Sorokina Ju. V. *Strategija samoprezentacii kak jelement jeffektivnogo rechevogo vozdejstvija v ramkah pedagogicheskogo diskursa* [The strategy of self-presentation as an element of effective speech influence in the framework of pedagogical discourse]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologija. Iskusstvovedenie*, 2014, no. 6, pp. 89–92.
 13. Cherkasova I. S. *Realizacija kommunikativnoj strategii samoprezentacii lichnosti v russkih i nemeckih objavljenijah o znakomstve: Dis. ... kand. filol. nauk* [Implementation of a communicative strategy of self-presentation of a personality in Russian and German dating ads. Thesis]. Volgograd, 2006. 252 p.
 14. Cherkasova I. S., Krasavskij N. A. *Samoprezentacija lichnosti v Internete i pechatnyh SMI* [Self-presentation of personality on the Internet and print media]. *Internet-kommunikacija kak novaja rechevaja formacija* [Internet communication as a new speech formation]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2012, pp. 189–202.
 15. Shkuratova I. P. *Samopredjavlenie lichnosti v obshhenii* [Self-expression of personality in communication]. Rostov-on-Don, YUFU Publ., 2009. 192 p.

SELF-PRESENTATION IN SCIENTIFIC DIALOGUE

Chalova O. N.

The focus of this work is on speech acts of self-presentation, functioning in oral scientific dialogue interpreted as public speech, characterized by a spontaneous, highly expressive, polemic, etc. character. The paper highlights and describes the types of self-presentation presented in oral scientific dialogue: I-self-presentation and we-self-presentation (differentiated on the basis of the criterion «the subject of self-presentation»), professional and non-professional self-presentation (differentiated on the basis of the parameter «degree of personalization»), expanded and non-expanded self-presentation (classified in terms of the completeness of self-expression), positive and negative self-presentation (classified in terms of the vector orientation of self-presentation). The pragmatic properties of speech acts of self-presentation have been described: argumentation (which is about justifying some statement), prevention (which is about avoiding responding), demonstration (presenting the speaker), etc. Finally, the conclusion about a great diversity of speech acts of self-presentation as well as about their different pragmatics in oral scientific dialogue has been made, which proves their highly important role in dialogical forms of scientific discourse.

Key words: scientific dialogue, self-presentation, identification, categorization, argumentation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бояркина Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Громова Екатерина Борисовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь, Россия

Егорова Людмила Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия

Ершов Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь, Россия

Жулева Альбина Сергеевна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии Наук (ИМЛИ РАН), г. Москва, Россия

Казарян Надежда Сергеевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Калугина Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель кафедры языка Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С.М. Будённого, г. Санкт-Петербург, Россия

Каменский Кирилл Владимирович – аспирант кафедры литературы ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»; ведущий техник отдела психологических, лингвистических экспертиз ФБУ Курская ЛСЭ Минюста России, г. Курск, Россия

Капустина Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи факультета русского языка и литературы ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Колпакова Светлана Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет», Казань, Россия

Мазина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Окутин Никита Юрьевич – аспирант, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Первых Диана Константиновна – кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Полховская Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Субботина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чабаненко Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чалова Оксана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Беларусь

Чиканова София Николаевна – магистр кафедры журналистики, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия

Шилина Анжела Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Юсупова Александра Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет», Казань, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПО ДОЛГУ И ПРАВУ ПАМЯТИ

Орехов В. В., Егорова Л. Г.

НАУКА И ЖИЗНЬ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ).....3

Первых Д. К.

ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ АЛЕКСАНДР ФЕДОРЧАК:

ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ.....12

Полховская Е. В., Мазина Е. Н.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ФИЛОЛОГА-КЛАССИКА

ЛЕОНИДА ВАСИЛЬЕВИЧА ПАВЛЕНКО.....27

2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Жулева А. С.

КОНЦЕПТ «РОДОВОЙ КОСТЕР» В ПОЭЗИИ НАРОДОВ СЕВЕРА.....35

Казарян Н. С.

КОМЕДИЯ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ХИЩНИКИ»

В КОНТЕКСТЕ ПЬЕС О ЧИНОВНИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....51

Каменский К. В.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ

ПОЭТИКИ В. ХЛЕБНИКОВА.....66

Капустина С. В.

КРЫМСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К «ЦВЕЙГОВСКОЙ ВЕРСИИ»

ИСЧЕЗНОВЕНИЯ РУКОПИСИ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ».....78

Колпакова С. Г., Юсупова А. Ю.

ПРОБЛЕМА НАВЯЗАННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОКУСЕ ИЗУЧЕНИЯ

СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....88

Окутин Н. Ю.

МИФОПОЭТИКА АРКАДИЯ И БОРИСА СТРУГАЦКИХ

КАК ФЕНОМЕН ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1970–1980-х гг.:

ГЕНЕЗИС И КОНТЕКСТ.....101

Орехов В. В.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:

ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.

ЧАСТЬ VIII. «МОНТАНЬЯР...» VS «АНЖ ПИТУ».....109

3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Бояркина Н. В.

«КРОВЬЮ БЫ СЛЕДОВАЛО ПИСАТЬ ЭТИ ЗАПИСКИ, НЕ ЧЕРНИЛАМИ»:
КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПЕТРА АЛАБИНА
ИЗ ОСАЖДЕННОГО СЕВАСТОПОЛЯ.....129

Громова Е. Б., Ершов Ю. М.

ТЕМАТИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА
В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ ЮГА РОССИИ.....143

Егорова Л. Г., Чиканова С. Н.

КУЛЬТУРА ПОДКАСТИНГА В РОССИИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....159

Шилина А. Г., Субботина О. А.

МАССМЕДИЙНЫЙ ОБРАЗ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА
В ФАСЦИНАТИВНЫХ КООРДИНАТАХ КОММУНИКАЦИИ И МАРКЕТИНГА
(К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА).....168

4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Калугина Т. В.

НЕЙМИНГ И РЕНЕЙМИНГ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
НА БАЗЕ ОНИМА «СУВОРОВ».....183

Чабаненко Т. С.

ПАРАДИГМА «СОБИРАТЕЛЬНЫХ» СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
С СУФФИКСАМИ -НИК-, -НЯК-.....192

Чалова О. Н.

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ.....202

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....211